

ISSN 2415-8739 (print)
ISSN 2500-1566 (online)

ИЗВЕСТИЯ

ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ИРКУТСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

**ИЗВЕСТИЯ
ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ**

2025. Т. 21. № 4

Издательство
Иркутского национального исследовательского технического университета
2025

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF RUSSIAN FEDERATION

IRKUTSK NATIONAL RESEARCH TECHNICAL UNIVERSITY

**REPORTS
of the LABORATORY
of ANCIENT TECHNOLOGIES**

2025. Vol. 21. No. 4

Publishing house
Irkutsk national research technical university
2025

ISSN 2415-8739 (print)

ISSN 2500-1566 (online)

ИЗВЕСТИЯ

ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

2025. Т. 21. № 4

Редакционная коллегия

Главный редактор – Новиков П.А., доктор исторических наук, профессор Иркутского национального исследовательского технического университета (Иркутск, Россия)

Зам. гл. редактора – Харинский А.В., доктор исторических наук, профессор Иркутского национального исследовательского технического университета (Иркутск, Россия)

Андерсон Д., PhD, профессор Абердинского университета (Абердин, Великобритания)

Базаров Б.В., академик РАН, директор Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ, Россия)

Вебер А.В., PhD, профессор Университета Альберта (Эдмонтон, Канада)

Ганин А.В., доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва, Россия)

Гебел Т., PhD, профессор Техасского сельскохозяйственно-технологического университета (Колледж Стэйшн, США)

Граф К., PhD, профессор Техасского сельскохозяйственно-технологического университета (Колледж Стэйшн, США)

Дацьышен В.Г., доктор исторических наук, профессор Сибирского федерального университета (Красноярск, Россия)

Зайкер Дж., PhD, профессор Университета штата Айдахо в Бойсе (Бойс, США)

Иванов А.А., доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия)

Като Х., PhD, профессор Университета Хоккайдо (Саппоро, Япония)

Константинов М.В., доктор исторических наук, профессор Забайкальского государственного университета (Чита, Россия)

Крадин Н.Н., академик РАН, директор Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (Владивосток, Россия)

Кузнецов С.И., доктор исторических наук, профессор Иркутского государственного университета (Иркутск, Россия)

Лозей Р., PhD, профессор Университета Альберта (Эдмонтон, Канада)

Наумов И.В., доктор исторических наук, профессор Иркутского национального исследовательского технического университета (Иркутск, Россия)

Номоконова Т.Ю., PhD, профессор начальной стадии Университета Саскатчеван (Саскатчеван, Канада)

Олейников А.В., доктор исторических наук, профессор Астраханского государственного технического университета (Астрахань, Россия); профессор Астраханского государственного университета (Астрахань, Россия)

Петрушин Ю.А., доктор исторических наук, профессор Иркутского государственного университета путей сообщения (Иркутск, Россия)

Пученков А.С., доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия)

Сирина А.А., доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН (Москва, Россия)

Смирнов Н.Н., доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия); заведующий отделом Санкт-Петербургского института истории РАН (Санкт-Петербург, Россия)

Тетенъкин А.В., доктор исторических наук, профессор Иркутского национального исследовательского технического университета (Иркутск, Россия)

Тишкин А.А., доктор исторических наук, профессор Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия)

Эрдэнэбаатар Д., PhD, профессор Национального университета Монголии (Улан-Батор, Монголия)

Сведения о журнале можно найти на сайте: <https://ildtistu.elpub.ru>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство ПИ № ФС77-62783 от 18 августа 2015 г.

Журнал основан в 2003 г.

Периодичность издания – 4 раза в год.

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Иркутский национальный исследовательский технический университет»

Подписной индекс в ООО «Урал-Пресс» – 41510

Адрес ООО «Урал-Пресс»: 620026, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Мамина-Сибиряка, 130

Журнал включен в Научную электронную библиотеку (eLIBRARY.RU) для создания Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Журнал включен в **Перечень ведущих научных журналов и изданий**, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Адрес учредителя и издателя: 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83.

Адрес редакции: 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, e-mail: ildt@yandex.ru

ISSN 2415-8739 (print)

ISSN 2500-1566 (online)

REPORTS

of the LABORATORY of ANCIENT TECHNOLOGIES

2025. Vol. 21. No. 4

Editorial board

Editor-in-Chief - Novikov P.A., Doctor of History, Professor of Irkutsk National Research Technical University (Irkutsk, Russia)

Deputy Editor-in-Chief - Kharinskii A.V., Doctor of History, Professor of Irkutsk National Research Technical University (Irkutsk, Russia)

Anderson D., PhD, Professor of University of Aberdeen (Aberdeen, UK)

Bazarov B.V., Academician of Russian Academy of Sciences, Chair of Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies (Ulan-Ude, Russia)

Weber A.W., PhD, Professor of University of Alberta (Edmonton, Canada)

Ganin A.V., Doctor of History, Leading Research Fellow of the Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Goebel T., PhD, Professor of Texas A&M University College Station (College Station, USA)

Graf K., PhD, Professor of Texas A&M University College Station (College Station, USA)

Datsyshen V.G., Doctor of History, Professor, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia)

Ziker J., PhD, Professor, Boise State University (Boise, USA)

Ivanov A.A., Doctor of History, Professor Saint Petersburg University (St. Petersburg, Russia)

Kato H., PhD, Professor of Hokkaido University (Sapporo, Japan)

Konstantinov M.V., Doctor of History, Professor, Transbaikalian State University (Chita, Russia)

Kradin N.N., Academician of Russian Academy of Sciences, Director of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russia)

Kuznetsov S.I., Doctor of History, Professor of Irkutsk State University (Irkutsk, Russia)

Losey R., PhD, Professor, University of Alberta (Edmonton, Canada)

Naumov I.V., Doctor of History, Professor of Irkutsk National Research Technical University (Irkutsk, Russia)

Nomokonova T.Yu., PhD, Assistant Professor, University of Saskatchewan (Saskatchewan, Canada)

Oleinikov A.V., Doctor of History, Professor of Astrakhan State Technical University (Astrakhan, Russia); Professor of Astrakhan State University (Astrakhan, Russia)

Petrushin Yu.A., Doctor of History, Professor of Irkutsk State Transport University (Irkutsk, Russia)

Puchenkov A.S., Doctor of History, Professor of St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)

Sirina A.A., Doctor of History, Leading Research Fellow of the Institute of Anthropology and Ethnography, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Smirnov N.N., Doctor of History, Professor of St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia); Head of Department of St. Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia)

Teten'kin A.V., Doctor of History, Professor of Irkutsk National Research Technical University (Irkutsk, Russia)

Tishkin A.A., Doctor of History, Professor of Altai State University (Barnaul, Russia)

Erdenebaator D., PhD, Professor, National University of Mongolia (Ulaanbaatar, Mongolia)

Reference to website: <https://ildtistu.elpub.ru>

The journal is registered with the Federal Agency for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media (Roskomnadzor).

Certificate ПИ № ФС77-62783 on 18 August 2015

The Journal was founded in 2003

Frequency of publication - 4 times a year.

Founder: Federal State Budget Educational Institution of Higher Education "Irkutsk National Research Technical University"

The subscription code in Ural-Press LLC: 41510

The postal address of Ural-Press LLC: 130, Mamin-Sibiryak St., Yekaterinburg 620026, Russia

The journal is included in the Scientific Electronic Library (eLIBRARY.RU) for the creation of the Russian Science Citation Index (RISC)

The journal is included in the List of peer-reviewed scientific publications which aims to publish the basic scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Sciences, for the degree of Doctor of Science of the Higher Attestation Commission (HAC)

Address of the Founder and Publisher: 83, Lermontov St., Irkutsk 664074.

Address of the Editorial Board: 83, Lermontov St., Irkutsk 664074, e-mail: ildt@yandex.ru

ИЗВЕСТИЯ ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

2025. Т. 21. № 4

СОДЕРЖАНИЕ

АРХЕОЛОГИЯ

Тетенькин А.В. Стоянка Коврижка IV на р. Витим (Байкало-Патомское нагорье): культурный горизонт 3/1 – новые данные	8
Песков С.А. Изделия из металла Усть-Илгинского могильника (типология, характеристика, хронология)	23

ЭТНОЛОГИЯ

Болхосоев С.Б. К вопросу о символике божества-прародителя булагатов Буха-нойона и семантике имени его супруги Будан-хатан	36
Петров Д.М. Наследие «Северной Скифии»: образы рогатых и клювоголовых лошадей в традиционной культуре вилюйских якутов	47

ИСТОРИЯ

Багрин Е.А., Громов А.В., Трухин В.И. Артиллерия Нерчинского уезда 1658–1710 гг. (3 часть)	58
Дыня А.А. Зарождение военно-морских формирований в речных бассейнах Востока России XVII – нач. XX в. (краткая справка)	70
Евдокимов Д.М. Проблема противостояния общества и государства в исследованиях И.И. Попова	81
Стельмак М.М. «Налетевший ураган смял, временно пригнул к земле силы демократии...»: антивоенная деятельность и взгляды В.С. Войтинского в сибирской ссылке (1914–1917 гг.)	90
Олейников А.В. О некоторых успешных аспектах действий русской радиоразведки в Первой мировой войне	103
Новиков П.А. «Масштабы прагматизма»: Военно-кадровая и коммеморационная политика большевиков (на примере Феодосия Лаврова – командира интернационального отряда 1918 г.)	117
Суверов Е.В. Тюремная система советского Дальнего Востока в 30-е годы XX в.	126
Чернышева Н.В. К вопросу об изучении населения и территорий, присоединенных к РСФСР после окончания Второй мировой войны	137
Ануфриев А.В., Белков И.Д., Козлов Д.В. Теоретические подходы к проблеме трансформации исторической памяти об участии бывших военнопленных в Гражданской войне в Прибайкалье (на примере памятников и мемориалов)	147
Чирикова М.В. Сохранение историко-архитектурного наследия на примере Московских триумфальных ворот в Иркутске	157

На обложке представлена фотография бронзовой бляшки с зооморфным изображением.
Могильник Байкальское 27, комплекс 2, железный век. Раскопки А.В. Харинского. Фото А.Б. Данилова

REPORTS of the LABORATORY of ANCIENT TECHNOLOGIES

2025. Vol. 21. No. 4

CONTENTS

ARCHAEOLOGY

Tetenkin A.V. Kovrzhka IV site on the Vitim River (Baikal-Patom Upland): cultural horizon 3/1 – new data.....	8
Peskov S.A. Metal products from Ust-Ilginsky burial ground (typology, characteristics, chronology).....	23

ETHNOLOGY

Bolkhsoev S.B. On the question of the symbolism of the Deity-Progenitor of the Bulagats Bukha-Noyon and the semantics of the name of his wife Budan-Khatan.....	36
Petrov D.M. The Heritage of “Northern Scythia”: Images of horned and beak-headed horses in the traditional culture of the Vilyuy Sakha	47

HISTORY

Bagrin EA., Gromov A.V., Trukhin V.I. Artillery of Nerchinsk district 1658-1710 (Part 3)	58
Dyna A.A. The emergence of naval formations in the river basins of Eastern Russia XVII - the beginning XX century (brief reference)	70
Evdokimov D.M. The problem of confrontation between society and the state in I.I. Popov's research	81
Stelmak M.M. “The hurricane that swept over us crushed and temporarily bent the forces of democracy to the ground...”: V.S. Voitinsky's anti-war activities and views in Siberian exile (1914–1917)	90
Oleynikov A.V. On some successful aspects of Russian radio intelligence operations in World War I	103
Novikov P.A. “The Scale of Pragmatism”: The military personnel and commemorative policy of the Bolsheviks (Based on the Example of Feodosy Lavrov, Commander of the 1918 International Detachment)	117
Suverov E.V. The prison system of the Soviet Far East in the 1930s	126
Chernysheva N.V. On the issue of studying the population and territories annexed to the RSFSR after the end of World War II	137
Anufriev A.V., Belkov I.D., Kozlov D.V. Theoretical approaches to the problem of the transformation of historical memory about the participation of former prisoners of war in the Civil War in the Baikal Region (based on the monuments' and memorials' case)	147
Chirikova M.V. Preserving historical and architectural heritage (an example of the Moscow Triumphal Gate in Irkutsk).....	157

*The cover presents zoomorphic bronze plate from necropolis Baikalskoe 27, grave 2. Iron Age.
Excavations by A.V. Kharinskii. Photo by A.B. Danilov*

ИЗВЕСТИЯ ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

2025. Т. 21. № 4

Уважаемые читатели!

Предлагаем вашему вниманию выпуск научного журнала
«Известия Лаборатории древних технологий».

Ежеквартальный журнал продолжает серию ежегодных изданий. Тематика выпусков охватывает различные аспекты археологических, этнологических и исторических исследований Северной, Центральной и Восточной Азии. Кроме того, в журнале публикуются материалы, касающиеся взаимоотношений населения Северо-Восточной Азии с представителями других частей Евразии и Североамериканского континента с древнейших времен до современности.

Приоритетными для издания являются статьи фундаментального характера, затрагивающие современные проблемы теории и методологии исторической науки и культурной (социальной) антропологии, учитывающие новейшие сведения естественных наук. Приветствуются рукописи с четкой и убедительной логикой изложения исследовательского материала с указанием его значения для современного научного контекста, аргументированными обобщениями и развернутыми выводами. Авторам рекомендуется учитывать и указывать сведения новейших публикаций, характеризующих общий уровень осмысливания конкретных сюжетов.

Журнал «Известия Лаборатории древних технологий» проводит рецензирование научных материалов и принимает к публикации статьи, короткие сообщения и обзоры по следующим направлениям:

- история,
- археология,
- этнология,
- персоналия (мемориальные заметки о коллегах).

Издание реферируется и рецензируется.

Приглашаем вас к активному творческому сотрудничеству.

Редколлегия

REPORTS of the LABORATORY of ANCIENT TECHNOLOGIES

2025. Vol. 21. No. 4

Dear Readers!

We would like to bring to your attention the installment of the scholarly journal the
«Reports of the Laboratory of Ancient Technologies».

The quarterly magazine continues and develops a series of annual publications. The subjects of the issues cover various aspects of archaeological, ethnological and historical research. The articles are mostly devoted to the past of North, Central and East Asia. In addition to data from these regions, we try to publish materials on the interaction of Northeast Asian residents with the population of other parts of Eurasia and the North American continent, both in antiquity and in modern times.

Priority interest for the Journal is represented by articles of a fundamental nature that concern on modern problems of the theory and methodology of historical science and cultural (social) anthropology, and also takes into account the latest information of the natural sciences. The manuscripts are welcome with a clear and convincing logic for the presentation of the research material and an indication of its significance for the modern scientific context, with well-reasoned generalizations and detailed conclusions. Authors are advised to take into account and indicate the information of the latest publications characterizing the general level of comprehension of specific plots.

The Journal «Reports of the Laboratory of Ancient Technologies» reviews and publishes original materials and papers, short reports, reviews on the issues of:

- History,
- Archaeology,
- Ethnology,
- Personnel (memorial notes about colleagues).

Journal is peer-reviewed.

You are welcome for active and creative collaboration.

Editorial Board

Научная статья
УДК 902(571.5)
EDN: AHFTJI
DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2025-4-8-22>

Стоянка Коврижка IV на р. Витим (Байкало-Патомское нагорье): культурный горизонт 3/1 – новые данные

А.В. Тетенькин

Иркутский национальный исследовательский технический университет, Иркутск, Россия

Аннотация. В археологии Нижнего Витима новейший этап исследований в значительной степени связан с открытыми в 2007–2015 гг. на местонахождении Коврижка IV 2Б–6 (нижними) культурными горизонтами, принадлежащими к ранней стадии позднего верхнего палеолита (ПВП), датированными в интервале 19–18 тыс. кал. л. н. Раскопаны остатки жилищ в 6, 3Б, 3/2 и 2Г культурных горизонтах, приочажный хозяйственный комплекс в 2Б культурном горизонте. Они открыли перспективу характеристики культуры древнего населения как адаптивного комплекса, успешного в деле существования людей в тундро-степной криоаридной обстановке второй половины Последнего ледникового максимума. Основные корреляционные связи установлены со студеновской культурой Забайкалья и дюктайской культурой Якутии. В статье представлены новые материалы культурного горизонта 3/1, полученные на стратифицированном участке незатронутого склоновой эрозией скопления артефактов с тафономически благополучной историей сохранности. Они впервые характеризуют этот культурно-содержащий горизонт, внося вклад также и в совокупную характеристику культуры ранней стадии позднего верхнего палеолита Нижнего Витима. Календарный возраст культурного горизонта 3/1 определен в интервале 18,5–18,3 тыс. л. н. Сохранившийся участок культурного горизонта 3/1 выявлен на площади 12 кв. м. в северном углу раскопа 2019–2025 гг. Он разбит криогенной трещиной. В слое встречено бессистемное залегание 8 камней разных размеров. Выявлены пятна охры. Коллекция артефактов состоит из 644 единиц. Типологически культурный горизонт 3/1 представлен характерными для нижних (2Б–6) культурных горизонтов клиновидными нуклеусами, скребками, долотовидными орудиями. В список коррелируемых с 3/1 к. г. ассамбляжей позднего верхнего палеолита соседних регионов по таким признакам, как высокие клиновидные нуклеусы с площадкой, оформленной с латерали, скребки из отщепов, долотовидные изделия, добавлены 2 и 3 к. г. Красного Яра I (Ангара).

Ключевые слова: поздний верхний палеолит, Последний ледниковый максимум, Витим, Байкало-Патомское нагорье, Коврижка IV, адаптация, каменное производство, микропластинчатое расщепление, охра, студеновская культура, дюктайская культура

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда «Адаптация населения позднего верхнего палеолита Северного Прибайкалья к условиям окончания Последнего Ледникового Максимума: комплексное изучение стояночных структур Байкало-Патомского нагорья» № 24-28-00028, <https://rscf.ru/project/24-28-00028/>.

Для цитирования: Тетенькин А.В. Стоянка Коврижка IV на р. Витим (Байкало-Патомское нагорье): культурный горизонт 3/1 – новые данные // Известия Лаборатории древних технологий. 2025. Т. 21. № 4. С. 8–22. DOI: 10.21285/2415-8739-2025-4-8-22. EDN: AHFTJI.

Archaeology

Original article

Kovrzhka IV site on the Vitim River (Baikal-Patom Upland): cultural horizon 3/1 – new data

Aleksei V. Tetenkin

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia

Abstract. In the archaeology of Lower Vitim, the latest stage of research is largely associated with the cultural horizons discovered in 2007–2015 on the Kovrzhka IV site. These horizons belong to the early stage of the Late Upper Paleolithic (LUP), dating to between 19,000 and 18,000 cal BP. Remains of dwellings were excavated in cultural horizons 6, 3B, 3/2, and 2G, as well as a hearth-side living structure in cultural horizon 2B. These findings have opened the opportunity to characterize the culture of an ancient population as an adaptive system that successfully subsisted in the tundra-steppe cryo-arid environment of the second half of the Last Glacial Maximum. Key correlations have been established with the Studenoe culture of Transbaikalia and the Dyuktai culture of Yakutia. This article presents new materials from cultural horizon 3/1, obtained in a stratified area unaffected by slope erosion of a cluster of cultural artifacts with a taphonomically favorable preservation history. They characterize this cultural horizon for the first time, also contributing to the overall characterization of the culture of the early stage of the Lower Vitim LUP. The calendar age of cultural horizon 3/1 is estimated at 18.5–18.3 ka cal. BP. The preserved section of cultural horizon 3/1 was identified over an area of 12 square meters in the northern corner of the 2019–2025 excavation area. It is damaged by a cryogenic crack. The layer contains a random occurrence of 8 stones of various sizes. Ocher stains were identified. The artifact collection consists of 644 items. Typologically, cultural horizon 3/1 is represented by wedge-shaped cores, end-scrapers, and chisel-shaped tools characteristic of the lower (2B-6) cultural horizons. The list of Late Upper Paleolithic assemblages from neighboring regions correlated with cultural horizon 3/1 based on features such as tall wedge-shaped cores with a laterally formed platform, scrapers made of flakes, and chisel-shaped pièce esquillée tools has been supplemented by cultural horizons 2 and 3 of Krasny Yar I site (Angara Region).

Keywords: Late Upper Paleolithic, Last Glacial Maximum, Vitim Valley, Baikal-Patom Plateau, Kovrzhka IV, adaptation, lithic production, microblade knapping, ocher, Studenoe culture, Dyuktai culture

Acknowledgements. This research was supported by grant No. 24-28-00028 “Adaptation of the population of the Late Upper Paleolithic of the Northern Baikal region to the environment of the end of the Last Glacial Maximum: a comprehensive study of the site structures of the Baikal-Patom Highlands” from the Russian Science Foundation, <https://rscf.ru/project/24-28-00028/>.

For citation: Tetenkin A.V. (2025) Kovrzhka IV site on the Vitim River (Baikal-Patom Upland): cultural horizon 3/1 – new data. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 21. No. 4. P. 8-22. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2025-4-8-22. EDN: AHFTJI.

Введение

Новым этапом в развитии археологии каменного века Нижнего Витима стало открытие в 2007–2015 гг. на местонахождении Коврижка IV комплексов культурных остатков ранней стадии позднего верхнего палеолита (ПВП), датированных в интервале 19–18 тыс. кал. л. н. (Тetenъкин, 2022¹; Tetenkin, 2025). Планомерные раскопки стояночных структур (жилищ, приочажных скоплений) в 6, 2Б, 2Г, 3/2 и 3Б культурных горизонтах (к. г.) позволили впервые для своего региона охарактеризовать культуру населения в аспектах жизнеобеспечения пищевыми и минеральными ресурсами, строительства жилищ и очагов, каменного производства и орудийной деятельности, использования охры, знаково-символической деятельности. На фоне общей панорамы поздневерхнепалеолитических памятников Северо-Восточной Азии корреляционные отношения с палеолитическими памятниками соседних регионов были найдены в студеновской культуре южного Забайкалья и, по такому руководящему признаку как бифасы, в дюктайской культуре Якутии (Абрамо-

ва, 1979; Аксенов, 1980; Аксенов, 2009; Акимова, Новосельцева, Стасюк, 2021; Бердникова, Бердников и др., 2021; Деревянко, Волков, Хонджон Ли, 1998; Диков, 1993; Кононенко, 2005; Константинов, 1994; Medvedev, 1998; Медведев, Слагода и др., 2001; Мороз, 2014; Мочанов, 1977; Мочанов, 2007; Mochanov, Fedoseeva, 1996; Понкратова, 2022²; Разгильдеева, 2018; Ташак, 2005).

Продолжающиеся работы на самой Коврижке IV являются причиной публикации, ввода в научный оборот и осмыслиения новых научных материалов. Они вносят вклад в общие представления о культуре населения, сформировавшего нижние культурные горизонты этого памятника. В 2020–2025 гг. осуществлен цикл работ на новой площади на западном участке местонахождения. Последовательно раскопаны скопления культурных остатков в 1, 2, 3/1, 3/2, 3Б и 6 к. г., часть из них опубликована (Tetenъкин, 2022³; Tetenkin, 2025). В настоящей статье приведены новые материалы культурного горизонта

¹ Тetenъкин А.В. Средний верхний палеолит – мезолит Северного Прибайкалья : дис. ... д-ра ист. наук. Барнаул, 2022. 1052 с. EDN: TSIQGF.

² Понкратова И.Ю. Каменный век полуострова Камчатка : дис. ... д-ра ист. наук. Магадан, 2022. 495 с. EDN: KZRLCZ.
³ Тetenъкин А.В. Средний верхний палеолит – мезолит Северного Прибайкалья : дис. ... д-ра ист. наук. Барнаул, 2022. 1052 с. EDN: TSIQGF.

3/1, полученные на стратифицированном участке незатронутого склоновой эрозией скопления артефактов с тафономически благополучной историей сохранности. Они впервые характеризуют этот культуросодержащий горизонт, внося вклад и в совокупную характеристику культуры ранней стадии ПВП Нижнего Витима, задача построения которой формулируется как основная научная проблема. Соответственно, и цель данной статьи определена как разработка проблемы ПВП Нижнего Витима за счет внесения новых представлений о новом комплексе культурных остатков.

Итоги и перспективы изучения нижних культурных горизонтов Коврижки IV

Артефакты, залегающие в пойменной фации аллювия, были зафиксированы еще в день открытия Коврижки IV 11 августа 2004 года. Но в полной мере перспективы этих культурных горизонтов стали понятны с открытием в 2014 году первого жилища в 6 культурном горизонте и с получением AMS-дат по нему в 2015–2016 гг. временем 19,1–18,6 тыс. кал. л. н. Раскопанный комплекс остатков жилища показал инситный характер залегания археологических материалов в пойменных отложениях, открыл перспективы изучения пространственных форм жизнедеятельности древних людей и технических традиций каменного производства. Феноменом нового, открытого комплекса было широкое использование обитателями охры, наличие искусства и знаково-символической деятельности (Тetenъкин, 2022⁴; Tetenkin, 2025). Полученное возрастное определение поставило 6-й культурный горизонт в исключительное положение древнейшего четко стратифицированного археологического комплекса во всей долине Витима и единственного для всего бассейна реки представителя времени раннего этапа позднего верхнего палеолита (РПВП) – конца Последнего ледникового максимума (ПЛМ).

В 2015–2017 гг. был открыт и раскопан приочажный комплекс культурных остатков 2Б горизонта. Он оказался самым молодым из изученных нижних культурных горизонтов. Две AMS-даты по углам из культурных горизонтов 6 и 2Б, сделанных в одной

лаборатории (LTL - AMS and radiocarbon dating facility, University of Lecce, Italy), показали разницу в возрасте около 400–500 лет. Этот новый комплекс открыл перспективу выявления вариабельности каменных ассамбляжей – деятельностных ситуаций обитания. На материалах производства микропластинчатых клиновидных нуклеусов в к. г. 6 и 2Б реконструирована и выделена «коврижкинская» техника подготовки микронуклеуса. При этом установлено и присутствие в меньшинстве техники юбецу (Morlan, 1976; Nakazawa, Izuho et al., 2005; Тetenъкин, 2022⁵; Tetenkin, 2025). Во 2Б и в следующем за ним 2Г культурных горизонтах открыт феномен окрашивания охрой площадки в самом начале обитания.

Последующие раскопки 2017–2024 гг. привели к открытию остатков жилищ в 2Г, 3/2 и 3Б культурных горизонтах. Суммарно они дали уникальные материалы к характеристике сооружения жилищ и очагов. Согласно реконструируемому сценарию обитания людей их поселение начиналось как жизнедеятельность у очага на открытой площадке. Затем очаг был оборудован камнями, и над ним сооружено жилище.

Несмотря на плохую сохранность кости, удалось получить ряд фаунистических определений, сделанных А.М. Клементьевым (ИЗК СО РАН) по зубам (сохранившимся лучше, благодаря эмали) и проведенных С.В. Шнайдер (ИАЭТ СО РАН) Zoo-MS исследований. Основным, доминирующим в определениях и, следовательно, в охотничьем профиле видом, был снежный баран. По характеру выроста и износа его зубов сделаны зимние определения для 6 и 2Б к. г. и весенние для 3Б к. г.

Предпринятое А. Анри (Университет Лазурного берега, Франция) антракологическое исследование 6, 2Б, 3/2 к. г. показало преобладание в углях ивы (более 90 %) и определило характер ландшафта как тундро-степной (Анри, Безрукова и др., 2018).

Важную роль в изучении артефактов играют предпринятые трасологические исследования, проводившиеся Ж. Жакье (Университет г. Ренн, Франция), Э. Говри-Ру (Университет Лазурного берега, Франция), Г.Н. Поплевко (ИИМК СО РАН), П.В. Морозом (ЗабГУ). В числе значимых результатов стали открытые Э. Говри-Ру на микропластинах травматические следы, указывающие на использо-

⁴ Тetenъкин А.В. Средний верхний палеолит – мезолит Северного Прибайкалья : дис. ... д-ра ист. наук. Барнаул, 2022. 1052 с. EDN: TSIORG.

⁵ Там же.

вание сегментов микропластин как вкладышей охотничьего оружия (Gauvrit Roux, Teten'kin, Henry, 2021), определение орудийных функций у различных сколов, не имеющих выраженной орудийной подготовленной формы, что определено как ситуативно-оппортунистическое (от англ. *opportunity* – возможность) взаимоотношение в производственной и орудийной сферах деятельности.

Каменное производство в целом охарактеризовано как имеющее аккумулятивный характер воспроизведения технических традиций: а) параллельного и ситуативного расщепления галечных нуклеусов с целью получения отщепа; б) фасиальной обработки бифасов и унифасов; в) производства грубопризматических пластин длиной до 5 см; г) производства макропластин длиной до 12 см и д) производства микропластин отжимом с клиновидных нуклеусов. Если нуклеусы коврижкиной техники подготовки и техники юбецу являются инновациями для раннего этапа ПВП Нижнего Витима, то техники расщепления и получения макропластин и грубопризматических (мезо-) пластин восходят к начальному и среднему этапам ВП (Tetenkin, 2025). Отмечается проявляемая в общем облике ассамбляжей «нормальность» технико-типологической позиции нижних культурных горизонтов Коврижки IV на общем фоне ПВП индустрий Восточной Сибири. Тем не менее особое место в корреляциях занимают дюктайская и студеновская культуры. Дюктайская культура соседней Якутии выступила в роли основного коррелята для раскапывавшегося ранее хронологически более позднего памятника – стоянка Большой Якорь I (Инешин, Тетенькин, 2010). Его нижние культурные горизонты 9–3А к. г., датируемые около 15–13,5 тыс. кал. л. н., были соотнесены с дюктайской культурой по бифасиальному признаку. На этом же – бифасиальном – основании с дюктайской культурой коррелируемы и 6–2Б к. г. Коврижки IV. Студеновская же культура Южного Забайкалья обнаруживает сходства, практически, во всех выделяемых в характеристике каменного производства Коврижки IV позициях, кроме бифасов и техники юбецу (Константинов, 1994; Константинов, 2013; Константинов, Васильев и др., 2018; Goebel, Waters et al., 2000; Buvit, Terry et al., 2016). Кроме того, важную роль играет наличие жилищ с каменной обкладкой основания чума (Константинов, 2001; Разгильдеева, 2012; Разгильдеева, 2018). Важно и то, что исток Витима находится в Забайкалье. Долина его рассматривает

ается как природный коридор для миграции людей, трансляции вещей и технологий.

Что касается диахронного поиска культурных комплексов на Нижнем Витиме более ранних и более поздних по отношению к РПВП комплексам Коврижки IV, ранняя позиция занята местонахождением Мамакан VI, а позднее по отношению к Коврижке IV время представлено Авдеихой, Большим Якорем I, Коврижкой III, Ниряканом, Инвалидным III – пунктом 4 (Тетенькин, 2022)⁶.

Мамакан VI продемонстрировал техническую традицию производства крупных и средних пластин, отщепов, микропластин отжимом с торцовых микронуклеусов на реберчатой основе с низким фронтом высотой до 1,5 см (Тетенькин, 2014). В орудийном наборе – срединные-трансверсальные резцы, скребки. Возраст этого комплекса оценивается в интервале 22–20 тыс. кал. л. н. Этот ассамбляж имеет более архаичный облик, чем каменная индустрия 6–2Б к. г. Коврижки IV, выражаемый в более примитивных микронуклеусах, и технически и морфотипологически ограниченном наборе артефактов.

Что касается комплексов, последующих за РПВП Коврижки IV, то в них легко обнаруживается преемственность как в коврижкиной технике микронуклеуса (Авдеиха, Коврижка III), так и в технике юбецу (Большой Якорь I) (Тетенькин, 2022⁷; Tetenkin, 2025). Интересно, что в ассамбляжах позднего этапа ПВП обе эти техники вместе в одной ситуации не встречены, что породило проблему культурной вариабельности в лице существования линий развития ассамбляжей «типа Авдеихи» и «типа Большого Якоря» (Тетенькин, 2011). Обнаружение в одних контекстах 2Б, 3Б, 4 и 5 к. г. Коврижки IV обеих техник как будто бы решает эту проблему в пользу версии функциональной причины выбора людьми между коврижкиной техникой и юбецу. Взятые вместе в рассмотрение материалы, предшествующие и следующие за временем нижних горизонтов Коврижки IV, демонстрируют отсутствие преемственности от культуры Мамакана VI к Коврижке IV и, напротив, преемственность от Коврижки IV к Авдеихе, Большому Якорю I и Инвалидному III.

⁶ Тетенькин А.В. Средний верхний палеолит – мезолит Северного Прибайкалья : дис. ... д-ра ист. наук. Барнаул, 2022. 1052 с. EDN: TSIOGF.

⁷ Там же.

Дальнейшие перспективы изучения РПВП Нижнего Витима на стоянке Коврижка IV представляются как решение следующих задач.

1. Комплексная характеристика культуры древнего населения как стабильного культурного набора или габитуса, успешного в деле адаптации и существования в условиях ПЛМ⁸.

2. Расширение круга корреляционных поисков, прежде всего, тематически ориентированных на проблему трансляции на Нижний Витим технологии производства микропластин.

3. Расширение планиграфических исследований в направлении поиска новых стоячих структур.

4. Продолжение разработки темы вариабельности эпизодов обитания на стоянке, факторами для которой являлись сезон, продолжительность обитания, виды деятельности, доступность и наличие ресурсов.

Предлагаемые ниже материалы культурного горизонта 3/1 вносят вклад и в характеристику вариабельности деятельностных ситуаций, и в общий облик культуры каменного производства РПВП – Коврижки IV.

Общие сведения о местонахождении Коврижка IV

Коврижка IV была открыта автором в 2004 г. и выделена в самостоятельный пункт в 2007 г. Она расположена на 11-метровой террасе на правом берегу р. Витим (N 57°48'40,66", E 113°56'53,83")

⁸ «Выходя в своих интерпретациях Большого Якоря I, Коврижки IV и других стоянок Нижнего Витима на уровень описания культурных механизмов, мы формулировали действие их в рамках принципа адаптивной вариабельности: в зависимости от случая-ситуации задействованы могут быть те или иные приёмы из имеющегося в культурной памяти арсенала технических решений (Инешин, Тетенькин, 2000; Инешин, Тетенькин, 2010). Эта идея созвучна концепции габитуса П. Бурдье: автор имеет свободу выбора в рамках игры по твёрдым правилам – в рамках габитуса, в котором он родился и вырос (Бурдье 1994. С. 98). В целом, в нашем понимании, габитус – это устойчивый набор приёмов, технологий, способов решения задач (в общем случае имеющих характер традиций), каждый из которых может быть востребован в конкретной ситуации. То есть в любой практической ситуации акторы, с одной стороны, ограничены рамками существующих в культуре способов поведения, а с другой стороны, свободны в выборе из наличного «арсенала» наиболее адекватного решения текущей задачи» (Тетенькин, Уланов, 2023).

(рис. 1). Терраса имеет цокольное основание в виде куэстовой гряды моноклинального залегания амфибол-гнейсов и пигматитов. На гребне этой гряды и находится поселение. Общее описание стратиграфии приведено по: (Тетенькин, Аржанников и др., 2025).

Общая мощность пройденных рыхлых отложений более 3,1 м (сверху вниз) (рис. 2):

1. Пачка субаэральных склоновых оранжево-желтых и светло-зеленых супесей мощностью до 0,5 м. Содержит в средней части расташенную по гребенку почву, 13148 cal BP (Poz-106967), 13282 cal BP (Poz-106963). Ниже ее залегает 2 к. г. (финальный палеолит), выше – 1 к. г. (ранний неолит).

2. Кровля аллювия представлена солифлюкционной паводковой песчаной прослойкой мощностью до 0,2 м, эродировавшей нижележащие отложения пойменной фации.

3. Верхняя пачка пойменных аллювиальных отложений – ритмичнослоистых светло-серых песков и темно-серых алевритов, наложенная на береговой размыв предыдущей такой же пачки, содержит 3/2, 3/1, 2Д, 2Г, 2В, 2Б, 2А, 2/1 культурные горизонты (поздний палеолит). Получены даты по 3/2 к. г. – 18560±174 cal BP (Poz-106965), по 2Д к. г. – 18604±160 cal BP (Poz-106968), по 2Г к. г. – 18623±118 cal BP (Poz-111232), 18589±95 cal BP (Poz-111356), 34972±401 cal BP (Poz-106961) и 35162±402 cal BP (Poz-106960), по 2Б к. г. – 18159±115 л.н. cal BP (Poz-106023), 18585±112 cal BP (LTL-16563A), 18722±83 cal BP (Poz-106962).

4. Ритмичнослоистые светло- и темно-серые пойменные пески и алевриты – нижняя пачка пойменных аллювиальных отложений. Часть пачки на прибрежном участке уничтожена паводковой береговой эрозией. В верхней части содержит 7, 6, 5, 4, 3Б, 3А культурные горизонты. По 6 к. г. получены даты – 17988±75 cal BP (UGAMS-27448), 18813±105 cal BP (Ua-50437), 19006±123 cal BP (LTL-16562A), 19000±84 cal BP (Beta-453119), по 3Б к. г. получена даты 18782±157 cal BP (Poz-131812), 18842±93 cal BP (Poz-131810) (поздний палеолит). Общая мощность – до 1,50 м.

5. Пачка песчано-гравийно-галечных плохо сортированных отложений мощностью до 0,70 м и более. Из верхней части получена OSL-дата 39400±4100 л. н. (Riso-208499). На ряде участков цоколь выявлен на глубине 0,9–1,2 м.

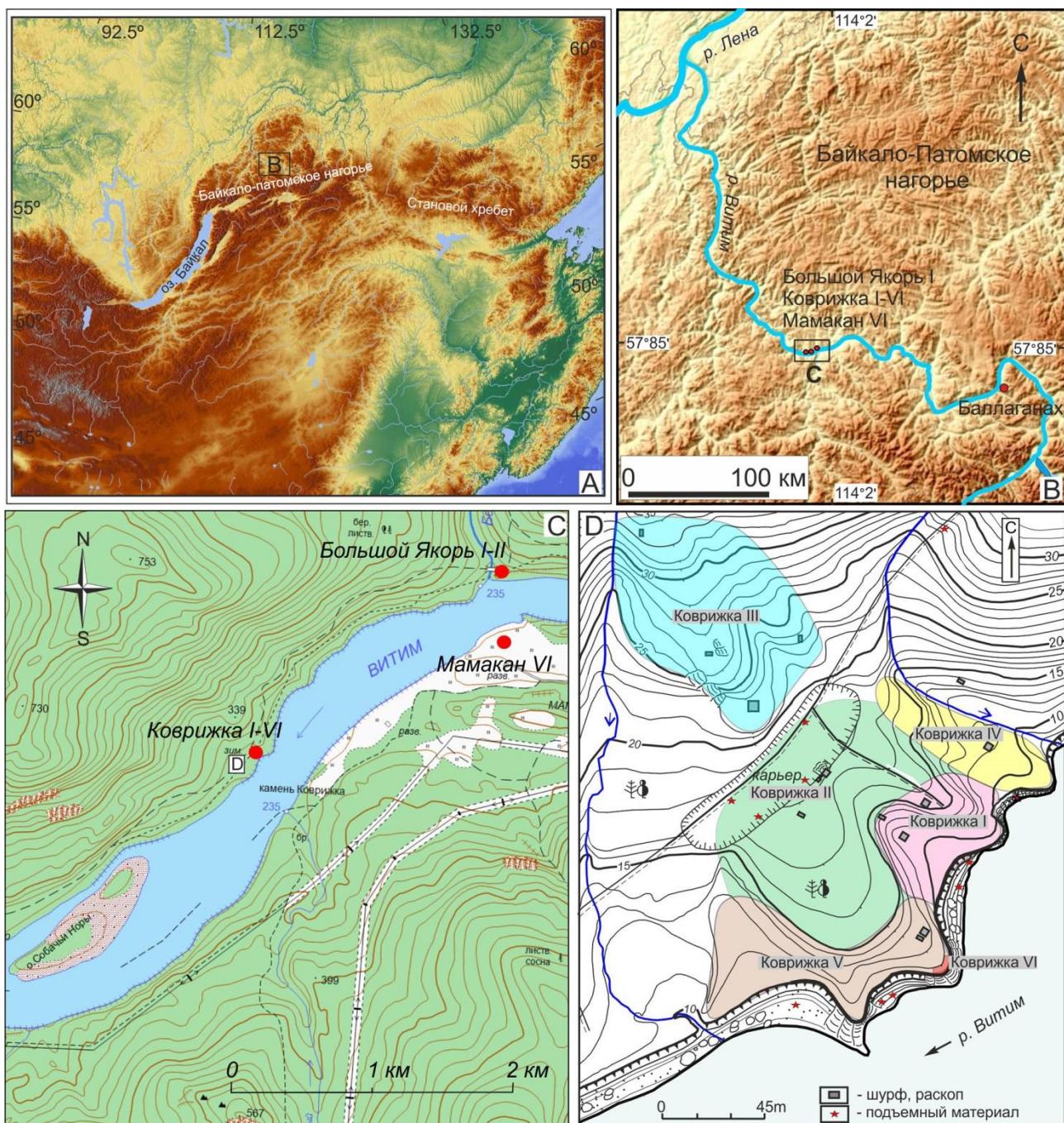

Рис. 1. Карты местоположения Байкало-Патомского нагорья (А), Мамаканского геоархеологического района (В), ансамбля археологических местонахождений Коврижка I-VI (С), топоплан (Д)

Fig. 1. Maps of the location of the Baikal-Patom plateau (A), Mamakan Geoarchaeological Region (B), the ensemble of archaeological sites Kovrizhka I-VI (C), topographic plan (D)

Зафиксированы перерывы осадконакопления между 39 и 19 тыс. л. н. и между 18 и 13,5 тыс. л. н.

Стратиграфия, тафономия, датировка и планиграфия культурного горизонта 3/1

Раскопанный комплекс культурных остатков к. г. 3/1 находится в верхней части пачки 3 (рис. 2С). Он имеет сложную стратиграфическую и тафономиче-

скую ситуацию. Культурные остатки залегают в кровле пачки аллювиальных пойменных отложений, частично эродированных паводком и субаэральными склоновыми процессами (литологический слой 4). Они частично компрессированы с выше- и нижележащими культурными горизонтами 2 и 3/2, слой к. г. 3/1 разбит полигональной сетью криогенных трещин (Тетенькин, 2017). Оказалось, что именно в

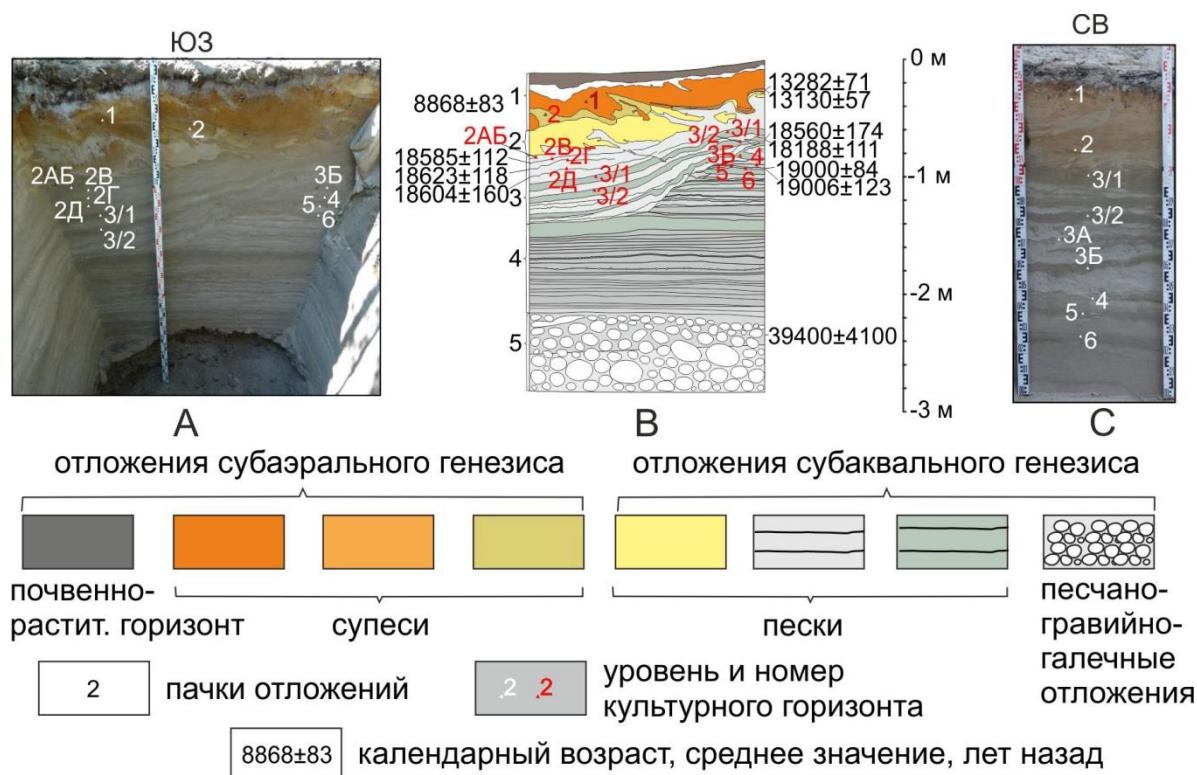

Рис. 2. Стратиграфия Kovrizhka IV: А – фото участка с линией смыва пойменных отложений; В – сводная стратиграфическая схема; С – фото раскопа на участке комплекса культурных остатков 3/1 к. г.

Fig. 2. Stratigraphy of Kovrizhka IV: A - photo of the site with the line of erosion of floodplain deposits; B - summary stratigraphic scheme; C - photo of the excavation site at the area of the cultural remains concentration in c.h. 3/1

новом раскопе 2019–2025 гг., в пикете 29 – квадратах 15, 20, пикете 30 – квадратах 11–13, 16–18, 21–24 сохранился стратифицированный участок культурного горизонта 3/1 со скоплением культурных остатков, уходящий в стенки раскопа в северном направлении (рис. 3). Более того, в культурном слое зафиксировано залегание охры большими сплошными пятнами (рис. 3; 4В–Д). Это, таким образом, третий комплекс с обширным залеганием охры на поверхности обитаемой площадки вслед за 2Б и 2Г к. г.

Часть пятна находок эродирована склоновым сносом. В ходе раскопок к. г. 3/1 на чистом, стратифицированном участке и обнажения стратиграфического профиля стало понятно, что часть материала находится в контактной зоне с 2 к. г. В северном раскопе 2004–2015 гг. (пикеты 35, 36), находящемся у внешней бровки лога, в силу компрессии культурных остатков разделить 3 к. г. на 3/1 и 3/2 к. г., а на ряде участков и отделить от 2 к. г. не представлялось возможным (Тетенькин, 2017).

По 3/1 к. г. получены по углю даты 9340 ± 90 л. н. (Poz-143275) и 13850 ± 130 л. н. (Poz-143276). По нашему мнению, они моложе истинного возраста

горизонта ввиду положения слоя в пограничном состоянии с пачкой субаэральных склоновых отложений, и сама граница имеет эрозионный характер. Ранее в п. 36–кв. 6 (северный участок раскопа) по зубу снежного барана (биоапатиту) из компрессионного 3 к. г. получена дата 14290 ± 35 л. н. (UGAMS-27447) (Тетенькин, 2017).

По подстилающему 3/2 к. г. получены даты 14880 ± 80 (SacA-75975), 15310 ± 160 л. н. (Poz-106965), 19810 ± 220 (Poz-131169). Более того, прослежено простиранье и залегание 3/1 к. г. на депрессии, образованной размывом части террасы (пикеты 40, 41, 43, 44, 47, 48 в раскопе), ниже пачки культурных горизонтов 2АБВГД. По к. г. 2Д есть дата 15350 ± 150 л. н. (Poz-106968). Таким образом, календарный возраст 3/1 к. г. оценивается в пределах 18,5–18,3 тыс. кал. л. н. (учитывая доверительный интервал, между датировками 2Б, 2Г, 2Д и 3/2 к. г.).

Сохранившийся участок культурного горизонта 3/1 выявлен на площади 12 кв. м. в северном углу раскопа 2019–2025 гг. (пикет 30). Он разбит криогенной трещиной простиранием С3–ЮВ (рис. 3; 4В). В слое отмечено бессистемное залегание 8 камней

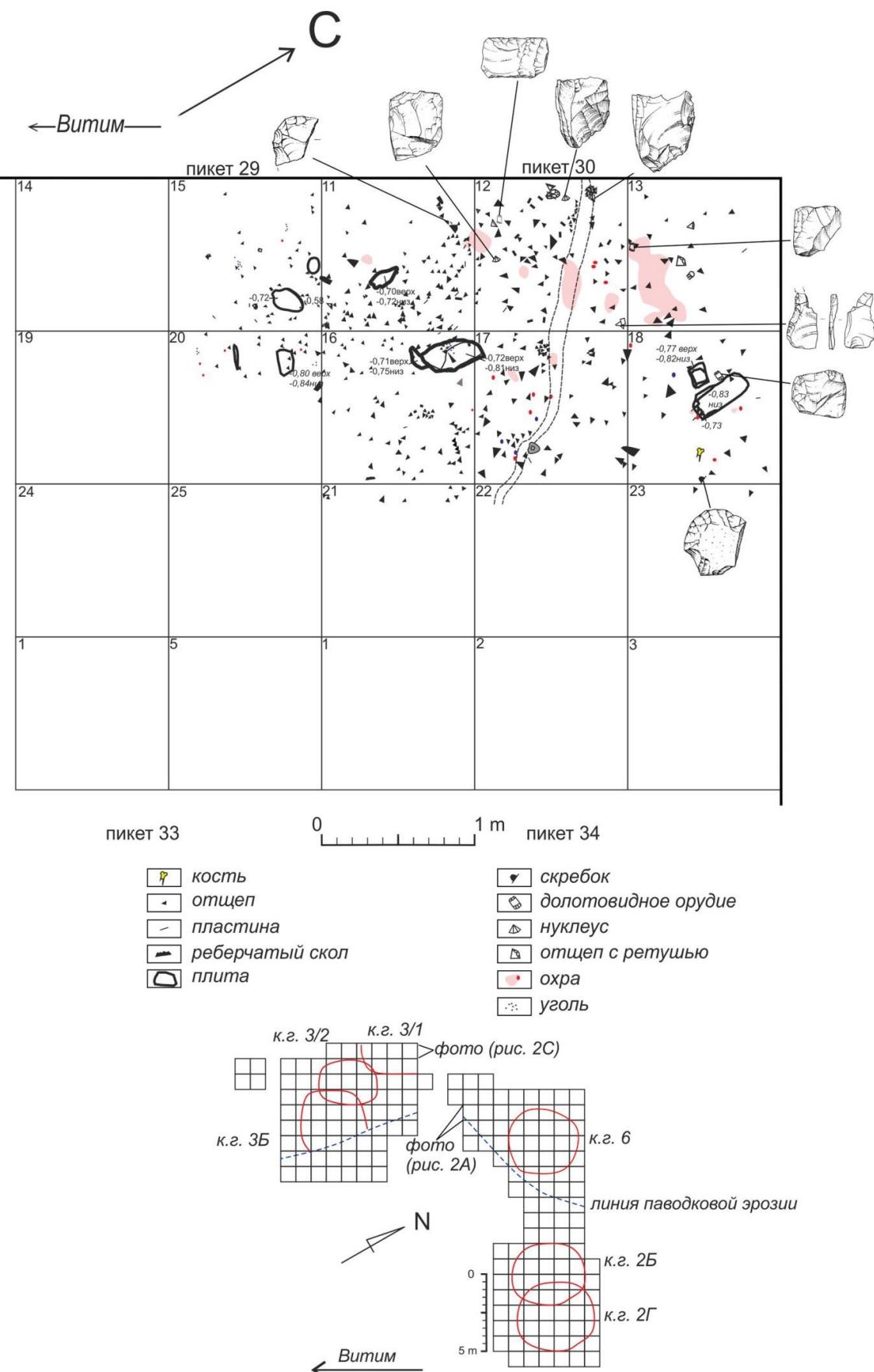

Рис. 3. План культурного горизонта 3/1
 Fig. 3. Plan of the cultural horizon 3/1

(семи плит и 1 валуна) разных размеров. Наибольший валун имеет размеры 38×14 см (рис. 4А). На раскопанном участке выявлено восемь пятен охры, наибольшее из которых имеет размеры 50×22 см, а также не менее 12 точек охры-гематита (рис. 3; 4D). Кроме того, охра видна в виде линзы в культурном слое в стенке раскопа (рис. 4С).

Коллекция каменных артефактов 3/1 культурного горизонта

Коллекция артефактов состоит из 644 единиц. Из них 619 отщепов (в т. ч. 440 чешуек, 67 отщепов их горного хрустала (кварца) и жильного кварца), клиновидных нуклеусов – 3, битых предметов – 3, фрагментов бифасов – 2, микропластин – 4, фрагментов лезвий – 1, подживляющих сколов – 1, резчиков – 1, скребков – 2, резцов – 1, долотовидных орудий – 3, отщепов с рабочей ретушью – 3.

Каменный комплекс артефактов содержит ряд типологически значимых изделий: микропластины (рис. 5.1,4,5), скребки (рис. 5.2,8), резец (рис. 5.6), долотовидные орудия типа *pièce esquillée* (рис. 5.3,11,12), в т. ч. долотовидное орудие из клиновидного нуклеуса (рис. 5.7), клиновидные нуклеусы (рис. 5.7,9,10). Типологически культурный горизонт 3/1 представлен как раз характерными для нижних (2Б–6) культурных горизонтов возрастом 19–18 тыс. л. н.: клиновидными нуклеусами, скребками, долотовидными орудиями. Кроме того, аргументом близости с ними является охра на площади 3/1 к. г.

Один клиновидный нуклеус изготовлен из крупного массивного отщепа (рис. 5.10). Дистальный конец был заточен следующим образом. С дорсального фаса на вентральный в дистальной части скола нанесены короткие поперечные сколы, негативы которых стали ударной площадкой для нанесения сколов по дорсальному фасу, оформляющих дистальный конец нуклеуса. Ударная площадка сколами с латерали скошена на другую латераль, и она вторична, т.е. является результатом подживления предыдущей площадки. Контур нуклеуса высокий.

Второй нуклеус изготовлен из бифаса высокого контура (рис. 5.9). Ударная площадка оформлена поперечными сколами с латерали и скошена на другую латераль. Дистальный конец, как и у предыдущего нуклеуса, имеет шиповидный контур.

Третий нуклеус также высокого контура, из бифаса (рис. 5.7). Он переоформлен в долотовидное

Рис. 4. Фото различных участков слоя 3/1 к.г.: А – валун и плита, рядом долотовидное орудие; В – вид на поверхности 3/1 и 3/2 культурных горизонтов; С, Д – участки культурного слоя

Fig. 4. Photographs of various sections of layer of c.h. 3/1: A - boulder and slab, next to a chisel-shaped tool; B - view of the surface of 3/1 and 3/2 cultural horizons; C, D - parts of the cultural layer

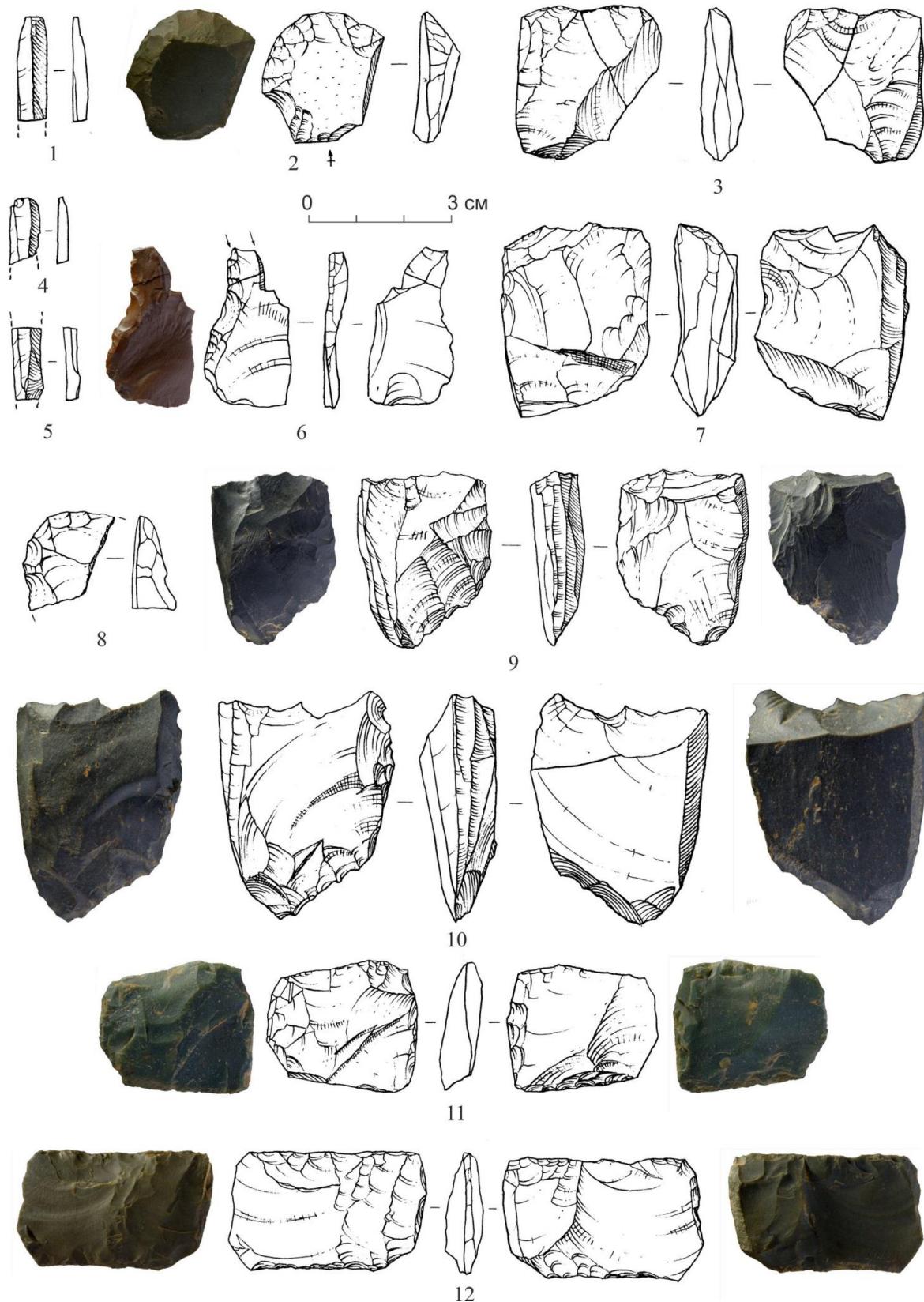

Рис. 5. Стоянка Коврижка IV, артефакты культурного горизонта 3/1: 1, 4, 5 – микропластины; 2, 8 – скребки; 6 – резец; 7 – долотовидное орудие из клиновидного нуклеуса; 9, 10 – клиновидные нуклеусы; 3, 11, 12 – долотовидные орудия; 1–2, 4, 5, 7–12 – эффузивы; 3 – жильный кварц; 6 – коричневый аргиллит

Fig. 5. Kovrizhka IV site, artifacts of cultural horizon 3/1: 1, 4, 5 – microblades; 2, 8 – end-scrapers; 6 – burin; 7 - chisel-shaped tool from a wedge-shaped core; 9, 10 - wedge-shaped cores; 3, 11, 12 - chisel-shaped tools; 1-2, 4, 5, 7-12 – effusives; 3 - vein quartz; 6 - brown argillite

орудие, причем рабочие края находятся на проксимальном, дистальном концах и контрафронте нуклеуса. Фронт клиновидного нуклеуса частично сохранился.

Первые два долотовидные орудия типа *pièce esquillée* имеют подчетырехугольную форму. Они довольно сильно сработаны и утончены так, что одно из орудий напоминает подчетырехугольный вкладыш-бифас, это двухлезвийное орудие (рис. 5.12). Второе *pièce esquillée* четырехлезвийное (рис. 5.11). Оно найдено у массивного расколотого валуна и плиты. Возможно, эти камни использовались, как столики-наковальни для работы этим орудием. Третье *pièce esquillée*, изготовленное из жильного кварца, имеет два лезвия на противоположных краях (рис. 5.3). Одно широкое, другое узкое.

Резец угловой на отщепе (рис. 5.6). Головка резца отломана, подобрана в ходе раскопок и апплицирована. Резцовые сколы нанесены неоднократно, причем один из них снес часть головки резца. Тем не менее сохранившийся фрагмент головки несет негативы поперечной ретуши по дистальному концу. Левый маргинал отщепа – тела резца – покрыт крутой краевой ретушью и имеет выпуклый у базы и вогнутый у головки резца край. Первичный осмотр этого края под микроскопом Микромед МС-1 показал его износ.

Оба скребка концевые из отщепов. Один скребок обломан (рис. 5.8), другой целый (рис. 5.2).

Обсуждение

Скопление культурных остатков к. г. 3/1 определено как периферия комплекса, центр которого находится за пределом раскопа. По опыту раскопанных комплексов к. г. 2Б и 2Г, в которых были выявлены окрашенные охрой большие площади, можно ожидать, что нынешнее пятно 3/1 к. г. является периферией очага. Здесь, на расчищенным участке, скопления и отдельные частицы угля также встречены.

Каменный инвентарь в своем наборе содержит клиновидные нуклеусы и микропластины, скребки, резец, долотовидные орудия типа *pièce esquillée*. Клиновидные нуклеусы изготовлены как из бифасов (рис. 5.9), так и из отщепа (рис. 5.10). Во всех случаях это нуклеусы высокого контура (превышение высоты нуклеуса над длиной), с ударной площадкой, оформленной сколами с латерали. По этим признакам они типичны для коврижкинской техники под-

готовки микронуклеусов (Тетенькин, 2022⁹; Tetenkin, 2025). Один из нуклеусов использовался (переоформлен) в роли *pièce esquillée* (рис. 5.7). Этот тип орудий наиболее многочисленный в новом скоплении – всего 4 ед. Они есть в к.г. 6, 2Г и 2Б, но отсутствуют в к.г. 3/2 и 3Б. Скребки из отщепов типичны для всех изученных нижних горизонтов. Необычен по своей форме резец (рис. 5.6), аналогов ему нет.

Подводя итог под описаниями новой коллекции артефактов 3/1 к. г., следует признать ее типичной для культуры каменного производства нижних, 6–2Б к. г. Коврижки IV, вносящей свой вклад в паттерны присутствия, либо отсутствия в наборах тех или иных категорий изделий. Вслед за к. г. 6, 2Б, 2Г, 3/2 и 3Б культурный горизонт 3/1 обретает стратиграфически выдержанную собственную коллекцию артефактов. Вместе с тем, следует отметить, что к. г. 3/1 здесь представлен всего лишь фрагментом частично уцелевшего и частично раскопанного комплекса культурных остатков стоянки. От нижележащего к. г. 3/2 он отличается отсутствием в 3/2 к. г. долотовидных орудий типа *pièce esquillée*, скребков, обширных пятен охры (Тетенькин, 2022¹⁰; Tetenkin, 2025). Сопоставляя ассамбляж 3/1 к. г. с недифференцированными материалами к. г. 2–3 на северном участке стоянки, мы видим общие черты в скребках и долотовидных орудиях (Тетенькин, 2017). Соответственно, на этих основаниях, часть материалов из компрессионного культурного горизонта 2–3 возможно отнести к к. г. 3/1.

В список коррелируемых ассамбляжей позднего верхнего палеолита соседних регионов по всем видимым в 3/1 к. г. признакам, таким как высокие клиновидные нуклеусы с площадкой, оформленной с латерали, скребки из отщепов, долотовидные изделия, должны быть добавлены 2 и 3 к. г. Красного Яра I. По 3 к. г. этой стоянки получена близкая по возрасту дата 15880 ± 240 (СОАН-7778) (Абрамова, 1978; Медведев, Бердникова и др., 2016¹¹).

⁹ Тетенькин А.В. Средний верхний палеолит – мезолит Северного Прибайкалья : дис. ... д-ра ист. наук. Барнаул, 2022. 1052 с. EDN: TSIQGF.

¹⁰ Там же.

¹¹ Медведев Г.И., Бердникова Н.Е., Роговской Е.О., Липнина Е.А., Бердников И.М., Воробьева. Г.А. Палеолит и мезолит Байкальской Сибири : учеб. пособие. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2016. 141 с. EDN: ZHADEZ.

Заключение

Новый комплекс культурных остатков 3/1 к. г. представляет собой периферию поселенческой структуры, частично уничтоженной паводком, склоновыми солифлюкционными процессами, компрессией на прибрежном-приложковом участке террасы. Тем не менее впервые получены материалы из стратифицированного участка слоя, которые можно надежно привязать к 3/1 к. г. и охарактеризовать

Список источников

Абрамова З.А. Палеолит Енисея: Кокоревская культура. Новосибирск : Наука, 1979. 200 с.

Абрамова З.А. Палеолитическое поселение Красный Яр на Ангаре (верхний комплекс) // Древние культуры Приангарья : сборник статей. Новосибирск : Наука, 1978. С. 7–34.

Акимова Е.В., Новосельцева В.М., Стасюк И.В. Кокоревские стоянки Афонтовой Горы // Записки Института истории материальной культуры РАН. 2021. № 24. С. 104–119. DOI: 10.31600/2310-6557-2021-24-104-119. EDN: QYSSLC.

Аксенов М.П. Археологическая стратиграфия и послойное описание инвентаря Верхоленской горы I // Мезолит Верхнего Приангарья : сборник научных трудов. Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1980. Вып. 2: Памятники Иркутского района. С. 45–93.

Аксенов М.П. Палеолит и мезолит Верхней Лены. Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2009. 370 с. EDN: QPRRFT.

Анри О., Безрукова Е.В., Тетенькин А.В., Кузьмин М.И. Новые данные к реконструкции растительности и климата в Байкало-Патомском нагорье (Восточная Сибирь) в максимум последнего оледенения – раннем голоцене // Доклады Академии Наук. 2018. Т. 478. № 5. С. 584–587. DOI: 10.7868/S0869565218050195. EDN: YPEGDS.

Бердникова Н.Е., Бердников И.М., Воробьева Г.А., Липнина Е.А. Средний и поздний этапы верхнего палеолита Байкало-Енисейской Сибири: хронология и общая характеристика // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2021. Т. 38. С. 59–77. DOI: 10.26516/2227-2380.2021.38.59. EDN: BFTTER.

Бурдье П. Начала. Choses dites / пер. с фр. Шматко Н.А. М. : Socio-Logos, 1994. 288 с.

Деревянко А.П., Волков П.В., Хонджон Ли. Селемджинская позднепалеолитическая культура. Новосибирск : Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, 1998. 336 с. EDN: SETOPT.

Диков Н.Н. Палеолит Камчатки и Чукотки в связи с проблемой первоначального заселения Америки : Публ. к междунар. конф. «Мосты науки между Сев. Америкой и рос. Дальним Востоком» (Владивосток, 29 авг. – 2 сент. 1994 г.). Магадан : СВКНИИ ДВО РАН, 1993. 68 с.

его. Он занимает, таким образом, позицию в ряду раскопанных комплексов 6, 2Б, 2Г, 3/2, 3Б к.г. Отличительными признаками культурного горизонта 3/1 являются охра, залегающая обширными пятнами «на полу», клиновидные нуклеусы коврижкинского типа, скребки, долотовидные изделия типа *pièce esquillée*. Время стоянки 3/1 к. г. определяется в интервале 18,5–18,3 тыс. кал. л. н.

References

Abramova Z.A. (1979) Paleolithic of Yenisei: Kokorevo culture. Novosibirsk: Nauka. 200 p. (In Russ.).

Abramova Z.A. (1978) Paleolithic site Krasny Yar on the Angara River (upper cultural horizons). *Ancient Cultures of the Angara Region*. Novosibirsk: Nauka. P. 7-34. (In Russ.).

Akimova E.V., Novoseltseva V.M., Stasyuk I.V. (2021) Kokorevo Culture Sites of Afontova Gora. *Transactions of the Institute for the History of Material Culture*. No. 24. P. 104-119. (In Russ.). DOI: 10.31600/2310-6557-2021-24-104-119. EDN: QYSSLC.

Aksenov M.P. (1980) Archaeological stratigraphy and layered description of inventory of Verkholenskaya Gora I. *Mesolithic of the Upper Cis-Angaria region: Collection of the Scientific Articles*. Irkutsk: Irkutsk State University. Iss. 2: Sites of the Irkutsk region. P. 45-93. (In Russ.).

Aksenov M.P. (2009) Paleolithic and Mesolithic periods of the Upper Lena. Irkutsk: Publishing House of Irkutsk State Technical University. 370 p. (In Russ.). EDN: QPRRFT.

Henry A., Bezrukova E.V., Kuz'min M.I., Teten'kin A.V. (2018) New Data on Vegetation and Climate Reconstruction in the Baikal-Patom Highland (Eastern Siberia) in the Last Glacial Maximum and Early Holocene. *Doklady Earth Sciences*. Vol. 478. No. 5. P. 584-587. (In Russ.). DOI: 10.1134/S1028334X18020113. EDN: XXYOY.

Berdnikova N. E., Berdnikov I. M., Vorob'eva G. A., Lipnina E. A. (2021) Middle and late stages of the Upper Paleolithic of Baikal-Enisey Siberia: chronology and general characteristics. *Bulletin of Irkutsk State University. Series Geoarcheology. Ethnology. Anthropology*. Vol. 38. P. 59-77. (In Russ.). DOI: 10.26516/2227-2380.2021.38.59. EDN: BFTTER.

Pierre Bourdieu (1987) Choses dites. Paris, Minuit. (Russ. ed.: Bur'de P. Nachala. Choses dites. M.: Sotsio-Logos, 1994. 288 p.)

Derevyanko A.P., Volkov P.V. (1998) Hongjong Lee. Selemdzhinskaya Late Paleolithic Culture. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. 336 p. (In Russ.). EDN: SETOPT.

Dikov N.N. (1993) Paleolithic of Kamchatka and Chukotka in connection with the problem of initial peopling of America. *“Bridges of Science between North America and the Russian Far East”: Proceedings of the International Conference (Vladivostok, August 29 - September 2, 1994)*. Magadan:

Инешин Е.М., Тетенькин А.В. Адаптивная вариабельность в системах расщепления в финально-плейстоценовых отложениях Нижнего Витима // Архаические и традиционные культуры Северо-Восточной Азии. Проблемы происхождения и трансконтинентальных связей: международный научный семинар, апрель 22–28, 2000 : программа, материалы докладов. Иркутск : ИГУ, 2000. С. 57–64.

Инешин Е.М., Тетенькин А.В. Человек и природная среда севера Байкальской Сибири в позднем плеистоцене. Местонахождение Большой Якорь I. Новосибирск : Наука, 2010. 267, [2] с.

Кононенко Н.А. Динамика освоения Юга Дальнего Востока России в конце плеистоцена // Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы. Владивосток : Дальнавка, 2005. С. 59–85. EDN: EKFNAE.

Константинов А.В. Древние жилища Забайкалья: палеолит, мезолит. Новосибирск : Наука, 2001. 222, [1] с.

Константинов М.В. Каменный век восточного региона Байкальской Азии. К всемирному археологическому интер-конгрессу (Забайкалье, 1996). Улан-Удэ : Изд-во ИОН БНЦ СО РАН; Чита : Читинский государственный педагогический институт им. Н.Г. Чернышевского, 1994. 180 с.

Константинов М.В. Археология Забайкальского края: верхний палеолит // Гуманитарный вектор. 2013. № 3 (35). С. 10–12. EDN: RSDTRZ.

Константинов М.В., Васильев С.Г., Маслодудо С.В., Викулова Н.О. Раскопки поселения Усть-Менза 2 // Археологические открытия. 2018. Т. 2016. С. 453–455. DOI: 10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.453-455. EDN: VSGOPU.

Медведев Г.И., Слагода Е.А., Липнина Е.А., Бердникова Н.Е., Генералов А.Г., Роговской Е.О., Ошепкова Е.Б., Воробьева Г.А., Шмыгун П.Е. Каменный век Южного Приангарья. Бельский геоархеологический район / Путеводитель международного симпозиума «Современные проблемы палеолитоведения Евразии», 1–9 августа 2001 г., г. Иркутск. Иркутск : изд-во Иркут. ун-та, 2001. Т. 2. 242 с.

Мороз П.В. Каменные индустрии рубежа плеистоцена и голоценца Западного Забайкалья: к IV Междунар. науч. конф. «Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири» (Чита, 2013). Чита : ЗабГУ, 2014. 182 с. EDN: YPAQUM.

Мочанов Ю.А. Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. Новосибирск : Наука, 1977. 264 с.

Мочанов Ю.А. Дюктайская бифасиальная традиция палеолита Северной Азии (история ее выделения и изучения). Якутск : [б. и.], 2007. 197 с. EDN: QPHZVP.

Разгильдеева И.И. Палеолитические комплексы Западного Забайкалья: развитие методов планиграфического анализа // Гуманитарный вектор. 2012. № 2 (30). С. 21–30. EDN: OZFUFP.

North-Eastern Complex Research Institute, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. 68 p. (In Russ.).

Ineshin E.M., Tetenkin A.V. (2000) Adaptive variability in knapping systems in the final Pleistocene deposits of the Lower Vitim. *Archaic and Traditional Cultures of Northeast Asia. Problems of Origin and Transcontinental Connections : Proceedings of the International Scientific Seminar, April 22-28, 2000*. Irkutsk: Irkutsk State University. P. 57-64. (In Russ.).

Ineshin E.M., Teten'kin A.V. (2010) Human and environment in the North of Baikalian Siberia in late Pleistocene. Archeological site Bol'shoi Y'akor' I. Novosibirsk: Nauka. 267, [2] p. (In Russ.).

Kononenko N.A. (2005) Dynamics of the development of the Southern Russian Far East at the end of the Pleistocene. *Russian Far East in Antiquity and the Middle Ages: Discoveries, Problems, Hypotheses*. Vladivostok: Dalnauka. P. 59-85. (In Russ.). EDN: EKFNAE.

Konstantinov A.V. (2001) Ancient dwelling of Zabaikalye: Paleolithic, Mesolithic. Novosibirsk: Nauka. 222, [1] p. (In Russ.).

Konstantinov M.V. (1994) Stone Age of the eastern part of Baikal Asia. For the world intercongress of the archaeologists (Zabaikalye, 1996). Ulan-Ude: Institute of Social Sciences BNC CO RUN; Chita: Chita State pedagogical Institute named after N. G. Chernyshevsky. 180 p. (In Russ.).

Konstantinov M.V. (2013) Transbaikal Archaeology: Upper Paleolithic. *Humanitarian Vector*. No. 3 (35). P. 10-12. (In Russ.). EDN: RSDTRZ.

Konstantinov M.V., Vasiliev S.G., Maslodudo S.V., Viku-lova N.O. (2018) Excavations of the settlement of Ust-Menza 2. *Archaeological Discoveries*. Vol. 2016. P. 453-455. (In Russ.). DOI: 10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.453-455. EDN: VSGOPU.

Medvedev G.I., Slagoda E.A., Lipnina E.A., Berdnikova N.E., Generalov A.G., Rogovskoy, at el. (2001) Stone Age of the Southern Angara region. *Belsky Geoarchaeological Region. Guide to the International Symposium "Modern problems of Paleolithic Studies of Eurasia", August 1-9, 2001, Irkutsk*. Irkutsk: Publishing House of Irkutsk State University. Vol. 2. 242 p. (In Russ.).

Moroz P.V. (2014) Lithic industries at the turn of Pleistocene-Holocene in Western Trans-Baikal. *For the IV International Conference "Ancient cultures of Mongolia and Baikalian Siberia"*. Chita: Trans-Baikal State University. 182 p. (In Russ.). EDN: YPAQUM.

Mochanov Yu.A. (1977) The earliest stages of human settlement in North-East Asia. Novosibirsk: Nauka. 264 p. (In Russ.).

Mochanov Yu.A. (2007) Dyuktai bifacial tradition of North Asia palaeolith (history of its identification and study). Yakutsk. 197 p. (In Russ.). EDN: QPHZVP.

Razgildeeva I.I. (2012) Paleolithic complexes of West Zabaikalye: The development of the planigraphic analysis. *Humanitarian vector*. No. 2 (30). P. 21-30. (In Russ.). EDN: OZFUFP.

Разгильдеева И.И. Планиграфический анализ жилищно-хозяйственных комплексов верхнего палеолита Забайкалья. Чита : ЗабГУ, 2018. 208 с. EDN: VEKSPG.

Ташак В.И. Палеолитические и мезолитические памятники Усть-Кяхты. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. 130 с. EDN: VNIIMR.

Тeten'kin A.V. Проблема определения археологической специфики Байкало-Патомского нагорья в конце плейстоцена – первой половине голоцена // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Посвящается 100-летней годовщине проведения XV Всероссийского археологического съезда в г. Новгороде, Великий Новгород – Старая Русса, 24–29 октября 2011 года. СПб-М Великий Новгород, 2011. Т. I. С. 94–95. EDN: SWIDPX.

Тeten'kin A.V. Геоархеологическое местонахождение эпохи позднего палеолита Мамакан VI на Витиме // Известия Лаборатории древних технологий. 2014. № 4 (13). С. 9–26. EDN: TMSYKT.

Тeten'kin A.V. Комплекс 2–3 культурных горизонтов стоянки Коврижка IV на Нижнем Витиме // Известия Лаборатории древних технологий. 2017. Т. 13. № 1. С. 9–30. DOI: 10.21285/2415-8739-2017-1-9-30. EDN: YIEKDZ.

Тeten'kin A.V., Аржаников С.Г., Аржаникова А.В., Чеботарев А.А. Модель формирования позднечетвертичных отложений геоархеологического ансамбля Коврижка и адаптации древнего человека к гидрологическому режиму р. Витим и ландшафтным перестройкам // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2025. № 2. С. 5–16. DOI: 10.20874/2071-0437-2025-69-2-1. EDN: ODVJZC.

Тeten'kin A.V., Уланов А.А. Бифасы в позднем верхнем палеолите Нижнего Витима (Северное Приангарье) // Первобытная археология. Журнал междисциплинарных исследований. 2023. № 2. С. 108–132. DOI: 10.31600/2658-3925-2023-2-108-132. EDN: ICOPDX.

Buvit I., Terry K., Izuho M., Konstantinov M.V., Konstantinov A.V. Radiocarbon dates, microblades and late Pleistocene human migrations in the Transbaikal, Russia and the Paleo-Sakhalin-Hokkaido-Kuril Peninsula. *Quaternary International*. 2016. Vol. 425. P. 100-119. DOI: 10.1016/j.quaint.2016.02.050. EDN: YUVMTD.

Gauvrit Roux E., Teten'kin A.V., Henry A. (2021) Which uses for the Late Glacial microblades of Eastern Siberia? Functional analysis of the lithic assemblage of Kovrzhka IV, level 6. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 17. No. 2. P. 9–22. DOI: 10.21285/2415-8739-2021-2-9-22. EDN: GBXXXU.

Goebel T., Waters M.R., Buvit I., Konstantinov M.V., Konstantinov A.V. Studenoe-2 and the origins of microblade technologies in the Transbaikal, Siberia. *Antiquity*. 2000. Vol. 74. No. 285. P. 567-575. DOI: 10.1017/S0003598X00059925. EDN: LFZVVV.

Medvedev G.I. Upper Paleolithic sites in South-Central Siberia // Paleolithic of Siberia: New Discoveries and Interpretations / Eds. A.P. Derevyanko, D.B. Shimkin, W.R. Powers. Urbana; Chicago: University of Illinois Press, 1998. P. 122-132.

Razgildeeva I.I. (2018) Planigraphic analysis of dwelling and living structures of the Upper Paleolithic of Transbaikalia. Chita: Publishing House of Trans-Baikal State University. 208 p. (In Russ.). EDN: VEKSPG.

Tashak V.I. (2005) Paleolithic and Mesolithic sites of Ust-Kyakhta. Ulan-Ude: Buryat Scientific Centre of Siberian Department of Russian Academy of Sciences. 130 p. (In Russ.). EDN: VNIIMR.

Tetenkin A.V. (2011) The Problem of Determining the Archaeological Specifics of the Baikal-Patom Upland at the End of the Pleistocene - First Half of the Holocene. *Proceedings of the III (XIX) All-Russian Archaeological Congress*. Dedicated to the 100th Anniversary of the XV All-Russian Archaeological Congress in Novgorod, Veliky Novgorod – Staraya Russa, October 24–29, 2011. St. Petersburg-Moscow-Veliky Novgorod. Vol. I. P. 94-95. (In Russ.). EDN: SWIDPX.

Tetenkin A.V. (2014) Upper Paleolithic Geoarchaeological Site Mamakan VI on Vitim River. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. No. 4 (13). P. 9-26. (In Russ.). EDN: TMSYKT.

Tetenkin A.V. (2017) Complex of Cultural Horizons 2-3 of the Site Kovrzhka IV on Lower Vitim River. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 13. No. 1. P. 9-30. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2017-1-9-30. EDN: YIEKDZ.

Tetenkin A.V., Arzhannikov S.G., Arzhannikova A.V., Chebotarev A.A. (2025) Model of the Late Quaternary deposits formation at the geoarchaeological ensemble of Kovrzhka and adaptation of ancient man to the hydrological regime of the Vitim River and the restructuring of the landscape. *Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii*. No. 2. P. 5-16. (In Russ.). DOI: 10.20874/2071-0437-2025-69-2-1. EDN: ODVJZC.

Tetenkin A.V., Ulanov A.A. (2023) Bifaces in the Late Upper Paleolithic of the Lower Vitim (Northern Angara region). *Prehistoric Archaeology. Journal of Interdisciplinary Studies*. No. 2. P. 108-132. (In Russ.). DOI: 10.31600/2658-3925-2023-2-108-132. EDN: ICOPDX.

Buvit I., Terry K., Izuho M., Konstantinov M.V., Konstantinov A.V. Radiocarbon dates, microblades and late Pleistocene human migrations in the Transbaikal, Russia and the Paleo-Sakhalin-Hokkaido-Kuril Peninsula. *Quaternary International*. 2016. Vol. 425. P. 100-119. DOI: 10.1016/j.quaint.2016.02.050. EDN: YUVMTD.

Gauvrit Roux E., Teten'kin A.V., Henry A. (2021) Which uses for the Late Glacial microblades of Eastern Siberia? Functional analysis of the lithic assemblage of Kovrzhka IV, level 6. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 17. No. 2. P. 9–22. DOI: 10.21285/2415-8739-2021-2-9-22. EDN: GBXXXU.

Goebel T., Waters M.R., Buvit I., Konstantinov M.V., Konstantinov A.V. Studenoe-2 and the origins of microblade technologies in the Transbaikal, Siberia. *Antiquity*. 2000. Vol. 74. No. 285. P. 567-575. DOI: 10.1017/S0003598X00059925. EDN: LFZVVV.

Medvedev G.I. Upper Paleolithic sites in South-Central Siberia // Paleolithic of Siberia: New Discoveries and Interpretations / Eds. A.P. Derevyanko, D.B. Shimkin, W.R. Powers. Urbana; Chicago: University of Illinois Press, 1998. P. 122-132.

Mochanov Y.A., Fedoseeva S.A. Chapter 3. Aldansk: Aldan River Valley, Sakha Republic // American Beginnings. The Prehistory and Palaeoecology of Beringia, Edited by West F.H. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1996. P. 157-214.

Morlan R.E. Technological Characteristics of Some Wedge-Shaped Cores in Northwestern North America and Northeast Asia. *Asian Perspectives*. 1976. Nr. XIX(I). P. 96-106.

Nakazawa Y., Izuho M., Takakura J., Yamada S. Toward an Understanding of Technological Variability in Microblade Assemblages in Hokkaido, Japan. *Asian Perspectives*. 2005. Vol. 44. No. 2. P. 276-292.

Tetenkin A.V. Excavations at Kovrzhka IV site and its bearing on research of the Late Upper Paleolithic and human adaptation to the environment of last glacial maximum in Baikal-Patom Highlands, Siberia // *Quaternary International*. 2025. Vol. 748. P. 109970. DOI: 10.1016/j.quaint.2025.109970.

Mochanov Y.A., Fedoseeva S.A. Chapter 3. Aldansk: Aldan River Valley, Sakha Republic // American Beginnings. The Prehistory and Palaeoecology of Beringia, Edited by West F.H. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1996. P. 157-214.

Morlan R.E. Technological Characteristics of Some Wedge-Shaped Cores in Northwestern North America and Northeast Asia. *Asian Perspectives*. 1976. Nr. XIX(I). P. 96-106.

Nakazawa Y., Izuho M., Takakura J., Yamada S. Toward an Understanding of Technological Variability in Microblade Assemblages in Hokkaido, Japan. *Asian Perspectives*. 2005. Vol. 44. No. 2. P. 276-292.

Tetenkin A.V. Excavations at Kovrzhka IV site and its bearing on research of the Late Upper Paleolithic and human adaptation to the environment of last glacial maximum in Baikal-Patom Highlands, Siberia // *Quaternary International*. 2025. Vol. 748. P. 109970. DOI: 10.1016/j.quaint.2025.109970.

Информация об авторе

Тetenъкин Алексей Владимирович,
доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры
истории и философии,
Иркутский национальный исследовательский технический
университет,
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия,
e-mail: altet@list.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2448-3580>

Вклад автора

Тetenъкин А.В. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Конфликт интересов

Тetenъкин А.В. является членом редакционной коллегии журнала «Известия Лаборатории древних технологий» с 2014 года, но не имеет отношения к решению опубликовать эту статью. Статья прошла принятую в журнале процедуру рецензирования. Об иных конфликтах автор не заявлял.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 3 декабря 2025 г.; одобрена после рецензирования 12 декабря 2025 г.; принята к публикации 15 декабря 2025 г.

Information about the author

Aleksei V. Tetenkin,
Dr. Sci. (History), Associate Professor, Professor of the
Department of History and Philosophy,
Irkutsk National Research Technical University,
83, Lermontov St., Irkutsk 664074, Russia,
e-mail: altet@list.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2448-3580>

Contribution of the author

Tetenkin A.V. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interests

Tetenkin A.V. has been a member of the editorial board of the Journal “Reports of the Laboratory of Ancient Technologies” since 2014, but he did not take part in making decision about publishing the article under consideration. The article was reviewed following the Journal’s review procedure. The author did not report any other conflicts of interest.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted December 3, 2025; approved after reviewing December 12, 2025; accepted for publication December 15, 2025.

Научная статья
УДК 902.3(691.735)
EDN: RQRCIU
DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2025-4-23-35>

Изделия из металла Усть-Илгинского могильника (типология, характеристика, хронология)

С.А. Песков

Центр по сохранению историко-культурного наследия Иркутской области, Иркутск, Россия

Аннотация. Усть-Илгинский могильник расположен в Жигаловском районе Иркутской области, в долине р. Лены, на правом устьевом мысу р. Илги и является одним из ключевых и интереснейших погребальных комплексов бронзового века Байкальской Сибири. В данной работе рассмотрены изделия из бронзы, охарактеризованы функциональные и механические свойства предметов на основе химического состава сплавов, предварительно определена рудная база, проведены сравнительно-типологическая и культурно-хронологическая характеристики изделий с привлечением к сравнению материалов и имеющихся радиоуглеродных дат погребений бронзового века Байкальской Сибири. Бронзовые изделия представлены иглами, ножами, рыболовным крючком, полыми трубочками (всего 8 экз.). Химический состав сплавов (рентгенофлуоресцентный анализ) выполнен для 4-х изделий: игла, трубочка, нож, рыболовный крючок. На основании полученных данных выделены два вида сплавов бронзы: оловянная и мышьяковистая. Предварительный анализ количественного содержания основных легирующих добавок (олова и мышьяка) в сплавах показал наличие нескольких сортов бронз, имеющих различные свойства в производстве, обработке и использовании. Также установлено, что изделия из различных сортов бронз внешне отличались по цвету: от тёмно-красных оттенков до серебристых. Высказано предположение, что предметы произведены вне территории Верхней Лены, куда доставлены либо в готовом виде, либо как заготовки (преформы для дальнейшей переплавки) из Забайкалья, Рудного Алтая или Восточного Саяна. Культурно-хронологически изделия предварительно отнесены к двум этапам глазковской культуры бронзового века Байкальской Сибири: ранний (нач. III тыс. до н. э.) и развитый (кон. III тыс. до н. э.).

Ключевые слова: Верхняя Лена, река Илга, Усть-Илгинский могильник, характеристика, типология, хронология изделий из бронзы, оловянный сплав, мышьяковистый сплав, глазковская культура, бронзовый век

Благодарности. Автор выражает глубокую благодарность сотрудникам ФГБУН Института геохимии им А.П. Виноградова СОАН: доктору технических наук, заслуженному деятелю науки Российской Федерации, заведующему лабораторией рентгеновских методов анализа А.Л. Финкильштейну и кандидату химических наук, старшему научному сотруднику Е.В. Чупариной за проведённые исследования по определению химического состава металлических изделий.

Для цитирования: Песков С.А. Изделия из металла Усть-Илгинского могильника (типология, характеристика, хронология) // Известия Лаборатории древних технологий. 2025. Т. 21. № 4. С. 23–35. DOI: [10.21285/2415-8739-2025-4-23-35](https://doi.org/10.21285/2415-8739-2025-4-23-35).
EDN: RQRCIU.

Archaeology

Original article

Metal products from the Ust-Ilginsky cemetery (typology, characteristics, chronology)

Sergey A. Peskov

Center for the Preservation of Historical and Cultural Heritage of the Irkutsk Region, Irkutsk, Russia

Abstract. Ust-Ilginsky burial ground is located in the Zhigalovsky district of the Irkutsk region, in the Lena River valley, on the right estuary cape of the Ilga River and is one of the key and most interesting burial complexes of the Bronze Age of Baikal Siberia.

In this work, bronze products are considered, the functional and mechanical properties of objects based on the chemical composition of alloys are characterized, the ore base is preliminarily determined, the comparative-typological and cultural-chronological characteristics of products are carried out with the use of materials and available radiocarbon dates of burials of the Bronze Age of Baikal Siberia. The bronze products are represented by needles, knives, a fish hook, and hollow tubes (8 pieces in total). The chemical composition of the alloys (X-ray fluorescence analysis) was performed for 4 products: needle, tube, knife, and fish hook. Based on the obtained data, two types of bronze alloys are distinguished: tin and arsenic. A preliminary analysis of the quantitative content of the main alloying additives (tin and arsenic) in the alloys showed the presence of several grades of bronzes with different properties in production, processing and use. It was also found that products made of various grades of bronze differed in appearance in color: from dark red shades to silver. It is suggested that the items were produced outside the territory of the Upper Lena, where they were delivered either ready-made or as blanks (preforms for further melting) from Transbaikalia, Rudny Altai or Eastern Sayan. Culturally and chronologically, the products are tentatively attributed to two stages of the Glazkovo culture of the Bronze Age of Baikal Siberia: the early (beginning of the III millennium BC) and the developed (end of the III millennium BC).

Keywords: Upper Lena, Ilga River, Ust-Ilginsky burial ground, characteristics, typology, chronology of bronze products, tin alloys, arsenic alloys, Glazkovo culture, Bronze Age

Acknowledgements. The author expresses deep gratitude to the staff of the Vinogradov Institute of Geochemistry of the Russian Academy of Sciences: Doctor of Technical Sciences, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Laboratory of X-ray Analysis Methods A.L. Finkilstein and PhD, senior researcher E.V. Chuparina for the research conducted to determine the chemical composition of metal products.

For citation: Peskov S.A. (2025) Metal products from Ust-Ilginsky burial ground (typology, characteristics, chronology). *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 21. No. 4. P. 23-35. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2025-4-23-35. EDN: RQRCIU.

Введение

Усть-Илгинский могильник расположен в Жигаловском районе Иркутской области, южнее д. Усть-Илга, на правом устьевом мысу реки Илги, при впадении в р. Лену (рис. 1).

Первые раскопки могильника проведены А.П. Окладниковым в 1930, 1941 гг. (Окладников, 1950; Окладников, 1955). Исследования продолжены в 1989–1992 гг. сотрудниками Иркутского областного краеведческого музея В.С. Николаевым и А.И. Уваровым (Уваров, Николаев, 1990; Николаев, Уваров, 1992; Уваров, 2009). В 2014, 2018 гг. исследования проводились сотрудником ОГАУ «ЦСН» С.А. Песковым при участии В.С. Николаева (Песков, Николаев, Клементьев, 2016; Песков, 2019; Песков, Молчанов, 2020).

За годы исследований раскопано 22 погребения в 18 могилах: № 1, 2 – 1930 г.; № 1–15 – 1989–1992 гг.; № 16–18 – 2018 г.

Могильник грунтовый, захоронения выполнены ярусно в три линии, вверх по склону левого борта долины р. Лены, в направлении с юго-запада на северо-восток. Присутствуют остатки надмогильных кладок из плит красноцветного кембрийского песчаника. Глубина залегания костяков 0,10–0,50 м от уровня современной дневной поверхности. Костяки располагались вытянуто на спине, ориентированы головой вниз по течению р. Лены на северо-восток,

только в одном случае (погребение № 5) вверх, на юго-запад. Ориентация погребённых в могилах 12, 13, 15 не установлена, т. к. положение костяков полностью нарушено склоновыми процессами. Погребальный инвентарь: нефритовые кольца, мраморные диски, наконечники стрел из камня и кости, скребки, игольники и иглы, гарпуны из рога, тесловидные изделия из рога, топоры из нефрита, сложносоставной наконечник из рога с вкладышевыми лезвиями из кремня, шилья и острия из кости, костяные пластины (доспех), антропоморфная подвеска из рога, подвески из клыков марала, бусины из раковин речных моллюсков, медные изделия (рыболовный крючок, ножи, игла, трубочки). Присутствуют целые и фрагментированные костяки соболей, фрагменты костей медведя, волка, зайца, бобра, барсука, кабана.

Все археологические предметы хранятся в фондах ИОКМ: материалы погребений № 1, 2 (1930 г.) – коллекции № 540, 541; № 1–15 (1989–1990 гг.) – коллекции № 13829, 14043, 14172, 14256; № 16–18 (2018 г.) – коллекция ВП 3343.

Первоначально на основании анализа погребального обряда и инвентаря захоронения отнесены к глазковскому и шиверскому этапам бронзового века Прибайкалья (Уваров, Николаев, 1990. С. 140). Позднее высказано мнение о наличии признаков, характерных для поздненеолитических погребений серовской культуры, но, в подавляющем большин-

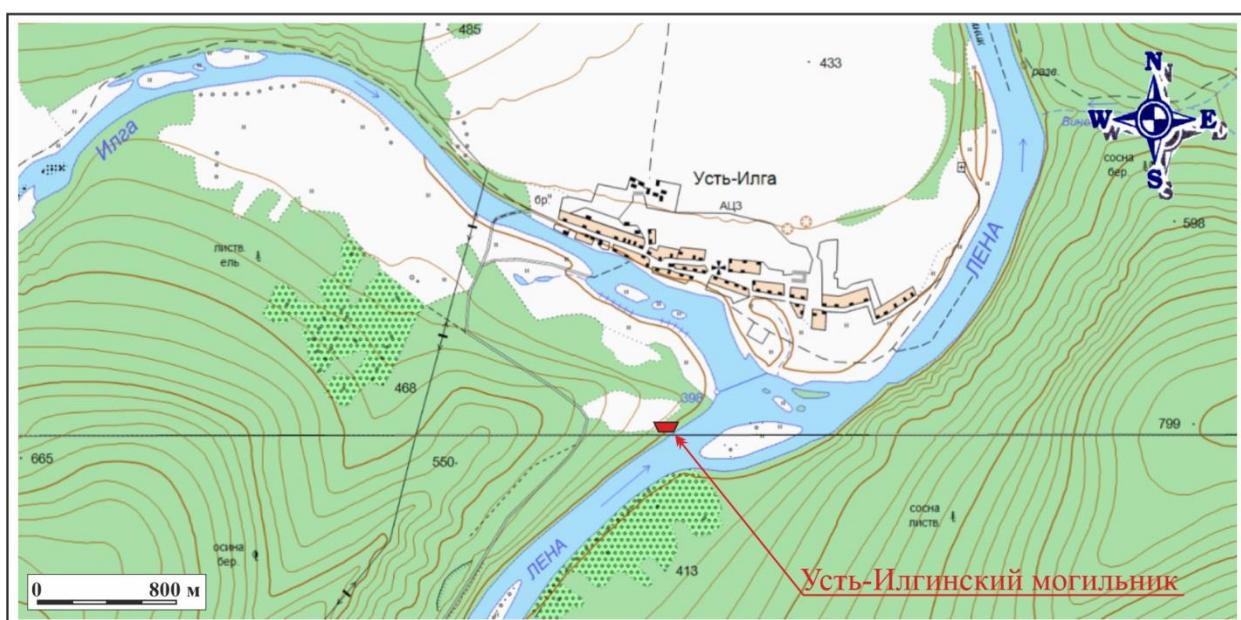
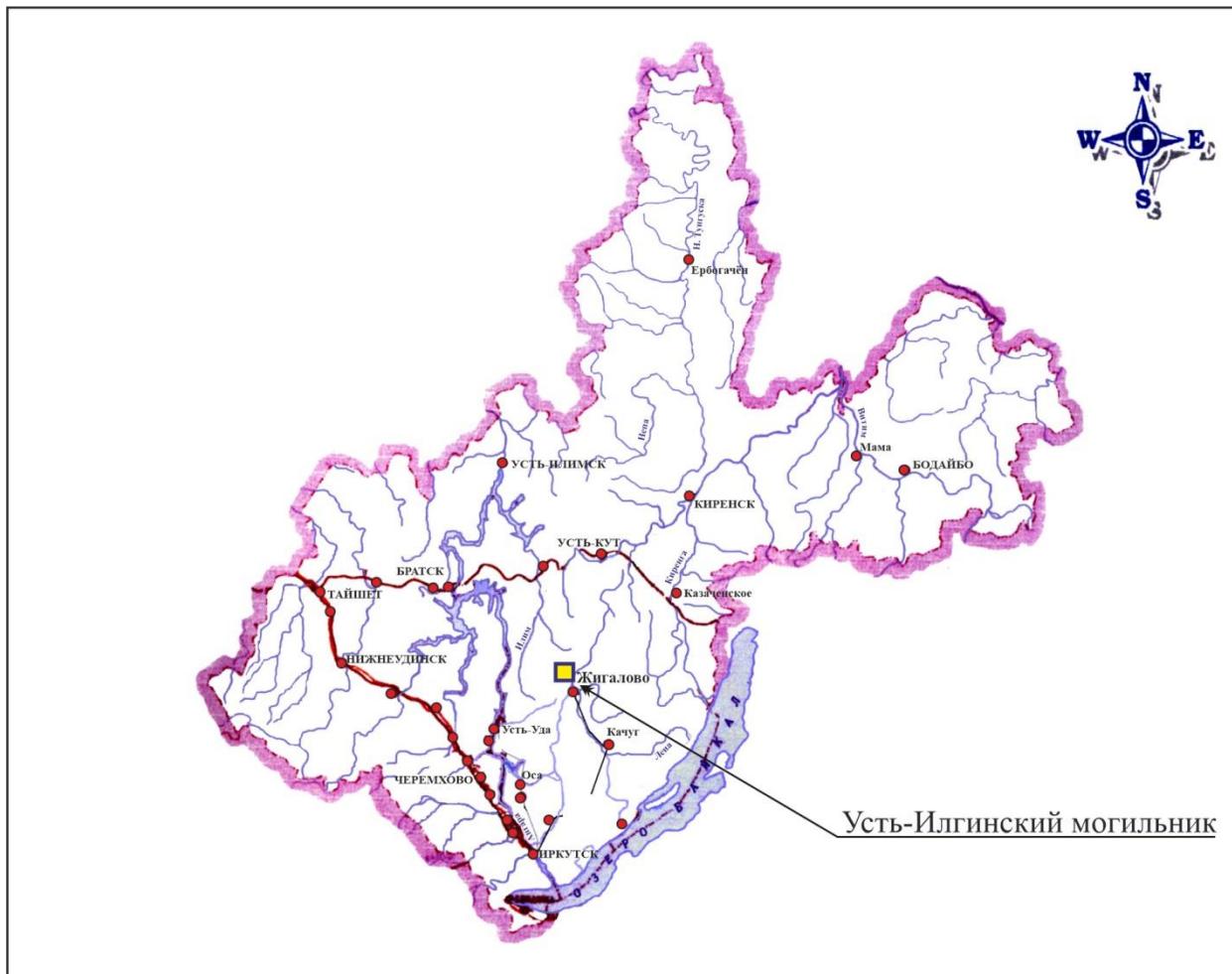

Рис. 1. Иркутская область, Жигаловский район, д. Усть-Илга. Карты с указанием расположения Усть-Илгинского могильника

Fig. 1. Irkutsk region, Zhigalovsky district, Ust-Ilga village. Maps showing the location of the Ust-Ilginsky burial ground

стве, предметный комплекс, а также погребальный обряд включают захоронения могильника в группу глазковских погребений раннего бронзового века Прибайкалья (Николаев, Уваров, 1992. С. 103–104).

В продолжение исследований по уточнению культурно-хронологической атрибуции могильника высказано предположение о присутствии на памятнике двух смежных археологических культур – серовской и глазковской. К глазковской группе отнесены погребения № 1–12, к серовской – № 13–15 (Уваров, 2009. С. 148).

Описание и сравнительно-типологический анализ предметов

В составе погребального инвентаря в пяти погребениях могильника зафиксировано восемь изделий из металла: в погребении № 1 (1930 г.) – игла, пластинчатый ножичек, небольшая полая трубочка, крупная полая трубочка-футляр (данные изделия в фондах ИОКМ отсутствуют); № 2 – игла; № 3 – небольшая полая трубочка; № 5 – рыболовный крючок; № 6 – пластинчатый ножичек.

Иглы (2 экз.):

1. Целое изделие длиной 7 см, шириной около 0,3 см, толщиной около 0,2 см, с округлым миниатюрным ушком из погребения № 1 1930 г. (рис. 2.3) (Окладников, 1955. С. 37; Песков, Николаев, Клементьев, 2016. С. 23).

2. Целая игла (погребение № 2) длиной 6,7 см и шириной до 0,3 см, в сечении, у острия – овальная, в остальной части – прямоугольная; в части ушка игла двусторонне уплощена, ушко круглое (рис. 2.5).

Можно предположить, что при работе иглой прокалывание или расширение отверстий первоначально производилось с нажимом и прокручиванием, что также повлияло на круглое сечение острия, а затем изделие фиксировалось протягивалось через отверстие, что сказалось на слабой сработанности грани тела иглы.

В части ушка игла имеет овальные очертания и заужена в профиле, имеет следы полировки поверхности по внешней и внутренней дуге – как результат контакта изделия в данной части с нитью. Диаметр ушка составляет около 1 мм, что ограничивает диаметр протягиваемой нити, т. е. не более 1 мм. Отверстие ушка выполнено тем же способом, который наблюдается на костяных иглах, – это двустороннее встречное вырезание по вертикальной плоскости

(сверху вниз, в сторону острия) с ослаблением силы нажима при проводке режущего инструмента, где его конечная точка движения образует тонкое резаное углубление. Данный технологический приём при оформлении ушек отмечен ещё А.П. Окладниковым (Окладников, 1955. С. 51).

В целом иглы не редко сопровождают погребения бронзового века на территории Байкальской Сибири:

на Ангаре в погребении № 3 могильника Нохой (Окладников, 1955. С. 37; Окладников, 1975. С. 72);

в Приольхонье: погребение № 62 могильника Хужир-НугэХIV (4200–3400 л. н., ранний этап глазковской культуры); погребение № 10, могильника Улярба, отнесённое к 1-й группе захоронений позднего этапа глазковской культуры (Новиков, Вебер, Горюнова, 2010. С. 112, 187, 230; Горюнова, Новиков и др., 2004. С. 19, 57, 61);

в долине р. Селенги в погребении № 13 Фофанского могильника (II группа погребений, ранний этап глазковской культуры, 4100–3600 л.н.) (Окладников, 1955. С. 37; Лбова, Жамбалтарова, Конев, 2008. С. 38, 43, 53).

Ножички (2 экз.):

1. Ножичек из погребения № 1 (1930 г.) имеет длину 4,2 см, ширину 2,3 см, выполнен на широкой и массивной прямоугольной пластинке металла с округлёнными заточкой углами и заточенным с одной стороны слегка выпуклым лезвием, один угол на противоположной лезвию стороне имеет небольшую дугообразную выемку (рис. 2.4) (Окладников, 1955. С. 36; Песков, Николаев, Клементьев, 2016. С. 23).

Изделие А.П. Окладниковым включено в III группу ножей, отнесено к типу малых, однолезвийных, прямоугольных по форме с односторонней заточкой лезвия. Близкий по форме нож зафиксирован в верхнем горизонте стоянки Поповский луг (долина р. Лены, окрестность п. Качуг). Объединяет данные изделия наличие угловой выемки на противоположной лезвию стороне ножа, которая в общей форме орудия определяется как широкий «чертенок» (Зубков, 1982. С. 55)¹.

К данному типу также отнесён нож из разрушенного погребения в долине р. Манзурки (левосто-

¹ Зубков В.С. Неолит и бронзовый век Верхней Лены : дис. ... канд. ист. наук. Л., 1982. 310 с.

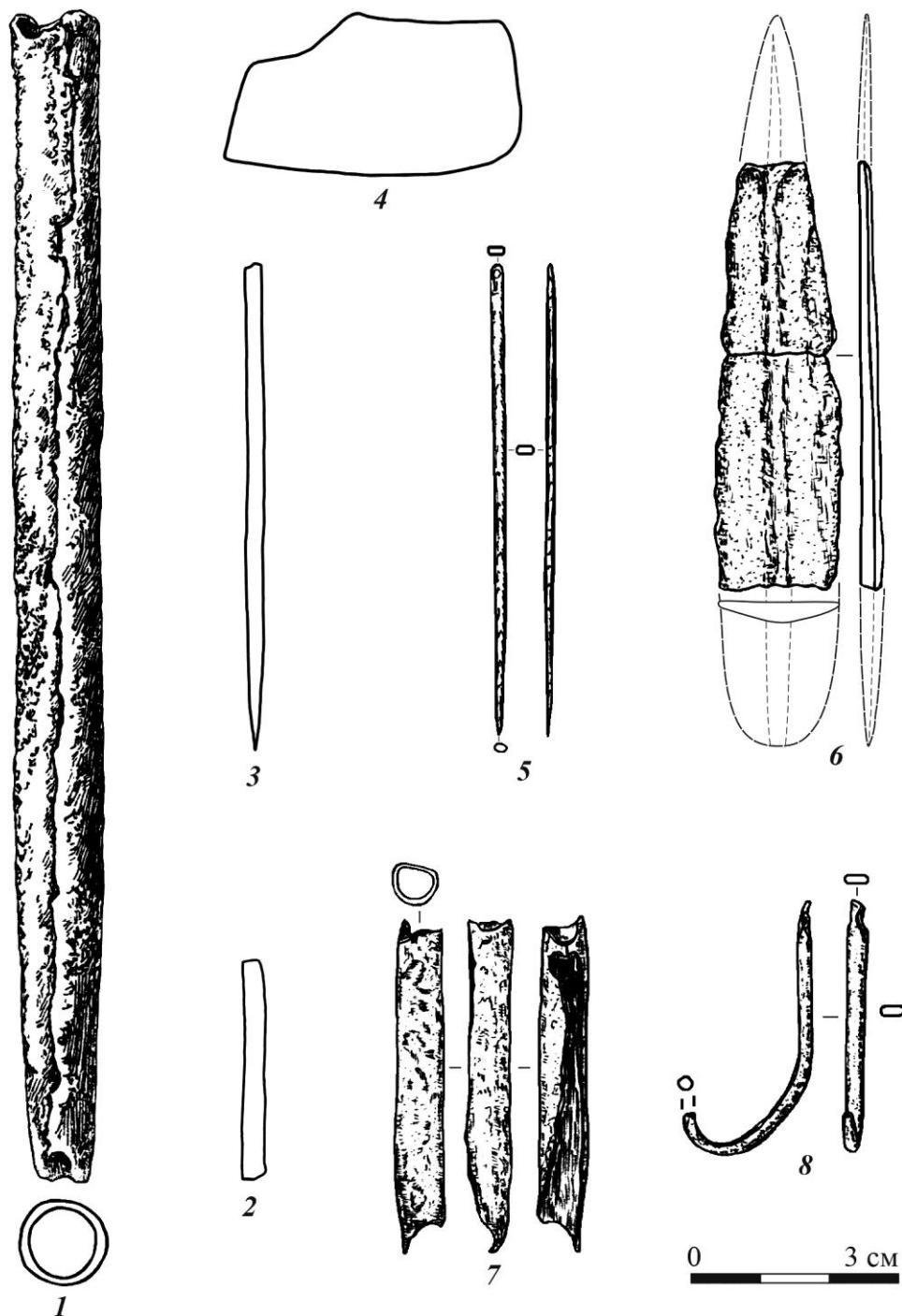

Рис. 2. Иркутская область, Жигаловский район, д. Усть-Илга. Усть-Илгинский могильник. Изделия из бронзы. Погребение № 1 (1930 г.): 1 – трубочка футляр; 2 – трубочка-украшение; 3 – игла; 4 – ножичек. Погребение № 2: 5 – игла. Погребение № 6: 6 – листовидный нож. Погребение № 3: 7 – трубочка-украшение. Погребение № 5: 8 – рыболовный крючок

Fig. 2. Irkutsk region, Zhigalovsky district, Ust-Ilga village. Ust-Irginsky burial ground. Bronze products. Burial No. 1 (1930): 1 - tube-case; 2 - decorative tube; 3 - needle; 4 - knife. Burial No. 2: 5 - needle. Burial No. 6: 6 - leaf-shaped knife. Burial No. 3: 7 - decorative tube. Burial No. 5: 8 - fishing hook

ронний приток р. Лены) в местности Ключ Цакюр (Окладников, 1955. С. 32, 36).

На сегодняшний день эти экземпляры являются единственными представителями данного типа и территориально локализуются на Верхней Лене.

По внешней форме, размерам и оформлению данные бронзовые ножички аналогичны нефритовым и сланцевым ножам из поздненеолитических погребений Прибайкалья; каменные ножички также имеют прямоугольные очертания, односторонне заточенное

шлифовкой лезвие и затупленный противоположный лезвию край (Окладников, 1955. С. 52). Это может свидетельствовать не только о преемственности форм изделий, но и одинаковом характере их использования.

2. Фрагментированный нож-пластина (погребение № 6) длиной 6 см, с наибольшей шириной 1,7 см и толщиной до 0,4 см, имеет форму прямоугольной пластины с одним зауженным краем; данный край и ему противоположный обломаны. В сечении предмет односторонне-выпуклый, трапециевидный с заглаженными гранями, в профиле прямоугольный, с зауженным одним краем. Края лезвий имеют глубокие дугообразные бороздки-выщерблины и тонкие штриховые насечки, расположенные параллельно краям лезвий, что свидетельствует об использовании орудия, как режущего инструмента (рис. 2.6).

Основываясь на предположительной реконструкции, изделие можно классифицировать как малый листовидный, двулезвийный режущий инструмент – нож, односторонне-выпуклый в сечении, имеющий односторонне заточенные с выгнутой стороны длинные края (Окладников, 1955. С. 30). По форме ножи из бронзы повторяют кремневые листовидные ножи, фиксируемые в поздненеолитических погребениях серовской культуры на территории Прибайкалья (Окладников, 1955. С. 51).

Наиболее близкий по форме аналог изделию зафиксирован в погребении № 1 могильника Силинка на верхней Лене, предварительно датированного поздним бронзовым веком (3400–3600 л. н.) (Белоненко, Меньшагин, 2000. С. 55, 60; Песков, Молчанов, 2023. С. 546).

Ножи данного типа найдены М.П. Овчинниковым в Глазкове (дача Луна), на 7-й версте; в Подострожном (обломки), в Усть-Уде, № 9, и на Чадобце, а также М.М. Герасимовым в Фофанове, № 18 (1948 г.) и № 7 (1950 г.) (Окладников, 1955. С. 30).

Трубочки (3 экз.):

1. Крупная полая трубочка-футляр из погребения № 1 (1930 г.) изготовлена из пластины металла толщиной около 1 мм, свёрнутой в виде трубочки с плотным наложением одного края на другой и с одним зауженным концом. Длина изделия 16,6 см, диаметр узкого её конца 9 мм, широкого – 12 мм (рис. 2.1). По описанию А.П. Окладникова, «... внутри трубочки оказался плотно заполнявший её гранёный, с ясными следами срезов, кусочек дерева или какого-

то растения...», поэтому изделие можно классифицировать как футляр для вложения и хранения в нём каких-либо подходящих по размерам предметов (Окладников, 1955. С. 42; Песков, Николаев, Клементьев, 2016. С. 23).

Изделие, по своему, уникально тем, что это первая целая и единственная крупная трубочка-футляр, зафиксированная в погребениях глазковской культуры бронзового века Прибайкалья, но, к сожалению, сам предмет, возможно, утерян, так как в археологической коллекции ИОКМ отсутствует.

Медные и бронзовые трубочки-футляры (игольники) не редко фиксируются на территории Предбайкалья и Прибайкалья в погребениях бронзового века:

на Лене в погребении № 4 могильника Усть-Ямный (Зубков, 1982. С. 95)²;

на Ангаре в погребениях № 32, 36 могильника Шумилиха (шумилихинская группа погребений бронзового века, 4850–3850 л. н.) (Горюнова, 2002. С. 7, 10, 54);

в Приольхонье: погребениях № 2, 40 могильника Улярба (поздний этап глазковской культуры); в погребениях № 12, 13, 14 могильника Курма XI, отнесённых к 1-й группе захоронений, датированных 1-й пол. III – 2-й третью III тыс. до н. э. (Горюнова, Новиков и др., 2004. С. 19, 56, 58, 61; Горюнова, Вебер, Новиков, 2012. С. 143, 161, 164).

2. Трубочка из погребения № 1 (1930 г.) выполнена из свёрнутой тонкой кованой пластиинки металла с налегающими друг на друга краями. Длина изделия 3,2 см, ширина – 0,5–0,7 см (рис. 2.2). Описывая подобные изделия из глазковских погребений бронзового века Прибайкалья, А.П. Окладников определил их как украшения одежды (Окладников, 1955. С. 40, 42; Песков, Николаев, Клементьев, 2016. С. 23).

3. Небольшая полая трубочка (погребение № 3), изготовленная из пластиинки металла толщиной около 1 мм, свёрнутого в виде полой трубочки с плотным стыковочным совмещением краёв пластины. Длина изделия 4,7 см, диаметр – 0,8 см. Внутри трубочки, ближе к центру, находился металлический поперечный стопор в виде S-образно скрученной перегородки (рис. 2.7). Изделие находилось поверх запястья левой руки погребённого и, возможно, являлось нашитым на рукав одежду.

² Зубков В.С. Неолит и бронзовый век Верхней Лены : дис. ... канд. ист. наук. Л., 1982. 310 с.

В целом бронзовые трубочки как украшения редко сопровождают погребения бронзового века на территории Предбайкалья и Прибайкалья: № 5 могильника Старый Качуг-Белоусова, № 4 могильника Усть-Ямный, № 2 могильника Улябра, № 32 могильника Шумилиха (Окладников, 1955. С. 40; Зубков, 1982. С. 9³; Горюнова, Новиков и др., 2004. С. 9; Горюнова, 2002. С. 7).

Крючок рыболовный

Крючок классической формы с изогнутым дугой телом, выполнен из четырёхгранных в сечении тонкого металлического прута или проволоки. Крепёжный конец слегка уплощён, для крепления лесы произведена встречная проточка металла по граням, жальце не сохранилось. Крючок имеет высоту 3,6 см, в части жала в сечении круглый (d=2,3 мм), в части туловища – прямоугольный с наибольшей шириной 3,5 мм (рис. 2.8).

В целом рыболовные крючки из бронзы сопровождают единичные погребения могильников бронзового века на территории Байкальской Сибири:

на Лене в погребениях № 5,9 могильника Силинка, предварительно датированного поздним бронзовым веком (3400–3600 л. н.) (Песков, Молчанов, 2023. С. 546);

на Ангаре в погребении № 1 в Ленковке, № 8 в Усть-Уде, № 4 в Нохое (Окладников, 1955. С. 37);

в Приольхонье в погребениях № 35, 38 могильника Улябра, отнесённых к 1-й группе захоронений позднего этапа глазковской культуры (Горюнова, Новиков и др., 2004. С. 43, 46, 61);

в долине р. Селенги, в погребениях раннего этапа глазковской культуры (4100–3600 л. н.) Фофанского могильника (Окладников, 1955. С. 37; Лбова, Жамбалтарова, Конев, 2008. С. 38, 43, 53).

Состав сплавов, рудная база, функциональные и механические свойства предметов

Для всех, имеющихся в наличии изделий (игла, крючок рыболовный, ножичек, трубочка), в лаборатории рентгеновских методов анализа ФГБУН Института геохимии им. А.П. Виноградова СОРАН (г. Иркутск) выполнен рентгенофлуоресцентный анализ (РФА) химического состава сплавов (табл. 1).

Таблица 1. Химический состав сплавов металлических изделий из погребений Усть-Илгинского могильника

Table 1. The chemical composition of alloys of metal products from the burials of Ust-Ilginsky burial ground

Идентификация образца	Содержание, %						
	Cu	Sn	As	Pb	Ni	Fe	Bi
Игла (погребение № 2)	78	20		0,1		0,6	
Крючок рыболовный (погребение № 5)	97	1,8		0,1		0,7	
Ножичек (погребение № 6)	89,5	10	0,1	0,06		0,4	
Полая трубочка (погребение № 3)	89		8		0,15	1,0	1,2

Согласно полученным данным предметы изготовлены из двух видов бронз: оловянной (3 экз.) и мышьяковистой (1 экз.). В сплавах изделий из оловянной бронзы помимо основной легирующей добавки – олова (Sn), присутствуют в следах железо (Fe) и свинец (Pb). В одном случае, присутствует мышьяк (As) в содержании 0,1 %, наличие которого можно объяснить привнесением вместе с исходной рудой (Сергеева, 1981. С. 20).

В сплаве изделия из мышьяковистой бронзы помимо основной легирующей добавки – мышьяка (As), присутствует висмут (Bi); в следах – никель (Ni) и железо (Fe).

При рассмотрении химического состава каждого предмета можно сделать вывод, что изделия разного функционального назначения характеризуются наличием отличного процентного содержания легирующих добавок, вводимых для признания необходимых прочностных и прочих свойств металлу.

Так, игла изготовлена из оловянного сплава бронзы (Cu+Sn), в котором содержание меди 78 % и олова 20 % с присутствием десятых долей процента свинца (0,1 %) и железа (0,6 %), имеющих природный характер и не являющихся легирующими добавками (сопутствующие примеси). Прочностные свойства подобных сплавов нарастают до достижения 25 % олова в бронзе, но большее содержание олова резко уменьшает твёрдость сплава; если олова в сплаве больше чем 15 %, то горячий металл становится хрупким и ковка его не возможна, значит, изделие можно получать только литьём (Шубин, 2015. С. 79). Таким образом, для изготовления иглы получена ме-

³ Зубков В.С. Неолит и бронзовый век Верхней Лены : дис. ... канд. ист. наук Л., 1982. 310 с.

таллическая преформа (возможно, бронзовая пластина или стерженёк) способом литья, а затем изделие оформлено окончательно вырезанием и шлифовкой. Двадцати процентное содержание олова в металле придало максимальные прочностные характеристики игле как инструменту тонкому и длинному, и напрямую соответствовало способу применения изделия: прокалывание или расширение отверстий в различных материалах (кожа, береста и т. д.) и протягивание нитей.

Ножичек выполнен из оловянного сплава (Cu+Sn), где меди 89,5 % и олова 10 %, также присутствуют в десятых долях процента мышьяк (As – 0,1 %) и железо (Fe – 0,4 %), в сотых долях – свинец (Pb – 0,06 %), имеющие природный характер (сопутствующие примеси). Изделие скорее всего выполнено способом горячей ковки, а преформа получена литьём. При данном количестве олова металл одновременно получает отличную стойкость к износу, годен для восстановления: заточки рабочего края-лезвия подправкой и шлифовкой абразивными материалами.

Рыболовный крючок выполнен из оловянного сплава (Cu+Sn), где меди 97 % и олова 1,8 % с присутствием десятых долей процента свинца (Pb – 0,1 %) и железа (Fe – 0,7 %), являющихся сопутствующими примесями. При данном количестве олова металл характеризуется пластичностью и гибкостью, с одной стороны, и прочностью – с другой, способен выдерживать длительное время относительно большие нагрузки на излом, которые могут привести к изменению формы предмета, но без его фрагментации (разрушению). Кроме того, сплав хорошо поддаётся холодной ковке, т. е. при наличии преформы, например, тонкого бронзового прута, сравнительно не трудно придать заготовке вид законченного изделия способом проковки, загибания, подточки и шлифования.

Бронзовая трубочка выполнена из сплава меди (Cu – 89 %) с мышьяком (As – 8 %), также присутствуют висмут (Bi – 1,2 %), никель (Ni – 0,15 %) и железо (Fe – 1 %). Наличие мышьяка в качестве легирующей добавки классифицирует металл как мышьяковистую бронзу (Cu+As). В отличие от оловянной бронзы данный сплав легче подвергается деформации (ковке) без разрушения и лучше подходит для резки или рубки, и уже при количестве 0,5–1,5 % мышьяк снижает линейную усадку и повышает жидкотекучесть сплава (Равич, Рындина, 1984. С. 114). С другой стороны,

наличие в сплаве висмута (1,2 %) как сопутствующей примеси отрицательно сказывается на пластичности бронзы, которая становится хрупкой и в холодном состоянии, т. е. ковка и прокатка затруднительны и наиболее оптимальным является литьё. Одновременно с этим мышьяк значительно нейтрализует отрицательное влияние примеси висмута и скорее всего его намеренное большое содержание (8 %) в сплаве связано с попыткой добиться повышения прочности бронзы для выполнения дальнейшей механической обработки – ковке (Воздвиженский, Грачев, Спасский, 1984)⁴. Также характерной особенностью данной бронзы является то, что при выплавке металла (t выше 1300°) мышьяк испаряется и его содержание при каждой переплавке (напр. металлургического брака и лома) уменьшается, что отрицательно сказывается на качестве изделий, т. е. на определённом этапе металл теряет все первоначальные свойства. Возможно, сохранению мышьяка в металле способствует добавка никеля, т. е. легирование могло производиться и с помощью какого-то мышьяково-никелевого минерала (Григорьев, 2017. С. 150).

Основной компонент сплавов медь в природном состоянии фиксируется в самородном виде, что достаточно редко, обычно встречается в соединениях с другими элементами, в основном в виде сульфидов (халькопирит, халькозин, куприт, малахит, ковеллин и др.) (Кожина, Акмаева, 2017)⁵. Сульфиды меди также встречаются в осадочных породах – в составе мединистых песчаников и сланцев.

На Верхней Лене широко распространены окисные руды типа ленских мединистых песчаников, имеющие неглубокое залегание, иногда выходящие непосредственно на дневную поверхность по береговым обнажениям и на склонах гор (Сергеева, 1981. С. 45). Максимальное содержание меди в не мощных рудоносных слоях (5–30 см) составляет до 6–7 %, иногда до 10 %, что характеризует руды как вполне «промышлённые». В качестве попутных элементов присутствуют: мышьяк – 0,01–1,0 %; в тысячных долях процента – свинец, висмут, никель, кобальт; фикси-

⁴ Воздвиженский В.М., Грачев В.А., Спасский В.В. Литейные сплавы и технология их плавки в машиностроении : учеб. пособие для вузов. М. : Машиностроение, 1984. 432 с.

⁵ Кожина Л.Ф., Акмаева Т.А. Медь и её соединения : учеб.-метод. пособие для студентов. Саратов, 2017. 53 с.

руются следы олова, молибдена, рения, золота, сурьмы и цинка (Сергеева, 1981. С. 47).

Также крупные месторождения меди фиксируются в горах Восточного Саяна и в северной части Баргузинского хребта; мелкие рудопроявления отмечены в Присаянье (долины рек Бирюса и Уда) и на западном побережье озера Байкал (западноприбайкальский меднорудный район) (Винокуров, Суходолов, 2009).

Олово в виде россыпных и коренных проявлений присутствует в пределах Саянской редкоземельной провинции и на Патомском нагорье. В частности, в бассейнах р. Урика (от устья Гужиры до р. Борты), Ермы и Онота, в среднем течении рек Белой и Оки, мелкие россыпи олова выявлены в аллювии некоторых притоков реки Бирюсы. Промышленное значение имеет Бельское месторождение олова, находящееся в горах Восточного Саяна на границе с Республикой Бурятия (Авдонин, Бойцов, Григорьев и др., 2005)⁶.

Таким образом, можно предположить, что для производства предметов из оловянной бронзы, зафиксированных в погребениях Усть-Илгинского могильника, основой могла служить местная рудная база (ленские медистые песчаники), а металлическое олово могло привноситься из месторождений Восточного Саяна и Патомского нагорья, т. е. легирование могло происходить по схеме «металлом в металл». Но, вероятнее всего, на территорию Верхней Лены доставлялись уже готовые изделия или металлические заготовки (преформы), из которых эти изделия выплавлялись.

Минералы мышьяка (как правило, это сульфиды) в основном присутствуют в составе арсенопиритовых руд с содержанием As 9–10 %, полиметаллических руд (As – 6–9 %) и скородитовых (As – 1–12 %). Сульфидные медно-мышьяковые руды (As – 0,04–0,25 %) встречаются в пределах Северо-Байкальского рудного района (междуречье Баргузина и Верхней Ангары – Намаминское месторождение), значительно присутствуют в Забайкалье (Дарасунское и Шерловогорское месторождения), в горах Восточного Саяна (месторождение Ак-Суг) (Винокуров, Суходолов, 2009).

⁶ Авдонин В.В., Бойцов В.Е., Григорьев В.М. и др. Месторождения металлических полезных ископаемых : учебник для студентов высших учебных заведений. М. : Трикста : Академический проект, 2005. 717, [1] с.

Руды с большим содержанием висмута (более 1,0 %) встречаются редко и сам металл обычно фиксируется в составе комплексных полиметаллических руд, среди которых мышьяк-висмутовые руды, медно-висмутовые и т. д. На территории юга Восточной Сибири руды с содержанием висмута известны на Рудном Алтае и в Забайкалье (Авдонин, Бойцов, Григорьев и др., 2005)⁷. Для Забайкалья Н.Ф. Сергеева отмечает наличие парной корреляции элементов As–Bi (мышьяк-висмут), которая отсутствует в рудах Предбайкалья и Прибайкалья (Сергеева, 1981. С. 53, 55).

Также в Забайкалье отмечается присутствие Bi (0–4,5 %) и Ni (0–3,5 %) в составе руд, богатых минералами, относящимися к группе медистых супфосолей из так называемых блёклых руд (напр. Дарасунское месторождение), проявления которых также не зафиксированы на территориях Предбайкалья и Прибайкалья (Сергеева, 1981. С. 53, 55).

Таким образом, можно предположить, что бронзовая трубочка из погребения № 3 Усть-Илгинского могильника изготовлена из медесодержащей руды с добавлением мышьяк-висмутовой руды из месторождений либо Рудного Алтая, либо Забайкалья. Возможно, изделие выполнено из сплава медесодержащих руд и блёклых полиметаллических руд, присутствующих на территории Забайкалья, и на Верхнюю Лену готовый предмет или преформа для выплавки изделий доставлены в готовом виде.

Немаловажное значение для данного изделия как украшения имеет цвет металла. При добавлении к меди 1–3 % мышьяка получается металл красного цвета, 4–12 % – золотистого, более 12 % – серебристо-белых тонов. Сплав, в составе которого присутствует высокое содержание мышьяка, внешне напоминает серебро, а серебро в древности ценилось намного выше меди, и этим объясняется его высокое содержание в украшениях (Шубин, 2015. С. 77, 78). При содержании мышьяка 8 % усть-илгинская трубочка могла иметь золотистый цвет, возможно, наличие висмута могло придать изделию цвет, ближе к серебристому.

⁷ Авдонин В.В., Бойцов В.Е., Григорьев В.М. и др. Месторождения металлических полезных ископаемых : учебник для студентов высших учебных заведений. М. : Трикста : Академический проект, 2005. 717, [1] с.

Для предметов из оловянной бронзы также при разных процентных содержаниях олова в сплаве изделия приобретают разный цветовой оттенок:

– игла из погребения № 2, где в сплаве меди 78 % и олова 20 %, могла иметь желтовато-серебристый цвет;

– пластинчатый ножичек из погребения № 6, где в сплаве меди 89,5 % и олова 10 %, мог иметь красный или тёмно-розовый цвет;

– рыболовный крючок из погребения № 5, где в сплаве меди 97 % и олова 1,8 %, мог иметь тёмно-красный цвет.

Культурно-хронологическая принадлежность изделий

Согласно современным представлениям в археометаллургии наблюдается в большинстве случаев последовательный временной переход: чистая медь – мышьяковая медь – оловянная бронза (Григорьев, 2017. С. 150) – это, с одной стороны. С другой стороны, в производстве изделий могли одновременно использоваться все три вида сплавов (Черных, Кузьминых, 1989).

На территории Прибайкалья на первом этапе металлообработки употреблялась «чистая медь» («хальколит», по А.П. Окладникову). На втором этапе (появление бронзы, по А.П. Окладникову) появляются изделия с характерными и стабильно низкими добавками олова (до 1,5 %) или мышьяка (до 1,7 %) – это оловянистые, мышьяковистые и оловянно-мышьяковистые виды сплавов (Сергеева, 1981. С. 24, 25).

Изделия из меди и бронзы на раннем этапе бронзового века Прибайкалья (раннеглазковская культура: III тыс. до н. э.) представлены листовидными крупными плоскими ножами бесчертенковых форм, изготовленными из чистой меди, бронзовыми иглами, трубочками-игольниками, украшениями в виде незамкнутых колец, выполненных из проволоки (Горюнова, 2022. С. 493).

В развитом бронзовом веке (позднеглазковская культура: конец III – середина II тыс. до н. э.) расширяется номенклатура изделий, к уже известным типам предметов (за исключением крупных медных ножей) добавляются небольшие пластинчатые ножи, шилья, рыболовные крючки, острия к составным крючкам; украшения дополняются браслетами и бляшками (Горюнова, 2022. С. 494).

В материалах погребений Усть-Илгинского могильника из вышеперечисленных характерных типов изделий присутствуют: бронзовый листовидный нож, небольшой ножичек прямоугольной формы, иглы, рыболовный крючок, крупная, единственная в своём роде, полая трубочка-футляр и украшения в виде небольших полых трубочек. Данный набор изделий характерен для погребального инвентаря и раннего и развитого этапов глазковской культуры бронзового века Прибайкалья.

В начале 90-х гг. XX века получены первые радиоуглеродные даты по человеческим костям из трёх погребений Усть-Илгинского могильника, где в двух погребениях присутствуют изделия из бронзы (Уваров, 2009. С. 147):

погребение № 3 – 4280 ± 100 л. н. (2950 лет до н.э.), № ГИН № 6834, где зафиксирована полая трубочка из мышьяковистого сплава бронзы;

погребение № 5 – 3800 ± 80 л. н. (2340 лет до н.э.), № ГИН № 6836, где зафиксирован рыболовный крючок из оловянного сплава бронзы.

Культурно-хронологически даты охватывают два этапа глазковской культуры бронзового века Байкальской Сибири: ранний (нач. III тыс. до н. э.) и развитый (кон. III тыс. до н. э.).

Заключение

Бронзовые изделия Усть-Илгинского могильника, представленные иглами, ножами, рыболовным крючком, полыми трубочками в целом отражают стандартный набор предметов, характерный для погребальных комплексов бронзового века Байкальской Сибири. Если опираться на полученные даты, характеристику сплавов и типы изделий, то можно предположить, что культурно-хронологическая их принадлежность определяется двумя этапами глазковской культуры: ранний этап (нач. III тыс. до н. э.) и развитый этап (кон. III тыс. до н. э.).

На территориях Предбайкалья и Прибайкалья медь и медесодержащие руды присутствуют: на Верхней Лене – окисные руды типа ленских медистых песчаников, в горах Восточного Саяна, в северной части Баргузинского хребта и на западном побережье озера Байкал. Широко представлены полиметаллические руды в Забайкалье, на Рудном Алтае, Туве и в Хакасско-Минусинской котловине, где сложились крупные бронзолитейные металлургические центры.

Из чистой меди изделий в материалах Усть-Илгинского могильника не зафиксировано. Все предметы выполнены из сплава меди с оловом и мышьяком, как основных легирующих добавок. Эти сплавы определяются как оловянная и мышьяковистая бронзы. В материалах могильника присутствуют три изделия из оловянной бронзы и одно – из мышьяковистой.

Для выплавки изделий из оловянной бронзы, возможно, использовались ближайшие россыпные и коренные оловосодержащие рудопроявления из месторождений Саянской редкоземельной провинции или Патомского нагорья. Можно предположить, что для производства «на месте» олово доставлялось на территорию Верхней Лены, но, вероятнее всего, использовались уже готовые бронзовые изделия или металлические заготовки (преформы), из которых изделия и выплавлялись.

В химическом составе изделия из мышьяковистой бронзы присутствует также висмут, который совместно с мышьяком образует мышьяк-висмутовую руду, ближайшие месторождения которой расположены на территории Рудого Алтая и в Забайкалье. Помимо висмута в сплаве присутствует никель, присутствующий в составе так называемых блёклых полиметаллических руд, месторождения которых распространены на территории Забайкалья. Возможно, изделие выполнено из сплава медесодержащих руд с мышьяк-висмутовой рудой и блёклыми полиметаллическими рудами, присутствующими на территории Забайкалья, и на Верхнюю Лену предмет или преформа для выплавки доставлены в готовом виде.

При рассмотрении химического состава предметов, выполненных из оловянной бронзы, зафиксировано различное процентное содержание олова, что свидетельствует об изготовлении разных сортов бронзы, которые напрямую влияют на прочность, гибкость и другие свойства металла. При содержании

олова около 2 % металл хорошо поддаётся холодной ковке и дополнительной обработке (пиление, шлифование, сверление и т. д.), сплав обладает пластичностью и гибкостью. Если олова около 10 % металл годен для литья в формах, поддаётся горячей ковке, придаёт изделиям отличную стойкость к износу, поддаётся шлифованию, пиению, сверлению и т. д. При 20 % олова металл годен только для литья в формах, дополнительная обработка возможна пиением, шлифованием, сверлением и т. п.; изделия имеют максимальные прочностные характеристики. Также оловянные бронзы пригодны для многоразовой переплавки без потери свойств металла.

Сплав из мышьяковистой бронзы в отличие от оловянной легче подвергается ковке без разрушения и лучше подходит для дальнейшей обработке – для резки, рубки, пиления, шлифования и т. д. При высокотемпературных плавках и переплавках (t выше 1300°) мышьяк испаряется и его содержание уменьшается, что отрицательно сказывается на качестве изделий, т. е. на определённом этапе металл теряет все первоначальные свойства. Возможно, поэтому, изделия из данного сплава представлены украшениями, т. е. предметами, для которых механические нагрузки минимальны.

Также необходимо отметить, что бронзовые изделия в зависимости от процентного содержания легирующих добавок имеют разные цветовые оттенки. Так, предметы из погребений Усть-Илгинского могильника, выполненные из оловянной бронзы, имели цвет от тёмно-красного до желтовато-серебристого, а из мышьяковистой бронзы – ближе к серебристому (белому) цвету. Возможно, дальнейшие исследования, направленные на установление взаимосвязи между функциональными свойствами предметов из металла и их цветом, дополнят общую структурную картину погребального обряда могильников бронзового века в целом.

Список источников

Белоненко В.В., Меньшагин Е.В. Могильник Силинский на Верхней Лене // Байкальская Сибирь в древности. Иркутск : Изд-во Иркут. гос. пед. ун-та, 2000. Вып. 2. Ч. 2. С. 51–66.

Винокуров М.А., Суходолов А.П. Экономика Иркутской области : в 6 т. Иркутск : Изд-во Иркут. гос. экон. акад., 2009. Т. 6. 291 с. EDN: OWNTFB.

Горюнова О.И. Древние могильники Прибайкалья (неолит – бронзовый век). Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2002. 84 с. EDN: TRLSE.

References

Belonenko V.V., Men'shagin E.V. (2000) The Silinsky burial ground on the Upper Lena. *Baikal Siberia in Ancient Times*. Irkutsk: Irkutsk State University. Iss. 2. Pt. 2. P. 51-66. (In Russ.).

Vinokurov M.A., Sukhodolov A.P. (2009). Economy of Irkutsk region. In 6 vol. Irkutsk: Irkutsk State Economic University. Vol. 6. 291 p. (In Russ.). EDN: OWNTFB.

Goryunova O.I. (2002) Ancient burial grounds of the Baikal region (Neolithic-Bronze Age). Irkutsk: Irkutsk State University. 84 p. (In Russ.). EDN: TRLSE.

Горюнова О.И. Прибайкалье в развитом бронзовом веке. Позднеглазковская культура // История Сибири. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2022. Т. 1: Каменный и бронзовый век. С. 493–497. EDN: AQYGXU.

Горюнова О.И., Вебер А.В., Новиков А.Г. Погребальные комплексы неолита и бронзового века Приольхонья: могильник Курма XI : монография / отв. ред. Г.И. Медведев. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2012. 271 с. EDN: TQHXP.

Горюнова О.И., Новиков А.Г., Зяблин Л.П., Смотрова В.И. Древние погребения могильника Улярба на Байкале (неолит – палеометалл). Новосибирск : Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2004. 87 с. EDN: IPGFHJ.

Григорьев С.А. Технологии плавки руды и причины смены типов легирования в древней металлургии Евразии // Геоархеология и археологическая минералогия: мат-лы IV Всеросс. мол. науч. шк. Миасс : Институт минералогии УрО РАН, 2017. С. 150–154. EDN: ZFHWMD.

Лбова Л.В., Жамбалтарова Е.Д., Конев В.П. Погребальные комплексы неолита – раннего бронзового века Забайкалья (формирование архетипов первобытной культуры). Новосибирск : Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2008. 247 с. EDN: QPJVRV.

Николаев В.С., Уваров А.И. Погребальный обряд Усть-Илгинского могильника на Верхней Лене // Проблемы археологии, истории, краеведения и этнографии Приморского края. Красноярск, 1992. Т. 1. С. 100–104.

Новиков А.Г., Вебер А.В., Горюнова О.И. Погребальные комплексы бронзового века Прибайкалья: могильник Хужир-Нугэ XIV. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. 296 с. EDN: QPRKSN.

Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Историко-археологическое исследование. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1950. Ч. 1, 2. 412 с. (Материалы и исследования по археологии СССР; № 18).

Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Историко-археологическое исследование. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1955. Ч. 3. Глазковское время. 377 с. (Материалы и исследования по археологии СССР, № 43).

Окладников А.П. Неолитические памятники Средней Ангары (от устья Белой до Усть-Уды). Новосибирск : Наука, 1975. 319 с.

Песков С.А. Типология каменных наконечников стрел Усть-Илгинского могильника // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 2. С. 9–28. DOI: 10.21285/2415-8739-2019-2-9-28. EDN: PKCHAC.

Песков С.А., Молчанов Г.Н. Археологические исследования в Жигаловском и Качугском районах Иркутской области // Археологические открытия. 2020. Т. 2018. С. 493–495. DOI: 10.25681/IARAS.2020.978-5-94375-326-8.493-495. EDN: HAIJRW.

Песков С.А. Молчанов Д.Н. Археологические исследования в Иркутске и области // Археологические открытия. 2023. Т. 2021. С. 545–548. EDN: OMVETQ.

Goryunova O.I. (2022) Baikal region in the advanced Bronze Age. The Late Glazkovo culture. *History of Siberia. Vol. 1: Stone and Bronze Age*. Novosibirsk: Institute of Archeology and Etnography of the Siberian of the Russian Academy of Sciences. P. 493-497. (In Russ.). EDN: AQYGXU.

Goryunova O.I., Weber A.V., Novikov A.G. (2012) Neolithic and Bronze Age burial assemblages of the Ol'khon region: burial ground of Kurma XI: monograph. Irkutsk: Irkutsk State University. 271 p. (In Russ.). EDN: TQHXP.

Goryunova O.I., Novikov A.G., Zyablin L.P., Smotrova V.I. (2004) Ancient burials of the Uliarba cemetery on the Lake Baikal (Neolithic to Paleometal Era). Novosibirsk: Institute of Archeology and Etnography of the Siberian of the Russian Academy of Sciences. 87 p. (In Russ.). EDN: IPGFHJ.

Grigor'ev S.A. (2017) Ore smelting technologies and the reasons for the change of alloying types in the ancient metallurgy of Eurasia. *Geoarchaeology and Archaeological Mineralogy: Proceedings of the IV All-Russian. Young Scientific School of the City of Mias*. Miass: Institute of mineralogy URO RAN. P. 150-154. (In Russ.). EDN: ZFHWMD.

Lbova L.V., Zhambalтарова Е.Д., Конев В.П. (2008) Funerary assemblage of the Neolithic-Early Bronze Age of Transbaikalia (formation of archetypes of primitive culture). Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian of the Russian Academy of Sciences. 247 p. (In Russ.). EDN: QPJVRV.

Nikolaev V.S., Uvarov A.I. (1992) Burial ceremonial of burial site Ust'-Ilginsky on Upper Lena River. *Problems of Archaeology, History, Regional Studies and Ethnography of Yenisey Region*. Krasnoyarsk. Vol. 1. P. 100-104. (In Russ.).

Novikov A.G., Weber A.V., Goryunova O.I. (2010) Bronze Age burial assemblages of the Cisbaikalia: the Khuzhir-Nuge XIV cemetery. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian of the Russian Academy of Sciences. 296 p. (In Russ.). EDN: QPRKSN.

Okladnikov A.P. (1950) Neolithic and Bronze Age of Cis-Baikalia. Moscow-Leningrad: Academy of Sciences of USSR. Pt. 1, 2. 412 p. (MIA. No. 18). (In Russ.).

Okladnikov A.P. (1955) Neolithic and Bronze Age of the Cisbaikalia. Moscow-Leningrad: Academy of Sciences of USSR. No. 43. Pt. 3. Glazkovo period. 377 p. (In Russ.).

Okladnikov A.P. (1975) Neolithic sites of the Middle Angara: (from the mouth of Belaya to Ust-Uda). Novosibirsk: Nauka. 319 p. (In Russ.).

Peskov S.A. (2019) Typology of stone arrowheads from the Ust'-Ilginsky cemetery. *Journal of Ancient Technology Laboratory*. Vol. 15. No. 2. P. 9–28. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2019-2-9-28. EDN: PKCHAC.

Peskov S.A., Molchanov G.N. (2020) Archaeological research in the Zhigalovsky and Kachugsky districts of the Irkutsk region. *Archaeological Discoveries*. Vol. 2018. P. 493-495. (In Russ.). DOI: 10.25681/IARAS.2020.978-5-94375-326-8.493-495. EDN: HAIJRW.

Peskov S.A. Molchanov D.N. (2023) Archaeological research in Irkutsk and the region. *Archaeological Discoveries*. Vol. 2021. P. 545-548. (In Russ.). EDN: OMVETQ.

Песков С.А., Николаев В.С., Клементьев А.М. Усть-Илгинский могильник на Верхней Лене (по материалам раскопок А.П. Окладникова) // Известия Лаборатории древних технологий. 2016. № 4. С. 19–36. DOI: 10.21285/2415-8739-2016-4-19-36. EDN: XEDKQN.

Равич И.Г., Рындина Н.В. Изучение свойств и микроструктуры сплавов медь – мышьяк в связи с их использованием в древности // Художественное наследие: хранение, исследование, реставрация : Сб. статей. М. : Искусство, 1984. Вып. 9 (39). С. 114–124.

Сергеева Н.Ф. Древнейшая металлургия меди юга Восточной Сибири. Новосибирск : Наука, 1981. 152 с.

Уваров А.И. Датировка Усть-Илгинского могильника (Жигаловский район Иркутской области) // Иркутский историко-экономический ежегодник. Иркутск : Байкальский государственный университет, 2009. С. 144–148. EDN: TLBBDJ.

Уваров А.И., Николаев В.С. Усть-Илгинский могильник // Палеоэтнология Сибири : Тезисы докладов к XXX региональной археологической студенческой конф., Иркутск, 29–31 марта 1990 г. Иркутск, 1990. С. 139–143.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М. : Наука, 1989. 320 с.

Шубин Ю.П. К вопросу о химическом составе металлических изделий эпохи энеолита-бронзы Днепро-Донского региона // Сборник научных трудов Донбасского государственного технического университета. 2015. № 1 (44). С. 76–81. EDN: VSLUDV.

Информация об авторе

Песков Сергей Александрович,
главный специалист отдела подготовки и реализации мероприятий по охране объектов культурного наследия (археология),
Центр по сохранению историко-культурного наследия Иркутской области,
664025, г. Иркутск, ул. 5-й Армии, 2, Россия,
e-mail: ippeskov@mail.ru

Вклад автора

Песков С.А. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 25 июня 2025 г.; одобрена после рецензирования 5 ноября 2025 г.; принята к публикации 17 ноября 2025 г.

Peskov S.A., Nikolaev V.S., Klement'ev A.M. (2016) Burial Site Ust'-Ilginsky on the Upper Lena River (Based on the Data Excavated by A.P. Okladnikov). *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. No. 4 (21). P. 19-36. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2016-4-19-36. EDN: XEDKQN.

Ravitch I.G., Ryndina N.B. (1984) Examination of Properties and Microstructure of Copper-Arsenic Alloys used in Ancient Times. *Artistic Heritage: Storage, Research, Restoration*. Moscow: Iskusstvo. Iss. 9 (39). P. 114-124. (In Russ.).

Sergeeva N.F. (1981) The ancient metallurgy of copper in the South of Eastern Siberia. Novosibirsk: Nauka. 152 p. (In Russ.).

Uvarov A.I. (2009) Dating of the Ust-Irginsky burial ground (Zhigalovsky district of the Irkutsk region). *Irkutsk Historical and Economic Yearbook*. Irkutsk: Baikal State University of Economics and Law. P. 144-148. (In Russ.).

Uvarov A.I., Nikolaev V.S. (1990) Burial site Ust'- Ilginsky. *Paleoethnology of Siberia: Theses of Reports of XXX Regional Archaeological Student Conference*. Irkutsk, March 29–31, 1990. Irkutsk. P. 139-143. (In Russ.).

Chernykh E.N., Kuz'minykh S.V. (1989) Ancient metallurgy in the Northern Eurasia (the Seimin-Turbinsky phenomenon). Moscow: Nauka. 320 p. (In Russ.).

Shubin YU.P. (2015) On the problem of chemical composition of metal goods of Dnepro-Don area dated to the Cooper-Bronze age. *Collection of Scientific Works of DonSTU*. No. 1 (44). P. 76-81. EDN: VSLUDV.

Information about the author

Sergey A. Peskov,
Leading specialist of the Department of Preparation and Implementation of Measures for the Protection of Cultural Heritage (Archaeology),
Center for the Preservation of Historical and Cultural Heritage of the Irkutsk Region,
2, 5th Army St., Irkutsk 664025, Russia,
e-mail: ippeskov@mail.ru

Contribution of the author

Peskov S.A. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted June 25, 2025; approved after reviewing November 5, 2025; accepted for publication November 17, 2025.

Научная статья
УДК 39(571.53)(=512.31)
EDN: UDXYMK
DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2025-4-36-46>

К вопросу о символике божества-прародителя булагатов Буха-нойона и семантике имени его супруги Будан-хатан

С.Б. Болхосоев

Восточно-Сибирский государственный институт культуры, Улан-Удэ, Россия

Аннотация. Статья посвящена исследованию символики божества-прародителя бурятского племени булагатов, известного в традиционной мифологии под именем Буха-нойон. В работе также проводится анализ семантики имени его супруги, Будан-хатан. Определено, что в прошлом данные почитаемые божества имели значительное распространение в бурятской культурной традиции. Помимо булагатов, их культ был принят и другими бурятскими племенами, такими как хоринцы и эхириты. Высокая популярность племенных предков булагатов обусловлена их значительным влиянием на процесс формирования бурятского этноса, а также богатым спектром религиозно-мифологических образов божеств и их функций. Установлено, что данное многообразие интерпретаций обусловлено традиционным мировоззрением булагатов, которое сформировалось на основе различных форм архайчных верований и шаманизма, отражающих хозяйствственно-культурные и социально-экономические аспекты их жизни. При этом среди представленного ряда божеств-прародителей особенно выделяется образ Буха-нойона, получивший в традиции более глубокую проработку. Данное обстоятельство демонстрирует главенствующий статус божества в религиозно-мифологической парадигме. Соответственно, в контексте племенной традиции булагатов, божество наделялось качеством центрального/ключевого демиурга. Этим же обусловлен культ супруги Буха-нойона, чей образ в рамках фольклорного наследия отличался ограниченным спектром интерпретаций по сравнению с более многогранными характеристиками Буха-нойона. Тем не менее, оба божественных предка, выступая в качестве творцов мира богов и людей, наделены положительной символикой в рамках традиционной культуры. Они представляют добрые и светлые силы, тесно ассоциируемые с Саянскими горами, которым свойственно по естественным причинам затягиваться туманом и облаками. Доказывается, что образ супруги прародителя булагатов связан с атмосферными явлениями и имеет отражение в ее именовании.

Ключевые слова: буряты, булагаты, шаманизм, культ, прародитель, божество, племя, символ, центр мира, традиция

Для цитирования: Болхосоев С.Б. К вопросу о символике божества-прародителя булагатов Буха-нойона и семантике имени его супруги Будан-хатан // Известия Лаборатории древних технологий. 2025. Т. 21. № 4. С. 36–46. DOI: 10.21285/2415-8739-2025-4-36-46. EDN: UDXYMK.

Ethnology

Original article

On the question of the symbolism of the Deity-Progenitor of the Bulagats Bukha-Noyon and the semantics of the name of his wife Budan-Khatan

Stanislav B. Bolkhosoev

The East-Siberian State Institute of Culture, Ulan-Ude, Russia

Abstract. The article is devoted to the study of the symbolism of the ancestral deity of the Buryat Bulagat tribe, known in traditional mythology as Bukha-Noyon. The paper also analyzes the semantics of his wife's name, Budan-Khatan. It is determined that in the past these revered deities were widespread in the Buryat cultural tradition. In addition to the Bulagats, their cult was adopted by other Buryat tribes, such as the Khoris and the Ekhirites. The high popularity of the Bulagat tribal ancestors is due to their significant influence on the formation of the Buryat ethnic group, as well as a rich range of religious and mythological images of deities and their functions. It is established that this variety of interpretations is due to the traditional worldview of the Bulagats, which

was formed on the basis of various forms of archaic beliefs and shamanism, reflecting the economic, cultural and socio-economic aspects of their lives. At the same time, among the presented number of ancestral deities, the image of Bukha-Noyon stands out, which has received a deeper elaboration in the tradition. This circumstance demonstrates the dominant status of the deity in the religious and mythological paradigm. Accordingly, in the context of the Bulagat tribal tradition, the deity was endowed with the quality of a central demilurge. This is also the reason for the cult of Bukha-Noyon's wife, whose image within the framework of folklore heritage was distinguished by a limited range of interpretations compared to the more multifaceted characteristics of Bukha-Noyon. Nevertheless, both divine ancestors, acting as creators of the world of gods and humans, are endowed with positive symbols within the framework of traditional culture. They represent good and bright forces closely associated with the Sayan Mountains, which tend to be obscured by fog and clouds for natural reasons. It is proved that the image of the wife of the Bulagats progenitor is associated with atmospheric phenomena and is reflected in her naming.

Keywords: Buryats, Bulagats, shamanism, cult, ancestor, deity, tribe, symbol, center of the world, tradition

For citation: Bolkhosoev S.B. (2025) On the question of the symbolism of the Deity-Progenitor of the Bulagats Bukha-Noyon and the semantics of the name of his wife Budan-Khatan. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 21. No. 4. P. 36-46. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2025-4-36-46. EDN: UDXYMK.

В шаманистской системе верований и культов бурят значительное место занимает почитание мифических прапрородителей, чьи образы представляют собой семантически насыщенные источники для анализа различных аспектов культуры и мировоззрения данного этноса. Соответственно, эта тематика находится в фокусе внимания исследователей, занимающихся изучением не только мифологической и культурной специфики бурятского народа, но и вопросов, связанных с его этногенезом и этнической историей.

В этом плане особый интерес вызывает религиозно-мифологический образ прапрородителя бурятского племени булагатов, известный в литературе как Буха-нойон. Данный акцент обусловлен его значительным распространением в культурной традиции, подкрепленным с немалым числом фольклорно-этнографических материалов, содержащих описание мифического основателя данного племени. К тому же последнему принадлежит важнейшая роль в формировании бурятского этноса, что, в частности, подчеркивается включением булагатского прапрородителя в генеалогические мифы других групп бурят (Павлов, 2009. С. 25).

Данный образ стал предметом специального исследования ряда ученых, в частности, И.О. Шаракшиновой (Шаракшина, 1959), Е.В. Павлова (Павлова, 2000)¹, Н.Б. Дашиевой (Дашиева, 2014), М.Д. Зомонова (Зомонов, 2014) и др. Среди научных трудов следует выделить диссертацию

Е.В. Павлова, представляющую собой одно из наиболее фундаментальных исследований, освещающего на анализе широкого круга источников и материалов истоки и семантику мифологических и фольклорных сюжетов и образов, связанных с культом упомянутого первопредка бурятской группы (Павлов, 2000. С. 15, 250)². Другие исследователи в большей степени акцентируют внимание на отдельных проблемных аспектах культа булагатских прапрородителей как в историко-культурном направлении, так и в ареальном.

Несмотря на достигнутые успехи и прогресс в исследовании данной темы, ряд вопросов продолжает оставаться предметом дискуссий. В частности, это касается анализа символических и семантических характеристик религиозно-мифологического концепта, рассматриваемого первопредка, а также интерпретации имени его супруги Будан-хатан. В связи с этим в настоящей статье предлагается еще раз рассмотреть данные аспекты с целью их дополнения и более глубокого понимания в рамках исследуемой проблематики.

Булагаты представляют собой одно из основных племенных подразделений бурятского этноса. Известные с XVII в., они расселены на территории бассейна верхнего и среднего течения р. Ангары, а также в некоторых прибрежных районах оз. Байкал, р. Селенги и ее притоков. Родовой состав племени представлен такими группами как алагуй, хурхут, далхай, хойхо, олзой, мурсы, баттай, буйн, готов, ашабагат, абаганат, хогой, онгой и т. д. Их единство, основанное на этнической и культурной идентично-

¹ Павлов Е.В. Семантика религиозно-мифологического образа Буха-нойона: К проблеме происхождения культа териоморфного предка булагатов: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.07 / Е.В. Павлов. Улан-Удэ, 2000. 253 с.

² Там же.

сти, в недавнем прошлом дополнялось и верой в происхождение от общего божества-праородителя – Буха-нойона (в пер. «Быка-князя/господина»). В паре с богиней Будан-хатан, выступавшей его супругой, они неизменно упоминались в шаманских призываиях и гимнах, произносимых на религиозных обрядах и ритуалах булагатов:

<i>Буха ноён баабай, Будан хатан иибии, Нарайма ехэ эбэрээрээн, Үндэр тэнгэри нийлэхэн, Нанжама ехэ бойногоорон Ургэн дэлхэй шударhan, Баанан газартаа Бар тайга ургуулhan, Шээхэн газартаа Шэбэр тайга ургуулhan ...</i>	Отец – Буха нойон, Мать – Будан хатан, Своими большими рогами Высокое небо прорезавший, Вислым большим войлоком, Родимую землю исшоркавший, Там, где испражнялся, Густую тайгу вырастивший, Там, где мочился, Непроходимую тайгу вырастивший (Балдаев, 2019. С. 53).
---	--

<i>Бурят хүни заябари Булагат хүни тухэ. Буха ноён баба Будан хатан иби, Улан тортон ума Хөхөн тортон ху. ...</i>	Создатели бурятского народа, Происхождение булагатского народа. Отец Буха-нойон, Мать госпожа Будан. Красный шелк утроба. Синий шелк пупок (Хангалов, 2004б. С. 59).
--	--

<i>Буряйни заябари. Булганий түүхэ. Буха ноён баабайн Бойног доогуур шургуула- жна, Будан хатан иибин Уумай доогуур шургуула- жна, Голхуудай хатан иибин Голто бурхан заябари- ан Захалжа дурдабаб. (Тушемилов, 1995. С. 6).</i>	Создатели бурят, Происхождение булагатов. Буха-нойона отца Под гравенкой склоняясь, Матери Будан-хатан Под утробой поклоняясь, С главной матери госпожи С главного бога-творца Начинаю призывать (Перевод наш).
--	--

<i>Бурят хуунэй гаргабали, Балагат хуунэй туухэ, Минган елдэ минаа ба- рюулhan, Тумэн елдэ туургэ</i>	Праородители бурят, Происхождение булагатов, Давшие тысячи лет владеть кнутом, Давшие многие века читать
---	--

бодхооён.
Буха ноён баабай
Будан хатан иибии!
Адуутай баян болгогты,
Ашатай унэр болгогты!
свои корни,
Отец – Буха нойон,
Мать – Будан хатан!
Увеличьте наши табуны,
Умножьте наши рода!
(Перевод наш).

(Балдаев. Ф. 36. Оп. 1. Д. 124. Л. 140)³

Следует отметить, что из данной четы божеств-праородителей булагатов, образ Буха-нойона получил в традиции более глубокую проработку. На это указывает анализ фольклорно-этнографических материалов, включающих мифологические легенды, предания, обрядовые тексты, религиозные культуры и пр. В представленных источниках образ божества-праородителя описывается многогранно и в различных интерпретациях. Помимо роли первопредка, занимавшего одно из наиболее значимых мест в шаманистском пантеоне булагатов, Буха-нойон представлен и в качестве сына Неба (Хангалов, 2004а. С. 247), перевоплотившегося в сивого быка-производителя (Балдаев, 2019. С. 41–43), или небесного железного сивого пороза (*тэнгэрийн түмэр хүхэ буха*) (Вселенная сибирского..., 2014. С. 198; Павлов, 2009. С. 29, 37), который символизировал одновременно и тотемного первопредка, олицетворявшего мощь и плодовитость. Примером тому выступает легенда, в которой от лица Буха нойона произносится следующая речь:

<i>Хүжэ ехэ нюргаараа Өндөр тэньеरье зуражжа Гэгээ гаргалаийб. Хөлөр ехэ туруугаараа Өргөн дэлхэй гэшхэжэ Харгуй гаргалаийб. ... Буха Нойон баабай боллойб</i>	Своей могучей спиной Я прорезал высокое небо И выпустил свет. Массивными копытами Наступая по широкой земле Я проложил пути. ... Отцом Буха нойоном стал. (Перевод наш).
--	--

Взаимосвязь териоморфного предка с небесным светом, с которым сопряжено его движение по земной поверхности, позволяет увидеть в нем светоносного божества, чьи действия направлены на демиургическую борьбу с миром тьмы. Это, кстати,

³ ЦВРК ИМБТ СО РАН / С.П. Балдаев. Материалы по фольклору и этнографии ольхонских бурят. Ф. 36. Оп. 1. Д. 124. 180 листов. 1962 г.

согласуется с легендой, согласно которой Буха-нойон спустился с небес на Тункинские гольцы Восточных Саян с целью защиты бурят от темных сил, представляющих собой восточных злых духов (Михайлов, 1996. С. 86–87). При этом нисходя на эти гольцы, известные в бурятской традиции как *Баруун һарьдаг* (Хангалов, 2004а. С. 252), небесный бык выбирает себе место для пребывания на горе (Манжигеев, 1978. С. 33)⁴, называемой *Хухэйн мундарга* (Балдаев, 2019. С. 42; Жамцарано, 2011. С. 45).

Причем конкретным пристанищем тотемного предка булагатов является особый скальный выступ этой горы. Он издали похож на фигуру лежащего быка с широко расставленными рогами. По мифу, это окаменевшее тело Буха-нойона, у которого местные буряты издавна устраивали ежегодный общественный обряд жертвоприношения *тайлган* (Манжигеев, 1978. С. 33)⁵. Стоит сказать, что это скала/каменный бык (Хангалов, 2004а. С. 238) или Бычья гора (Дампилова, 2012. С. 95; Лыхин, 2009. С. 30) была не только объектом почитания для местного населения, но и местом религиозного паломничества для других групп булагатов. Об этом, например, сообщают в своих материалах бурятские ученые этнографы и фольклористы С.П. Балдаев (Балдаев, 2019. С. 51–52) и Н.О. Шаракшина (Шаракшина, 1959. С. 55).

Популярность Буха-нойона была также обусловлена широтой сакральных функций: он выступал в роли покровителя плодородия и благополучия. Например, процветание традиционного хозяйства бурят, связанное с успешным размножением и ростом скота, считалось следствием покровительства божества (ПМА)⁶, параллельно способствующего и росту растений, и плодородию почвы. Отражением чего, на наш взгляд, является выше представленный обрядовый текст, в котором описывается эта функция: «Там, где испражнялся (унавоживал) / Густую тайгу вырастивший / Там, где мочился (увлажнял) / Непроходимую тайгу вырастивший».

Не лишним будет отметить, что от мочеиспускания Буха-нойона также потекли реки (Потанин, 1883. С. 266), что в то же время отражает представления о предке – демиурге, создавшем современный рельеф местности (Мелетинский, 1994. С. 25–26⁷; Мелетинский, 1998. С. 337–338). В подтверждение этого можно привести легенду, в которой рассказывается о том, как сивый бык в схватке с соперником испортил ханский утуг (Шаракшина, 1959. С. 51) («унавоженную, сенокосную огороженную землю») (Шагдаров, Черемисов, 2010б. С. 355)⁸, т. е. изменил земную поверхность.

Отсюда следует, что Буха-нойону как божеству, обеспечивающему «функционирование экосистемы» и «рельефообразование», отводилась роль хозяина земли. Это подтверждается эпитетом *Дайдын эжэн* (Балдаев, 2019. С. 48), который также выражает идею вездесущего божества, взаимодействующего, в частности, с водной стихией или ее духами. Булагаты верили, что божественный бык как причастный к действиям громовержца Хухэдэй Мэргэна (Жамцарано, 2011. С. 45), коммуницирующего с хозяином и производителем дождя (Хангалов, 2004а. С. 246), защитит их от засухи, падежа домашнего скота и спасет от смерти (Балдаев, 2019. С. 51). Данный аспект мифологической традиции подтверждается ритуальными призываниями Буха-нойона, в которых подчеркивается его громоподобный рев, символизирующий его связь с громом и дождем (Дампилова, 2012. С. 135).

Вместе с тем Буха-нойон считался богом-воителем и духом-покровителем воинов, противостоящим злым силам (как мифологическим, так и реальным) и содействующим победе над ними. Например, в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. тункинские буряты часто с мольбой обращались к Буха-нойону помочь воинам Советской Армии – фронтовикам одержать победу над гитлеровской армией. По рассказу отдельных людей, божество, облачаясь в боевое снаряжение, принимало активное участие на фронтах Отечественной войны. В итоге, Буха-нойон *дайгаа дараад, дархан солоёо мангаад һарьдагта бусажа*

⁴ Манжигеев И.А. Бурятские шаманистические и дошаманистические термины. М. : Наука, 1978. 127 с.

⁵ Манжигеев И.А. Бурятские шаманистические и дошаманистические термины. М. : Наука, 1978. 127 с.

⁶ Полевые материалы автора. Информатор: Л.Л. Онхоев, 1925 г.р., с. Олой Эхирит-Булагатского района Иркутской области.

⁷ Мелетинский Е.М. Культурный герой // Мифы народов мира. М. : Российская энциклопедия, 1994. Т. 2. С. 25–28.

⁸ Шагдаров Л.Д., Черемисов К.М. Буряад-ород толи. Бурятско-русский словарь. Улан-Удэ : Респ. тип., 2010б. Т. 2: О–Я. 708 с. EDN: VVQMSV.

ерэбэ – «одержав победу над врагами и прославив имя дархана, вернулся к себе на Саяны» (Шаракшинова, 1959. С. 54).

Следует отметить, что под термином дархан в бурятской традиции подразумевается не только избранность, привилегированный статус, неприкосновенность, но и кузнец, умелец, мастер (Шагдаров, Черемисов, 2010а. С. 261)⁹. Следовательно, с военной функцией божества-тотема коррелировала ипостась кузнеца (первоначально, вероятно, оружейника, обусловленного с данной ролью). Согласуется с этим содержание булагатского мифа, в котором Буха-нойон под именем богатыря БохоМуя, предстает в качестве культурного героя, первого кузнеца, изобретшего ковку железа и основавшего кузницу посредством захвата ее у противника. Причем, как создатель кузничного дела, он обучает этому ремеслу людей и становится их главой и покровителем (Хангалов, 2004а. С. 238, 247; Шаракшинова, 1959. С. 50–51). Отсюда его в качестве патрона почитали кузнецы кудинских булагатов, относившихся, в частности, к категории так называемых белых дарханов (Хангалов, 2004а. С. 247; Михайлов, 1996. С. 57, 68). Такая маркировка кузнецов обусловлена происхождением духа-покровителя, принадлежавшего к стану западных тэнгриев, выступавших в шаманистской традиции булагатов светлыми и добрыми божествами.

Также небезынтересно отметить, что с кузничной функцией Буха-нойона связана роль держателя небес, иначе говоря, хранителя устройства мира (миропорядка). Об этом, например, сообщается в устной традиции кудинских бурят: «Было время, когда небо при создании мира не могло никак прочно устоять в том положении, в каком его видим сейчас, а падало и накренивалось. В одном из призываний к божествам кузничного искусства про одного из сыновей Дархан сагаан тэнгри (Белого кузничного неба) Бухе Муя – силача Муя говорится»:

Унан байнан тенгрийи олан тулгаар тулгадлай, хэлтееен байнан тенгрийи хэлгэн тулгаар тулгад-	Небо, которое падало, многими подпорками под- пер, небо, которое кренилось, сформированными подпорками
---	--

⁹ Шагдаров Л.Д., Черемисов К.М. Буряад-ород толи. Бурятско-русский словарь. Улан-Удэ : Респ. тип., 2010а. Т. 1: А–Н. 636 с. EDN: VVQMLN.

лай.	подпер (Михайлов, 1996. С. 57–58).
------	---------------------------------------

Такое представление подразумевает связь Буха-нойона с Мировой Осью, соединяющей небо и землю. В сущности, его териоморфный образ – мирового исполина («рогами небо прорезавший, грифенкой землю бороздивший» – см. выше) является воплощением Оси мира. Кстати, соответствует этому легендарное превращение божества в гору (скалу в Тункинских горах), олицетворяющую другой универсальный архетип – Мировую гору. В этом смысле, несомненно, отражается главенствующий статус божества, находящегося в Центральной точке мироздания (*Axis mundi*) и связующего воедино три мира. С мифологической точки зрения, это делало Буха-нойона всемогущим божеством, способным устранить различные негативные явления в жизни людей и мира. Поэтому в рамках традиции териоморфный первопредок занимал важнейшее (можно сказать центральное/ключевое) место в комплексе религиозно-мифологических представлений и культов булагатов, приобретшего к тому же и черты общебурятского божества (Павлов, 2009. С. 39).

Таким образом, нами выявлен многофункциональный и сложный образ Буха-нойона, выступавшего в разных ипостасях (праородитель племени (творец народа), сын Неба, светоносный тотем, дух-хозяин горы (или Тункинских гор (Галданова, Герасимова и др., 1983. С. 128), божество плодородия и благополучия, бог сотер, бог защитник, дух-хозяин земли, бог воитель (победитель), дух-покровитель воинов, бог железа, бог кузнец, дух-покровитель кузничного ремесла, держатель небес, Ось мира, хранитель миропорядка) и в том числе в качестве отца и предводителя многочисленного семейства духов-гениев, так называемых девяноста западных хатов (*барууни ерэн хад*). Последние, в соответствии с местопребыванием родителя, выступали хозяевами девяноста горных вершин Восточных Саян, Тункинских Альп и других мест Прибайкалья (Манжигеев, 1978. С. 49)¹⁰. Параллельно с этим считались божествами-защитниками бурят от вредоносных сил (Окладников, 1937. С. 279), покровителями белых шаманов (Вселенная сибирского..., 2014. С. 23, 35;

¹⁰ Манжигеев И.А. Бурятские шаманистические и дошаманистические термины. М. : Наука, 1978. 127 с.

Михайлов, 1996. С. 86) и предводителей булагатских родов (Манжигеев, 1978. С. 49¹¹; Михайлов, 1996. С. 86), а также заведовали особой духовной школой шаманов (Вселенная сибирского..., 2014. С. 35) и осуществляли правосудие и законотворчество (Хангалов, 2004b. С. 94, 98; Манжигеев, 1978. С. 49).

В то же время нельзя не отметить, что в рамках традиционных представлений булагатов, западные хаты также ассоциировались с материальным благополучием и богатством. О них, например, говорили так: *хайдри мунгэ баряшан, хададли эд баряшан* – «владеющие бесчисленным количеством денег (сравнимое с песком), обладающие безмерным имуществом (сопоставимое с горой)» (Гунгаров, 1990. С. 17). Соответственно, им приписывали покровительство в торговых и финансовых делах. Этим, например, обусловлены ритуалы жертвоприношений западным хатам, в частности, посвященные духам-хозяевам реки Иркут и г. Иркутска (Хангалов, 2004a. С. 249; Тушемилов, 1995. С. 26–27). Данные действия производились перед поездкой на городской базар для обеспечения успеха в торговых и финансовых операциях: ... *Андалдааенин арбан, Худалдааенин хорин болгонон ...* (Тушемилов, 1995. С. 26–27) – «Десятикратно повышавшие эффективность торговли, двадцатикратно увеличивавшие результативность продаж».

Можно сказать, что западные хаты, наряду с териоморфным первопредком булагатов, помимо основной функции защиты жизни, также выполняли роль покровителей различных видов деятельности и служб, способствующих благополучию общества.

Что касается праматери булагатов Будан-хатан, то в контексте фольклорного наследия ее образ выступает преимущественно как символ созидающего начала, что свидетельствует о его ограниченной разработанности в сравнении с более многогранными характеристиками Буха-нойона. Имеющиеся фольклорные данные характеризуют Будан-хатан следующим образом: 1) дочь хана или верховного небожителя; 2) избранница и супруга Буха-нойона; 3) мать Булагата и девятыи духов сыновей и дочери, произведших девяносто западных хатов; 4) прародительница и покровительница булагатов; 5) обитает с Буха-нойоном на горе Хан-элгэй (Балда-

ев, 2019. С. 42–43; Тушемилов, 1995. С. 23; Хангалов, 2004a. С. 238, 249, 252).

Примечательным здесь является ороним, который отличается от вышеприведенного названия горы, представленного в форме *Хүхэйн мундарга*. Последнее наименование в рамках бурятской языковой традиции означает «Саянский/Тункинский горец» (от *Хүхэй* «Саяны» (Балдаев, 2019. С. 322) и *мундарга* «горец, голая скалистая вершина», «отроги Саян» (Шагдаров, Черемисов, 2010a. С. 562)¹². Что касается второго названия священной горы булагатов – Хан-элгэй (Хангалов, 2004a. С. 252), то оно несет в себе более конкретную смысловую нагрузку, указывая на ее культовое значение. Сообщают об этом лексические части оронима, совпадающие с бурятскими словами *хан* «царственный, самый почитаемый, господствующий, старший (из божеств)» и *ээлгэ* «благословление» (Шагдаров, Черемисов, 2010b. С. 368, 393, 685)¹³. Их сочетание можно интерпретировать как «царственная/божественная гора, проявляющая милость и благоволение».

Данное наименование горы, по всей вероятности, вызвано традиционным воззрением бурят, связанным с благодетельной функцией ее духов-хозяев Буха нойона и Будан хатан: «По величеству ноздрей ваших, всю землю обнюхав, завладели ею, по обилию милости вашей сделались творцами всех людей, от вечной Удай-Тэнгэри притянув (или принял) принесли сюда родительскую утробу (вернее – семя людское), отечно голубого неба притянули вы пуповину людскую на землю. Кукушкина гора¹⁴ – седа-

¹² Шагдаров Л.Д., Черемисов К.М. Буряад-ород толи. Бурятско-русский словарь. Улан-Удэ : Респ. тип., 2010a. Т. 1: А–Н. 636 с. EDN: VVQMLN.

¹³ Шагдаров Л.Д., Черемисов К.М. Буряад-ород толи. Бурятско-русский словарь. Улан-Удэ : Респ. тип., 2010b. Т. 2: О–Я. 708 с. EDN: VVQMSV.

¹⁴ Данное выражение, на наш взгляд, является некорректным переводом оронима *Хүхэйн мундарга*. Это обусловлено двузначностью лексемы *хүхэй*, которая в западнобурятском диалекте, помимо наименования Саян, также используется для обозначения кукушки (лит. вариант *хүхы* (Шагдаров Л.Д., Черемисов К.М. Буряад-ород толи. Бурятско-русский словарь. Улан-Удэ : Респ. тип., 2010b. Т. 2: О–Я. 708 с. EDN: VVQMSV. С. 507). К этому следует добавить, что версия «Кукушкина горы» не находит верификации с данными этнографии и фольклора бурят. Словом, отображение птицы в названии горы, учитывая ее культовую значимость, имело бы осмысление пернатого существа как предка (тотема). Однако данная коннотация отсут-

¹¹ Там же.

лице ваше, бурый камень монолит – изображение (двойник) ваше! ... Дальние люди слыхали, близкие люди видали, как даруете ваши милости и благоволения. В добрый день вспомнив, меткий день выбрав, как снежным бураном заполнившим нашу землю милостью и как обильным бурлящим источником воды, насытившим страну нашу благодарностью, Буха Ноен-Бабаю Будан Хатун-Иби белоснежною, молочную пищею делаю сасали (брзганье), ... Принося жертву вам, прошу и умоляю милости и благоволения ваши излить на просящих» (Окладников, 1937. С. 279).

С другой стороны, эти представления о духах-хозяевах горы как о благосклонных божествах были ассоциированы самой горой, о чем, собственно, свидетельствует, по нашему мнению, смысл названия Хан-элгэй. Кстати, подобное можно обнаружить в традициях других монгольских народов, которые давали название горам, похожее по семантике к Хан-элгэй. Например, *Хайрхан* («Милостивый»/«Священный») (Шагдаров, Черемисов, 2010b. С. 382)¹⁵. Причем, это название зачастую носили родовые (или племенные) горы (Эрдэнэболд, 2012. С. 34–35, 38), духи-покровители которых выполняли функции, схожие с ролью прародителей булагатов. Т. е. являли собой милостивых и благосклонных божеств, выступавших не только защитниками от бед, несчастий, но и дарителями потомства и благополучия.

В этом контексте, Хан-элгэй, безусловно, выступал главной культовой горой булагатского племени, олицетворявшей собой центр мира. Как известно, все маркеры центра обладают порождающей функцией (Батоева, Галданова и др., 2002. С. 30), которая относительно почитаемой горы булагатов дополнительно подчеркивается наличием символов мужского и женского начала. Их соединение, с точки зрения традиции, привело к акту творения и созданию мира. В частности, мира духов и людей, которые рассматриваются в качестве детей и потомков, находя-

ствует как в фольклорном наследии булагатов, так и в их шаманской традиции, сохранившей много элементов древних культов. Исходя из этого, мы полагаем, что наиболее подходящей семантикой оронима является первый вариант значения *хүхэй*.

¹⁵ Шагдаров Л.Д., Черемисов К.М. Буряад-ород толи. Бурятско-русский словарь. Улан-Удэ : Респ. тип., 2010b. Т. 2: О–Я. 708 с. EDN: VVQMSV.

щиеся под опекой своих творцов. И эта роль, отведенная к фигурам Буха-нойона и Будан-хатан, на наш взгляд, закодирована еще и в имени праматери булагатов.

Отметим, что в исследовательской литературе существует два взгляда на происхождение данного теонима. С позиции одного взгляда, выдвинутого Н.Б. Дашиевой, предлагается трактовать имя булагатской праматери как «Госпожа-просо». Ее точка зрения основывается на фонетической схожести первой части теонима с бурятским словом *будаа* «просо/рис/пшено», а также на интерпретации образа Будан-хатан через призму зерна (взяв за основу указания на темноту и закрытость места ее пребывания, посредством которых усматривается лежащее в земле зерно). Подкрепляется все это мотивом зачатия Будан-хатан от быка, осмыслиемого как акт оживления быком растения. Параллели данному мотиву автор находит в календарной мифологии индоевропейских земледельческих народов, тем самым связывая с ними истоки и тип хозяйствования этнической группы, участвовавшей в этногенезе булагатов с материинской стороны и являвшейся носителем традиции почитания богини (Дашиева, 2014. С. 65–66).

Другие исследователи придерживаются иной позиции, согласно которой рассматриваемый теоним, с точки зрения морфологической структуры его первой части, близок к тюркскому слову *budun*, обозначающему «народ» или «турецкий народ» (Цыдендамбаев, 1972. С. 480–482, 484). А в соединении с *qatun* с общим тюрко-монгольским значением «госпожа, вельможная дама» (Шипова, 1976. С. 173¹⁶; Шагдаров, Черемисов, 2010b. С. 411¹⁷; Большой академический..., 2001. С. 61¹⁸), Будан-хатан означает «госпожа тюркского происхождения» (Цыдендамбаев, 1972. С. 480–482, 484). Этимология, предложенная ученым-лингвистом Ц.Б. Цыдендамбаевым, поддерживается другими исследователями, в частности, этнографами Т.М. Михайловым

¹⁶ Шипова Е.Н. Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата : Наука, 1976. 444 с.

¹⁷ Шагдаров Л.Д., Черемисов К.М. Буряад-ород толи. Бурятско-русский словарь. Улан-Удэ : Респ. тип., 2010b. Т. 2: О–Я. 708 с. EDN: VVQMSV.

¹⁸ Большой академический монгольско-русский словарь. В 4-х т. / отв. ред. Г.Ц. Пюрбееев. М. : Academia, 2002. Т. IV. Х–Я. ХХI, 501, [5] с.

(Михайлов, 1980. С. 160), Е.В. Павловым (Павлов, 2009. С. 41) и археологом П.Б. Коноваловым (Коновалов, 1999. С. 87). По их общему мнению, эпитет стал употребляться в языке уйгурских предков булагатов во времена господства тюрков в Центральной Азии и Южной Сибири в I тыс. н. э. (Цыдендамбаев, 1972. С. 484; Павлов, 2009. С. 41, 43). Он же продолжал использоваться в дальнейшем, хотя в X–XII вв., в эпоху киданьской гегемонии, предки булагатов подверглись монголизации (Павлов, 2009. С. 45, 48).

Отчасти можно согласиться с данной позицией, но принять ее в полной мере не позволяет, на наш взгляд, ранняя монголизация булагатов, сыгравших, по мнению Ц.Б. Цыдендамбаева, главную роль в обурячивании других племен Предбайкалья (Цыдендамбаев, 1972. С. 293). В этом случае оформление булагатского культа первопредков и теонимов вполне могло проходить в рамках монгольской этнокультурной традиции. Убеждает нас в этом разбор имени Буха-нойона, образованного, скорее всего, из монгольских слов – *буха* «бык-производитель» и *ноён* «князь/господин» (Санжеев, Орловская, Шевернина, 2015. С. 115¹⁹; Санжеев, Орловская, Шевернина, 2016. С. 204–205²⁰). Хотя, первый термин является общеалтайской лексической основой (Севорян, 1978. С. 232)²¹, тем не менее, второй явно указывает на монгольские корни, поскольку это слово распространено, главным образом, в языках монгольских народов (Санжеев, Орловская, Шевернина, 2016. С. 204–205)²².

Анализ имени Будан-хатан, на наш взгляд, также демонстрирует связь с монгольской лексической основой *будан* «туман»/«туман, из которого образуются облака» (Санжеев, Орловская, Шевернина,

2015. С. 107²³; Бурдуков, 1911. С. 58). Следовательно, имя богини означает «Туманная/Облачная госпожа» и оно, видимо, обусловлено традицией монгольских народов отождествлять богов высокого статуса с облаками (небом). Например, согласно воззрениям дербетов, боги («хурмустынъ-ханы») пребывают на облаках и представляют собой облачных божеств (Бурдуков, 1911. С. 58). А судя по тому, что Будан-хатан традиционного ассоциируется с концепцией высоты – горы, которой свойственно по естественным причинам затягиваться туманом и облаками, то можно сделать вывод о связи ее образа с атмосферными явлениями (и их, наверное, сопутствующими стихиями, такими как дождь, снег, гроза и др., что в совокупности может являться олицетворением Природы-матери).

Добавим, что связь тумана *будан* с горами ясно демонстрируется, например, в западно-монгольской песне:

<i>Ондор ондор ууландаа</i>	На высокой, высокой горе
<i>Онгийн будан татна даа</i>	Разный туман простирается,
<i>Осож торсон тургууд нутаг</i>	Разросшийся торгутский край.
<i>Оно л мандаа санагдана даа.</i>	Всегда нам вспоминается.
<i>Давхар давхар ууланд</i>	На прилегающих друг к другу горах
<i>Дангийн будан татна даа,</i>	Рыхлый туман простирается,
<i>Данай их торгууд нутаг</i>	Великих торгутов кочевые
<i>Дандаа манд л санагдана даа.</i>	Постоянно нам вспоминается
	(Гымпилова, 2012. С. 75).

Такая особенность простирания тумана и облаков, окутывающих горы, очевидно, также знакомой булагатам, видимо, послужила основой для возникновения имени богини Будан-хатан. И это же может указывать на то, что в данном теониме также заложено понятие «окутанная/закутанная». В пользу данной интерпретации, например, свидетельствует бурятская легенда, согласно которой Будан-хатан была обнаружена в тумане (Жамсоев, Бадмаева, Очирова, 2020. С. 22). Но вместе с тем теоним может трактоваться и как «окутывающая/закутывающая/

¹⁹ Санжеев Г.Д., Орловская М.Н., Шевернина З.В. Этимологический словарь монгольских языков: в 3 т. М. : ИВ РАН, 2015. Т. I. А–Е. 2015. 224 с.

²⁰ Санжеев Г.Д., Орловская М.Н., Шевернина З.В. Этимологический словарь монгольских языков: в 3 т. М. : ИВ РАН, 2016. Т. II. Г–Р. 2016. 232 с.

²¹ Севорян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на букву «Б». М. : Наука, 1978. 349 с.

²² Санжеев Г.Д., Орловская М.Н., Шевернина З.В. Этимологический словарь монгольских языков: в 3 т. М. : ИВ РАН, 2016. Т. II. Г–Р. 2016. 232 с.

²³ Санжеев Г.Д., Орловская М.Н., Шевернина З.В. Этимологический словарь монгольских языков: в 3 т. М. : ИВ РАН, 2015. Том I. А–Е. 2015. 224 с.

укрывающая», связанная с характеристикой богини-матери, проявляющей заботу о своих детях и внуках – хатах, пребывающих вместе с ней на Саянах, которых она стремится укутать своеобразным атмосферным одеялом (покровом) и таким образом защитить (от враждебных сил). На этой же основе, видимо, зародилось представление булагатов, согласно которому богиня-мать проявляет аналогичную заботу (покровительство) и к ним, поскольку они также являются ее потомками.

Поэтому в контексте традиции богиня Будан-хатан занимала ключевое место в системе религиозно-мифологических воззрений и культов булагатов. При этом подобно тотемному первопредку Буха-нойону, она была широко известна в бурятской традиции. Например, ее почитали в традиции племени хори. Согласно легенде, данный культ обусловлен тем, что родоначальник племени Хоридой мэргэн считался зятем праматери Будан-хатан (Цыдендамбаев, 1972. С. 79, 223, 225). Также имя богини в форме *Бутан* (Балдаев, 2019. С. 567–568) знакомо эхиритскому племени, которое, вероятно, выступало вторым наименованием верховной богини-покровительницы и чадородия, известной по записи Ц. Жамцарано как *Хан Нугулай* (Жамцарано, 2011. С. 229). В пользу этого свидетельствует наличие представленной формы имени лишь в обрядовом тексте отдельной ветки эхиритского рода бура, посвященного данному божеству (Балдаев, 2019. С. 567–568).

Распространенность булагатского теонима в традициях других бурятских групп была обусловлена, естественно, разными причинами. Это могли

быть исторические контакты, общие этнокультурные истоки и другие аспекты, включая и семантическое содержание теонима, которое символизировало высшие идеалы материнства, воплощенные через фундаментальные аспекты женского начала, связанные с рождением, воспитанием и заботой о потомстве.

Таким образом, предпринятое исследование символовических и семантических аспектов, связанных с культовыми образами и именами булагатских прародителей, позволяет сделать вывод об их сложной и многогранной природе, восходящей своими корнями к древним традициям. Оно же дает основание полагать, что культ данных племенных предков сформировался в рамках бурятской (монгольской) этнокультурной традиции. Это согласуется с результатами анализа представленных теонимов и одновременно указывает на монгольскую основу исконных носителей этой культовой терминологии, которые сложились в отдельный бурятский социум в пределах Прибайкалья. О чем, например, свидетельствует наличие в ритуальных текстах, посвященных Буха нойону и Будан хатан, соответствующей данному региону топонимики. Собственно, и образы божеств можно рассматривать как символы прародины и начала этнической истории булагатов, что подтверждается многими фольклорными источниками. Изучение этого культа, представляющего собой, безусловно, ценный объект для научного исследования, также позволяет глубже понять механизмы его функционирования в традиции, культурные архетипы и эволюцию религиозных представлений.

Список источников

Балдаев С.П. Родословные предания и легенды бурят. Улан-Удэ : НоваПринт, 2019. 718 с.

Батоева Д.Б., Галданова Г.Р., Николаева Д.А., Скрынникова Т.Д. Обряды традиционной культуры бурят / отв. ред. Т.Д. Скрынникова. Москва : Восточная литература, 2002. 222 с. EDN: TTOWBT.

Бурдуков А.В. Предание о происхождении дэрбетских князей кости Цорос // Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Императорского Русского Географического общества. 1911. Т. XIV. Вып. 1–2. С. 54–59.

Вселенная сибирского шамана : история, легенды, обряды : репринтное издание работ Б.Э. Петри по этнографии из собрания Иркутского областного краеведческого музея. Иркутск : Репроцентр А1, 2014. 326 с.

References

Baldaev S.P. (2019) Genealogies and legends of Buryats. Ulan-Ude: NovaPrint. 718 p. (In Russ.).

Batoeva D.B., Galdanova G.R., Nikolaeva D.A., Skrynnikova T.D. (2002) Rituals of traditional Buryat culture. Moscow: East. lit. 222 p. (In Russ.). EDN: TTOWBT.

Burdukov A.V. (1911) The legend of the origin of the Derbet princes bones of Tsoros. *Proceedings of the Troitsk-Kavsko-Kyakhtinsky Branch of the Amur Department of the Imperial Russian Geographical Society*. Vol. XIV. Iss. 1–2. P. 54–59. (In Russ.).

Petri B.E. (2014) The universe of the Siberian shaman. History. Legends. Rituals. Reprint edition of works on ethnography from the collection of the Irkutsk Regional Museum of Local Lore. Irkutsk. 328 p. (In Russ.).

Галданова Г.Р., Герасимова К.М., Дашиев Д.Б, Митупов Г.Ц. Ламаизм в Бурятии XVIII – начала XX века. Структура и социальная роль культовой системы Новосибирск : Наука, 1983. 235 с. EDN: WZAOZX.

Гунгаров В.Ш. Буряад арадай түүхэ домогууд (Легенды и предания бурят). Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1990. 175, [1] с.

Гымпилова С.Д. О фольклоре торгутов Монголии // Культурное наследие народов Центральной Азии. Вып. 3. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. С. 72–82. EDN: TRAFVR.

Дампилова Л.С. Шаманские песнопения бурят: символика и поэтика / 2-е изд. испр. и доп. М. : Восточная литература, 2012. 262, [1] с. EDN: QPXZDH.

Дашиева Н.Б. Образ Буха-нойона в кузнечных мифах бурят // Живая природа – живая кочевая культура : Международная науч.-практ. конф. : Республика Бурятия, Тункинский район, 14 июня 2014 г. / науч. ред. Р.И. Пшеничникова. Улан-Удэ : Издательско-полиграфический комплекс ФГБОУ ВПО ВСГАКИ, 2014. С. 60–69.

Жамсоев А.Д., Бадмаева Л.Б., Очирова Г.Н. Азагатский очерк о хори-бурятах. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2020. 229, [4] с.

Жамцарано Ц. Путевые заметки. 1903–1907 гг. / сост. Ц.П. Ванчикова, В.Ц. Лысокова, И.В. Кульганек. Улан-Удэ : Респ. тип., 2011. 264 с.

Зомонов М.Д. Культ Буха-нойона как феномен традиционной культуры бурят // Живая природа – живая кочевая культура : Международная науч.-практ. конф. : Республика Бурятия, Тункинский район, 14 июня 2014 г. / науч. ред. Р.И. Пшеничникова. Улан-Удэ : Издательско-полиграфический комплекс ФГБОУ ВПО ВСГАКИ, 2014. С. 76–79.

Коновалов П.Б. Этнические аспекты истории Центральной Азии (древность и средневековые). Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. 214 с. EDN: VIQSID.

Лыхин П.Ю. Белый камень // Тальцы. 2009. № 2 (33). С. 29–46.

Мелетинский Е.М. Избранные статьи. Воспоминания. М. : РГГУ, 1998. 575 с. EDN: YORZMW.

Михайлов В.А. Религиозная мифология. Улан-Удэ : Соиел, 1996. 110, [1] с.

Михайлов Т.М. Из истории бурятского шаманизма (с древнейших времен по XVIII в.). Новосибирск : Наука, 1980. 320 с. EDN: URWAMD.

Окладников А.П. Очерки из истории западных бурят-монголов (XVII–XVIII вв.). Л. : ОГИЗ, 1937. 427 с. EDN: BOMEHF.

Павлов Е.В. К проблеме генезиса западно-бурятского племени-этникоса булагат и этимология племенного этнонима булгад // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов. Сб. науч. тр. Элиста: КИГИ РАН, 2009. Вып. 1. С. 24–51. EDN: PWNJUP.

Galdanova G.R., Gerasimova K.M., Dashiev D.B. (1983) Lamaism in Buryatia in the XVIII – beginning XX centuries. The structure and social role of the cult system. Novosibirsk: Nauka. 235 p. (In Russ.). EDN: WZAOZX.

Gungarov V.Sh. (1990) Legends and story of Buryat. Ulan-Ude: Buryat book publishing house. 175, [1] p. (In Buryat; In Russ.).

Gympilova S.D. (2012) On the folklore of Mongolian Torguts. *Cultural Heritage of the Peoples of Central Asia*. Ulan-Ude: Buryat Scientific Centre of Siberian Department of Russian Academy of Sciences. Iss. 3. P. 78–82. (In Russ.). EDN: TRAFVR.

Dampilova L.S. (2012) Shamanic chants of the Buryats: symbolism and poetics. Moscow: East. lit. 262, [1] p. (In Russ.). EDN: QPXZDH.

Dashieva N.B. (2014) The Bukha-noyon image in the forging myths of Buryats. *Wildlife - live nomadic culture: International Scientific and Practical Conference : Republic of Buryatia, Tunkinsky district, June 14, 2014*. Ulan-Ude: Publ. and printing complex of the East-Siberian State Academy of Culture and Arts. P. 60–69. (In Russ.).

Zhamsoev A.D., Badmaeva L.B., Ochirova G.N. (2020) The Atsagatsky essay on the Khor-Buryats. Ulan-Ude: Buryat Scientific Centre of Siberian Department of Russian Academy of Sciences. 229, [4] p. (In Russ.).

Zhamcarano C. (2011) Travel notes. 1903-1907. Ulan-Ude: Republican Printing House. 264 p. (In Russ.).

Zomonov M.D. (2014) Bukha-noyon cult as a phenomenon of traditional Buryat culture. *Wildlife - live nomadic culture : International Scientific and Practical Conference : Republic of Buryatia, Tunkinsky District, June 14, 2014*. Ulan-Ude: Publ. and Printing Center of the East-Siberian State Academy of Culture and Arts. P. 76–79. (In Russ.).

Konovalov P.B. (1999) Ethnic aspects of the history of Central Asia (antiquity and the Middle Ages). Ulan-Ude: Buryat Scientific Centre of Siberian Department of Russian Academy of Sciences. 214 p. (In Russ.). EDN: VIQSID.

Lyhin P.Yu. (2009) The White Stone. *Talci*. No. 2 (33). P. 29–46. (In Russ.).

Meletinskii E.M. (1998) Selected articles. Memories. Moscow: Russian State University for the Humanities. 575 p. (In Russ.). EDN: YORZMW.

Mikhailov V.A. (1996) Religious mythology. Ulan-Ude: Soel. 110, [1] p. (In Russ.).

Mikhailov T.M. (1980) From the history of Buryat Shamanism (from ancient times to the XVIII century). Novosibirsk: Nauka. 320 p. (In Russ.). EDN: URWAMD.

Okladnikov A.P. (1937) Etudes sur l'histoire des bouriat-mongols occidentaux (XVII–XVIII siècles). Leningrad: OGIZ. 427 p. (In Russ.). EDN: BOMEHF.

Pavlov E.V. (2009) On the problem of the genesis of the Western Buryat tribe-ethnics Bulagat and the etymology of the tribal ethnonym Bulgad. *Problems of Ethnic History and Culture of the Turkic-Mongolian Peoples*. Elista: Publ. Kalmyk Institute for Humanities of the RAS. Iss. 1. P. 24–51. (In Russ.). EDN: PWNJUP.

Потанин Г.Н. Очерки Северо-западной Монголии : Результаты путешествия, исполненного в 1876–1877 г. по поручению Императорского Русского географического общества членом-сотрудником оного Г.Н. Потаниным. Санкт-Петербург : тип. В. Киршбаума, 1883. Вып. 4. Материалы этнографические. [18], 1026 с.

Тушемилов П.М. Шаманские материалы (1948 г.). Улан-Удэ : Наран, 1995. 43 с.

Хангалов М.Н. Собрание сочинений. Улан-Удэ : Респ. тип., 2004а. Т. 1. 507 с.

Хангалов М.Н. Собрание сочинений. Улан-Удэ : Респ. тип., 2004б. Т. 2. 311 с.

Цыдендамбаев Ц.Б. Бурятские исторические хроники и родословные : Ист.-лингвист. исследование. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1972. 662 с.

Шаракшинова Н.О. Бурятский фольклор. Иркутск : Иркут. кн. изд-во, 1959. 228 с.

Эрдэнэболд Л. Традиционные верования ойрат-монголов (конец XIX – начало XX в.). Улан-Удэ : БНЦ СО РАН, 2012. 196 с. EDN: RUFOSX.

Potanin G.N. (1883) Essays on North-western Mongolia. St. Petersburg: Tip. V. Kirshbauma. Iss. 4. Materialy ehtnograficheskie. [18]. 1026 p. (In Russ.).

Tushemilov P.M. (1995) Shamanic materials (1948). Ulan-Ude: Naran. 43 p. (In Russ.).

Khangalov M.N. (2004a) Collected works. Ulan-Ude: Republican Printing House. Vol. 1. 507 p. (In Russ.).

Khangalov M.N. (2004b) Collected works. Ulan-Ude: Republican Printing House. Vol. 2. 311 p. (In Russ.).

Tsydendambaev Ts.B. (1972) Buryat Historical Chronicles and Pedigrees. Ulan-Ude: Buryat. book. Publ. 662 p. (In Russ.).

Sharakshinova N.O. (1959) Buryat folklore. Irkutsk: Irkutsk Publishing House. 228 p. (In Russ.).

Erdehnebold L. (2012) Traditional beliefs of Oirat-Mongols (late XIX - early XX century.). Ulan-Ude: Buryat Scientific Centre of Siberian Department of Russian Academy of Sciences. 196 p. (In Russ.). EDN: RUFOSX.

Информация об авторе

Болхосоев Станислав Борисович,
кандидат исторических наук, доцент кафедры этнологии и народной художественной культуры,
Восточно-Сибирский государственный институт культуры,
670031, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Терешковой, 1, Россия,
e-mail: stanislav_bolhos@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-1925-804X>

Вклад автора

Болхосоев С.Б. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 10 октября 2025 г.; одобрена после рецензирования 10 ноября 2025 г.; принята к публикации 17 ноября 2025 г.

Information about the author

Stanislav B. Bolhosoev,
Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of Ethnology and folk art culture,
East-Siberian State Institute of Culture,
1, Tereshkova St., Ulan-Ude 670031, Russia,
e-mail: stanislav_bolhos@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-1925-804X>

Contribution of the author

Bolhosoev S.B. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted October 10, 2025; approved after reviewing November 10, 2025; accepted for publication November 17, 2025.

Этнология

Научная статья
УДК 39.1/398.3
EDN: VTKRXL
DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2025-4-47-57>

Наследие «Северной Скифии»: образы рогатых и клювоголовых лошадей в традиционной культуре вилюйских якутов

Д.М. Петров

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Якутск, Россия

Аннотация. Статья посвящена исследованию мифологических образов рогатой и клювоголовой лошади в традиционной культуре вилюйских якутов (саха), ранее не становившихся предметом специального научного анализа. Основными источниками для реконструкции образа рогатой лошади выступают тексты исторических преданий, в то время как сюжет клювоголовой лошади известен, прежде всего, благодаря корпусу материальных объектов – изделий ювелирного и декоративно-прикладного искусства. Цель настоящей работы заключается в выявлении семантики этих образов и прослеживании их историко-культурных корней. В результате исследования было установлено, что образ рогатой лошади тесно интегрирован в культа божества-покровителя скота Уордаах Джёсёгёя, одного из самых почитаемых в якутском пантеоне, а сюжет клювоголовой лошади, гибридизирующий черты коня и орла, семантически вписан в контекст солярной символики, занимавшей центральное место в религиозных представлениях якутов. Предполагается, что исследуемые образы представляют собой значимые культурные реликты, которые углубляют понимание номадической культуры вилюйских якутов и позволяют рассмотреть ее в контексте более широких этнокультурных процессов. Параллели данным синкетическим образом обнаруживаются в культурах Центральной Азии, Сибири и Уральского региона. Их истоки восходят к мифорелигиозным представлениям и изобразительным традициям («звериному стилю») кочевников евразийских степей эпохи раннего железного века. На этом материале исследование демонстрирует механизмы долговременной сохранности и трансляции культурных архетипов. Указанные элементы, обладая высокой устойчивостью, сохранились на протяжении длительного исторического периода, получая новое воплощение в культурах различных народов Евразии.

Ключевые слова: Якутия, вилюйские якуты, рогатые лошади, клювоголовые лошади, культурное наследие, «Северная Скифия», звериный стиль, традиционные верования, мифоритуальные представления, номадическая культура, скифо-сибирский мир, этнографические материалы

Для цитирования: Петров Д.М. Наследие «Северной Скифии»: образы рогатых и клювоголовых лошадей в традиционной культуре вилюйских якутов // Известия Лаборатории древних технологий. 2025. Т. 21. № 4. С. 47–57. DOI: 10.21285/2415-8739-2025-4-47-57. EDN: VTKRXL.

Ethnology

Original article

The Heritage of “Northern Scythia”: Images of horned and beak-headed horses in the traditional culture of the Vilyuy Sakha

Denis M. Petrov

The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Yakut Scientific Centre, SB RAS, Yakutsk, Russia

Abstract. The article is devoted to the study of the mythological images of the horned and the beak-headed horse in the traditional culture of the Vilyuy Yakuts (Sakha), which have not previously been the subject of specialized scientific analysis. The main sources for reconstructing the image of the horned horse are historical narratives (folklore texts), whereas the motif of the beak-headed horse is known primarily from a corpus of material objects such as works of jewelry and decorative-applied art. The aim of the present work is to reveal the semantics of these images and trace their historical and cultural roots. The study has established that the image of the horned horse is closely integrated into the cult of the cattle-patron deity Uordakh Djösögy, one of the most

revered in the Yakut pantheon, while the motif of the beak-headed horse, hybridizing the features of a horse and an eagle, is semantically embedded in the context of solar symbolism, which occupied a central place in Yakut religious beliefs. It is suggested that the studied images constitute significant cultural relics, which deepen the understanding of the nomadic culture of the Vilyuy Yakuts and allow for its examination within the context of broader ethnocultural processes. Parallels to these syncretic images are found in the cultures of Central Asia, Siberia, and the Ural region. Their origins date back to the mytho-religious concepts and pictorial traditions ("animal style") of the Eurasian steppe nomads of the Early Iron Age. Using this material, the research demonstrates the mechanisms of long-term preservation and transmission of cultural archetypes. Possessing high stability, these elements have been preserved over a long historical period, finding new embodiment in the cultures of various peoples of Eurasia.

Keywords: Yakutia, the Vilyuy Yakuts, horned horses, beak-headed horses, cultural heritage, "Northern Scythia", animal style, traditional beliefs, mytho-ritual representations, nomadic culture, the Scytho-Siberian world, ethnographic materials

For citation: Petrov D.M. (2025) The Heritage of "Northern Scythia": Images of horned and beak-headed horses in the traditional culture of the Vilyuy Sakha. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 21. No. 4. P. 47-57. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2025-4-47-57. EDN: VTKRXL.

Введение

Культурогенез народа саха, сформировавшегося в бассейне реки Лены в результате синкретизма степных и таежных компонентов, продолжает вызывать неослабевающий интерес исследователей. Ко-чевники, представленные выходцами из Великой Степи различных миграционных волн, сумели не только адаптироваться к суровым климатическим условиям северного региона, сохранив скотоводческое хозяйство, но и распространить степную культуру среди гетерогенного автохтонного населения.

Весьма информативным является культурное наследие якутов бассейна реки Вилюй (Западная Якутия), отличающееся сохранением многих архаичных элементов степной культуры. До первой половины XX века у вилюйских якутов сохранялся высокоразвитый культ коня, занимавший важное место в их жизни и мировоззрении. Лошади не только служили основным средством передвижения, но и были символом статуса и благополучия. Существовало множество легенд о лошадях, принадлежавших видным личностям и героям, а также рассказов и быличек коневодов о выдающихся животных. В этих произведениях воспевались не только физические качества животных, но и их характер, связь с высшими силами. Кроме того, имелось множество примет и суеверий, связанных с коневодством, в которых был заключен опыт многих поколений якутских скотоводов. В рамках этого богатого культурного пласта особого внимания заслуживают образы рогатых и клювоголовых лошадей, которые до сих пор оставались на периферии исследовательского интереса. Цель данной статьи – исследовать семантику и исторические корни этих образов в культуре вилюйских якутов.

Анализ материалов и обсуждение

Легенды о рогатых лошадях были распространены в Сунтарском улусе (районе), который расположен в среднем течении Вилюя. Издавна эта часть Вилюйского региона была наиболее населенной и отличалась развитым скотоводством.

Предание № 1. Впервые сюжет о рогатых лошадях был зафиксирован еще в XIX в. Так, в статье «Из материалов по этнографии якутов» русского исследователя М.П. Овчинникова, отбывавшего ссылку в Якутии, можно найти следующий текст: «В Вилюйском округе, на Сунтаре, жил богатый якут Долбарай. Богатство его заключалось в дорогих мехах и скоте, которому он не знал счета. Быки и коровы были такие большие, что теперь таких рослых нигде не встречается. Точно также не встречается теперь и лошадей таких, какия были у Долбара: при большом росте оне имели длинные предлинные рога, так что таких лошадей боялись медведи. Случалось, что у Долбара нечем было кормить табуны коров и лошадей; тогда он приказывал кулутам (рабам) прогонять в лес каждый день по 9 штук к Джогогой в подарок. Как только скот, прогнанный кулутами входил в лес, он превращался в толстяя деревья...» (Овчинников, 1897. С. 182–183).

Предание № 2. Другое предание о рогатых лошадях поведал С.Д. Кириллин, почтенный старожил Кутанинского наслега Сунтарского района (перевод с якутского автора – Д.П.): «Выпрашивая милость у Кюрюё Джёсёё для Михалевых – Морджуос в течение 60 дней поочередно камлали 30 шаманов. Один из них, шаман Лаппаахы, камлал трое суток подряд. Когда взошло солнце он снял окно и сказал хозяину: «Вот лошадей твоих хвост, грива и копыта. Имеющего жилье на третьем с восходящим солнцем

небе Уордаах Кюрюё Джёсёгёя парни-пастухи, с головы до пят во все белое облаченные Высокого неба дети, спустят 9 лебяжье-белых детей Джёсёгёя – должен ты сам выйти и схватить их» (...) Свидетельством того, что Уордаах Кюрюё Джёсёгёй спускался на землю, стало рождение у кобылиц богача Михалева 9 необычных жеребят: у них были рога длиною свыше пяди. С тех пор Михалевых стали называть «имеющие рогатых лошадей Морджуосы». Мясть этих лошадей отличалась от обычных. Все они умерли спустя 12 лет. Их так и не сумели размножить. Они не могли надолго отходить от своего двора, удивительные лошади были, говорят...» (Сивцев-Таппа И. Дьеңегей оготун туһунан үхүйээннэртэн // Сунтаар сонуннара (с. Сунтар). 2003. № 71 (7506). С. 3).

Предание № 3. В этой легенде повествуется об единороге (перевод с якутского автора – Д.П.): «...Моонньо Кулуба – первый голова Хочинского улуса¹ Николай Попов – отогнал на речку Дабаан на кормление. Они должны были вернуться весной перед Николиным днем. За день до возвращения пошел сильный снегопад. Снег не прекратился и на вечер следующего дня. Несмотря на это, (пастухи) решили гнать лошадей. Снега навалило больше аршина. Кроме этого, подморозило так, что животные не могли устоять на ногах. Начался падеж. В том табуне был, оказывается, жеребец с торчащим ввысь рогом ровно в центре лба. Этот жеребец шел впереди, расчищая дорогу. Когда лошади погибали, он со ржанием возвращался к табуну. И так несколько раз. После того, как пал весь табун, жеребец этот в одиночестве бродил еще девять дней. В конце концов он умер, вернувшись на речку Дабаан. Чтобы почтить жеребца, череп его повесили на нижнем суку большой лиственницы. До революции, говорят, он там висел. На лбу его виднелось отверстие (...) Место, где стояла эта лиственница, называлось Сылгы Бастаах (Атыыр Бастаах) («с головой лошади/жеребца»)» (Сюлбэ, 2017. С. 427). В другой версии этой легенды дается чуть более подробное описание этого необычного животного. Так, пришедшие после снегопада пастухи увидели, как вокруг табуна в 700 голов скакет рогатый жеребец черной масти с горящими синим огнем глазами. Он никого не подпускал к лошадям и скакал вокруг них девять дней – до тех пор, пока все они не погибли от голода. А по-

сле – скончался сам (Үүйээннэр, номохтор, 2004. С. 187).

В этих легендах повествуется о временах не столь давних, сохранились даже имена героев. Хозяевами рогатых лошадей выступают крупные богачи (як. баай). Главным мерилом богатства у якутов было обладание скотом, в особенности конным. Якуты рассказывали В.Л. Серошевскому, что даже владельцы больших стад крупного рогатого скота считали себя бедными, пока не приобретали один или два табуна лошадей. Только тогда они заявляли: «Теперь и я с скотом, теперь и у меня есть богатство!» (Серошевский, 1993. С. 252). Чем больше скота было у скотовода, тем большим статусом он обладал в социуме. Богатство, в свою очередь, связывалось с благосклонностью упоминаемого в преданиях № 1 и 2 божества Уордаах Джёсёгёй или Кюрюё Джёсёгёй Тойон, покровителя скота, «дарующего отважных мужчин, ретивых коней и тяглых быков» (Кулаковский, 1979. С. 19). Уордаах Джёсёгёй является одним из главных божеств якутского пантеона. Он был очень богат, жил в «старинном шестиугольном бревенчатом доме, обшитом снаружи белой конской шкурой» (Попов, 1949. С. 268). Представлялся он в виде человека, белого жеребца или синкетического существа, с человеческими и лошадиными чертами.

Предания № 1 и 2 тесно связаны с культом Уордаах Джёсёгёя. Ниспослание рогатых лошадей, по всей видимости, мыслилось знаком исключительной милости этого божества. В предании № 1 содержится описание обряда кый², который действительно бытовал у вилюйских якутов вплоть до XX в. («...он приказывал кулутам (рабам) прогонять в лес каждый день по 9 штук к Джогогой в подарок...»). Эти лошади становились священными (як. ытык сылгы), и приближаться к ним было запрещено. На Вилюе после смерти священная лошадь погребалась в лесу воздушным методом («Как только скот, прогнанный кулутами входил в лес, он превращался в толстяя деревья...» – из предания № 1), на специальной конструкции арангас (рис. 1), а у центральных якутов,

² По вилюйским легендам, этот обряд мог совершаться с грандиозным размахом. Согласно одной из них, богач по имени Нуурангныыр, живший в Кангаласском наслеге Мархинского (Нюрбинского) улуса, имел 999 лошадей и коров. Состарившись, он отогнал половину своего скота за реку Вилюй; через три года вернулись лишь 3 коровы и 6 лошадей (Предания и мифы..., 2004. С. 140).

¹ Южная часть современного Сунтарского района РС(Я).

Рис. 1. Обрушившийся арангас священной лошади в Кутанинском наслеге (Сунтарский район)
Fig. 1. Collapsed arangas (traditional grave) of a sacred horse in the Kutaninsky Nasleg (Suntarsky district)

предположительно, сжигалась. Все известные конские воздушные захоронения были обнаружены на территории Сунтарского района (Попов, Бравина, 2009. С. 13–14). Рогатые лошади из *предания № 2*, по некоторым сведениям, после смерти были захоронены на арангасах подобно священным лошадям.

Предание № 3, в котором фигурирует единорог, сюжетно отличается от первых двух. В его центре – масштабное бедствие: метель, приводящая к падежу лошадей. Однако роль мифического существа в этой истории неоднозначна. Существуют разные версии *предания*, в которых рогатая лошадь выступает покровителем или губителем, что характерно для хтонических существ. Персонаж наделен двойственной, неоднозначной сущностью как воплощение могущественной, природной силы, которая сама по себе нейтральна.

Обычай вывешивания на деревья черепов лошадей, упомянутый в *предании № 3*, продолжает существовать и в настоящее время. Якуты соблюдают эту практику даже в отношении случайно найденных лошадиных костей, чтобы они не лежали на земле.

Исторические корни образа рогатых лошадей обнаруживаются в традициях ранних кочевников степной полосы Евразии. Широко известна ритуальная практика украшения лошадей масками с оленьими или козьими рогами у пазырыкцев и саков. Изображения рогатых коней были распространены и у оседлых земледельцев и скотоводов.

В этнографическое же время, в смежных с Якутией регионах уподобление лошадей благородному оленю (маралу) или представление дикого рогатого зверя в качестве верхового животного было распространено в традициях тюрко-монгольских народов Центральной Азии и Южной Сибири – монголов, тувинцев, тофаларов и др. «Небесные лошади» с оленьими рогами изображались на шаманских бубнах кумандинцев, тубаларов и шорцев (Баркова, 1999). Д.В. Черемисин приводит примеры уподобления лошадей рогатым животным из фольклора кочевых народов. «Прибыли на лошадях, покачивающих рогами оленя, украшенных ожерельем из соболей» – поется в одной из свадебных монгольских песен; в тувинской сказке герой получает от отца коня Хулук-Бора, имеющего «ветвистые рога в шестьдесят один отросток» (Черемисин, 2005. С. 131). Как предполагает автор, лошадь,

являясь наиболее близким кочевнику хозяйственным животным, в ритуальной сфере должна была обладать чертами дикого животного – более сакрального по сравнению с домашним (Там же. С. 132). Похожими соображениями, возможно, руководствовались и якуты, приписывая рога лошадям, ниспосланным самим божеством-покровителем конного скота. Рога должны были подчеркнуть их сакральный статус.

В своих мифоритуальных представлениях якуты, как и южносибирские народы, определяли рогатым животным особое место. В шаманизме вилюйских якутов как «мать-зверь» шамана чаще всего выступает бык, а у северных – дикий олень или лось (Ксенофонтов, 1992а. С. 186–187). А.И. Гоголев отмечает наличие образов божественных (небесных) коней и оленей и в якутском фольклоре (Гоголев, 2018. С. 20). Интересно и то, что якуты сравнивали невесту в свадебном наряде с «небесным оленем» (як. *тангара табата*), приносимым в жертву верхнему божеству (Васильев, 2017. С. 45). У якутов также бытовала пословица «саха саара, ураангхай буура», которую, по мнению Г.В. Ксенофонтова, следует переводить как «(то же что) у саха – вол, а у урянхайцев – олень-самец» (Ксенофонтов, 1992а. С. 180). Якутское слово буур (самец оленя, сошатого и дикого барана) связано с буура у тюркоязычных народов Южной Сибири, обозначавшим таких животных как олень, лось, баран, конь. По мнению А.Д. Грача, полисемантичность этого термина, объединяющего образы рогатых животных и коня, возникла именно в скифское время (Грач, 1980. С. 90–91).

Из текста *предания № 1* неясно, как выглядели их «длинные-предлинные» рога – были ли они оленьи или наподобие козьих. Из описания в *предании № 2* создается впечатление, что рога, судя по размерам, были похожи на бычьи. Образы коней-быков также встречаются в культурном наследии различных регионов. Они известны по центральноазиатским петроглифам и различным культурным объектам из Колхиды, Фракии, Скифии, Сирии и кельтских земель (Мец, 2013. С. 99–101). К примеру, на серебряных тетрадрахмах Селевка I Никатора и Антигона II Теоса голова верхового коня царя украшена бычьими рогами, которые, как полагают исследователи, символизировали божественную мощь (Там же. С. 100). Стоит упомянуть и то, что бычьи рога в разных культурах (древнегреческой, древнеегипет-

ской, древнесемитской и т. д.) являлись символами плодородия³.

Сюжет другого синкетического существа – клювоголовой лошади – представлен в первую очередь в ювелирном искусстве вилюйских якутов. Так, сохранилось несколько серебряных и медных подвесок, изображающих лошадей с мордой, оканчивающейся клювом хищной птицы, вероятней всего – орла. Такие подвески-коньки подвешивались к наборному поясу.

Две подвески подобного типа экспонируются в Музее Дружбы народов им. К.Д. Уткина (витрина № 4) в г. Нюрба (Нюрбинский район). Обе подвески изготовлены путем отливки; одна из медного сплава (рис. 2.1), другая – из серебра (рис. 2.2). Предположительное время создания определяется XIX – началом XX в. Подвески стилистически похожи, они изображают оседланных лошадей в спокойной позе (морда направлена вниз, ноги выпрямлены, хвост висит), повернутых вправо; изделия имеют небольшие размеры. Морды у лошадей удлиненной формы, с характерным для клюва изгибом; фигура у медной лошади гипертрофированно приземистая и удлиненная, с короткими ногами; у серебряной выражен детородный орган. В районе седла обе подвески имеют отверстия для ремешка. По нижнему краю изделий имеется планка, связующая клюв, ноги и хвост. На подвесках отсутствуют гравировки или какой-либо другой декор. Размеры изделий: медная – длиной в 48 мм и высотой 19 мм, диаметр отверстия – 4 мм; серебряная – длиной в 53 мм и высотой 28 мм, диаметр отверстия – 4 мм.

Еще одна подвеска хранится в коллекции частного учреждения культуры (ЧУК) «Урукку», предположительно, происходит с территории Сунтарского или Нюрбинского районов (рис. 2.3). Предмет выполнен путем литья из серебряного сплава. Вероятная хронологическая привязка определяется XIX – началом XX в. Лошадь в спокойной позе. По нижнему краю идет планка, связующая клюв, ноги и хвост. Очерчены линия клюва и глаза, фигура приземистая, выражен детородный орган. С обеих сторон фигурка

богато украшена гравировкой в виде полос и завитков; местами имеются насечки, придающие канавке гравировки зубчатое очертание. На крупне лошади с обеих сторон имеются тамгаобразные символы. Лошадь изображена оседланной; снаряжение хорошо детализировано – видны подпружные ремни, стремена, тебеньки, тороки. По центру, в районе седла, имеется сквозное отверстие для подвеса. Размеры изделия равняются 53 мм в длину и 25 мм в высоту; диаметр отверстия – около 3 мм.

Близкая к ней подвеска изображена в монографии И.С. Гурвича «Культура северных якутов-оленеводов» в числе прочего этнографического материала оленекских якутов (рис. 2.4) (Гурвич, 1977. С. 127). Оленекский район примыкает к Нюрбинскому с северной стороны; испокон веков между населениями рек Вилюй и Оленек существовали устойчивые культурные, экономические и демографические связи. Известно также, что якуты бассейна р. Колыма на крайнем северо-востоке Якутии вырезали из бересты фигурки лошадей в стиле поясных подвесок (с нижней планкой-основанием), при этом имитируя хвост и гриву пучками конского волоса (Материальная и ..., 2017. С. 591–592)⁴.

Изогнутые формы, характерные для клюва, можно увидеть на мордах лошадей, изображенных на металлических подвесках с парными конскими головками, которые были распространены по всей территории Якутии (Алексеев, Крюбези, 2016). Фигура лошадиной головы с явно выраженным клювом имеется и на курительной трубке, найденной в захоронении XVIII в. (Горный район в Центральной Якутии); также повсеместно встречается она на седельных крюках, кумысных кубках чороон, навершиях коновязей сэргэ, коньках надмогильных сооружений и т. д. (рис. 3). Параллельно существовала и традиция изображения лошадей с естественными чертами морды. На некоторых поздних изображениях клювоголовой лошади мастера иногда чертили линию рта по центру клюва, из-за чего его кончик начинал восприниматься как сильно отогнутая ниж-

³ В ритуальных практиках вилюйских якутов связь быка с культом плодородия прослеживается в весеннем обряде, в ходе которого невестка должна была поить суоратом (простоквашей) пороза и окроплять его загривок, спину и детородный орган, предварительно примешав в нем клочок шерсти с его брюха (Ксенофонтов, 1992б. С. 79–80).

⁴ Материальная и духовная культура народов Якутии в музеях мира (XVII – начало XX в.) / автор-сост. З.И. Иванова-Унарова.; фотограф М.В. Унаров. Якутск: Бичик, 2017. Т. 1. Кн. 1. Сибирская коллекция в музеях США. Американский музей естественной истории, Нью-Йорк. Национальный музей естественной истории. Смитсоновский институт, Вашингтон. 781 с.

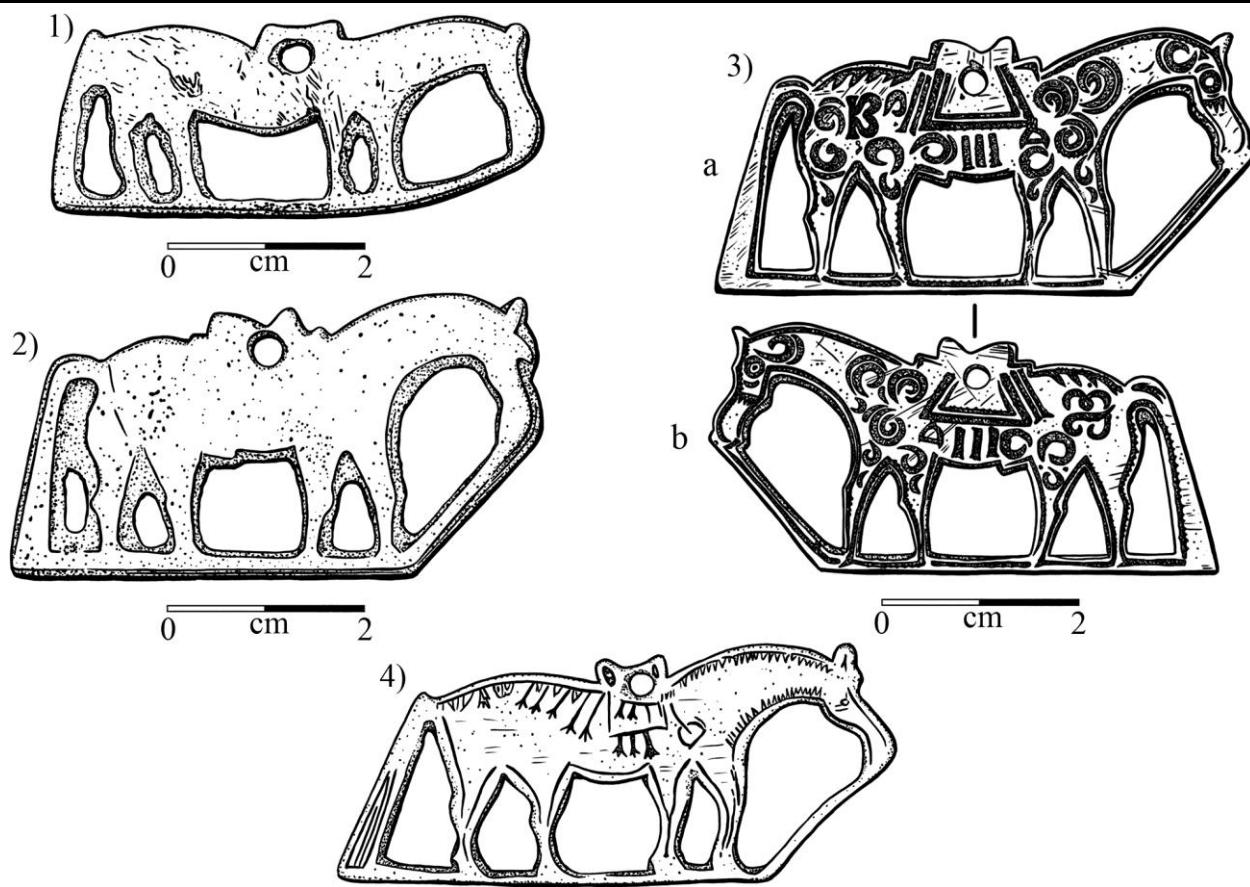

Рис. 2. Подвески в виде клювоголовых лошадей: 1, 2 – Музей Дружбы народов им. К.Д. Уткина (г. Нюрба); 3 – коллекция ЧУК «Урукку» (а – передняя сторона; б – задняя сторона); 4 – материалы И.С. Гурвича
Fig. 2. Pendants in the form of beak-headed horses: 1, 2 - K.D. Utkin Museum of Friendship of Peoples (Nyurba); 3 - collection of the private cultural institution "Urukku" (a - front side; b - back side); 4 - materials of I.S. Gurvich

ная губа животного. Это свидетельствует о том, что со временем смысл образа начал теряться.

Интересен факт тесной связи орла и лошади в мифоритуальных представлениях якутов. Можно предположить, что образ клювоголовой лошади был связан с культом «божества коней», богини-подательницы плодородия конного скота, являвшейся в виде орлицы Хотой Хомпоруун. «Богиня коней, орлица горбоносая, орлица, кушай!» – обращались к ней в ходе специального обряда призыва (Яковлев, 1992. С. 4). Неслучайно поясные подвески в форме клювоголовых лошадей, согласно некоторым источникам, являлись частью нарядного костюма невесты. Вероятно, эта фигурка служила не только украшением, но и как талисман (як. ымыы) была призвана приносить удачу и умножать приплод скота в хозяйстве молодой семьи.

В традиционных религиозных воззрениях якутов, орел и лошадь мыслились как священные животные, тесно связанные с поклонением солнцу. «Одного взгляда и крика орла оказалось достаточ-

ным не только для того, чтобы солнце появилось из-за тумана, но чтобы оно появилось во всем могуществе своей великой силы» – пишет Л.Я. Штернберг об образе орла, как о «повелителе солнца» (Штернберг, 1925. С. 720). Что касается лошадей, считалось, что «кони рождены солнцем, солнечным божеством Джесёгей, и потому бытует выражение «солнечные кони Джесёгей»» (Алексеев, Крюбези, 2016. С. 100). Тесная связь в религиозных верованиях якутов культа коня с культом солнца и уподобление космоса «прекрасному жеребцу в расцвете сил» (як. айгыр силик), обнаруживают параллели в культуре древних индоевропейских племен (Гоголев, 2018. С. 19).

Помимо этого, в якутском шаманизме сохранились следы наделения жертвенного скота орнитоморфными чертами. Например, по данным В.Е. Васильева, верхоянские якуты называют копыта (як. туйах) у жертвенных коней иным словом – тынгырах, что означает «когти» (История Якутии, 2020. С. 261). Еще пример связан с ритуалом жертвоприношения грозному божеству Уйулган Маган

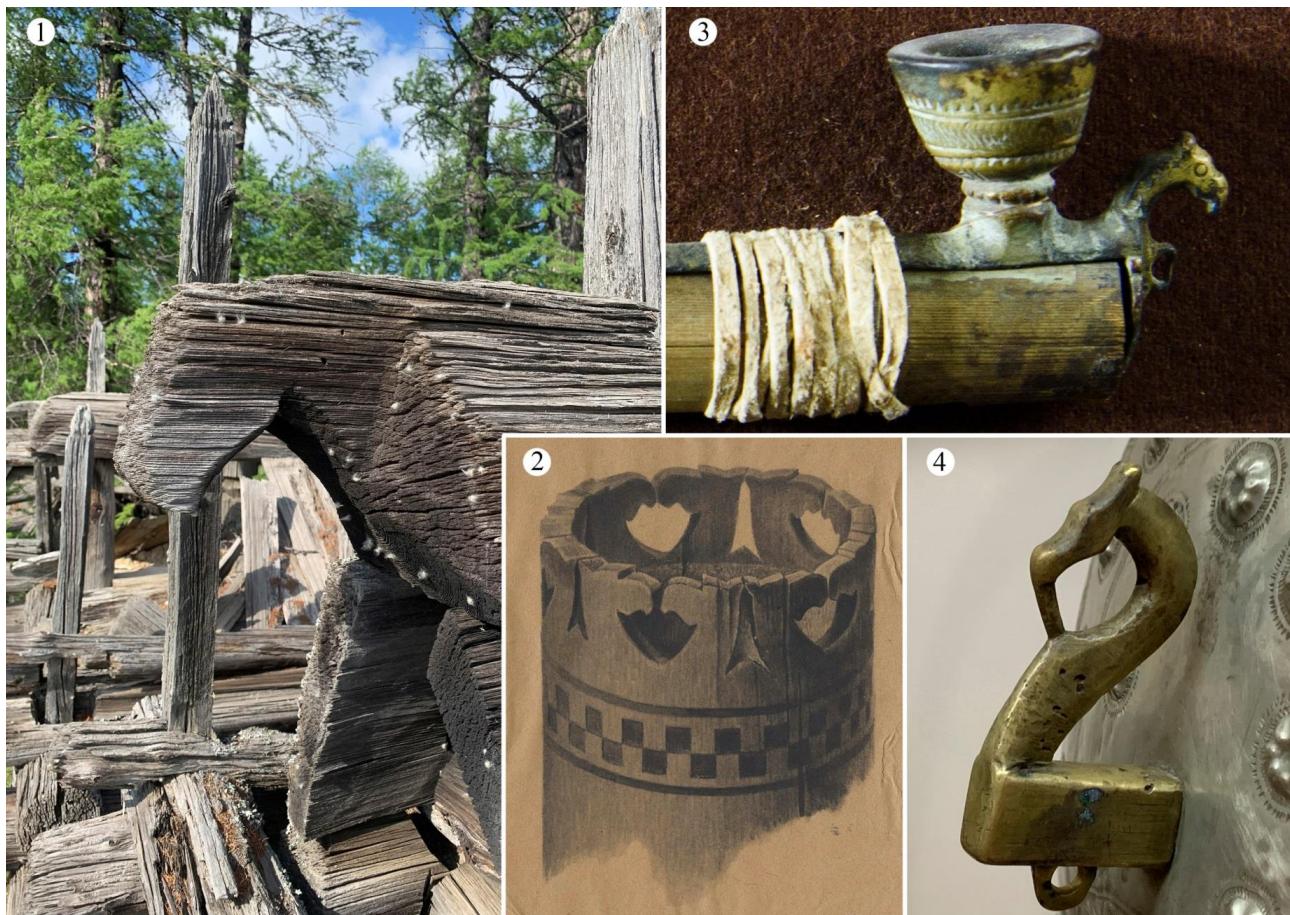

Рис. 3. Мотив клювоголовой лошади на образцах якутского деревянного зодчества и декоративно-прикладного искусства: 1 – конек надмогильного сооружения чардаат XVIII–XIX вв. (Центральная Якутия); 2 – навершие коновязи сэргэ (рисунок И.В. Попова); 3 – курительная трубка, обнаруженная в погребении XVIII в. (коллекция Музея археологии и этнографии СВФУ им. М.К. Аммосова); 4 – седельный крюк хонгсуюоччу (коллекция ЧУК «Урукку»)

Fig. 3. Motif of the beak-headed horse in examples of Yakut wooden architecture and decorative-applied art: 1 - ridgepiece of an 18th-19th century chardaat burial structure (Central Yakutia); 2 - finial of a hitching post serge (drawing by I.V. Popov); 3 - smoking pipe discovered in an 18th-century burial (collection of the Museum of Archaeology and Ethnography, NEFU); 4 - saddle hook khongsuochchu (collection of the private cultural institution "Urukku")

Тойону. Ему приносили в дар белого быка-пороза (*атыыр огус*), который должен был иметь белые копыта и красную морду (*тумус* – досл. «клюв»). После совершения обряда целую шкуру этого быка вешали на дерево, а кости и мясо сжигали на ритуальном костре (Там же. С. 272). У вилюйских якутов орнитоморфные черты были свойственны и мифологическому зверю *джыл огуса* («бык-годовик»), связанному со сменой времен года. Он прилетал осенью в виде птицы; когда проходит четверть года у него отваливаются крылья; по мере убыли зимы отваливались и все другие части тела. При таянии снега птица окончательно превращалась в длинношерстного быка тигровой масти и уходила за море до следующей осени (Попов, 1949. С. 278).

Образ клювоголовой лошади в культуре якутов напрямую коррелируется с сюжетами фантастических

клювоголовых животных в изобразительном и ювелирном искусстве скифского и хунно-сяньбийского времени. А.И. Гоголев связывает лошадиные с клювами головы с птицей *бар кыыл* из якутской мифологии, в которой просматриваются черты грифона – одного из наиболее известных фантастических существ в скифском зверином стиле. Но грифон, как правило, должен иметь еще черты, характерные для льва или другого наземного хищника. Похожие существа в сюжетах татуировок мумий из пазырыкских курганов предстают «коне-грифонами» – копытными животными с клювами хищных птиц и ветвистыми рогами (Черемисин, 2008). Существо, изображенное на якутских изделиях, можно называть «гиппогрифом» – гибридом птицы и лошади.

Близкие к якутским подвескам изделия, в сюжете «животное/всадник на основании», были ши-

роко распространены в металлопластике Уральского региона и Западной Сибири (Белавин, Крыласова. 2010), испытавшей сильное влияние скифского искусства. Эти подвески и пластики, выполненные в пермском зверином стиле, просуществовали с раннего железного века вплоть до позднего средневековья. Морды лошадей на многих изделиях также заканчиваются клювами, а планка в основании часто изображалась в виде змеи, и, возможно, символизировала дорогу (Там же. С. 83). В отличие от якутских подвесок, на спине урало-сибирских изделий чаще всего изображался всадник. В свете последнего, интерес вызывает серебряная поясная пряжка из экспозиции Бердигестяхского краеведческого музея (с. Бердигестях, Горный улус РС(Я)), на которой выгравирована клювоголовая лошадь в сбруе с антропоморфной фигурой на спине. Эта фигура передана весьма условно и стилистически напоминает антропоморфные изделия, которые якуты изготавливали из дерева или кожи для использования в различных ритуальных действиях.

Исследованные нами сюжеты обогащают образ Ленского края как «Северной Скифии», сконструированный на основе устной традиции еще Г.В. Ксенофонтовым (Романова, Бравина, Дьяконов, 2015). А.П. Окладников предполагал, что якутская тайга входила в ареал влияния скифской культуры (Окладников, 1978), доказательством чего выступают находки бронзовых вещей скифского времени – котлов, наконечников копий, кельтов, мечей и т. д. Скифский пласт в культуре народа саха был подробно исследован А.И. Гоголевым, который на основе значительного археолого-этнографического материала вывел ее истоки из скифо-сибирской культурной общности эпохи железного века (Гоголев, 2018). Множество реминисценций хунно-сяньбийского времени в культуре якутов были выявлены Д.Г. Савиновым, А.Н. Алексеевым и Р.И. Бравиной (Савинов, 2013; Алексеев, Бравина, 2017). Эти ис-

следования наглядно показывают степень цивилизационного влияния ранних кочевников, наследие которых имело важную роль в формировании культурного облика современных скотоводческих народов Евразии.

Заключение

Сложная этническая структура и динамичная история народа саха проявляются в разнообразных культурных реликтах, которые находят отражение как в легендарных сюжетах, так и в предметах материальной культуры.

Исследованные образы рогатых и клювоголовых лошадей тесно переплетены с мифорелигиозными представлениями вилюйских якутов, в особенности с культом коня. Если рогатые лошади представляются символом особой благосклонности божества-покровителя скота Уордаах Джёсёгёя, то клювоголовые лошади объединяют в себе черты двух самых почитаемых якутами животных – коня и орла. Эти животные также были связаны и с солнечным культом, являвшимся главенствующим в духовных практиках якутов.

Образы рогатых и клювоголовых лошадей являются важными культурными реликтами, которые помогают глубже понять номадическую культуру вилюйских якутов и рассмотреть ее в контексте более широких этнокультурных процессов. Исторические корни этих образов восходят к мифоритуальным воззрениям кочевников Великой Степи эпохи раннего железного века. Параллели образам рогатых и клювоголовых лошадей можно обнаружить в культуре многих народов Западной и Южной Сибири, Центральной Азии и Уральского региона. Этот и подобные ему примеры говорят о том, что наследие ранних кочевников выполняет функцию связующего элемента для этнических групп, проживающих в самых разных регионах Северной Евразии.

Список источников

Алексеев А.Н., Бравина Р.И. Хунно-сяньбийские реминисценции в культуре якутов // Актуальные вопросы археологии и этнологии Центральной Азии : материалы II Междунар. науч. конф., посвященной 80-летию д-ра ист. наук проф. П.Б. Коновалова (Улан-Удэ, 4–6 дек. 2017 г.). Улан-Удэ : БНЦ СО РАН, 2017. С. 84–90. EDN: YNAJGQ.

Алексеев А.Н., Крюбэзи Э. Сюжеты парных конских головок в культурах Якутии: древность и современность // Археология, этнография и антропология Евразии. 2016.

References

Alekseev A.N., Bravina R.I. (2017) Hunno-Xianbian reminiscences in Yakut culture. *Topical Issues of Archaeology and Ethnology of Central Asia: Proceedings of the II International Scientific Conference (Ulan-Ude, 4-6 December 2017)*. Ulan-Ude: Buryat Scientific Centre of Siberian Department of Russian Academy of Sciences. P. 84-90. (In Russ.). EDN: YNAJGQ.

Alekseyev A.N., Crubézy E. (2016) Representations of Paired Horse Heads in Yakut Art: Past and Present. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. Vol. 44. No. 2.

Т. 44. № 2. С. 91–101. DOI: 10.17746/1563-0102.2016.44.2.091-101. EDN: WBEDBN.

Баркова Л.Л. Конская маска из Первого Пазырыкского кургана // Материалы и исследования по археологии Евразии / АСГЭ. Вып. 34. СПб. : Государственный Эрмитаж, 1999. С. 97–101.

Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Предметы с изображением сюжета «животное/всадник на основании» в культуре средневекового населения Северной Евразии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2010. № 2 (42). С. 79–88. EDN: MHVDER.

Васильев В.Е. Истоки тенгрианства: от культа гор до культа Неба // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2017. № 2 (19). С. 40–48. EDN: YUFIQX.

Гоголев А.И. Происхождение народа саха и его культуры. Якутск : Изд. дом СВФУ, 2018. 256 с. + 40 с. вкл.

Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. М. : Наука, ГРВЛ, 1980. 256 с.

Гурвич И.С. Культура северных якутов-оленеводов : К вопросу о поздних этапах формирования якутского народа. М. : Наука, 1977. 247 с.

История Якутии: в 3 т. / под общ. ред. А.Н. Алексеева. Новосибирск : Наука, 2020. Т. I. / отв. ред. тома Р.И. Бравина, Е.Н. Романова. 535 с.

Ксенофонтов Г.В. Ураангхай-сахалар. Очерки по древней истории якутов: в 2 кн. Якутск : Нац. кн. изд-во Респ. Саха (Якутия), 1992а. Т. 1. Кн. 2. 315 с.

Ксенофонтов Г.В. Шаманизм. Избранные труды. (Публикации 1928–1929 гг.) / сост. и автор предисл. А.Н. Дьячкова Якутск : Север-Юг, 1992б. 318 с.

Кулаковский А.Е. Научные труды. Якутск : Якутское кн. Изд-во, 1979. 484 с.

Мец Ф. О возможных семантических параллелях «рогатым» лошадям пазырыкской культуры // Теория и практика археологических исследований. 2013. № 1 (7). С. 91–102. EDN: RQRPZJ.

Овчинников М.П. Из материалов по этнографии якутов. I: Легенды, сказки, предания // Этнографическое обозрение. 1897. № 3. С. 148–184.

Окладников А.П. Скифы и тайга (к изучению памятников скифского времени в Ленской тайге) // Проблемы археологии. II. Л. : ЛГУ, 1978. С. 101–109.

Попов А.А. Материалы по истории религии якутов б. Вилюйского округа // Сборник Музея антропологии и этнографии. 1949. Т. XI. С. 255–323.

Попов В.В., Бравина Р.И. Ритуальные комплексы с конем в Якутии (XV–XX в.). Якутск : Бичик, 2009. 32 с. EDN: SGQGDF.

Романова Е.Н., Бравина Р.П., Дьяконов В.М. Северная Скифия: Импульсы степных цивилизаций в историко-культурном пространстве Якутии (наследие, контекст, образ) // Скифия. Образ и историко-культурное наследие : материалы конференции 26–28 октября 2015 года, г. Москва / под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой, А.В. Подосинова. М. : Институт всеобщей истории РАН, 2015. С. 90–96. EDN: TFTLWQ.

Р. 91-101. DOI: 10.17746/1563-0110.2016.44.2.091-101. EDN: XFKCTF.

Barkova L.L. (1999) Horse mask from the First Pazyryk mound. *Materials and Research on the Archaeology of Eurasia. Archaeological Papers of the State Hermitage Museum. Iss. 34. St. Petersburg: Gosudarstvennyi Ehrmitazh.* P. 97-101. (In Russ.).

Belavin A.M., Krylasova N.B. (2010) Objects with “Animal and Rider Imagery on the Base” in the Medieval Culture of Northern Eurasia. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia.* No. 2 (42). P. 79-88. (In Russ.). EDN: MHVDER.

Vasilyev V.E. (2017) Origins of Tengrianism: from the cult of mountains to the cult of Heaven. *North-Eastern Journal of the Humanities.* No. 2 (19). P. 40-48. (In Russ.). EDN: YUFIQX.

Gogolev A.I. (2018) The origin of the Sakha people and their culture. *Yakutsk: Izdatelskii dom SVFU.* 296 p. (In Russ.).

Grach A.D. (1980) Ancient nomads in the center of Asia. Moscow: Nauka, GRVL. 256 p. (In Russ.).

Gurvich I.S. (1977) The Culture of Northern Yakut - Reindeer Herdsmen. Moscow: Nauka. 247 p. (In Russ.).

Bravin R.I., Romanov E.N. (2020) History of Yakutia: in 3 vol. Vol. Novosibirsk: Nauka. 535 p. (In Russ.).

Ksenofontov G.V. (1992a) Uraankhai Sakhalar. Essays on the ancient history of the Yakuts. Yakutsk: Nats. kn. izd-vo RS (Ya). Vol. 1. Book 2. 315 p. (In Russ.).

Ksenofontov G.V. (1992b) Shamanism. Selected works (Publications 1928-1929). Yakutsk: Sever-Yug. 318 p. (In Russ.).

Kulakovskii A.E. (1979) Scientific studies. Yakutsk: Yakutsk Publishing House. 484 p. (In Russ.).

Mets F. (2013) Possible meanings and parallels to «horned» horses of Pazyryk culture. *Theory and practice of archaeological research.* No. 1 (7). P. 91-102. (In Russ.). EDN: RQRPZJ.

Ovchinnikov M.P. (1897) From the materials on ethnography of the Yakuts. *Ethnographic Review.* No. 3. P. 148-184. (In Russ.).

Okladnikov A.P. (1978) Scythians and taiga (towards the study of sites of the Scythian time in the Lena taiga). *Problems of Archeology.* Iss. II. Leningrad: LGU. P. 101-109. (In Russ.).

Popov A.A. (1949) Materials on the history of religion of the Yakuts of the former Vilyui district. *Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography.* Vol. XI. P. 255-323. (In Russ.).

Popov V.V., Bravina R.I. (2009) Ritual sites with a horse in Yakutia (XV–XX centuries). Yakutsk: Bichik. 32 p. (In Russ.). EDN: SGQGDF.

Romanova E.N., Bravina R.P., Dyakonov V.M. (2015) Northern Scythia: Impulses of steppe civilizations in the historical and cultural space of Yakutia (heritage, context, image). *Scythia. Image and Historical and Cultural Heritage: Proceedings of the Conference, October 26-28, 2015.* Moscow: Institut vseobshchei istorii RAN. P. 91-96. (In Russ.). EDN: TFTLWQ.

Савинов Д.Г. Археологические материалы о южном компоненте в культурогенезе якутов // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2013. № 2 (7). С. 59–71. EDN: RUKEGH.

Серошевский В.Л. Якуты: Опыт этнографического исследования. 2-е изд. М. : РОССПЭН, 1993. XVIII, 713 с.

Черемисин Д.В. К семантике образа клювоголового оленя в пазырыкском искусстве // Тропою тысячелетий: сб. науч. тр. посвящ. юбилею М.А. Дэвлет (Труды САИПИ. Вып. IV). Кемерово : Кузбассвузиздат, 2008. С. 99–105.

Черемисин Д.В. О семантике маскированных рогатых лошадей из пазырыкских курганов // Археология, этнография и антропология Евразии. 2005. № 2 (22). С. 129–140. EDN: XATCOV.

Штернберг Л.Я. Культ орла у сибирских народов: этюд по сравнительному фольклору // Сборник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого при АН СССР. 1925. Т. 5. Вып. 2. С. 717–740.

Яковлев В.Ф. Сэргэ (коновязь). Якутск : Ситим, 1993. Ч. 2. 78 с.

Сүлбэ Багдарын. Талыллыбыт үлэлэр. Алтыс том: Үүйээннэр, номохтор [Избранные труды. Т. 6: Легенды, предания]. Дьокууский [Якутск] : Бичик, 2017. 544 с. (На якутском языке).

Үүйээннэр, номохтор [Предания и легенды старины]. Сост. Багдарын Сюлбэ. Дьокууский [Якутск] : Бичик, 2004. 288 с. (На якутском языке).

Savinov D.G. (2013) Archaeological materials about the southern component in culture of genesis of Yakut people. *North-Eastern Journal of Humanities*. No. 2 (7). P. 59–71. (In Russ.). EDN: RUKEGH.

Seroshevskii V.L. (1993) Yakuts: The experience of ethnographic research. Moscow: ROSSPEN. XVIII. 713 p. (In Russ.).

Cheremisin D.V. (2008) On the semantics of the image of a beaked deer in Pazyryk art. *The Path of Millennia: Collection of Scientific Works Dedicated to the Anniversary of M.A. Davlet*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat. P. 99–105. (In Russ.).

Cheremisin D.V. (2005) On the semantics of the image of a beaked deer in Pazyryk art. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. No. 2 (22). P. 129–140. (In Russ.). EDN: XATCOV.

Shternberg L.Ya. (1925) The cult of the Eagle among the Siberian peoples: an etude on comparative folklore. *Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography. Peter the Great at the Academy of Sciences of the USSR*. Vol. 5. Iss. 2. P. 717–740. (In Russ.).

Yakovlev V.F. (1993) Serge (hitching post). Pt. 2. Yakutsk: Sitim. 78 p. (In Russ.).

Sylube Bagdaryn. (2017) Selected works. Vol. 6: Legends, tales. Yakutsk: Bichik. 544 p. (In Yakut).

Bagdaryn Sylube (2004) Legends and tales of old. Yakutsk: Bichik. 288 p. (In Yakut).

Информация об авторе

Петров Денис Михайлович,
младший научный сотрудник Лаборатории археологии,
Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
677027, г. Якутск, ул. Петровского, 1, Россия,
e-mail: dbyrkyngaev@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-5166-5166>

Вклад автора

Петров Д.М. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 27 ноября 2025 г.; одобрена после рецензирования 3 декабря 2025 г.; принята к публикации 15 декабря 2025 г.

Information about the author

Denis M. Petrov,
Junior Researcher of the Laboratory of Archaeology,
Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of
the North, Yakut Scientific Centre, SB RAS,
1, Petrovskogo St., Yakutsk 677027, Russia,
e-mail: dbyrkyngaev@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-5166-5166>

Contribution of the author

Petrov D.M. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted November 27, 2025; approved after reviewing December 3, 2025; accepted for publication December 15, 2025.

История

Научная статья
УДК 94(47).048
EDN: WZMJWU
DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2025-4-58-69>

Артиллерия Нерчинского уезда 1658–1710 гг. (3 часть)

Е.А. Багрин ¹, А.В. Громов ², В.И. Трухин ³

¹ Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина, Санкт-Петербург, Россия

² Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи, Санкт-Петербург, Россия

³ Независимый исследователь, Благовещенск, Россия

Аннотация. Статья посвящена артиллерию Нерчинска и Нерчинского уезда во 2-й половине XVII – начале XVIII в. Структурно исследование разделено на три части. В первой на основании изучения архивных документов авторы показывают, как развивался артиллерийский парк Нерчинска от момента основания города до 1710 г. На начальном этапе этого развития (1658–1684) в Нерчинский уезд поступило только около 7 орудий (в т. ч. пушки медные и железные затинные пищали). В 1684–1685 гг. в связи с угрозой начала вооруженного конфликта с Китаем число пушек, направляемых в Забайкалье, увеличилось, значительная их часть предназначалась для последующей отправки в Албазин в Приамурье. Все эти орудия имели малый калибр и вес. В 1686 г. из Москвы на юг Дальнего Востока в составе полка Ф.А. Головина направили мортиру и 20 полковых пушек, калибром 2 фунта. Эти орудия в совокупности с артиллерией, возвращенной в Нерчинск из Албазина, составили вооружение Нерчинского уезда в 1690–1710 гг. Также представлена информация о нерчинских пушкарях и материальной базе, необходимой для обслуживания мортиры. Во второй части статьи рассматриваются пушки XVII в. из коллекции ВИМАИВИС, привезенные в Санкт-Петербург из Нерчинска в XIX в. (в т. ч. в последствие утраченные). Большая часть из них представляет собой двухфунтовые медные орудия, входившие в состав артиллерией полка Ф.А. Головина. Описаны и уникальные образцы: пищаль мастера Якова XV века, пушка медная Якима Никифорова, вероятно, участвовавшая в обороне Албазина 1685 г., венецианские корабельные пушечки и др. Сравнение данных из исторических документов и музейных описаний позволяет соотнести часть реальных образцов с документальными упоминаниями. В третью часть включена публикация документа «Приемный список разным военным снарядам и запасам Нерчинского, Теленбинского и Еравинского острогов» (1690 г.).

Ключевые слова: история, Россия, XVII–XVIII века, артиллерия, пушка, пушкарь, Сибирь, Нерчинск, Албазин

Для цитирования: Багрин Е.А., Громов А.В., Трухин В.И. Артиллерия Нерчинского уезда 1658–1710 гг. (3 часть) // Известия Лаборатории древних технологий. 2025. Т. 21. № 4. С. 58–69. DOI: [10.21285/2415-8739-2025-4-58-69](https://doi.org/10.21285/2415-8739-2025-4-58-69). EDN: WZMJWU.

History

Original article

Artillery of Nerchinsk District in 1658–1710 (Part 3)

Egor A. Bagrin ¹, Andrey V. Gromov ², Vladimir I. Trukhin ³

¹ Boris Yeltsin Presidential Library, Saint-Petersburg, Russia

² Military Historical Museum of Artillery, Engineers and Signal Corps, Saint-Petersburg, Russia

³ Independent Researcher, Blagoveshchensk, Russia

Abstract. The article is devoted to the artillery of Nerchinsk fortress and Nerchinsk District in the second half of the 17th - early 18th centuries. Structurally, the study is divided into three parts. In the first part, based on a study of archival documents, the authors show how the artillery park of Nerchinsk developed from the time of the foundation of city until 1710. At the initial stage of development (1658-1684), only about 7 pieces (including "copper cannons" and iron wall guns) arrived in Nerchinsk District. In 1684-1685, due to the threat of a military conflict with China, the number of cannons sent to Transbaikalia increased sharply (about 18 pieces), a significant part of them, including one mortar, were intended for subsequent shipment to the Albazin fortress in the Amur region. All these guns had a small caliber and weight. In 1686, a mortar and 20 regimental guns, with a caliber of 2 pounds, were sent from Moscow to the south of the Far East as part of F.A. Golovin's regiment. These pieces, together with the artillery

transported to Nerchinsk from Albazin, constituted the armament of the Nerchinsk District in 1690–1710. In addition to the data directly on the guns, the article provides information on the material base necessary for servicing the mortar, as well as supplies for the manufacture of explosives for its grenades. Data on the Nerchinsk gunners is also provided. The second part of the article examines 17th century cannons from the Military-Historical Museum of Artillery, Engineering and Signals Troops collection, brought to St. Petersburg from Nerchinsk in the 19th century (including those subsequently lost). Most of them are 2-pound “copper” cannons, which probably were part of the artillery of F.A. Golovin's regiment. In addition, unique examples are described, such as the 15th-century arquebus by master Yakov, the copper cannon of Yakim Nikiforov, which probably participated in the defense of Albazin in 1685, Venetian ship cannons, etc. Comparison of data from historical documents and museum descriptions allows us to correlate some of the real samples with documentary references. For example, the 3-pound cannon of Ivan Novgorodets with one of the two guns that became the first artillery of Nerchinsk in 1658. The third part includes the publication of the document “Reception list of various military equipment and supplies of the Nerchinsk, Telenbinsk and Eravinsky forts” (1690).

Keywords: history, Russia, XVII–XVIII centuries, artillery, cannon, gunner, Siberia, Nerchinsk, Albazin

For citation: Bagrin EA., Gromov A.V., Trukhin V.I. (2025) Artillery of Nerchinsk district 1658–1710 (Part 3). *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 21. No. 4. P. 58–69. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2025-4-58-69. EDN: WZMJWU.

В 3-й части нашего исследования мы предлагаем читателям ознакомиться с важным, ранее неопубликованным документом, отражающим формирование и состав артиллерийского вооружения Нерчинского уезда в 1658–1710 гг., в период самой острой фазы конфликта, связанного с разграничением зоны влияния России и Китая на Дальнем Востоке. Введение его в научный оборот в значительной степени способствует не только изучению русского вооружения и военного снаряжения во второй половине XVII – начале XVIII столетия, но и в целом истории включения Забайкалья и Приамурья в состав Российского государства. Этот документ – «Приемный список разным военным снарядам и запасам Нерчинского, Теленбинского и Еравинского острогов»¹ (см. Приложение). Список составлен не позднее 30 апреля 1690 г. Документ хранится в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) в фонде 214 «Сибирский приказ» (РГАДА. Оп. 1. Ч. 3. Кн. 782. № 35. Л. 558–572).

Список относится к периоду, когда воевода Иван Астафьевич Власов, возглавлявший все Даурские остроги, начиная с 13 мая 1684 г., передавал дела новому нерчинскому администратору полковнику Фёдору Исаевичу Скрипицыну. По существу, это отчетный документ, связанный с учетом военного имущества, где погодно отражен его приход и расход в период воеводства Власова: «и в строенье и в приходе ... ружья и пушечных припасов вышло в расход и на какие расходы при стольнике и воеводе при Иване Остафьевиче Власове и что за расходом в остатке и по росписному списку принято» (РГА-

ДА. Оп. 1. Ч. 3. Кн. 782. № 35. Л. 558). Говоря о содержании списка, важно отметить, что в расходной части указывался не только год, в котором была произведена выдача военного имущества и его количество, но и то, для чего оно должно было использоваться. Это особенно важно, поскольку здесь со скрупулезной точностью и в хронологическом порядке отражены события, происходившие в это время. К сожалению, «Приемный список» сохранился не полностью, поскольку у него нет конца. Сохранившаяся часть описывает период с 1682 по 1688 год.

Отметим, что содержание «Приемного списка» делает публикацию актуальной для исследователей не только военной истории России и артиллерии как частного ее направления, но также и истории Забайкалья и в целом Дальневосточного региона России в XVII – начале XVIII века. Важно отметить, что во вводной части «Приемного списка» приведено **единственное известное на сегодняшний день подробное описание** ранних укреплений Нерчинска: «По росписному списку у стольника и воеводы у Федора Воейкова принято: Нерчинской острог крыт тесом в острожных стенах, и по углам четыре башни крыты тесом на четыре ската, да башня ж в стене, а в ней ворота проезжие, в воротах на затворе калитка, а около острогу частик воловой двойной» (РГАДА. Оп. 1. Ч. 3. Ед. хр. 782. № 35. Л. 559–559 об.). Конечно, это описание содержит сведения и о более поздних перестройках острога, т.к. оно относится к 1684 г., когда крепость принимал воевода Власов у своего предшественника Федора Дементьевича Воейкова. **Однако в его основе мы видим описание укреплений,**

¹ Далее – «Приемный список».

возведенных служилыми людьми первого даурского воеводы Афонасия Дементьевича Пашкова в 1658 г. В настоящее время предпринимаются неоднократные попытки визуализировать эту крепость современными методами 3D моделирования, опираясь лишь на косвенные сведения об его объемно-планировочной структуре, что, безусловно, сказывается на результатах. Теперь исследователи могут использовать в своих работах прямое описание этого оборонительного сооружения. Вместе с другими данными об их эволюции², оно может стать основой для создания полноценной, исторически обоснованной реконструкции Нерчинского острога 1658 г.

Не менее интересны сведения, связанные с основанием еще одного важнейшего для истории Забайкалья населенного пункта – Читы. Запись, расположенная на одном из листов, сообщает: «*Для нового селенья и завода и бережи на усть Читы реки дано служилым людем Сенке Подкорытову Анашке Никифорову Гришке Каидалову по пищали по два фунта пороху по два фунта свинцу. Всего три пищали шесть фунтов пороху свинцу тож*» (РГАДА. Оп. 1. Ч. 3. Ед. хр. 782. № 35. Л. 571 об.). Кроме информации о выдаче в расход нескольких пищалей, пороха и свинца однозначно указана цель, которая должна быть достигнута. Интерпретируя ее, можно заключить, что небольшой отряд как минимум из трех казаков посыпался к устью р. Читы с задачей основать новое поселение, обустроить это место и организовать его охрану. Поселение, о котором идет речь, в последствии получило название «Плодбище» или «Читинское Плодбище», бывшее в период проведения русско-китайских переговоров в Нерчинске (август 1689 г.) базой, через которую русские войска снабжались продовольствием и воинскими припасами. Вне всякого сомнения, Плодбище является единственным селением, реально претендующим на звание предшественника города Читы. Эта запись относится к 7195 году. Этот год охватывает период с 1 сентября 1686 года до 31 августа 1687 года, а значит, и селение было основано именно в этот период. Важно отметить, что речь идет именно

² Например, в «Приемном списке» за 7195 (1686/1687) г. отмечено: «На проезжей башне вновь зделан раскат рубленой, а на раскате решетки и полатка караульная крыта тесом на четыре ската» (РГАДА. Оп. 1. Ч. 3. Ед. хр. 782. № 35. Л. 572).

об основании этого поселения, поскольку в документе говорится о «новом селенье», а значит, до этого времени на данном участке ранее никакого поселения не было. Эти данные могут помочь поставить точку в научной дискуссии³ о дате основания города Читы, а также позволяют назвать и имена его первопоселенцев.

Возвращаясь к теме вооружения русских служилых людей в Забайкалье, отметим, что помимо описания пушек (типов орудий, калибров, станков и др.) и боеприпасов к ним, есть сведения об их испытании: «*для отведыванья по целе ис пушок на шесть зарядов вышло пороху дватцать три фунта, а ядра в расход не писаны для того что они в то же время сысканы*». Упоминаются тренировки личного состава: «*Для ученья в Нерчинску гранатного дела учеников выстреляно из гранатки ядро пудовое, да ручных пять ядер брошено из руки. А на стрельбу и на вышеписанные духовые ядра вышло пуд трицать один фунт пороху*» (РГАДА. Оп. 1. Ч. 3. Ед. хр. 782. № 35. Л. 561 об. – 562, 568 об.). Примечательны такие данные как полный список припасов и снаряжения, пришедшего в Нерчинск в комплекте с «верховой» пушкой (мортирой), а также состав духовых ядер. Интересна информация о передаче 1 пуда пороха и свинца в Троицкий монастырь на р. Селенге игумену Феодосию и др. (РГАДА. Оп. 1. Ч. 3. Ед. хр. 782. № 35. Л. 564–564 об., 566, 567 об. – 568).

³ В 60-х гг. прошлого столетия 1653 г., благодаря публикациям историка В.Г. Изгачёва, утвердился как год основания г. Читы. Он связывал ее со строительством казаками П. Бекетова государева Ингодинского зимовья. Сегодня благодаря исследованиям историков и краеведов эта дата многократно оспорена. Благодаря их исследованиям был введен в научный оборот ряд документов, упоминающих селение на устье р. Читы. Совсем недавно самым ранним документом, упоминающим его, была «Отписка полкового воеводы Ф.А. Головина Нерчинскому воеводе Ивану Осташьевичу Власову о подряде служилых и промышленных людей на поставку хлеба в устье Читы реки», написанная не позднее 18 октября 1687 г. (РГАДА. Ф. 1142. Оп. 1. Д. 43. Л. 36–38). Еще на несколько дней ранее сдвигает эту дату статейный список посольства Ф.А. Головина. В нем Читинское Плодбище упоминается в тексте одновременно с событиями, произошедшими 6 октября 1687 г. Возможно, это упоминание можно даже связать с датой 28 сентября этого же года (РГАДА. Ф. 62. Кн. 10. Л. 289–294 об.).

Некоторые из упомянутых в «Приемном списке» данных приведены нами в первой части исследования, но значительная часть информации еще не рассмотрена и требует дальнейшего подробного анализа документа. Например, такие вопросы как соотношение норм выдачи вместе с артиллерией ядер, пороха, свинца, фитиля и др. Например, представляется, что, примерно, на каждые 10 пудов пороха и свинца выдавалось 4–5 саженей фитиля и т. п.

Кроме информации об артиллерию документ содержит много сведений о ручном огнестрельном оружии – пищалах и мушкетах. Интересны характеристики состояния поступающих и хранившихся ружей (см. табл. 11).

Таблица 11. Основные характеристики состояния ручного огнестрельного оружия, поступавшего и хранившегося в Нерчинске в 1658–1710 гг.
Table 11. Main characteristics of the condition of handguns received and stored in Nerchinsk in 1658–1710

Категория состояния огнестрельного оружия	Характеристика
Комплектация пищалей и мушкетов	«с фирмами и з батики», «с замком», «без замка», «без пружин», «без курков», «без калыпов ⁴ »
Повреждения стволов	«изогнуты», «ломанные», «изломаны», «горелые», «порченные»
Состояние оружейных лож	«новые», «старые»

Примечательны упоминания о выдаче новых пищалей в замен 13 ед., которые «в походе» «рвало и роздуло», дифференциации в одном месте ружей на пищали и мушкеты и др. (РГАДА. Оп. 1. Ч. 3. Ед. хр. 782. № 35. Л. 563 об.)

Походные нормы выдачи пороха и свинца, приведенные в «Приемном списке», колеблются от «полуфунта» до «фунта». Обычно в равной пропорции. В одном случае отмечено соотношение 1:1,5, а также выдача по 2 фунта пороха и свинца (РГАДА. Оп. 1. Ч. 3. Ед. хр. 782. № 35. Л. 570 об. – 571). Уникальны данные о мунгальской пищали, отбитой у воровских людей, в комплекте к ней шла натруска с

полуфунтом пороха и 30 свинцовыми пулями весом полфунта (примерно, по 7 гр. одна пуля) (РГАДА. Оп. 1. Ч. 3. Ед. хр. 782. № 35. Л. 566 об.) Интересными представляются данные о починке оружия. Например, о расковке одного из ружейных стволов для починки других пищалей (РГАДА. Оп. 1. Ч. 3. Ед. хр. 782. № 35. Л. 560).

«Приемный список» является комплексным документом, объединяющим сведения о военной фортификации Нерчинска, артиллерией и ручном огнестрельном оружии, боеприпасах, холодном древковом оружии. Здесь же мы можем найти сведения о событиях этого периода, включая распределение военного имущества между нерчинскими острогами и отправкой их в Албазин, столкновениях с мунгалами и др. Важны и упоминания служилых людей, задействованных в различных мероприятиях: начальников и рядовых членов отрядов, пушкарей и др. Таким образом, сложно переоценить значение этого документа для дальнейшей плодотворной работы, связанной с изучением военной истории России на Дальнем Востоке в XVII в.

Подводя общий итог, отметим, что в трех публикациях мы постарались объемно рассмотреть вопрос оснащения артиллерией Нерчинского уезда в период от первых лет его формирования до начала Петровских реформ. В ходе исследования нами представлены данные из архивных источников и музейной коллекции ВИМАИВиВС, а также полностью приведен текст одного из важнейших документов, зафиксировавших в течение 1680-х гг. поступление и расход вооружения в Нерчинске. В целом можно отметить, что большая часть артиллерии, направляемой в Нерчинский уезд, представляла собой стандартные полковые пушки калибром 2 гринеки, а также орудия меньшего калибра от $\frac{1}{4}$ до $1 \frac{1}{4}$ гринеки. Вероятно, поступление последних часто было связано с необходимостью переслать в уезд артиллерию в кратчайшие сроки, т. к. их было значительно легче транспортировать, чем пушки большего калибра. Анализ музейной коллекции, включающей около $\frac{1}{3}$ орудий из всех, состоявших на вооружении в Нерчинском уезде, позволил установить, что большинство из них произведены в 1679–1681 гг. Этот факт показывает, что арсенал Нерчинска формировался, прежде всего, из новых пушек. При этом следует учитывать, что большинство их них прибыло в Восточное Забайкалье на последнем эта-

⁴ Калып – пулелейка.

пе рассматриваемого нами периода в разгар русско-китайского конфликта. В то же время в коллекции есть и уникальные образцы (архаичная пушка Ивана Новгородца, венецианские фальконеты и др.), изучение которых должно быть продолжено. Большим заделом для будущих исследований является наличие в музее ВИМАИВиВС одной из двух нерчинских мортир и выявленного комплекса документов из РГАДА, детально описывающих, направленные с ней «гранатные припасы и составы». Мы надеемся, что материалы статьи станут хорошей опорой для дальнейшего изучения артиллерии и военной истории России XVII–XVIII вв.

Приложение

При публикации документа текст передан буквами гражданского алфавита, с заменой, вышедших из употребления букв современными, обозначающими те же звуки. Сокращенно написанные слова («под титлом») раскрыты в круглых скобках. Выносные буквы внесены в строку без выделения, при этом мягкий и твердый знак употреблены согласно современному правописанию. Мягкий и твердый знак не употреблялись, если они отсутствовали в слове без выносных букв. Буквенная цифирь, обозначающая числа в документах, передана арабскими цифрами. Публикация текста подготовлена В.И. Трухиным.

1690 г. не ранее апреля 30. – 7198 года приемный список разным военным снарядам и запасам Нерчинского, Теленбинского и Еравинского острогов.

Ф. 214. Оп. 1. Ч. 3. Кн. 782. Л. 558–572.

(л. 558) Лета 7198 г(о) мая в де(нь) по указу великих г(о)с(у)д(а)реи ц(а)реи и великих кн(я)зеи Иоанна Алексеевича Петра Алексеевича и великие г(о)с(у)д(а)р(ы)ни благоверные ц(а)р(е)вны и великие кн(я)жны Софии Алексеевны всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцев по грамоте из Сибирск(о) приказу за приписью дьяка Михайла Прокопьева стольник и полковник Федор Исаевич Скрыпицын приехав в Нерчинской острог в приказной избе по приходным и расходным книгам каковы книги принял за рукою сиденья стольника и воеводы Ивана Остафьевича Власова 192 г(о) году мая с 13 г(о) числа да по н(ы)нешнеи 198 й год апреля по 30 число по свой в Нерчинской острог приезд в при-

ходе и в расходе считал что принял он стольник и воевода Иван Остафьевич Власов по расписному списку у стольника и воеводы у Федора Военкова и у приказщиков **(л. 558 об.)** и в строене и в приходе во 192 м и во 193 м и во 194 м и во 195 м и во 196 м и во 197 м и в н(ы)нешнем во 198 м годех апреля по 30 число ружья и пушечных припасов в Нерчинску и в Теленбинску и в Еравинску острогах и что ис того числа в прошлых же во 192 м и во 193м во 194 м и во 195 м и во 196 м и во 197 м и в н(ы)нешнем во 198 м годех апреля по 30 число ружья и пушечных припасов вышло в расход и на какие расходы при стольнике и воеводе при Иване Остафьевиче Власове и что за расходом в остатке и по расписному списку принято и то писано в сем счетном списке ниже сего.

(л. 559) По расписному списку у стольника и воеводы у Федора Военкова принято: Нерчинской острог крыт тесом в острожных стенах, и по углам четыре башни крыты тесом на четыре ската, да башня ж в стене, а в ней ворота проезжие, в воротех на затворе калитка, а около острогу частик воловой двойной.

Да по острогу снаряду: шесть пушок медных, четыреста четырнадцать ядер железных больших и средних малых, двадцать девять мушкетов в новых ложах без замков, шестьдесят мушкетов старых з замками, двадцать четыре стволины мушкетные, в том числе две ломаные, две горелые, двадцать четыре пуда свинцу, пятьдесят восемь пуд **(л. 559 об.)** двадцать фунтов пороху мелкого и крупного в контарной вес з деревом, тритцать копеи.

И тому ружью и пушечным запасом расход тогож 192 г(о) году.

В посылку для проведения про приход воинских китайских людей и для взятия руд дано сыну боярскому Григорию Лоншакову с товарищи шеснадцати ч(е)л(о)в(е)ком: пятнадцать фунтов пороху, шеснадцать фунтов свинцу.

Для посылки за ясачною казною великих г(о)с(у)д(а)реи в Удинской в провожатых дано служилым людем Ивану Астраханцову с товарищи тритцати ч(е)л(о)в(е)ком по полуфунту пороху, свинцу тож. Итог(о) им вышло пятнадцать фунтов пороху, **(л. 560)** свинцу тож.

На починку пищалеи раскована сволина пищальная.

Всего вышло в росход тритцать фунтов пороху, тритцать один фунт свинцу, стволина пищальная.

Приход 193 г(о) году.

Тобольской и енисейской присылок взято: у Васки Денисова две пушки медных ядром полу фунтовые к ним четырнадцать ядер железных, пушка же медная испорченая ядром в фунт к ней десять ядер железных, в трех бочках осмнадцать пуд с четьюю пороху, да пушечного з деревом же пять пуд, да моклого ручного пороху же (**л. 560 об.**) пуд тритцать семь фунтов с полуфунтом, да пушечного моклого же пуд тритцать семь фунтов с полуфунтом. Всего ручного и пушечного пороху и с моклым двадцать три пуда двадцать фунтов без дерева, а з деревом того пороху двадцать семь пуд пять фунтов и с моклым, да свинцу двадцать один пуд двадцать четыре фунта.

По енисейской же отписке у Семена Вешняка взято: пушка медная мерою два аршина три вершка ядром в гривенку весом одиннадцать пуд пять фунтов, к ней шездесят ядер железных, восмьдесят три пищали, в том числе две пищали изогнуты ложи изломаны, две пищали без пружин, две пищали бескурков, (**л. 561**) семь пищалей бес калыпов, две пищали ломаны, пятьдесят бердышев, восмьсот пятьдесят кремней пищальных, да в четырех бочках двадцать **семь** пуд одиннадцать фунтов с полуфунтом и з деревом пороху, двадцать семь пуд шесть фунтов свинцу, и с тем что ис того пороху и свинцу дано в Ыркуцком новоприборным казаком енисейским для проезду в Дауры **тритцати** двум ч(е)л(о)в(е)ком по полу фунту пороху и свинцу.

Да у него же взято за наличные шеснадцать пищалей которые пищали раздал он в Ыркуцком для приезду в Нерчинск служилым людем.

(л. 561 об.) По иркуцкой отписке у них же принято двадцать сажен фетилю.

И ис того числа во 193 м году вышло в росход.

Нерчинским десятником казачьим Ивану Астрапаханцову Филиппу Свешникову Василью Леонтьеву с товарыщи сту одному ч(е)л(о)в(е)ку по фунту пороху по фунту свинцу. Итого им вышло два пуда двадцать один фунт пороху, свинцу же для посылки в погоню за воровскими людьми и за отгонными ясачного збору и казачьими лошадьми и скотом.

Для отведыванья по цели ис пушок на шесть зарядов вышло пороху (**л. 562**) двадцать три фунта, а ядра в росход не писаны для того что они в то же время сысканы.

Послано в Албазин с енисейским с(ы)ном боярским с Афонасьем Байтоном енисейской присылки ружья: пушка медная в станку весом ядро фунт к неи двадцать ядер железных, пять пуд шеснадцать фунтов с полуфунтом пороху ручного без дерева, пять пуд с четьюю пороху ручного же з деревом, полтретья пуда пороху пушечного з деревом же, десять пуд шеснадцать фунтов с полуфунтом свинцу, пять сажен фетилю.

Из Нерчинского же острогу послано в запас в Теленбинской тритцать пять фунтов (**л. 562 об.**) пороху з деревом.

В Еравинской пороху тож число, пуд свинцу.

Новоприборных енисейских шеснадцать ч(е)л(о)в(е)к казаков послано из Нерчинска в Албазин. Дано им по пищали ч(е)л(о)в(е)ку, которые пищали даны им были в Ыркуцком из Нерчинского ружья. Да им же и достальным их братье шеснадцати ч(е)л(о)в(е)ком всего тритцати двум ч(е)л(о)в(е)ком дано по полуфунту пороху, свинцу по тому же. Всего шеснадцать фунтов пороху, свинцу тож.

Послано в Албазин с Алексеем Толбузиным к енисейской присылки к двум пушкам медным да к трем пищалем затинным нерчинским (**л. 563**) две пушки медных в станках и на колесах. Одна весом девятнадцать пуд с четьюю, другая восемь пуд с полу пудом. Сто ядер железных. Да к двадцати к семи пудам пороху, к двадцати к девяти пудам с полу пудом свинцу, тринадцать пуд пороху, десять пуд с полу пудом свинцу, четыре сажени фетилю.

Новоприборным тобольским казакам Ивашке Какшарову Афонке Лебедеву с товарыщи девятыи ч(е)л(о)в(е)ком для посылки в Албазин дано по пищале ч(е)л(о)в(е)ку. А прежние же у них пищали в походе на мугальских людем из Удинского острогу розорвало.

Тобольским же казаком Андрюшке Григорьеву Петрушке Трофимову с товарыщи (**л. 563 об.**) для посылки в Албазин дано в обмен тринадцать пищалей с фирмами и з батики. А у них в то число взято рваных и роздутых тринадцать же пищалей. А рвало и роздуло у них те пищали в походе же из Удина. И те пищали тринадцать в росход в сем счетном списке не считаны для того что в то число пищали взяты же.

Нерчинским служилым людем десятнику казачью Семену Вешняку с товарыщи двадцать осмнадцать ч(е)л(о)в(е)ком дано двадцать семь пищалей с фирмами и з ботики да мушкет.

Во 194 м году приход Нерчинского острогу.

По отписке из Енисеиска боярина и воеводы князя Константина Осиповича Щербатого у гранатчика у енисейского казака Ивана Попова принято пушка медная верховая (**л. 564**) ядром в пуд, к неи по кружалу пятьдесят два гранатов, два ядра духовые зажигальные, триста ядер ручных гранатов. На восемь ядер составов против росписи: нефти скрипидару в склянице полтора фунта, два фунта шесть золотников канфары, два фунта двадцать один золотник ентарной муки, два фунта двадцать один золотник калафонии, девять золотников ентарного масла, девять золотников терпетинного масла, два фунта сорок восемь золотников терпетину, восемь фунтов белые смолы, восемь аршин бумагеи, восемь фунтов без чети ртуты живые, девять фунтов без чети антимонии, восемь фунтов без чети сурьмы, два фунта двадцать золотников олифы, два фунта бумаги хлопчатые, два пуда (**л. 564 об.**) селитры, фунт перцу, пуд девять гриненок серы горячей, тринадцать два листа с полулистом бумаги александриской, уполовник железной, котел медной весом десять фунтов, фунт с вескими, терпуг, топор, противень, три гриненки проволоки.

Да енисейского дела четыреста шесть стволин к гранатным ядрам, восемь колец, восемь чашак, четыре набоиника железных. К пушечным же гранатным ядрам две иглы, коточек железные, два крюка железные, пятьдесят шесть запалов деревянных точенных к ручным гранатным ядрам, пятьсот запалов деревянных точенных, пальник железной десять фунтов веревок пеньковых тонких.

(**л. 565**) Гранатных же припасов принято сверх росписи: девяносто пять ядер гранатов ручных, шесть фунтов фетилю, восемь фунтов мышьяку.

У пятидесятиника казачья у Дмитрия Дыдыкина тобольской присылки недовозного ружья принято: шесть пушак медных к ним сто девяносто пять ядер железных, двадцать восемь пуд двадцать один фунт пороху мушкетного без дерева, а з деревом того пороху тринадцать три пуда десять фунтов. Да пороху ж семнадцать пуд двадцать восемь фунтов без дерева, а з деревом того пороху двадцать пуд пятнадцать фунтов, семьдесят два пуда свинцу, шездесят шесть бердыши, в том числе два бердыши изломаны, пять вертлюгов пушечных (**л. 565 об.**) восемь мушкетов порченых и ломаных, два знамени киньдячные, три ядра гранатных пудовых. И тот вышеписанной порох кладен во счет без дерева. А недовез он

Дмитреи Дыдыкин да Васка Денисов тобольской присылки полковых припасов пушки медной к неи десяти ядер железных, четырнадцать пуд тринадцать четырех фунтов с пол фунтом пороху ручного без дерева, пятнадцать пуд шеснадцать фунтов с полу фунтом пороху пушечного. Всего тринадцать пуд одиннадцати фунтов пороху ручного и пушечного без дерева а з деревом сорок один пуд пять фунтов, да тринадцать семи пуд двадцать фунтов свинцу. А по скаске их Василья и Дмитрия по указу де великих г(о)с(у)д(а)реи и по приказу из Енисеиска боярина и воеводы князя Константина Осиповича Щербатого (**л. 566**) с товарищи оставили де они в Удинском пушку медную к неи десять ядер железных, пять пуд четыре фунта пороху з деревом, а без дерева четыре пуда с полупудом. Да тобольские де туринские, верхотурские, тюменские новоприборные казаки идучи в Дауры на дороге в разных числах взяли двадцать три пуда двадцать восемь фунтов пороху без дерева, двадцать четыре пуда тринадцать фунтов свинцу. Да на Селенгу в Троицкой м(о)н(а)ст(ы)рь игумну Феодосию дано пуд пороху пуд свинцу. Да в Нерчинску да отдачи де вышеписанной казны для присылки в Албазин сороку ч(е)л(о)в(е)ком дано пуд пороху, два пуда свинцу. Да он же Дмитрий оставил в Теленбинском и в Еравинском три пуда пять фунтов пороху три пуда с четью (**л. 566 об.**) свинцу, в Ытанцинском пуд пороху пуд свинцу.

У нерчинского казака у Ивана Соколова принято сто ядер пушечных.

У сына боярского у Никифора Сенотруса с товарищи взято пищаль с натрускою, а в ней пол фунта пороху, да в тринадцати свинцовых пулях весу пол фунта, которую пищаль отбили они у воровских мугальских людей.

Да вновь скован в Нерчинску к пушке вертлюг.

И ис того числа вышло в росход во 194 м году.

Новоприборным казаком Гришке (**л. 567**) Антонову, Васке Бахареву для присылки в Албазин дано по пищали по фунту пороху по фунту свинцу ч(е)л(о)в(е)ку.

Новоприборным же казаком Андрюшке Марандину, Данилку Архипову с товарищи семи ч(е)л(о)в(е)ком для присылки в Албазин за денежно казною дано им по фунту пороху по фунту свинцу. Итого семь фунтов пороху, свинцу тож.

Сыну боярскому Никифору Сенотрусу для погони за воровскими людьми за отгонными

г(о)с(у)д(а)рскими лошадьми и казачьими табуны дано им Никифору и служилым людем три пуда два фунта пороху ручного, три пуда с фунтом свинцу.

(л. 567 об.) Послано в Албазин с Пашкою Огневым с Васкою Павловым семнадцать пуд без чети пороху ручного, тринадцать пуд пороху пушечного, восемь пуд с полупудом свинцу.

Из гранатных присланных припасов вышло в расход на гранатные духовые на пять ядер: двадцать восемь фунтов селитры, четырнадцать фунтов серы горячей, семьдесят два золотника нефти и скрипидару, фунт двадцать пять золотников канфары, восемьдесят четыре золотника ентарные муки, восемьдесят четыре золотника калафонии, три золотника ентарного масла, фунт двадцать четыре золотника терпетину, три золотника терпетинного масла, два фунта белые смолы, четыре аршина бумаги, пять (л. 568) фунтов с четью веревок, четыре фунта ртути, три фунта семьдесят два золотника антимонии, три фунта семьдесят два золотника сурьмы, три фунта мышьяку, пять чашак, пять колец железные, полтора фунта фетилю, двести пятьдесят стволин железных, золотник олифы, четыре листа бумаги Александрийской, четь фунта бумаги хлопчатой, двенадцать фунтов пуль свинцовых, тринадцать трубок точеных.

Для ученья в Нерчинску гранатного дела учеников выстреляно из гранатки ядро пудовое, да ручных пять ядер брошено из руки. А на стрельбу и на вышеписанные духовые ядра вышло пуд тритцать один фунт пороху.

(л. 568 об.) З гранатчиком с Якушком Судеинским послано в Албазинск: пушка верховая к неи тритцать гранатов пудовых, семьдесят гранатов ручных, пять ядер духовых зажигальных. Да к пудовым и ручным гранатам против ево Якушкины скаски на трубочного состав: два фунта селитры, полтора фунта серы горячей, сто трубок больших точеных, четыре листа бумаги Александрийской крюк да уполовник железные, набоиник да прибоиник железные ж трубочной, фунт проволоки медной, котел медной в два ведра весом десять фунтов.

В Албазинской же острог послано з Бориском Тарховым три пушки медных в том числе одна ядром (л. 569) в два фунта, две пушки ядром по фунту к ним шестьдесят ядер железных, да на ядра ж восемь пуд с четью свинцу, тритцать пуд пороху пушечного

з деревом, да на обвязку тритцать сажен веревок варовых.

Албазинским казаком Гришке Семилову с товарищи пяти ч(е)л(о)в(е)ком для посылки в Албазин дано по фунту пороху, по фунту свинцу. Итого пять фунтов пороху, свинцу тож, да три пищали.

Для Албазинской же посылки Албазинским казаком Якушке Мокееву с товарищи пяти ч(е)л(о)в(е)ком дано пять фунтов пороху, пять фунтов свинцу.

(л. 569 об.) Сыну боярскому Григорию Лоншакову с товарищи семидесят(и) ч(е)л(о)в(е)ком для посылки в Албазин и взяты языков и подлинных ведомостей о китайских замыслех и в Албазин дано пуд тритцать фунтов пороху, три пуда двадцать фунтов свинцу.

Послано в запас в Аргунской острог с аргунским казаком с Андрюшкою Пушкаревым пуд свинцу. Да ему ж Андрюшке дано пищаль с фирмой и з ботиком. Стенке Иванову пищаль же фунт пороху, свинцу тож.

Послано в Албазинской острог с казаком с Васкою Деревцовым восемь сажен фетилю. Да нерчинским пушкарем дано три сажени фетилю.

(л. 570) А больше того расход в Нерчинску не было.

Во 195 м году приход:

У нерчинского пешего казака у Пашка Гарасимова взята пищаль умершаго пешего казака Мишки Голохвастова.

У пеших же казаков у Кирюшки Афонасьева с товарищи взято семнадцать бердышев которые посланы были в Албазин с сыном боярским с Ыгнатьем Миловановым.

И ис того числа во 195 году вышло в расход:

Новоприборным к Албазинским (л. 570 об.) старым казаком для албазинской посылки дано Тимошке Волкову, Фильке Иванову, Сенке Соснину, Кирюшке Афонасьеву, Ивашку Кокшарову по фунту пороху по фунту свинцу. Галанке Михаилову, Карпушке Полстовалову, Ивашку Тупичихину по фунту пороху. Аleshке Буторину, Афонке Сергееву по фунту пороху, по фунту свинцу. Всего им десять фунтов пороху, семь фунтов свинцу.

Нерчинским казаком десятнику казачью Василью Леонтьеву, Афонасью Еремееву, Исаку Аршинскому с товарищи семидесят шти ч(е)л(о)в(е)ком для погони за воровскими людьми и за отгонными

табуны дано по фунту пороху по полтора фунта свинцу. Всего пуд (**л. 571**) трицать шесть фунтов пороху, два пуда трицать четыре фунта свинцу.

Для той же посылки новоприборным тобольским казаком Андрюшке Клопову с товарищи двадцати пяти ч(е)л(о)в(е)ком дано по фунту пороху, по полтора фунта свинцу. Всего двадцать пять фунтов пороху трицать семь фунтов с полуфунтом свинцу.

Пятидесятнику московских стрельцов Ивану Ляпину с товарищи трем ч(е)л(о)в(е)ком для посылки в полк к окольничему и воеводе к Федору Алексеевичу Головину дано два фунта пороху.

(л. 571 об.) Для нового селенья и заводу и бережи на усть Читы реки дано служилым людем Сенке Подкорытову, Анашке Никифорову, Гришке Каидалову по пищали, по два фунта пороху, по два фунта свинцу. Всего три пищали, шесть фунтов пороху, свинцу тож.

Иркуцким новоприборным казаком которые пришли с полуполковником с Сидором Богатыревым Кирюшке Иванову, Якушку Серышеву с товарищи двадцати трем ч(е)л(о)в(е)ком дано по пищали ч(е)л(о)в(е)ку для того что им в ыркуцком пищалей не дано.

Приход 196 г(о) году.

У поручика у Никиты Касимова (**л. 572**) взято пуд два фунта с полуфунтом свинцу.

Список источников

Александров В.А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). Хабаровск : Кн. изд-во, 1984. 271 с.

Артемьев А.Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. Владивосток : Изд-во Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, 1999. 335 с.

Багрин Е.А. Военное дело русских на восточном пограничье России в XVII в.: Тактика и вооружение служилых людей в Прибайкалье, Забайкалье и Приамурье. СПб. : Нестор-История, 2013а. 284, [3] с.

Багрин Е.А. Русская артиллерия в Восточной Сибири в 1640–1715 годах // Война и оружие. Новые исследования и материалы: труды IV Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 15–17 мая 2013 г. В 4 ч. СПб. : Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи, 2013б. Ч. 1. С. 184–199.

У нерчинского конного казака у Ивашка Терентьевы взята пищаль которая пищаль дана ему в прошлых годах.

На проезже башне вновь зделан раскат рубленой, а на раскате решетки и полатка караульная крыта тесом на четыре ската.

Росход 196 г(о) году.

Аргунским конным казаком Илюшке Шутову с товарищи четырем ч(е)л(о)в(е)ком о заворожном времени для проезду из Нерчинска в Аргунской острог дано четыре фунта пороху, свинцу тож.

(л. 572 об.) Для посылки на службу великих г(о)с(у)д(а)реи для погони за воровскими иноземцы роздано служилым людем сыну боярскому Игнатью Милованову с товарищи семь пуд один фунт пороху, семь пуд один фунт свинцу.

Для той же службы и погони за воровскими иноземцы и в провожатых за казною до Селенъгинска роздано иркуцким, и илимским, тобольским, томским, тюменским и нерчинским казаком пятидесятнику Сенке Сенотрусову, Офонке Федорову, Ермолке Блевцову, Ивашку Соколову четыре пуда двадцать девять фунтов пороху, свинцу тож.

Московским стрельцом Микитке Васильеву [конца нет]

По листам 558–572 скрепа: «К сему сщетьюному списку вместо стольника [конца нет]»

References

Aleksandrov V.A. (1984) Russia on the Far Eastern frontiers (the second half of the XVII century). Khabarovsk: Publishing House. 271 p. (In Russ.).

Artem'ev A.R. (1999) Towns and forts of Transbaikalye and Priamurye in the second part of the XVII-XVIII centuries. Vladivostok: Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East FEB RAS. 335 p. (In Russ.).

Bagrin E.A. (2013a) Warfare of the Russians on the eastern border lands of Russia in the 17th century: Tactics and armament of military personnel in the Baikal region, Transbaikalia and the Amur region. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. 284, [3] p. (In Russ.).

Bagrin E.A. (2013b) Russian artillery in Eastern Siberia in 1640-1715. War and weapons. New research and materials. In 4 pt. Voina i oruzhie. Novye issledovaniya i materialy. Trudy Chetvertoi Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Sankt-Peterburg, 15-17 maya 2013 g. = War and Weapons. New Research and Material: Proceedings of the Fourth International Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, May 15-17, 2013. St. Petersburg: Military Historical Museum of Artillery, Engineering Troops and Communications Troops. Pt. 1. P. 184-199. (In Russ.).

Багрин Е.А. Иркутские новоприборные служилые люди на защите дальневосточных рубежей в 1686–1692 гг. (с поименным списком) // Известия Лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16. № 1. С. 161–175. DOI: 10.21285/2415-8739-2020-1-161-175. EDN: BIMRYQ.

Багрин Е.А. Вооруженные силы России в Даурии (1649–1727 гг.). СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2024. 771 с.

Барахович П.Н. «Огненный наряд» Енисейского и Красноярского уездов в XVII столетии // История военного дела: исследования и источники. 2015. Специальный выпуск VI. Русский «бог войны»: исследования и источники по истории отечественной артиллерии. Ч. I. С. 65–95. URL: http://www.milhist.info/2015/12/04/barakhovich_2 (дата обращения 04.12.2015).

Барахович П.Н. Енисейск в XVII–XVIII столетиях. Малоизвестные страницы истории. Красноярск: Litera-print, 2019. 304 с. EDN: NJRITZ.

Васильев А.П. Забайкальские казаки. Исторический очерк. Чита: Тип. Воскового Хозяйственного правления Забайкальского казачьего войска, 1916. Т. 1. V, 232 с.

Громов А.В. Трофейная комиссия Главного Артиллерийского управления в Маньчжурии и Китае в 1901–1903 гг. Фотографии и документы. СПб.: ВИМАИВиС, 2022. 70, [1] с.

Зуев А.С. Описание Забайкалья и Приамурья 1681 года // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2023. Т. 22. № 1: История. С. 122–132. DOI: 10.25205/1818-7919-2023-22-1-122-132. EDN: NDUQQP.

Крадин Н.П. Роспись Албазинского острога 1684 г. // Россия и АТР. 1992. № 2. С. 109–110.

Красноштанов Г.Б. Никифор Романов Черниговский: документальное повествование. Иркутск: ГУК АЭМ «Тальцы»; Репроцентр А1, 2008. 378 с. EDN: QKIQWH.

Лебедянская А.П. Очерки из истории пушечного производства в Московской Руси // Сборник исследований и материалов Артиллерийского исторического музея Красной Армии. Вып. I. Л.-М., 1940а. С. 57–84.

Лебедянская А.П. «Репорт» 1757 года о «достопамятных» орудиях в Оренбургском округе (из материалов Архива Артиллерийского Исторического Музея РККА) // Сборник исследований и материалов Артиллерийского исторического музея Красной Армии. Вып. I. Л.-М., 1940б. С. 252–257.

Лобин А.Н. Артиллерия Ивана Грозного. М.: Язуа: Эсмо, 2019. 318, [1] с.

Лобин А.Н. Пушки Смуты: русская артиллерия 1584–1618 гг. М.: Язуа: Эсмо, 2021. 237, [1] с.

Лобин А.Н. Пушки первых Романовых: русская артиллерия 1619–1676 гг. М.: Язуа: Эсмо, 2022. 284, [1] с.

Bagrin E.A. (2020) Irkutsk recruits on the Far Eastern borders in 1686–1692 (including list of names). *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 16. No. 1. P. 161–175. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2020-1-161-175. EDN: BIMRYQ.

Bagrin E.A. (2024). The Russian Armed Forces in Dauria (1649–1727). St. Petersburg: Publishing House of SPbSETU "LETI". 771 p. (In Russ.)

Barakhovich P.N. (2015). The "Fiery outfit" of the Yenisei and Krasnoyarsk counties in the 17th century. *History of Military Affairs: Research and Sources. Special Issue VI. The Russian "God of War": Research and Sources on the History of Russian Artillery*. Pt. I. P. 65-95. Available from: http://www.milhist.info/2015/12/04/barakhovich_2 (Accessed 04.12.2015) (In Russ.).

Barakhovich P.N. (2019) Yeniseisk in the XVII–XVIII centuries. Little-known pages of history. Krasnoyarsk: Litera-print. 304 p. (In Russ.). EDN: NJRITZ.

Vasil'ev A.P. (1916) Trans-Baikal Cossacks: a historical essay. Chita: Tipografiya Voiskovogo Khozyaistvennogo Pravleniya Zabaikal'skogo kazach'ego voiska. Vol. 1. V, 232 p. (In Russ.).

Gromov A.V. (2022) Trophy commission of the Main Artillery Directorate in Manchuria and China in 1901–1903. Photos and documents. St. Petersburg: VIMAIViVS. 70, [1] p. (In Russ.).

Zuev A.S. (2023) Description of the Transbaikal and the Amur Region in 1681. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. Vol. 22. No. 1: History. P. 122–132. (In Russ.). DOI: 10.25205/1818-7919-2023-22-1-122-132. EDN: NDUQQP.

Kradin N.P. (1992) The murals of Albazinostrog, 1684. *Russia and the Asia-Pacific Region*. No. 2. P. 109–110. (In Russ.).

Krasnoshtanov G.B. (2008) Nikifor Romanov Chernigovskii: a documentary narrative. Irkutsk: GUK AEM "Tal'tsy"; Reprocenter A1. 378 p. (In Russ.). EDN: QKIQWH.

Lebedyanskaya A.P. (1940a) Essays on the history of cannon production in Muscovite Rus'. *Sbornik issledovanii i materialov Artilleriiskogo istoricheskogo muzeya Krasnoi Armii* = Collection of research and materials of the Artillery Historical Museum of the Red Army. Leningrad-Moscow. Iss. I. P. 57–84. (In Russ.).

Lebedyanskaya A.P. (1940b) "Report" of 1757 about "memorable" guns in the Orenburg District (from the materials of the Archive of the Artillery Historical Museum of the Red Army). *Sbornik issledovanii i materialov Artilleriiskogo istoricheskogo muzeya Krasnoi Armii* = Collection of research and materials of the Artillery Historical Museum of the Red Army. Leningrad-Moscow. Iss. I. P. 252–257. (In Russ.).

Lobin A.N. (2019) Artillery of Ivan the Terrible. Moscow: Yauza: Eskmo. 318, [1] p. (In Russ.).

Lobin A.N. (2021) Cannons of Time of Troubles: Russian artillery 1584–1618. Moscow: Yauza: Eskmo. 237, [1] p. (In Russ.).

Lobin A.N. (2022) Cannons of the first Romanovs: Russian artillery 1619–1676. Moscow: Yauza: Eskmo. 284, [1] p. (In Russ.).

Маковская Л.К. Артиллерийский исторический музей в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов // Бомбардир: Военно-историческое приложение к информационно-публицистическому журналу «Вооружение. Политика. Конверсия». № 16. 2004. С. 84–93.

Паршин В.П. Поездка в Забайкальский край. История города Албазина: извлечено из сочинений г. Миллера, дополнено с сохранившихся до ныне устных преданий, с присовокуплением официальных бумаг, изображающих подробности истории города Албазина и дела русских на реке Амуре с 1654 по 1687 год, или до времени мирного торгового договора, заключенного с китайцами в г. Нерчинске. М. : в Типографии Николая Степанова, 1844. Ч. 2. 208 с.

Пузанов В.Д. Военные факторы русской колонизации Западной Сибири (конец XVI – XVII вв.). СПб.: Алетейя, 2010. 432 с. EDN: QPOHBB.

Рубцов Н.Н. История литейного производства в СССР. Изд. 2-е, дополненное и переработанное. М. : Государственное научно-техническое изд-во машиностроительной литературы, 1962. Часть I. 288 с.

Рудакова Л.П. Албазинская пищаль – забытый памятник воинской славы // Война и оружие. Новые исследования и материалы: труды Четвертой Международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 15–17 мая 2013 г., в 4 ч. СПб.: ВИМАИВиВС, 2013. Ч. 4. С. 88–103.

Рудакова Л.П. Памятники Артиллерийского исторического музея в эвакуации. Ярославль 1917–1925 годы // Сборник исследований и материалов военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Вып. X. СПб. : ВИМАИВиВС, 2015. С. 458–471.

Суханов А.С. Артиллерия Западной Сибири в царствование Михаила Федоровича (1613–1645 гг.) // Известия Лаборатории древних технологий. 2024. Т. 20. № 4. С. 58–66. DOI: 10.21285/2415-8739-2024-4-58-66. EDN: WMIFFQ.

Талызин И.Д. Описание артиллерийского зала достопамятных и недостопамятных предметов 1862 года. СПб. : ЦОП ГУ ВИМАИВиВС, 2006. 120 с.

Трухин В.И. Албазинский острог: от «росписи» до «росписи» // История России, Венгрии и Китая в исследованиях современных ученых: Сборник научных трудов. Сборники Президентской библиотеки. Серия «Электронный архив». СПб.: Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина. 2020. Вып. 5. С. 200–215. EDN: IABUJS.

Фаистов Т.Н., Татауров С.Ф. Артиллерия Тарской крепости в 1594–1689 гг. // Культура русских в археологических исследованиях : сб. науч. ст. Омск; Тюмень; Екатеринбург: Магеллан, 2014. Т. I. С. 180–182. EDN: TNBAPL.

Makovskaya L.K. (2004) Artillery Historical Museum during the Great Patriotic War of 1941-1945. *Bombardir: Voenno-istoricheskoe prilozhenie k informacionno-publicisticheskому zhurnalu «Vooruzhenie. Politika. Konversiya» = Bombardier: Military-historical Supplement to the Information and Journalistic Magazine "Armament. Policy. Conversion".* No. 16. P. 84-93. (In Russ.).

Parshin V.P. (1844) A trip to the Trans-Baikal Territory. The history of the town of Albazin: extracted from the writings of G. Miller, supplemented from extant oral traditions, with the addition of official papers depicting the details of the history of the city of Albazin and the Russian case on the Amur River from 1654 to 1687, or until the time of the peaceful trade agreement concluded with the Chinese in Nerchinsk. Moscow: In the printing house of Nikolai Stepanov. Pt. 2. 208 p. (In Russ.).

Puzanov V.D. (2010) Military factors of the Russian colonization of Western Siberia (late 16th - 17th centuries). St. Petersburg: Aleteiya. 432 p. (In Russ.). EDN: QPOHBB.

Rubcov N.N (1962) History of foundry production in the USSR. Moscow: Gosudarstvennoe nauchno-tehnicheskoe izdatel'stvo mashinostroitel'noi literatury. Pt. I. 288 p. (In Russ.).

Rudakova L.P. (2013) Albazin arquebus - a forgotten monument of military glory. *Voina i oruzhie. Novye issledovaniya i materialy: trudy Chetvertoi Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Sankt-Peterburg, 15–17 maya 2013 g. v 4 ch. = War and Weapons. New Research and Materials: Proceedings of the IV International Scientific and Practical Conference. St. Petersburg, May 15-17, 2013, in 4 pt.* St. Petersburg: VIMAIViVS. Pt. 4. P. 88-103. (In Russ.).

Rudakova L.P. (2015) Monuments of the Artillery Historical Museum in evacuation. Yaroslavl 1917-1925. *Sbornik issledovanii i materialov voenno-istoricheskogo muzeya artillerii, inzhenernykh voisk i voisk svyazi = Collection of Research and Materials of the Military-Historical Museum of Artillery, Engineering Troops and Signal Troops.* St. Petersburg. Iss. X. P. 458-471. (In Russ.).

Sukhanov A.S. (2024) Artillery of Western Siberia in the reign of Mikhail Fedorovich (1613-1645). *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies.* Vol. 20. No. 4. P. 58-66. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2024-4-58-66. EDN: WMIFFQ.

Talyzin I.D. (2006) Description of the artillery hall of memorable and unmemorable objects of 1862. St. Petersburg: Operational Printing Center of the State Institution Military Historical Museum of Artillery, Engineers and Signal Corps. 120 p. (In Russ.).

Trukhin V.I. (2020) Albazin ostrog: from one “description lists” to another “description lists”. *History of Russia, Hungary and China in the Research of Modern Scientists. Collections of the Presidential Library. Series "Electronic Archive".* St. Petersburg: Presidential Library. Iss. 5. P. 200-215. (In Russ.). EDN: IABUJS.

Faistov T.N., Tatauров С.Ф. (2014) Artillery of Tara fortress in 1594-1689 years. Culture of Russians in Archaeological Research: Collection of Scientific Articles Omsk; Tyumen; Yekaterinburg: Magellan. Vol. I. P. 180-182. (In Russ.). EDN: TNBAPL.

Информация об авторах

Багрин Егор Андреевич,

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник
научно-методической службы,
Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина,
190000, г. Санкт-Петербург, Сенатская площадь, 3, Россия,
e-mail: Egor-bagrin@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3067-9117>

Громов Андрей Владимирович,

старший научный сотрудник,
Военно-исторический музей артиллерии, инженерных
войск и войск связи,
197046, г. Санкт-Петербург, Александровский парк, 7,
Россия,
e-mail: schnurrig@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-9658-0887>

Трухин Владимир Ильич,

независимый исследователь,
675000, г. Благовещенск, Россия,
e-mail: tru_v@ mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6831-1858>

Information about the authors

Egor A. Bagrin,

Cand. Sci. (History), leading researcher of the Scientific and
Methodological Department,
Boris Yeltsin Presidential Library,
3, Senatskaya Square, Saint-Petersburg 190000, Russia,
e-mail: Egor-bagrin@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3067-9117>

Andrey V. Gromov,

Senior Researcher,
Military Historical Museum of Artillery, Engineers and Signal
Corps,
7, Alexandrovsky Park, Saint-Petersburg 197046, Russia,
e-mail: schnurrig@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-9658-0887>

Vladimir I. Trukhin,

Independent Researcher,
Blagoveshchensk 675000, Russia,
e-mail: tru_v@ mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6831-1858>

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors

The authors contributed equally to this article.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no conflict of interests.

**Все авторы прочитали и одобрили окончательный
вариант рукописи.**

The authors have read and approved the final manuscript.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 18 февраля 2025 г.;
одобрена после рецензирования 19 мая 2025 г.; принятая к
публикации 2 июня 2025 г.

Article info

The article was submitted February 18, 2025; approved
after reviewing May 19, 2025; accepted for publication
June 2, 2025.

История

Научная статья
УДК 947.084.2
EDN: XOCMNK
DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2025-4-70-80>

Зарождение военно-морских формирований в речных бассейнах Востока России XVII – нач. XX в. (краткая справка)

А.А. Дыня

Иркутский национальный исследовательский технический университет, Иркутск, Россия

Аннотация. В статье автором дана краткая справка, повествующая о создании и развитии военно-морских формирований на речных и озёрных бассейнах Сибири и Дальнего Востока в период XVII – начале XX века. Ввиду важности изучения основ вопроса был кратко рассмотрен обширный исторический период – от колонизации Сибири и Дальнего востока до Русско-японской и Первой мировой войн. XVII век представлен информацией о движении русских первопроходцев по пути из морей Ледовитого океана в русла сибирских рек. Отмечены наиболее важные пути движения, рассмотрено поэтапное продвижение русских по рекам Сибири и Дальнего Востока. Особое внимание уделено технической составляющей – составу первых флотилий, типам судов и методам их производства, в том числе и на осваиваемых территориях. XVIII век рассмотрен в контексте развития речного и озёрного судоходства. Важным этапом в данный исторический период является создание мест дислокации судов – портов и судостроительных мастерских. Немаловажной вехой укрепления флотилий является и проведение экспедиций как внутри Восточного региона России, так и связанных с освоением Американского континента. XIX век рассматривается как период создания крупных торговых флотилий на территории речных бассейнов Сибири и Дальнего Востока. Также, данный исторический период связан с появление и развитием пароходства на реках. Рассматриваются и первые причины создания военно-морских формирований на территории Сибири и Дальнего Востока. Начало XX века рассмотрено кратко, в контексте усиливающегося международного напряжения и дальнейшего развития военно-морских формирований на Востоке России.

Ключевые слова: военно-морские формирования, коч, струги, дощаники, первопроходцы, освоение Сибири, Камчатская экспедиция, сибирское пароходство, торговые флотилии, байкальское судоходство, амурская флотилия

Для цитирования: Дыня А.А. Зарождение военно-морских формирований в речных бассейнах Востока России XVII – нач. XX в. (краткая справка) // Известия Лаборатории древних технологий. 2025. Т. 21. № 4. С. 70–80. DOI: 10.21285/2415-8739-2025-4-70-80. EDN: XOCMNK.

History

Original article

The emergence of naval formations in the river basins of Eastern Russia XVII - the beginning XX century (brief reference)

Aleksey A. Dynya

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia

Abstract. The author provides a brief summary of the creation and development of naval formations in the river and lake basins of Siberia and the Far East during the 17th and early 20th centuries. Due to the importance of studying the basics of the issue of the need for creation, an extensive historical period was briefly considered, from the colonization of Siberia and the Far East to the Russian-Japanese and the First World Wars. The 17th century is represented by information about the movement of Russian pioneers on their way from the seas of the Arctic Ocean to the beds of Siberian rivers. The most important routes of movement are marked, and the gradual advance of Russians along the rivers of Siberia and the Far East is considered. Special attention is paid to the technical component - the composition of the first flotillas, types of vessels and methods of their production, including in the developed territories. The 18th century is considered in the context of the development of river and lake navigation. An important

stage in this historical period is the creation of locations for ships - ports and shipbuilding workshops. An important milestone in strengthening the flotillas is the holding of expeditions, both within the Eastern region of Russia and related to the development of the American continent. The 19th century is considered as the period of creation of large merchant fleets in the river basins of Siberia and the Far East. Also, this historical period is associated with the emergence and development of river shipping. The first reasons for the creation of naval formations in Siberia and the Far East are also considered. The beginning of the XXth century is briefly considered in the context of increasing international tension and the further development of naval formations in Eastern Russia.

Keywords: naval formations, koch, strugs, planks, pioneers, exploration of Siberia, Kamchatka Expedition, Siberian Shipping Company, merchant fleets, Baikal Shipping, Amur Flotilla

For citation: Dynya A.A. (2025) The emergence of naval formations in the river basins of Eastern Russia XVII - the beginning XX century (brief reference). *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 21. No. 4. P. 70-80. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2025-4-70-80. EDN: XOCMNK.

Введение

История военно-морских формирований Востока России начинается с торгового и разведывательного флота с момента освоения русскими первопроходцами данного региона. Огромность пространства Сибири и Дальнего Востока позволяла быстро осваивать его только морским путём. А отдалённость значительного количества территорий от моря делала возможным их колонизацию только по естественным водным артериям – рекам, вдоль которых селилась основная часть местных народов, представлявших экономический и политический интерес для русских исследователей и колонизаторов. К тому же, местное население не имело развитых флотилий, что значительно облегчало деятельность первопроходцев по приведению их в российское подданство.

Судостроение при освоении Сибири имело важное стратегическое значение, поэтому было налажено очень быстро на местах. Для перемещения вдоль берегов северных морей чаще всего использовались кочи – деревянные однопалубные судна, пригодные для каботажного плавания и транспортировки грузов и людей. Главное судно русских поморов также долгое время являлось основным в исследовании севера.

Функции кочей на реках играли дощаники – плоскодонные деревянные одномачтовые и однопалубные судна, способные хорошо маневрировать по сибирским рекам, имеющие возможность заходить в малые их притоки, более легкие, нежели кочи при волоке, что тоже имело важное значение для освоения территорий (Поспелов, 2019).

Аналогами же военных судов, используемых казаками-первопроходцами, охочими и служилыми людьми, были струги – одномачтовые легкие судна с парусно-гребным вооружением со съемной

мачтой и прямым парусом. Более поздние струги были, как правило, длиной до двадцати метров и шириной до четырех, и вряд ли могли быть пригодны для путешествий по малым рекам. Но ранние (в частности, стругами называли судна похода Ермака в Сибирь), очевидно, могли быть меньше и более пригодными для действий первопроходцев.

XVII век

Одним из первых водных пространств, покоренных казаками в начале XVII века, была река Таз, на которой около 1600 года был основан город Мангазея, в будущем – важный перевалочный пункт в освоении дальнейших территорий. Из записок князя М.М. Шаховского известно, что экспедиция из ста казаков продвигалась по реке именно на кочах. До этого в 1587 году недалеко от впадения реки Тобол в Иртыш был основан город Тобольск, в становлении которого также приняли участие первые флотилии малых деревянных судов.

События Смутного времени серьезно не повлияли на скорость освоения Сибири. Северный морской путь являлся важным торговым стратегическим элементом русской экономики. В Верхотурье, ставшем на время центром первопроходческого судостроения, прибывали архангельские «кочевых дел мастера» из поморов. Считалось, что именно они являются лучшими судостроителями, и люди, ходившие морем и реками к Карской и Обской губе, были заинтересованы в качественном производстве судов.

Практически в это же время осваивалась территория по одной из крупнейших сибирских рек – Оби, известная новгородским купцам еще с XII века, входившая в зону интересов московских князей с конца XV – начала XVI в. (Бахрушин, 1928. С. 66–68). Обь была важным транспортным путем в осво-

ении западной Сибири. Освоение данного пространства особенно усилилось после царского указа от 29 ноября 1619 года о запрете ходить в Мангазею северным морским путём и разрешении осваивать только двумя путями: «сухим» через Верхотурье и «речным» через реки Тобол, Иртыш, Обь и Тура. С одной стороны, данный запрет должен был обезопасить освоение Сибири морским путём иностранцами (которые также проявляли интерес к данным территориям), с другой – привело к скорому забвению основных северных колонизаторских маршрутов. К концу первой трети XVII века, по воспоминаниям тобольских воевод, «в Тобольску знатцов, кто б водяной путь старой дороги из Мангазеи рекою Тазом на Зеленую и на Мутную реку да на Карскую губу и большим морем к Арханылскому городу и на Пустоозеро подлинно знал, нет, расспросить некого...». Однако подлинно легендарным северным морской путь станет только к середине XVII века. Также, одной из причин угасания данного морского пути являлась дороговизна путешествия и общая его рискованность, неоднократно приводившая к гибели экспедиции и карауны кочей, идущих по Обской Губе.

Логичным продолжением освоения Сибири по рекам являлось освоение енисейского речного бассейна. Ещё в 1607 году на западном притоке Енисея, реке Турухан, было основано поселение Туруханск, являвшееся финальным этапом речного пути из Таза на Енисей. Данный маршрут начинался в Тобольске, проходил по Обской губе через Мангазею и выходил на упомянутые выше реки Таз и Турухан (Никитин, Никитин, 2016. С. 29). Путь осложнялся слабой проходимостью местных территорий и мелководностью верховий вышеупомянутых рек, в результате чего помимо водного пути часть маршрута приходилось преодолевать волоком. Вопросы вызывает и сам путь, так как через волоки по мелководным рекам кочи провести было практически невозможно, а значит, осваивать Восточную Сибирь должны были на меньших и более легких стругах и дощаниках, однако кочи на Енисее были. Данный речной путь на данный момент требует уточнения и корректировки.

При этом уже со второго десятилетия XVII века транспортные суда начинают строиться непосредственно на Енисее. Енисейское судостроение, или, как оно именовалось – «плотбище», было одним

из трёх ранних крупнейших центров строительства судов в Сибири, наряду с Верхотурским (на Оби) и Усть-Кутским (на Лене) (Никитин, 1987. С. 87–89). В 1616 году по Енисею уже ходили разведывательные экспедиции, изучающие акваторию Енисейской губы и сроки освобождения её от льда (Копылов, 1965).

Однако период активного использования кочей на Енисее оказался недолгим. В 1620-е гг., период активного освоения данных территорий, движение по реке осуществлялось в основном на стругах и дощаниках. В частности, экспедиция Андрея Дубенского, основавшего Красноярский острог, перемещалась именно на данных типах судов (Вершинин, Кухтерин и др., 2022).

Освоение Ангары проходило практически единовременно с экспедиционными походами по Енисею. Как и на Енисее, саму Ангару исследовали кочи в то время как малые её притоки изучались первопроходцами при помощи плоскодонных гребно-вёсельных струг. Уход кочей с лидирующего положения исследовательских судов первопроходцев обусловлен их значительными размерами и неудовлетворительной приспособленностью к плаванию по сибирским рекам. Легкие, более манёвренные струги, удобные на волоках и движении против течения, в данной ситуации оказались наиболее подходящими судами.

Дальнейший путь русских исследователей лежал на реки Нижняя и Подкаменная Тунгуска. Основными целями экспедиций было обновление мест пушного промысла, к концу 1620-х гг. истощившегося на верховьях Оби, а также обложение ясаком живших в Сибири племён. Через вышеупомянутые реки первопроходцы выходят в бассейн Лены, что положило начало к освоению обширных территорий современной Якутии. Со временем сложилось два пути освоения Лены – северный, начинавшийся с Туруханска, через Нижнюю Тунгуску на реку Вилую, и затем непосредственно на Лену. Второй путь был волоково-речным, когда с Нижней Тунгуски уходили волоком непосредственно на Лену.

Волоки играли важную роль в освоении Сибири, являясь важнейшим связующим местом соединения великих Сибирских рек, не имеющих иной возможности соединения, так как морской путь к середине XVII века был практически забыт, что бы-

ло указано выше. При этом большие суда, типа ко-чей, не могли переноситься волоками, что побуждало русских поселенцев либо отказываться от их использования в пользу более лёгких судов, либо осваивать судостроение уже непосредственно на крупных реках.

Так, Якутский острог вскоре после основания, помимо того что являлся административным центром осваиваемых земель, становится и центром судостроения. Постройка судов в Якутске становится массовой, а якутские суда начинают осваивать по всей территории Северо-Востока с торговой и промысловой целями. Однако, несмотря на несомненно важное значение, данный регион так и не смог стать центром ленского судостроения.

С 1631 года важное судостроительное значение также приобретает Усть-Кутский острог, до строительства Илимского острога подчинявшийся Якутску. Важность Усть-Кута была в том, что данный острог являлся конечным пунктом Илимского волока, который являлся основным логистическим путем перемещения грузов и людей из Енисейска на Лену. Поэтому удобней было проводить транспортировку грузов от Усть-Кутского острога, нежели строить плавательные средства в Якутске и отправлять их вверх по реке.

Именно с Лены снова начинаются выходы русских судов в Ледовитый океан. Ещё до основания в 1641 году воеводства в бассейне Лены, русские начинают совершать водные переходы на север. Проводятся исследования в целях поиска и обьясчивания местного населения бассейнов рек Яна и Оленёк. С прибытием на Лену воеводы, подобные походы на восток приобретают массовый характер. В 1640-е годы достаточно хорошо были исследованы реки Колыма, Анадырь, Аюна и Индигирка. Русские первопроходцы на кочах и стругах спускались по течению до ледовитого океана, занимаясь добычей пушного зверя и моржовой кости.

Одним из важных моментов исследования Лены и её притоков на судах сибирскими земле-проходцами являются экспедиции Ивана Юрьевича Москвитина к Охотскому морю (Полевой, 1991). Под влияние слухов о тёплом море на востоке от Лены, Москвитин снарядил экспедицию, которая значительную часть пути проследовала водным путём. После восьмидневного путешествия по притоку Лены, реке Алдан, вышли на реку Мая. Данная

часть пути была проделана на дощаниках, которые, несмотря на достаточно невысокую осадку, в дальнейшем окажутся неспособными передвигаться по мелким рекам. Бросив дощаники и соорудив струги, Москвитин продолжил путешествия, непрерывно фиксируя и записывая речные пути, встречающиеся ему. Дойдя до верховья речки Нюдым, первопроходцы за день перешли хребет Джугджур и вновь спустились к рекам, на которых построили новый струг. В августе 1639 года Иван Юрьевич вышел на побережье «Ламского моря», позже получившего название Охотского. Встретившись на побережье моря с местными племенами эвенов, которые рассказали о густонаселённой реке на севере, двигаясь вдоль берега моря, по истечении трёх дней первопроходцы открыли устье реки Охота. Двигаясь на восток, казаки исследовали более пятисот километров берега. Однако речные суда оказались слабо приспособлены к движению по морю, из-за чего зимой 1639–1640 года Москвитин построил 2 коча, чтобы быстрее перемещаться по морю.

При общении с местными племенами Москвитин узнал о существовании большой реки на юге, и, взяв в проводники местного эвенка, отправился на юг. По пути открыв Сахалинский залив, Москвитин, предположительно, подошёл к северным островам Амурского лимана, но из-за начавшегося среди первопроходцев голода до самой реки так и не дошел. Весной 1641 года Москвитин отправился назад, и уже к июню того же года был в Якутске.

Одним из наиболее известных первопроходцев середины XVII века, в чьих исследованиях немаловажную роль сыграл флот, был Семён Дежнёв, открывший в 1643 году р. Колыму, а в экспедиции 1648–1649 гг. открывший пролив между Азией и Америкой (Экарева, 2009). Путешествия Дежнёва имели промысловый характер, в результате которых он искал лежбища морского зверя для добычи кости и шкур. К сожалению, так как данные об экспедиции Дежнёва долгое время хранились в Якутске, не отправляясь в Москву, продолжительное время они были преданы забвению, в результате чего повторно исследования подтверждатся только в XVIII веке.

Немаловажным был фактор сибирского судоходства и при исследовании реки Амур. В 1643 году письменный голова Василий Данилович Поярков, используя сведения предшествующих экспедиций

(данных, записанных Москвитиным, сведений о Даурии, собранных казаком Максимом Перфильевым и «служилым человеком» Аверкиевым), отправился речным путем с конкретными целями: провести разведку территорий и населения, проживающих на южных территориях, разведать природные богатства края и составить карту местности. Начав свой путь с реки Алдан, Поярков проплыл до реки Гонам. Сложность пути заключалась в большом количестве порогов, а отсюда в необходимости преодолевать их волоком, что пришлось проделать более сорока раз. Однако приближающаяся зима сделал судоходство невозможным, что побудило Пояркова оставить часть людей зимовать, а самому с 90 казаками наrtенным путём отправиться по зимнику через Становый хребет, достигнув устья реки Зеи, где впервые столкнулся с даурами. Суда же на Гонаме смогли прибыть за экспедицией только весной, чем и спасли голодающих к тому времени людей Пояркова. В течение весенне-летнего путешествия казаки смогли достигнуть Амура, столкнувшись с местными народами, от которых узнали сведения о Сахалине и тёплых южных морях. К сентябрю 1644 года Поярков достиг устья Амура, где и остался на зимовку. В мае 1645 года казаки вышли в Амурский лиман. В течение трёх месяцев казаки на речных дощениках шли вдоль берега, пока не достигли устья Ульи в Охотском море, где остановились третий раз на зимовку. И только весной 1646 года, войдя в Улью и перевалив небольшой водораздел, Поярков оказался в бассейне р. Лены. За три года экспедиции ему удалось преодолеть более восьми тысяч километров, преимущественно водным путем, с использования дощеников. Путешествие было тщательно задокументировано, его данные явились весомый вклад в освоение открытых территорий.

Немаловажную роль в исследовании Восточной Сибири в XVII веке речные суда сыграли при открытии Байкала. В 1643 году тобольский казак Курбат Афанасьевич Иванов возглавил экспедицию из Верхоленского острога к предполагаемому водёму в южном направлении от Лены. Поднявшись на стругах и дощениках вверх по Лене и её притоку Иликте, Курбат перевалил через Приморский хребет и по руслу реки Сарма спустился к Байкалу недалеко от острова Ольхон (Колотило, 2004). Иванов оценил экономическую и стратегическую важность

Байкала, составил схематичное описание берегов озера и рек, в него впадающих.

Стоит отметить, что, как и в Западной Сибири, в XVII веке судоходство на восточносибирских реках, в первую очередь, зависело от богатства пушного промысла, который являлся очень важной долей в экономике Московского царства, причем налог с добычи пушнины русскими промысловиками давал доход в казну больший, нежели объясачивание местного населения. Поэтому истребление пушного зверя в верховьях Лены, также привело к постепенному затуханию путей восточносибирского полярного мореходства.

При этом стоит отметить, что говорить о существовании полноценных флотилий в XVII веке на Востоке России преждевременно, и, несмотря на серьёзную важность судоходства при освоении Сибири, говорить о скоплениях судов того времени на реках, как об организованных флотилиях, имеющих единую систему управления и единообразную материально-техническую базу, не стоит. Однако необходимость упоминания данного исторического периода обоснована как предтеча зарождающихся традиций создания речных флотилий на Востоке.

В последнем десятилетии XVII века казачий пятидесятник Владимир Васильевич Атласов достигает полуострова Камчатки, объясачивает местное население и присоединяет край к России (Габышев, Маякунов, 2018, Толкачева, 2015). Однако основные исследования, в том числе и морские, были сделаны уже в XVIII веке.

XVIII век

С начала XVIII столетия экспедиции на Камчатку совершаются чаще. Исследование больших водных пространств региона, как и в XVII веке, происходило на кочах. Причем, как и ранее на Лене, на побережье Охотского моря также развивается местное судостроение. В период с 1710-х по 1720-е годы исследование Камчатки позволило подробно изучить местность, включая близлежащие от полуострова острова. Значительную роль в развитии мореходства в регионе сыграл Пётр I, который с 1719 года стимулировал экспедиции по изучению близлежащих территорий, в том числе, с целью найти место соединения Азии с Америкой. Также по воле императора, на Камчатке началось строительство ботов для экспедиций.

Первая Камчатская экспедиция была инициирована Петром в 1724 году, возглавил её Витус Ионансен Беринг. Цель экспедиции заключалась в открытии перешейка, соединяющего Азию и Америку, либо пролива, их разъединяющего. Путешествие проходило на шитиках – судах, подобных кочам, отличающихся лишь конструкционно.

За два года морской экспедиции команда Беринга прошла путь более 3500 километров, произвела съёмку побережья и доказала существование пролива между Азией и Америкой. Однако непосредственно добраться до Американского побережья экспедиция не смогла.

В 1732 году принимается решение о начале Второй Камчатской экспедиции, которой суждено было продлиться с 1733 по 1743 гг. Целью экспедиции было исследование побережья Ледовитого океана от устья Печоры до Чукотки, а также исследование американского побережья, по предположению Беринга, богатого металлом и пушниной (Ваксель, 1940).

Масштаб экспедиции позволял произвести глубокие исследования северных морей, Тихого и Ледовитого океана, побережий и русел сибирских рек. Побережье Ледовитого океана исследовали пять отрядов. Ещё два должны были действовать на Дальнем Востоке. Помимо этого, существовали два сухопутных отряда, но основная научно-исследовательская нагрузка была направлена именно на морские исследования.

Двинско-Обский отряд имел задачу – описание старого поморского пути от Белого моря до устья Оби.

Обско-Енисейский отряд должен был подробно описать северный путь от Оби до Енисея, составить съёмку Обской и Тазовой губы.

Ленско-Енисейский отряд, в 1735 г. начав движение из Якутска, должен был исследовать территории от Лены до Енисея. Экспедиция проходила тремя маршрутами, одним из которых был морской. Результатом стала съёмка территории полуострова Таймыр под руководством штурмана отряда Семёна Ивановича Челюскина.

Ленско-Колымский отряд должен был исследовать побережье от Лены до Колымы. Данная часть экспедиции продлилась до 1742 года. Часть путешественников погибла в первые же годы от цинги, однако полярному исследователю лейте-

нанту Дмитрию Лаптеву удалось собрать отряд, исследовавший в итоге сибирские реки Алазею, Индигирку, Яну, Колыму.

Отряд Беринга-Чирикова был крупнейшим и наиболее подготовленным к путешествию. Его задачей было открытие пролива между Азией и Америкой, а также совершение первых шагов к освоению американского континента. Витус Беринг и Алексей Чириков должны были, отправившись от Камчатки, дойти до побережья Северной Америки и исследовать его. Специально для экспедиции на Охотских верфях были построены пакетботы «Святой Пётр» и «Святой Павел». Несмотря на сложившиеся трудности в организации, в том числе, связанные с нежеланием якутских властей оказывать помощь экспедиции, Витусу Берингу удалось в июне 1741 года вывести суда из Охотска и направиться к Американскому побережью, которое было достигнуто уже 17 июля 1741 г. Экспедиция исследовала побережье, открыла Алеутские и Командорские острова, впервые встретилась с местными жителями – алеутами. Также немаловажным фактором было то, что отряду Беринга удалось найти места обитания каланов, мех которых очень ценился в Европе, и привезти в Санкт-Петербург 1500 шкур.

Несмотря на то, что Витус Беринг умер во время путешествия 6 декабря 1741 года, пакетбот «Святой Пётр» разбился, и новое судно пришлось собирать из его обломков, экспедиция смогла успешно вернуться в Петропавловск. Отряд Чирикова на пакетботе «Святой Павел» также сумел добраться до побережья Америки, однако ввиду множества факторов, в том числе потери корабельных шлюпок и нехватки питьевой воды, вынуждены были вернуться на Камчатку.

Целью южного отряда экспедиции под руководством Мартына Петровича Шпанберга было описание Курильских островов и налаживание дипломатических отношений с Японией. За время экспедиции с 1738 по 1742 годы было совершено три плавания, в результате которых были исследованы и нанесены на карты Курильские острова, также было опровергнуто существование нескольких мифических земель и состоялся контакт с японцами (однако дипломатических отношений заявлять не получилось ввиду закрытости Японии в период сёгуната Токугава).

Верхнеудинско-охотская экспедиция была создана с целью найти более короткий путь к Тихому океану, используя Амур с его притоками. Несмотря на некоторые успехи в описании населения берегов Амура, проложить короткий маршрут не удалось.

Для экспедиций строились суда новых, для русского мореходства, типов: боты, пакетботы, бригантины, шлюпы и дюбель-шлюпки. Однако от Белого моря до Енисея передвижение экспедиций осуществлялось, в том числе, и на давно известных русским мореплавателям суднах – кочах и дощаниках, что может говорить о том, что рациональное использование ресурсом позволяло к середине XVIII века по-прежнему использовать достаточно архаичные суда совместно с более современными и конструкционно совершенными.

Невзирая на завершение Второй Камчатской экспедиции в 1743 году, в начале второй половины XVIII века была предпринята попытка её логического продолжения. В 1753–1765 гг. проходила Нерчинская тайная экспедиция под командованием Фёдора Ивановича Соймонова. Задачей экспедиции было создание флотилии на Амуре, строительство в устье реки верфи и военно-морской базы.

Несмотря на некоторые успехи в начале мероприятия, такие как открытие навигацкой школы в Иркутске и Нерчинске, исследование рек Шила и Ингода, сбор сведений об Амуре, изготовление планов укреплений, экспедиция была свёрнута в 1760-е. Причиной послужили стремительное ухудшение отношений с Китаем, угроза запрета торговли в Кяхте.

Таким образом, в XVIII веке, как и в XVII, основная деятельность судов и морских ведомств была направлена на исследование восточных территорий Российской империи. Благодаря проведённым экспедициям удалось сделать ряд важных географических открытий, закрепить за Россией ряд слабоизученных территорий и приращение новых (преимущественно за счёт Аляски). На Дальнем Востоке развивалось судостроение. Однако создание флотилии было отложено для нормализации отношений с Китаем.

XIX – начало XX века

XIX век можно уверенно назвать периодом формирования флотилий в Сибири и на Дальнем Востоке. В хронологические рамки столетия попа-

дает как формирование торговых флотилий, так и создание военно-морских формирований.

В XIX веке научно-технический прогресс привел к созданию пароходства, однако до второй половины века преимущественно во флотах мира по-прежнему использовались парусники. Гребные суда практически перестали использоваться, в том числе, и на реках, хотя и оставались некоторое время пережитком прошлого в отдалённых регионах.

В Сибири первые торговые пароходные флотилии зарождаются в 1846 году, когда была создана первая компания «Пароходство А.Ф. Поклевского-Козелло и К°», распавшаяся через семь лет из-за разногласия купцов. Пароходы на данном этапе развивались на Оби и Иртыше (Башкирева 2008, Разгон 1998). Последующие годы отличались разделением компаний и формированием пароходных флотилий. Подобный рост был порожден увеличившимся спросом на услуги пароходов, а также по причине родившегося следом большого количества предложений. Помимо транспортных и пассажироперевозок, владельцы пароходов становились исследователями сибирских рек, дав во второй половине XIX века толчок к их глубокому исследованию. К 1895 году на Оби насчитывалось уже 120 пароходов (Головин, 1947).

Изменяется судоходство на Енисее. К 1820-м годам основным центром речного промысла на реке становится Красноярск. До конца 1850-х основной деятельностью судов была поставка хлеба, а также добыча рыбы. Грузопоток на Енисее значительно возрос после 1859 года, когда в Енисейской губернии началась золотая лихорадка. Для снабжения золотодобывающих регионов активизировалась речная деятельность, помимо прочего, и на Ангаре, так как иркутские купцы занялись поставками хлеба.

Первый пароход на Енисее появляется в 1863 году. Строится он на стапелях Енисейской верфи, в результате был спущен на воду под названием «Енисей». В этом же году купцами Ефимовым и Сизовым был спущен на воду пароход «Опыт» (Гайдин, Бурмакина, 2022). К концу XIX века Енисей посещают английские и шведские экспедиции, проводятся исследования русскими геологами и географами. В целом же, судоходство на Енисее так и не достигло уровня Обь-Иртышского. На 1900 год на реке действовало всего 26 пароходов. Создание

же Енисейской речной флотилии произошло 16 октября 1905 года.

Важно отметить развитие судоходства на Байкале, зародившееся ещё в середине XVII века, когда на озере начинают строить суда для военных экспедиций Петра Бекетова и Василия Красильникова. Вскоре, после прекращения военных походов, судоходство на Байкале становится коммерческим и промысловым. Рыбные промыслы требовали создания специальных типов судов. В XVIII веке в Иркутске строится навигацкая школа, открывается Адмиралтейство, которое становится центром формирования будущей сибирской флотилии. (Алексеев, 2024) Суда строились преимущественно парусные, отвечающие реалиям использования на сибирских реках. Байкал становится важным транспортным узлом в торговле Китая и Российской империи.

В 1839 году Иркутское Адмиралтейство было упразднено, и все водные коммуникации сосредоточились в руках частных лиц. В середине XIX века на Байкале использовались: двухнабойная лодка, хоюрка или пятигребка, трехнабойная, сетевая или селенговая лодка, неводник, баркас или лодка-мореходка. Строились и известные ещё со времён освоения Сибири дощники. В 1839 году, благодаря деятельности купца 1-й гильдии Н.Ф. Мясникова, было санкционировано первое строительство пароходов на Байкале (Распопина, 2012). К весне 1844 года пароход, получивший название «Император Николай I» сошел со стапелей и был отправлен в первую навигацию. Следом был спущен на воду второй пароход «Наследник Цесаревич». Пароходы имели как паровой котёл, так и парусную оснастку, позволявшую ходить по ветру и экономившие топливо на пароходе. Однако оба парохода погибли. «Император Николай I» сгорел в 1856 году, а «Наследник Цесаревич» затонул после столкновения с льдиной в 1860 г.

Помимо торговых перевозок, в конце XIX века на Байкале проводились научно-исследовательские работы. Под руководством Фёдора Кирилловича Дриженко была организована Гидрографическая экспедиция Байкала, которая проводилась с 1897 по 1902 год.

На рубеже веков на Байкале началась работа парома-ледокола «Байкал» и ледокола «Ангара». Деятельность судов началась в связи с необходимостью создания паромного железнодорожного

сообщения между берегами озера вплоть до окончания строительства Кругобайкальской железной дороги.

Торговое судоходство продолжало развиваться и в начале XX века. В годы Столыпинских реформ произойдет разработка планов по развитию торгового судоходства на Оби, Енисее, Амуре и притоках данных рек в целях улучшения логистики в регионе. Особое место будет уделено Байкалу – важному транспортному узлу Восточной Сибири (Сафонов, 2010).

Однако, не смотря на экономическую значимость данных транспортных водных путей, целесообразности строительства на них военных флотилий не было. Впервые о необходимости создания боевых флотилий обеспокоились на Тихом океане. В результате переформирования Охотской флотилии в 1856 году была создана Сибирская военная флотилия. Целью создания была охрана побережья Приморья, Приамурья, островов Тихого океана, обеспечение российских интересов на Дальнем Востоке. Основной же задачей на период 1860-х гг. стало исследование Приморья. Для данной цели частично с Балтики были переведены корабли Балтийского флота, получившие название «Амурских отрядов». Подобное разделение флотилий на Балтийскую и Сибирскую сохранился до 1904 года.

Целесообразность создания военной флотилии на Тихом океане была обусловлена, в первую очередь, напряжёнными отношениями с Великобританией, которая сохранялась практически весь XIX век. В качестве главной антироссийской силы в регионе, благодаря деятельности англичан, выступала маньчжурская династия Цинь. Также, после продажи в 1867 году Аляски и ликвидации Русско-американской компании, в обязанности флотилии входила охрана в Охотском и Беринговом морях от Сахалина до Командорских островов морских котиков промыслов от браконьеров, а также предотвращение неравноправного обмена китового уса, моржовых клыков и песцовых мехов между чукчами и нечестными купцами, которыми часто являлись американцы. Расширение старых задач и поставленные новые задачи потребовали строительства современных судов и качественно нового обновления состава вооружения и техники флотилии.

Период с 1870 по 1880-е годы охарактеризовался обострением российско-английских и россий-

ско-китайских отношений. Сибирская военная флотилия готовилась к отражению нападения на побережье Дальнего Востока. Однако уже в 1890-е, в связи со строительством Порта-Артур, финансовый поток на развитие флотилии значительно уменьшился, что существенно замедлило её развитие.

В результате Русско-японской войны и гибели двух русских эскадр в Тихом океане, Сибирская военная флотилия, лишившаяся части судов в связи с гибелю 1 Тихоокеанской эскадры, находилась преимущественно во Владивостоке. Задачей флотилии была охрана Владивостокского порта, а также операций в Японском море, в том числе и по уничтожению рыболовных промыслов японцев. После Русско-японской войны Сибирская военная флотилия осталась единственным военно-морским формированием на Тихом океане.

Немаловажно отметить создание боевой флотилии на Амуре. До строительства китайской восточной железной дороги Амур был основной транспортной артерией региона, по которому совершались регулярные грузоперевозки. Река с её притоками служила надёжным и дешёвым способом перемещения в динамично осваивающемся регионе.

Впервые вопрос о создании боевой флотилии был поставлен в 1885 году. В связи с непростой экономической ситуацией предложение принято не было, однако в 1897 году для охраны границы с империей Цинь была учреждена Амуро-Уссурийская казачья флотилия. В 1900 году в период подавления восстания ихэтуаней суда амурской флотилии, преимущественно гражданские, наспех вооружённые сухопутными орудиями, сыграли

Список источников

Алексеев Т.В. Военное судостроение в азиатской части Российской империи: результаты изучения и оценки отечественных исследователей // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 499. С. 94–104. DOI: 10.17223/15617793/499/10. EDN: YQAHSO.

Бахрушин С.В. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. М. : М. и С. Сабашникова, 1928. V, 198 с.

Башкирева Т.Ю. Первые пароходные компании Обь-Иртышского бассейна // Омский научный вестник. 2008. № 4 (69). С. 28–30.

Ваксель Свен. Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга / пер. с рукописи на нем. языке Ю.И. Бронштейн; под ред. и с предисл. А.И. Андреева. Ленинград; Москва : Изд-во Главсевморпути, 1940. 176 с.

важную роль в транспортировке, охране грузов, а также в разведывательных рейдах. После этого, командование озабочилось проблемой строительства ряда боевых судов для Амурской флотилии. Временное положение о флотилии было утверждено в 1902 году. Окончательно Амурская флотилия как боевое подразделение была утверждена в 1903 году. В ходе Русско-японской войны Амурская флотилия выполняла важные функции по транспортировке грузов для армий Дальневосточного фронта.

В начале XX века, в период Русско-японской войны, в межвоенный и ранний военный период Первой мировой, необходимость в укреплении флотилий возросла. Амурская флотилия укрупнялась, строились и вводились в строй канонерские лодки. В предвоенное время начались регулярные учения флотилий (Вербовой, 2019).

Заключение

Организация военно-морских формирований на Востоке России стала важным этапом в укреплении и освоении дальневосточных территорий России. Начавшись с кочей и стругов первопроходцев, проложивших в XVII веке пути по сибирским рекам, продолживших закреплением уже освоенных территорий и рядом географических исследований XVIII века, укрепившихся торговыми пароходными флотилиями века XIX, на рубеже XX века создание военно-морских формирований в целях защиты дальневосточных рубежей стало логическим и обоснованным кульминационным моментом в развитии сибирского и дальневосточного судоходства.

References

Alekseev T.V. (2024) Military shipbuilding in the Asian part of the Russian Empire: results of studies and evaluation by domestic researchers. *Tomsk State University Journal*. No. 499. P. 94-104. (In Russ.). DOI: 10.17223/15617793/499/10. EDN: YQAHSO.

Bakhrushin S.V. (1928) Essays on the history of colonization of Siberia in the XVI-XVII centuries. Moscow: M. i S. Sabashnikovy. V. 198 p. (In Russ.).

Bashkireva T.Yu. (2008) The first steamship companies of the Ob-Irtysh basin. *Omsk Scientific Bulletin*. No. 4 (69). P. 28-30. (In Russ.).

Waxel Sven. (1940) The second Kamchatka expedition of Vitus Bering. Translated from the manuscript in German by Yu.I. Bronstein. Leningrad; Moscow: Glavsevmorput. 176 p. (In Russ.).

Вербовой А.О. История воссоздания Амурской флотилии после окончания Русско-японской войны 1904–1905 годов // Военная мысль. 2019. № 9. С. 145–150. EDN: SXXQIP.

Вершинин Е.В., Кухтерин С.А., Наймарк М.Л., Филин П.А. Koch – судно полярных мореходов XVII века. Новые данные. Москва : Паулсен, 2022. 248 с. EDN: AOSDSG.

Габышев Е.С., Маякунов А.Э. К вопросу о присоединении Камчатки к Российскому государству // Общество: философия, история, культура. 2018. № 6 (50). С. 29–34. DOI: 10.24158/fik.2018.6.5. EDN: XQGYVN.

Гайдин С.Т., Бурмакина Г.А. Освоение водных путей северной части бассейна Енисея в XVII – начале XX века // Исторический курьер. 2022. № 3 (23). С. 86–103. DOI: 10.31518/2618-9100-2022-3-7. EDN: ODHSVS.

Головин В.Д. История парового судоходства в Обь-Иртышском бассейне : краткий очерк. Омск : Изд-во газеты «Советский Иртыш», 1947. 28 с.

Колотило Л.Г. Военные моряки Байкала: проблемы исторической реконструкции деятельности военных моряков российского флота по физико-географическому изучению и освоению озера Байкал в XVIII–XX вв. СПб. : Наука, 2004. 559 с.

Копылов А.Н. Русские на Енисее в XVII в. : Земледелие, промышленность и торговые связи Енисейского уезда. Новосибирск : [б. и.], 1965. 295 с.

Никитин Д.Н., Никитин Н.И. Покорение Сибири. Войны и походы конца XVI – начала XVIII века. М : Русские Витязи, 2016. 123 с.

Никитин Н.И. Сибирская эпопея XVII века : Начало освоения Сибири русскими людьми. М. : Наука, 1987. 173, [2] с.

Полевой Б.П. Первый русский поход на Тихий океан в 1639–1641 гг. в свете этнографических данных // Советская этнография. 1991. № 3. С. 56–69.

Поспелов А. Российский военно-морской флот. М. : Эксмо, 2019. 256 с.

Разгон В.Н. Сибирское купечество в XVIII – первой половине XIX в. Региональный аспект предпринимательства традиционного типа. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1998. 657, [2] с.

Распопина А.А. Первые проекты организации пароходства на Байкале // Историко-экономические исследования. 2012. Т. 13. № 2–3. С. 63–84. EDN: RDZYL.

Сафонов С.А. Развитие системы речного транспорта Восточной Сибири в годы Столыпинской аграрной реформы (1906–1917 гг.) // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 4–2 (68). С. 190–197. EDN: NAWAIV.

Толкачева Н.В. Русские люди и коренные народы Камчатки: первые контакты. Начало инкорпорации в состав государства // Вестник Камчатского государственного технического университета. 2015. № 32. С. 100–109. DOI: 10.17217/2079-0333-2015-32-100-109. EDN: TZQRQB.

Экарева И.Л. Из истории колонизации России в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 1 (139). С. 95–103. EDN: KHNYJL.

Verbovoi A.O. (2019) The history of recreating the Amur flotilla after the Russo-Japanese war of 1904-1905. *Military Thought*. No. 9. P. 145-150. (In Russ.). EDN: SXXQIP.

Vershinin E.V., Kukhterin S.A., Naimark M.L., Filin P.A. (2022) Koch is a ship of the 17th century polar sailors. New data. Moscow: Paulsen. 248 p. (In Russ.). EDN: AOSDSG.

Gabyshev E.S., Mayakunov A.E. (2018) Concerning the annexation of Kamchatka to the Russian State. *Society: Philosophy, History, Culture: Scientific Journal*. No. 6 (50). P. 29–34. (In Russ.). DOI: 10.24158/fik.2018.6.5. EDN: XQGYVN.

Gaidin S.T., Burmakina G.A. (2022) Development of waterways in the Northern part of the Yenisey basin in the 17th – early 20th century. *Historical Courier*. No. 3 (23). P. 86-103. (In Russ.). DOI: 10.31518/2618-9100-2022-3-7. EDN: ODHSVS.

Golovin V.D. (1947) The history of steam navigation in the Ob-Irtysh basin. Publishing House of the Newspaper “Soviet Irtysh”. 28 p. (In Russ.).

Kolotilo L.G. (2004) The military sailors of Lake Baikal: problems of historical reconstruction of the activities of the military sailors of the Russian Navy in the physical and geographical study and development of Lake Baikal in the XVIII–XX centuries. St. Petersburg: Nauka. 559 p. (In Russ.).

Kopylov A.N. (1965) Russians on the Yenisei in the 17th century. Agriculture, industry, trade relations of the Yenisei district. Novosibirsk. 295 p. (In Russ.).

Nikitin D.N., Nikitin N.I. (2016) The Conquest of Siberia. Wars and campaigns of the late XVI- early XVIII century. Moscow: Russian Knights Foundation. 123 p. (In Russ.).

Nikitin N.I. (1987) The Siberian Epic of the 17th century (the beginning of the development of Siberia by the Russian people). Moscow: Nauka. 173, [2] p. (In Russ.).

Polevoi B.P. (1991) The first Russian campaign to the Pacific Ocean in 1639-1641 in the light of ethnographic data. *Soviet Ethnography*. No. 3. P. 56-69. (In Russ.).

Pospelov A. (2019) The Russian Navy. Moscow: Ehksmo. 256 p. (In Russ.).

Razgon V.N. (1998) Siberian merchants in the XVIII-first half of the XIX century. The regional aspect of traditional entrepreneurship. Barnaul: Altai State University. 657, [2] p. (In Russ.).

Raspopina A.A. (2012) First projects of steam navigation on Baikal. *Historical and Economic Research*. Vol. 13. No. 2-3. P. 63-84. (In Russ.). EDN: RDZYL.

Safronov S.A. (2010) Development of River Transport System in Eastern Siberia during P.S. Stolypin Reform (1906–1917). *Proceedings of the Altai State University*. No. 4-2 (68). P. 190-197. (In Russ.). EDN: NAWAIV.

Tolkacheva N.V. (2015) The Russian people and the indigenous peoples of Kamchatka: the first contacts. The beginning of incorporation in the State. *Bulletin of Kamchatka State Technical University*. No. 32. P. 100-109. (In Russ.). DOI: 10.17217/2079-0333-2015-32-100-109. EDN: TZQRQB.

Ehkareva I.L. (2009) From the History of Russian Colonization in Eastern Siberia and the Far East. *Bulletin of the Chelyabinsk State University*. No. 1 (139). P. 95-103. (In Russ.). EDN: KHNYJL.

Информация об авторе

Дыня Алексей Александрович,
соискатель кафедры истории и философии,
Иркутский национальный исследовательский технический
университет,
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия,
e-mail: dynyaaa@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4837-9975>

Information about the author

Aleksey A. Dynya,
Candidate of the Department of History and Philosophy,
Irkutsk National Research Technical University,
83, Lermontov St., Irkutsk 664074, Russia,
e-mail: dynyaaa@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4837-9975>

Вклад автора

Дыня А.А. выполнил исследовательскую работу, на
основании полученных результатов провел обобщение и
подготовил рукопись к печати.

Contribution of the author

Dynya A.A. carried out a research work, based on the
obtained results made the generalization and prepared the
manuscript for publication.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

**Автор прочитал и одобрил окончательный вариант
рукописи.**

The author has read and approved the final manuscript.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 24 октября 2025 г.;
одобрена после рецензирования 6 ноября 2025 г.;
принята к публикации 17 ноября 2025 г.

Article info

The article was submitted October 24, 2025; approved
after reviewing November 6, 2025; accepted for publication
November 17, 2025.

История

Научная статья
УДК 94(47)(092)
EDN: XYSKOT
DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2025-4-81-89>

Проблема противостояния общества и государства в исследованиях И.И. Попова

Д.М. Евдокимов

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

Аннотация. В данной статье рассмотрены некоторые научно-популярные произведения И.И. Попова, революционера-народовольца, публициста и профессионального историка, проведшего в сибирской ссылке почти двадцать лет. И.И. Попов на протяжении всей своей писательской карьеры обращался к вопросам истории: международных отношений, стран Восточной Азии, культуры разных народов, самоуправления, революционного движения в России. Во многом Попов рассматривал комплекс общественного влияния на политическую сферу, показывая неизбежный процесс столкновения интересов государства и общества – ключевого фактора всех кризисных явлений рубежа XIX и XX вв. в России. В своих трудах автор выделил три основных темы: исследования, раскрывающие причины трагического противостояния общества и государства в России второй половины XIX – начала XX века; работы по истории революционного народнического движения, в котором Попов отводил ключевую роль интеллигенции; и проект земского самоуправления в Сибири, в котором была отражена модель формирования и дальнейшего развития выборных институтов общества, независимых от российского государства. Сделан вывод об итогах противостояния общества и государства – о взаимном влиянии и постепенной трансформации социальной и политической сфер. Для Попова принцип борьбы со старыми порядками порождал новую «социальную реальность», за которой стояли общие принципы демократизации страны и роста гражданско-правового самосознания. И.И. Попов рассматривал социально-экономические причины кризисов в Российской империи в совокупности с политическими проблемами, отмечая прямую их взаимосвязанность. Отмечается, что мнение Попова о социально-политическом движении в России отражает не только научный интерес автора к теме, но и личный как участника ключевых событий прошлого.

Ключевые слова: власть, государство, демократизация, земское самоуправление, И.И. Попов, интеллигенция, Народная Воля, общественно-политическая мысль начала XX в., общество, революционное движение

Для цитирования: Евдокимов Д.М. Проблема противостояния общества и государства в исследованиях И.И. Попова // Известия Лаборатории древних технологий. 2025. Т. 21. № 4. С. 81–89. DOI: 10.21285/2415-8739-2025-4-81-89. EDN: XYSKOT.

History

Original article

The problem of confrontation between society and the state in I.I. Popov's research

Dmitry M. Evdokimov

Irkutsk State University, Irkutsk, Russia

Abstract. This article examines some popular-science works by I.I. Popov, a revolutionist-Narodovolets, publicist and professional historian who spent almost twenty years in exile in Siberia. Throughout his writing career, I.I. Popov addressed issues of history: international relations, East Asian countries, culture of different peoples, self-government, the revolutionary movement in Siberia. Russia. In many ways, Popov considered the public influence on the political sphere, showing the inevitable process of conflict between the interests of the state and society - a key factor in all the crisis phenomena of the XIX and XX centuries in Russia. In his writings, the author identified three main topics: research revealing the causes of the tragic confrontation between society and

the state in Russia in the second half of the 19th and early 20th centuries; work on the history of the revolutionary populist movement, in which Popov assigned the key role of the intelligentsia; and the project of rural self-government in Siberia, which reflected the model of formation and further development of elected institutions of society, independent of the Russian state. The conclusion is made about the results of the confrontation between society and the state as the mutual influence and the gradual transformation of the social and political spheres. For Popov, the principle of fighting the old order gave rise to a new "social reality", which was based on the general principles of democratization of the country and the growth of civil and legal self-awareness. Popov considered the socio-economic causes of the crises in the Russian Empire in conjunction with political problems, noting their direct interrelationship. It is noted that Popov's opinion about the socio-political movement in Russia reflects not only the author's scientific interest in the topic, but also his personal interest as a participant in key events of the past.

Keywords: authority, state, democratization, zemstvo self-government, I.I. Popov, intelligentsia, Narodnaya Volya (People's Will), socio-political thought of the early 20th century, society, revolutionary movement

For citation: Evdokimov D.M. (2025) The problem of confrontation between society and the state in I.I. Popov's research. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 21. No. 4. P. 81-89. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2025-4-81-89. EDN: XYSKOT.

Историческая наука и политика всегда были связаны между собой. Государственная власть в основе своей стремится к эффективной организации общества, основанной на принципах контроля, стабильности, благосостояния и порядка. История же, как социальная наука, направлена на изучение законов общественного строения, эволюцию социальных отношений в государстве, взаимоотношений государственной власти и общества. Во многом, именно историческая наука изучает механизмы социального раскола, напряжения и конфликтов в прошлом – важных «проблемных тем» для политиков в настоящем. Так историки дают свою оценку «эффективности» государственных мер. Поэтому важным и ключевым фактором «применения истории в политике» является «исторический прецедент». Неудивительно, что исторический опыт используется для осмыслиения явлений и процессов общественной жизни, совершающихся в настоящем. Поэтому роль историка как ученого, дающего свою оценку происходящему в прошлом, – ключевая для государственной власти. Помимо объективного анализа и критики, ученый дает свой прогноз развития общественных процессов в государстве, тем самым направляя власти в правильное русло (Шилов, 2015. С. 104–105). Сегодня же концепции историков привлекают не только ученых историографов, но и действующих политиков. Разумеется, осведомленность о событиях прошлого, о процессах становления государства и общества становится нормой для представителей государственной власти в России.

В данной статье рассмотрены исторические труды, отражающие концепцию И.И. Попова о противостоянии общества и государства, а также о со-

временном государственном порядке в начале XX в., как результат этого процесса.

Для сибирских историков такая личность как Иван Иванович Попов – хорошо известна, благодаря обширному литературному наследию (Иванов, 2016. С. 496). Коренной петербуржец И.И. Попов в середине 1880-х гг. был сослан в Кяхту за участие в «Молодой партии Народной Воли», осуществлявшей широкую пропагандистскую работу и «фабричный террор» в столице (Иванов, 2015а. С. 23–24). За короткий срок – менее чем за 15 лет, И.И. Попов стал видным представителем политических ссыльных, осевших в Сибири и построивших успешную карьеру (на рубеже XIX–XX вв.). На посту главного редактора «Восточного обозрения» (1894–1906 гг.) ему удалось превратить провинциальную общественно-политическую газету в настоящий рупор общественного мнения Сибири (Иванов, 2015б. С. 80). За время, проведенное в Сибири, Попов был избран членом ВСОРГО и консерватором его музея в Иркутске, депутатом Городской Иркутской Думы на посту председателя училищной комиссии. Однако взлет карьеры и большой успех был недолог. Во время Первой русской революции Попов был вынужден покинуть страну из-за угрозы ареста за свою общественно-политическую позицию. Позже, вернувшись в Россию, он осел в Москве, где работал в различных печатных изданиях и организациях вплоть до своей смерти в 1942 г. (Евдокимов, 2025. С. 87–88.)

В годы советской власти Попов проявил себя как историк революционного движения. Его научные интересы были направлены на исследование деятельности «Народной Воли», истории политической ссылки в Сибири и конкретных революционе-

ров (Евдокимов, 2024. С. 109). По этой тематике при жизни автора были изданы шесть историко-биографических очерков, двадцать три некролога и ряд крупных исследовательских статей, посвященных революционным организациям Петербурга в 1880-е гг. Попов был одним из составителей и редактором нескольких крупных сборников «Всесоюзного общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев» (ВОПКИС), главный из них – «Народная Воля в документах и воспоминаниях», вышедшая в 1930 г. отдельной книгой. Также за авторством Попова была издана статья в энциклопедии братьев Гранат, посвященная истории общественного движения в Сибири, в которой отражен его взгляд на роль политических ссыльных в регионе (Попов, 1917b)¹. Участие Попова в революционной жизни 1880-х гг. отражено в его исследовательских работах, в которых присутствуют и доля личных переживаний, и ряд субъективных суждений автора. Но, безусловно, труды Попова внесли свой вклад в исследование революционного движения 1860–1880 гг., значительно дополнив деталями многие аспекты деятельности отдельных революционеров, кружков и партий.

«Противостояние общества и государства» – важная проблема, которая прослеживается в работах Попова. Как процесс, он отражен в трудах по истории Народной Воли. В них автор высказался об истоках противоречий государственной власти и общества, а также о формах этого противостояния – от политического террора до развития гражданско-правового самосознания (Попов, 1924. С. 226–248). Еще в 1890-е гг., когда И.И. Попов возглавлял газету «Восточное обозрение», он разделял понятия «общество» и «государство», часто противопоставляя интересы этих «сфер» (Шинкарева, 2022. С. 98–99). Другими словами, генеральная линия «противостояния...» прослеживалась в трудах Попова еще в конце XIX в. Цитата: «Интересы отдаленной окраины, ее населения и насущные нужды Сибири по-прежнему будут занимать видное место на страницах газеты. В выяснении и рассмотрении вопросов, касающихся нашей Родины, мы ставим себе целью быть полез-

ными как государству, так и обществу. Всякий законодательный и государственно-правовой акт требует предварительной разработки и созиания сведений; в этом отношении печать может оказать не малую услугу» (Попов И.И. Иркутск, 19 марта // Восточное обозрение (г. Иркутск), 1895. № 33. 19 марта. С. 1).

И.И. Попов писал, что студенческое движение, революционные кружки и акты политического террора не были следствием вольнодумства и нигилизма молодежи (Попов, 1933. С. 59). Они стали результатом проведения государственной политики в различных сферах, конкретно: в отсутствии демократических институтов, свобод и социально-экономических ограничениях. Среди обывателей были наглядные примеры взяточничества, излишнего бюрократизма, а главное – пережитка устаревших форм феодальных и крепостнических порядков (Попов, 1933. С. 57–62). Боязнь демократизации выражалась в запретах и уставах, предупредительных мерах высылки и цензуре, но главное – к игнорированию воли и желания интеллигенции – самой активной социальной прослойки общества. Отказ от модернизации воспринимался в народе как защитная мера властей от революционных веяний с Запада. А по итогу: отсутствие институтов или хотя бы методов взаимодействия народа и власти стали главным фактором нарастания социального недовольства, процветания революционных идей в молодежной среде и политического террора (Попов, 1930. С. 12). В работах Попова критика власти отражалась в несостоительности самой государственной системы, закрывшейся от любых политических новшеств эпохи. Это способствовало росту радикальных течений в стране больше, чем распространение нелегальной литературы и левой пропаганды (Попов, 1928. С. 50–54). В результате именно действующие порядки вызывали напряженность в обществе, а молодежь как активная социальная группа вынуждена была вступать на путь неравной борьбы с государственной системой.

Революционерами же Попов называл лишь активное меньшинство, имеющих представление о пагубности действующих порядков, как и самой системы. Для Попова революционная эпоха 1880-х гг. – это не время романтического противостояния «любителей Некрасова и Герцена» с властью, а, скорее, эпоха социального напряжения, в которой прояви-

¹ Попов И.И. Общественные движения в Сибири // Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат. Т. 38: Селевк – Симон. М. : Рус. библиогр. ин-т Гранат, 1917b. Ст. 517–540.

лись обманутые надежды народа на новые времена и порядки. Автор был убежден, что это напряжение лишь росло с годами, обострялись противоречия, трансформировались и улучшались формы борьбы. Поэтому революционные события 1905 и 1917 гг. – закономерный итог новой социальной реальности, которую не просто допустили действующие власти, а по большей части – даже не замечавшие ее (Попов, 1917а. С. 10–13).

Попов проводил грань эволюции этого противостояния. С одной стороны – террора, как пика политической решимости общества и яркой «вспышки» эпохи, но не имевшей будущего. С другой – развитие прессы, общественного мнения, рост гражданской и политической инициативности. Будучи представителем позднего Народничества, Попов утверждал, что рост уровня образования и гражданско-правового самосознания – это основная задача интеллигенции, как проводника революции. Его жизненный опыт доказывал это не раз. Неудивительно, что интеллигенция, как и политические ссылочные, играли в его трудах ключевую роль в общественно-политическом движении в 1880-х гг.

Интересна позиция И.И. Попова о роли самой партии «Народной Воли», членом «подготовительной группы» которой был и сам автор. Попов был убежден, что радикальные течения были порождены самой государственной системой и ее порядками. Восьмидесятые годы XIX в. он трактовал как борьбу «революционного меньшинства», конкретно – интеллигенции, за интересы народа, для которого капиталистический путь, насаждаемый сверху, был губителен. При этом Попов признавал эволюцию народнического движения. Он отмечал, что путь от теоретического осмысления крестьянского социализма до радикализма и террора – был долг и насыщен. Однако цели и задачи, которые ставила «Народная Воля», не имели будущего (Попов, 1933. С. 101–103). Попов же лично наблюдал за закатом народнической идеологии, участвовал в дискуссиях о пагубности политического террора для грядущей революции еще в 1880-х гг. Но как представитель революционеров-восьмидесятников он не был согласен с ролью интеллигенции в этих событиях, которая утверждалась советскими историками 1930-х гг. Попов не признавал статус интеллигенции, как «попутчиков революции», не сумевших признать классовость этого общественного движения и по-

рождавших еще более глубокие социальные противоречия. Для Попова же интеллигенция стала проводником социального прогресса – роста общего уровня образования и культуры, развития прессы и общественного мнения. В особенности, это касалось политических ссылочных, бывших революционеров, сыгравших ключевую роль в этих процессах на окраинах страны – особенно в Сибири (Круссер, 1981. С. 16–17). Так без революционной вспышки 1860–1880 гг. дальнейшие социальные и политические преобразования 1905 и 1917 гг. были бы невозможны. По Попову, государственная система порождала радикальные течения, возглавляемые интеллигенцией. Еще в 1893 г. он писал: «Интеллигентом может называться только тот, кто на задачи жизни смотрит с точки зрения общественной морали, кто не удовлетворяется одними теоретическими положениями, а ищет выхода из окружающего зла, кто усвоил себе лучшие идеи века и данные современной науки не для того, чтобы наслаждаться ими, а для того, чтобы найти выход к лучшему будущему» (Попов И.И. Еще об интеллигенции Кяхты // Восточное обозрение (г. Иркутск), 1893. № 30. 25 июля. С. 10–11). Но в долгосрочной перспективе именно они, т. е. представители интеллигенции, способствовали положительным изменениям в государственной системе. Сама трактовка борьбы революционеров с государственной властью приобретала новые смыслы для автора – как путь положительной динамики в эволюции политической и социальной сферах (Попов, 1928. С. 80). Поэтому народническое движение – не просто эпизод из истории общественно-политического движения в России, а ключевое звено для всех последующих событий в истории страны (Попов, 1917а. С. 10–13).

Для И.И. Попова не менее важен и результат противостояния общества и государства. Точнее, закономерный итог их длительных и противоречивых взаимоотношений. Так проявилась его убежденность в формировании нового государственного порядка и общественных отношений, для начала – в виде концепции для Сибирских регионов.

В начале XX в., будучи гласным Иркутской городской думы, И.И. Попов участвовал в подготовке проекта по введению Земств в Сибири. Земства, как необходимый институт, способны были решить целый ряд общественных проблем в регионе. Однако представители государственной власти были катего-

ричны в этом вопросе, поэтому сибиряки вынуждены были брать ответственность на себя (Шевцов, 2012. С. 138). «Общественная инициатива» не прекратилась, но и проекты, составленные в разных сибирских городах, убирались «под стол». «Всего, по подсчетам С.И. Аккерблома, до конца года в регионе было подготовлено 18 разнообразных проектов организации земских учреждений на базе Положения о земских учреждениях от 12 июня 1890 г.» (Плотникова, 2011б). «Интеллектуальными» и общественными центрами стали сибирские города: Иркутск и Томск. В Томске проект возглавил Г.Н. Потанин от имени членов юридического общества университета, в Иркутске – в Городской думе была создана комиссия под председательством И.И. Попова (Плотникова, 2011б).

7 апреля 1905 г. гласные Иркутской городской думы направили царю адрес с одобрением предлагаемого введения земства в Сибири. И.И. Попов, совместно с членами комиссии, составил проект «Положения о земских учреждениях в Сибири» и объяснительную записку к нему. Данная работа с припиской «Доклад иркутской городской думы» в этом же году была напечатана в Иркутске отдельной книгой. Через год в Москве также вышла брошюра Попова «Самоуправление и земские учреждения», где автор выразился об исторических и общественно-политических основах предложенного годом ранее проекта (Плотникова, 2011а. С. 133–135). В конечном счете, именно в этих трудах Попова отображена его концепция современной политической системы, основанная на демократических принципах самоуправления и гражданских свободах.

В «Проекте Положения...» Попов опирается на теоретический и практический опыт европейских стран, «развитых в политическом отношении» (Попов, 1905. С. 3)². Исходя из этого, самоуправление трактуется Поповым, как практический метод независимого и широкого управления, в котором с помощью выборных представителей может участвовать все население определённой административной территории. Автор убежден, что земские учреждения в Сибири жизнеспособны только с представлением широких избирательных прав всему

населению. Причиной тому – отсутствие сословных и цензовых ограничений в Сибири (Попов, 1905. С. 3)³. Также основа теории Попова – большая самостоятельность региона, которая может и должна проявляться вследствие проведения в Сибири земской реформы. Принцип самоопределения областей подтверждается Поповым классическими для региона проблемами: отдаленность от центра, территориальная обширность, низкий уровень транспортной доступности, этническая пестрота, проблемы, возникающие из-за природно-климатических условий и др. Ну и главное – опора на решения и резолюции знаменитого съезда земцев 1904 г. «Мы можем остановиться и принять для Сибири только такое самоуправление, которое будет построено на широких началах самоопределения областей, самодеятельности населения и гражданской свободы» (Попов, 1905. С. 4)⁴.

Важнейшей частью проекта Попова по введению земских учреждений являлся вопрос «предела власти» и её полномочий, а также проблема компетенции учреждений самоуправления. Попов отмечал, что местные вопросы, даже вопросы финансов – это дело земств, которые должны быть наделены полной самостоятельностью в решении проблем, а также инициативностью предполагаемых методов их разрешения. Важен также и вопрос о законодательной инициативе, так как никто лучше земств не будет ознакомлен с условиями местного климата, состояния инфраструктуры, финансов, менталитета и т. д. «Представителям государства может быть предоставлено только право наблюдения за законностью, при этом органы самоуправления ни в коем случае не могут находиться в подчиненном состоянии к органам администрации» (Попов, 1905. С. 8)⁵. И.И. Попов опирался на принцип разделения властей, ссылаясь на суд, как третью независимую инстанцию. Однако автор отходит на позиции более реальной политической и административной практики. Изначально, в проекте правом отменять незаконные решения земств наделены губернатор и прокурор. Судебные инстанции – лишь предполагаемая эволюция в делах взаимоотношений между земствами и действующей властью. Данный пункт,

² Попов И.И. Проект положения о земских учреждениях в Сибири : (Доклад Иркутской Городской Думе). Иркутск : Паровая типография И.П. Казанцева, 1905. 44 с.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

как и весь проект, пронизан духом конституционного демократизма. Многое из того, что Попов приводил в своем труде, является продуктом Земского съезда 1904 г., на котором Иван Иванович побывал и сам. Коллективное решение проблем казалось автору выгодным административным ходом, который бы обеспечил жизнеспособность земств внутри бюрократического государства (Иванов, Андреев, 2017. С. 106–108).

Стремление к переустройству действующего порядка и системы власти не находило отклика как у центральных властей, так и у самого Николая II. К причинам, по которым «концепция» и программа Попова не получила дальнейшего развития, можно отнести поражение в Русско-японской войне и бурно разраставшуюся революцию. Так, острые внутренние и внешние проблемы страны лишили Сибирь демократических институтов развития. Вернее сказать, – саморазвития (Плотникова, 2011б. С. 54). При таких сложных условиях неудивительно, что подробно разработанный план Попова по организации самоуправления и земского дела в Сибири остался лишь частью канцелярской описи.

В 1907 г. в Москве вышла книга И.И. Попова «Дума народных надежд», посвящённая истории деятельности Первой государственной думы. Дума первого созыва действовала лишь 72 дня и была разогнана с громким скандалом. Невозможность примириться представителям различных партий, бесконечные споры по законопроектам, доходившие до угроз и откровенных расправ, – все это создавало атмосферу «безысходности» и бессмыслинности работы парламента. Попов же пытался в книге опровергнуть эти нападки. По его мнению, главным достижением общественности является то, что Российская империя входит в полосу трансформации своей политической системы. Представительное и конституционное начало в России есть «триумф», настоящая победа демократизации над абсолютистским режимом. Попов стремился показать это через различные обсуждения законов и проектов, представив свой обзор по многим из пунктов, таких как: амнистия, о статусе казачества, старых законов и военного суда, о продовольственном вопросе, аграрном кризисе и др. Разобрав все 72 дня работы Думы, автор акцентировал внимание на: широте постановки вопросов, общечеловеческих потребностях и «правде», работоспособности и рвении депу-

татов (Попов, 1907. С. 207–214). Для И.И. Попова начало партийной организации, парламентаризма и народного представительства – это закономерный итог длительного противостояния государства и общества, ключевая фаза зарождающегося процесса диалога между народом и властью.

В Москве годом ранее, в 1906 г., вышла брошюра И.И. Попова под заголовком «Самоуправление и земские учреждения». Это сочинение больше походит на политический трактат, в котором автор высказался не только о необходимости широкого распространения земских учреждений в стране, сколько об обязанности государственной власти это сделать. Само это сочинение отражает процесс демократизации общества, особенно заметный после проведения земских съездов в 1904 г. и открытия Государственной Думы в 1906 г. Труд Попова отражает чисто либеральную сторону этого вопроса. Необходимость земства сводилась к «способности русского народа к самоуправлению», но главное – к обязанности граждан по улучшению собственных условий жизни, без посредников и контролирующих органов. Главный итог сочинения – это процесс демократизации страны, включение в орбиту политических интересов большего числа населения, формирование политических партий, независимых СМИ и т. д. – это последствия консервативной политики государства, не сумевшей ответить на вызовы нового времени. И теперь, к 1906 г., оно пытается «разобраться» с последствиями, перекраивая наспех абсолютистский режим обещаниями, проектами и спорами (Попов, 1906. С. 45–48).

В своих работах И.И. Попов стремился подчеркнуть изменчивость как самого общества, так и государства. Однако проблему он видел в несостоительности и неорганизованности связей между социумом и властью. Такая сломанная модель их взаимоотношений порождала противоречия – социальную напряженность, политический террор и революционное противостояние. Благодаря богатому личному опыту, Попов был убежден в решении этой проблемы, а именно – в трансформации государственной системы, началом которому бы послужил диалог власти с представителями разных социальных групп (Попов, 1906. С. 48–50). Именно так, с признания процесса демократизации общества и его инициатив, государство бы нивелировало выше-перечисленные противоречия. Умение власти обуз-

дать новую «социальную реальность», эффективно ее использовать в собственных интересах и адаптироваться – это важный посыл концепции Попова, как участника ключевых событий конца XIX – начала XX в. и как исследователя этого периода.

С развитием процессов демократизации в стране И.И. Попов увидел в устоявшейся либеральной повестке тех лет решение многих насущных проблем, которые тормозили позитивную эволюцию общества и государства. Модернизация страны, начиная с появления парламента и принципов местного самоуправления, всеобщего избирательного права, а также правовых конституционных гарантий, – все это было ответом на вопросы дальнейших перспектив для страны. Так, к середине 1900-х гг. Попов окончательно признает путь эволюционного развития, используя и поддерживая либеральную повестку в прессе. К этому времени Попов окончательно формируется как публицист и журналист широкого профиля – период с 1905 по 1917 гг. самый продуктивный в его карьере. В это время он становится автором более трех сотен публицистических статей, а также автором шести крупных монографий, посвященных актуальным проблемам общества и государства в этот период (Евдокимов, Иванов, Кружалина, 2025. С. 19–21).

Однако, оставшись в России, после 1917 г. Попов не был замечен в поддержке либерального движения, т. е. оппозиционного пролетарскому государству и партии большевиков. С начала 1920-х гг. он переключается на исследовательскую работу. Отныне и до конца своей жизни он будет работать в историческом направлении, изучая прошлое народнического движения. Свои взгляды на происходившие в стране перемены он уже не высказывал. Исследуя прошлое России, Попов отстаивал мысль о том, что революционно-настроенная интеллигенция внесла свой вклад в развитие социалистических идей в России, в расширение социального состава и географии революционной пропаганды, в формирование общественного мнения. И что эпоха народни-

ков-одиночек и борцов с царизмом – это не просто эпизод из истории общественно-политического движения, а большой и важный этап, предшествовавший буржуазно-демократической и пролетарской революции 1917 г. в России. Его деятельность по сохранению революционной памяти в обществе ВОПКИС признается историками и сейчас.

Подведем итоги. Жизненный опыт в значительной мере отразился на исследовательских работах самого И.И. Попова. Вторую половину XIX в. он трактовал как эволюцию социально-экономических отношений, которую государство стремилось контролировать любыми способами. Дальнейшая трансформация этой модели шла как «сверху», так и «снизу». Государственным реформам вторили акты неповиновения и политического террора по всей стране. Так, в стремлении показать несостоенность и незавершенность этих мер по отношению к обществу, революционеры искали новые и более действенные формы борьбы за «интересы народа». За выступлениями конкретных личностей, партий и кружков менялось и само общество. К началу XX в. особенно был заметен этот «социальный прогресс» – от формирования общественного мнения, развития прессы и культурно-просветительских учреждений до роста уровня самосознания общества. Процессы модернизации государственной системы, политической сферы, а главное – общей демократизации страны стали следствием противоречивых отношений общества и государства. И.И. Попов подчеркивал, что революционеры, политические ссылочные, как и интеллигенция в целом, сыграли ключевую роль в этих событиях на рубеже XIX–XX вв. Такую модель новой социальной реальности Попов показал в проекте по введению земств в Сибири, но лишь в виде концепции. Этот проект отражал конечное развитие отношений общества и государства на принципах самоопределения, независимости политических институтов, разделения властей, широких гражданских свобод и всеобщего избирательного права.

Список источников

Евдокимов Д.М. Некрологи И.И. Попова как источник по истории противостояния части общества и государства второй половины XIX в. // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2024. Т. 47. С. 106–115. DOI: 10.26516/2222-9124.2024.47.106. EDN: OUAMDF.

References

Evdokimov D.M. (2024) I.I. Popov's obituaries as a source on the history of the confrontation between a part of society and the state in the second half of the 19th century. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series "History".* Vol. 47. P. 106–115. (In Russ.). DOI: 10.26516/2222-9124.2024.47.106. EDN: OUAMDF.

Евдокимов Д.М. «Письма изгнаника»: проблематика публикаций И.И. Попова в газете «Сибирь» (1907–1913 гг.) // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2025. Т. 52. С. 86–96. DOI: 10.26516/2222-9124.2025.52.86. EDN: HEEVJS.

Евдокимов Д.М., Иванов А.А., Кружалина А.А. История Северо-Восточной Азии XIX – начала XX в. в исследованиях И.И. Попова // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2025. № 1 (71). С. 15–23. DOI: 10.24866/1997-2857/2025-1/15-23. EDN: LUEJVJ.

Иванов А.А. «...На границе культур»: И.И. Попов в Кяхтинской ссылке // Гуманитарный вектор. 2015а. № 3 (43). С. 22–28. EDN: UJDYQH.

Иванов А.А. «Я руководил сибирским общественным мнением»: И.И. Попов // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2015б. Т. 13. С. 74–82. EDN: UKONFR.

Иванов А.А. Политическая ссылка Иркутска конца XIX века в мемуарном наследии И.И. Попова // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2016 : Сборник статей. Иркутск : Байкальский государственный университет, 2016. С. 495–505. EDN: VRIFHB.

Иванов А.А., Андреев В.В. Проект И.И. Попова о введении земств в Сибири, выработанный в Иркутске накануне первой русской революции // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2017. Т. 22. С. 102–109. EDN: ZMMOQP.

Круссер Р.Г. Политическая ссылка и «Восточное обозрение» 80-х – начала 90-х годов XIX в. // Из истории общественно-политической жизни Сибири : межвузовский тематический сборник статей. Томск : Изд-во ТГУ, 1981. С. 3–17.

Плотникова М.М. Редактор «Восточного обозрения» И.И. Попов как гласный Иркутской городской думы // Сибирский город XVIII–XX веков : Сборник научных статей. Иркутск : Оттиск, 2011а. Т. 8. С. 122–136. EDN: UIXANZ.

Плотникова М.М. Роль Иркутской городской думы в ходе подготовки распространения на Сибирь земских учреждений // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2011б. №1. С. 50–58. EDN: OPIRUP.

Попов И.И. Самоуправление и земские учреждения (по поводу введения земства в Сибири). М. : Тип. Общества распространения полезных книг, арендуемая В.И. Вороновым, 1906. 52, [2] с.

Попов И.И. Дума народных надежд : Очерк деятельности Первой рус. думы и Гос. совета. М. : В.М. Саблин, 1907. XII, [4], 214, [1] с.

Попов И.И. Екатерина Константиновна Брешко-Брешковская. Бабушка русской революции. М. : Задруга, 1917а. 40 с.

Попов И.И. Минувшее и пережитое : Воспоминания за 50 лет. Л. : Колос, 1924. Ч. 2: Сибирь и эмиграция. 290 с.

Evdkimov D.M. (2025) "Letters of an exile": the problems of I.I. Popov's publications in the newspaper "Siberia" (1907-1913). *The Bulletin of Irkutsk State University. Series "History".* Vol. 52. P. 86-96. (In Russ.). DOI: 10.26516/2222-9124.2025.52.86. EDN: HEEVJS.

Evdkimov D.M., Ivanov A.A., Kruzhalina A.A. (2025) The history of Northeast Asia in the XIXth - early XXth century in the studies of Ivan Popov. *Humanitarian Studies in Eastern Siberia and the Far East.* No. 1 (71). P. 15-23. (In Russ.). DOI: 10.24866/1997-2857/2025-1/15-23. EDN: LUEJVJ.

Ivanov A.A. (2015a) "...On culture border": I.I. Popov in Kyakhta exile. *Humanitarian Vector.* No. 3 (43). P. 22-28. (In Russ.). EDN: UJDYQH.

Ivanov A.A. (2015b) "I Led the Siberian Public Opinion": I.I. Popov. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series "History".* Vol. 13. P. 74-82. (In Russ.). EDN: UKONFR.

Ivanov A.A. (2016) Political exile of Irkutsk of the end of the 19th century in memoirs heritage of I.I. Popov. *Irkutsk Historical and Economic Yearbook.* 2016. Irkutsk: Baikal State University. P. 495-505. (In Russ.). EDN: VRIFHB.

Ivanov A.A., Andreev V.V. (2017) I.I. Popov's Project about Introducing Zemstvos (Counties) in Siberia, Worked in Irkutsk out on the Eve of the First Russian Revolution. *The Bulletin of Irkutsk State University. The Political Science Series. Religious Studies.* Vol. 22. P. 102-109. (In Russ.). EDN: ZMMOQP.

Krusser R.G. (1981) Political exile and the «Eastern Outlook» of the 80s and early 90s of the 19th century. *From the History of Socio-Political Life in Siberia.* Tomsk: Tomsk State University. P. 3-17. (In Russ.).

Plotnikova M.M. (2011a) Editor of the «Eastern Outlook» I.I. Popov as a vowel of the Irkutsk City Duma. *Siberian City of the XVIII - XX centuries : Collection of Scientific Articles.* Irkutsk: Ottisk. Vol. 8. P. 122-136. (In Russ.). EDN: UIXANZ.

Plotnikova M.M. (2011b) Significance of the Irkutsk City Council department. in the Course of the District Councils Extension in Siberia. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series "History".* No. 1. P. 50-58. (In Russ.). EDN: OPIRUP.

Popov I.I. (1906) Self-government and zemstvo institutions (regarding the introduction of zemstvo in Siberia). Moscow : Type. Society for the distribution of useful books, leased by V.I. Voronov. 52, [2] p. (In Russ.).

Popov I.I. (1907) Duma of people's hopes: An essay on the activities of the First Russian Duma and the State Council. Moscow: Tipografiya V.M. Sablina. XII, [4], 214, [1] p. (In Russ.).

Popov I.I. (1917a) E.K. Breshko-Breshkovskaya. The Grandmother of the Russian Revolution. Moscow: Zadruga. 40 p. (In Russ.).

Popov I.I. (1924) The past and experiences: Memories for 50 years. Leningrad: Kolos. Pt. 2. Siberia and the emigration. 290 p. (In Russ.).

Попов И.И. Революционные организации в Петербурге в 1882–1885 гг. // Народовольцы после 1 марта 1881 г.: Сборник статей и материалов, составленный участниками народовольческого движения. М. : Всесоюз. о-во политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1928. С. 49–80.

Попов И.И. Герман Александрович Лопатин. М. : Изд-во Общ-ва политкаторжан, 1930. 55 с.

Попов И.И. Минувшее и пережитое : Из воспоминаний. М. ; Л. : Academia, 1933. 215 с.

Шевцов В.В. Вопрос о самоуправлении Сибири в период революции 1905–1907 гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2012. № 4 (20). С. 138–142. EDN: PJZFIH.

Шилов В.В. Историческая наука и власть: проблема взаимоотношений, часть 1 // Власть. 2015. № 2. С. 104–108. EDN: TNTVTD.

Шинкарева А.П. Роль И.И. Попова как редактора и издателя в организации «Восточного обозрения» (1894–1906) // Коммуникативная культура: история и современность : материалы XII Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, Новосибирск, 28 окт. 2022 г. Новосибирск : ИПЦ НГУ, 2022. С. 95–101. DOI: 10.25205/978-5-4437-1402-8-95-101. EDN: GJIUEC.

Информация об авторе

Евдокимов Дмитрий Максимович,
ассистент преподавателя кафедры истории России,
Иркутский государственный университет,
664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1, Россия,
e-mail: leonardo38.da@yandex.ru
<https://orcid.org/0009-0006-1045-5916>

Вклад автора

Евдокимов Д.М. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 17 октября 2025 г.; одобрена после рецензирования 21 ноября 2025 г.; принята к публикации 1 декабря 2025 г.

Popov I.I. (1928) Revolutionary organizations in St. Petersburg in 1882-1885. *Narodovoltsy after March 1, 1881*. Moscow: All-Union Society of Political Prisoners and Exiled Settlers. P. 49-80. (In Russ.).

Popov I.I. (1930) German Aleksandrovich Lopatin. Moscow : Izd-vo Vsesoyuznogo o-va politkatorzh. 55 p. (In Russ.).

Popov I.I. (1933) The past and experiences : From my memories. Moscow; Leningrad: Academia. 215 p. (In Russ.).

Shevtsov V.V. (2012) Problem of self-government in Siberia during the Revolution period of 1905-1907. *Tomsk State University Journal of History*. No. 4 (20). P. 138-142. (In Russ.). EDN: PJZFIH.

Shilov V.V. (2015) Historical Science and Authority: the problem of relationships, part 1. *Vlast'*. No. 2. P. 104-108. (In Russ.). EDN: TNTVTD.

Shinkareva A. P. (2022) The role of I. I. Popov as an editor and publisher in the organization of the Eastern Review (1894-1906). *Communicative Culture: History and Modernity : Proceedings of the XII All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation, Novosibirsk, October 28, 2022*. Novosibirsk: CPI NSU. P. 95-101. (In Russ.). DOI: 10.25205/978-5-4437-1402-8-95-101. EDN: GJIUEC.

Information about the author

Dmitry M. Evdokimov,
Teaching Assistant at the Department of Russian History,
Irkutsk State University,
1, K. Marx St., Irkutsk 664003, Russia,
e-mail: leonardo38.da@yandex.ru
<https://orcid.org/0009-0006-1045-5916>

Contribution of the author

Evdokimov D.M. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted October 17, 2025; approved after reviewing November 21, 2025; accepted for publication December 1, 2025.

История

Научная статья
УДК 929+329.14+351.742
EDN: CXZDTO
DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2025-4-90-102>

«Налетевший ураган смял, временно пригнул к земле силы демократии...»: антивоенная деятельность и взгляды В.С. Войтinskого в сибирской ссылке (1914–1917 гг.)

М.М. Стельмак

Исторический архив Омской области, Омск, Россия

Аннотация. В статье анализируется антивоенная деятельность известного общественно-политического деятеля и революционера В.С. Войтinskого во время нахождения в сибирской ссылке в годы Первой мировой войны. Занимавший с весны 1917 г. позицию революционного обронца, до начала событий Великой Российской революции 1917–1922 гг. В.С. Войтinsky придерживался антивоенных взглядов, стремясь совместно с соратниками распространять их, используя легальные и подпольные возможности. Отрицательно относился к участию в работе в военно-промышленных комитетах. Довольно критично реагировал на высказывания многих меньшевиков-обронцев. Несмотря на противодействие властей, данная работа имела определенный успех, в том числе благодаря известности и высокому авторитету В.С. Войтinskого в оппозиционных кругах. Больше всего это отразилось на участии в изданиях «Сибирский журнал» и «Сибирское обозрение». Несмотря на то, что власти стремились конфисковать найденный тираж, журналы получили распространение в различных регионах страны, получили высокую оценку среди меньшевистской эмиграции за границей. Значение данных изданий было высоко отмечено и такими лидерами меньшевиков как П.Б. Аксельрод и Ю.О. Мартов. Помимо этого свою точку зрения В.С. Войтinsky излагал под псевдонимом и на страницах легальных изданий, во время публичных лекций в просветительских обществах (периодически это приводило к их запрещению). В итоге позиция В.С. Войтinskого и его соратников (воведших в историю под именем сибирских циммервальдистов) стала достаточно известной даже за пределами страны, стоявшая особняком как от меньшевиков-обронцев так и пораженцев – сторонников В.И. Ленина.

Ключевые слова: В.С. Войтinsky, Первая мировая война, антивоенное движение, социал-демократия, сибирские циммервальдисты, сибирская ссылка, большевики, меньшевики, пресса

Для цитирования: Стельмак М.М. «Налетевший ураган смял, временно пригнул к земле силы демократии...»: антивоенная деятельность и взгляды В.С. Войтinskого в сибирской ссылке (1914–1917 гг.) // Известия Лаборатории древних технологий. 2025. Т. 21. № 4. С. 90–102. DOI: [10.21285/2415-8739-2025-4-90-102](https://doi.org/10.21285/2415-8739-2025-4-90-102). EDN: CXZDTO.

History

Original article

“The hurricane that swept over us crushed and temporarily bent the forces of democracy to the ground...”: V.S. Voitinsky's anti-war activities and views in Siberian exile (1914-1917)

Maxim M. Stelmak

Historical Archive of the Omsk Region, Omsk, Russia

Abstract. This article analyzes the anti-war activities of the renowned socio-political figure and revolutionary V.S. Voitinsky during his Siberian exile during World War I. A revolutionary defensist from the spring of 1917 until the Great Russian Revolution of 1917-1922, Voitinsky held anti-war views and, together with his comrades, sought to disseminate them through legal and clandestine means. He disapproved of participation in military-industrial committees and was quite critical of the statements of many Menshevik defensists. Despite government opposition, this work enjoyed some success, in part due to Voitinsky's fame and high

standing in opposition circles. This was particularly evident in his contributions to the publications "Sibirsky Zhurnal" and "Sibirskoye Obozreniye." Despite the authorities' efforts to confiscate the recovered copies, the magazines circulated in various regions of the country and were highly valued by Menshevik émigrés abroad. The importance of these publications was also highly praised by Menshevik leaders such as P.B. Akselrod and Yu.O. Martov. Furthermore, V.S. Voitinsky expounded his views under a pseudonym in legal publications and during public lectures at educational societies (this periodically led to their banning). As a result, the position of V.S. Voitinsky and his associates (known in history as the Siberian Zimmerwaldists) became well known even beyond the country's borders, standing apart from both the Menshevik defenders and the defeatist supporters of V.I. Lenin.

Keywords: V.S. Voitinsky, World War I, anti-war movement, Social-Democracy, Siberian Zimmervaldists, Siberian exile, Bolsheviks, Mensheviks, press

For citation: Stelmak M.M. (2025) "The hurricane that swept over us crushed and temporarily bent the forces of democracy to the ground...": V.S. Voitinsky's anti-war activities and views in Siberian exile (1914-1917). *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 21. No. 4. P. 90-102. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2025-4-90-102. EDN: CXZDТО.

Реакция российской социал-демократии на вступление Российской империи в Первую мировую войну неоднократно освещалась в работах современных отечественных историков. За последние четверть века к этому вопросу в своих трудах обращались многие историки. Деятельность большевиков и меньшевиков в 1914–1917 гг. была затронута в ряде работ, посвященных революционному движению в Сибири (Курусканова, 2002; Макарчук, 2015; Колесник, Тарасов, 2016; Исачкин, 2018; Стельмак, 2023). Отметим, что наиболее полно вопрос об отношении меньшевиков к участию страны в войне разобран в трудах Э.В. Костяева (Костяев, 2003; Костяев, 2011).

Кроме этого, за последнее время исследователи уделили внимание изучению ряда аспектов биографии Владимира Савельевича Войтинского (1885–1960) – известного общественно-политического деятеля, большевика, затем меньшевика, литератора, экономиста, члена исполнкома и бюро исполнкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, комиссара Временного правительства на Северном фронте (Майдачевский, 2008; Майдачевский, 2010а; Майдачевский, 2010б; Троицкий, Троицкая, 2015; Дмитриев, 2016; Костяев, 2021).

Тем не менее отдельного исследования о деятельности В.С. Войтинского в Первую мировую войну во время нахождения в ссылке на данный момент нет. Отметим, что советская историография признавала роль В.С. Войтинского в выпуске в 1914–1915 гг. антивоенных, интернациональных изданий «Сибирский журнал» и «Сибирское обозрение» (Сосновская, 1978. С. 95; Хазиахметов, 1978. С. 140). Но в одной из советских работ В.С. Войтинского обвиняли в том, что с самого начала войны он занимал позицию чистейшего оборончества, социал-шовинизма, славословил о «патриотизме», выступал

за прекращение партийной работы, тянул к предательству рядовых партийных работников (Очерки по истории Иркутской организации КПСС, 1966. С. 173–174). При этом, в этой же книге ниже упоминались издания «Сибирский журнал» и «Сибирское обозрение» целиком как заслуги правильных большевиков (Очерки по истории Иркутской организации КПСС, 1966. С. 177). В указанный период В.С. Войтинский являлся довольно видной фигурой в революционном движении, одним из лидеров группы так называемых сибирских циммервальдистов. Целью данного исследования является анализ его антивоенной деятельности, взглядов и отношения к мировому конфликту от его возникновения и до начала Великой Российской революции 1917–1922 гг. на основе широкого круга опубликованных источников, воспоминаний и материалов прессы.

В 1904 г. В.С. Войтинский поступает на юридический факультет Санкт-Петербургского университета (в 1909 г. выбыл за неуплату). В 1905 г., во время Первой российской революции он вступает в РСДРП, став «одним из наиболее популярных большевистских ораторов на рабочих и студенческих собраниях 1905–1907 гг.» (Костяев, 2021. С. 168). В ноябре 1905 г. произошел первый арест. В 1906 г. была издана его книга «Рынок и цены. Теория потребления рынка и рыночных цен» с предисловием М.И. Туган-Барановского. В 1906–1907 гг. В.С. Войтинский – председатель Петербургского совета безработных, редактор журналов «Хлеб и работа», «Тернии труда» (Дмитриев, 2016. С. 96, 99). Во время Первой российской революции знакомится и работает с В.И. Лениным.

В 1908 г. Одесским военно-окружным судом В.С. Войтинского приговаривают к 4 годам и 8 месяцам каторги. Сначала отбывает наказание в Екате-

ринославе, в 1910 г. его переводят в Александровский каторжный централ. С конца 1912 г. он проживал как политический ссыльный на поселении в с. Жилкино и в Иркутске. Но и находясь в заключении, примерно, с 1910 г., писал произведения об условиях содержания, атмосфере тюрем, которые публиковались на страницах известных журналов (Майдачевский, 2008. С. 62). Они были изданы в 1914 г. отдельным сборником «Вне жизни» и, по выражению В.Б. Станка, стали одним из самых поучительных документов, рисующих состояние тюрем в России в начале XX в. (Станка, 1960. С. 239). Уже в ссылке большевик В.С. Войтинский стал причислять себя скорее к внефракционным социал-демократам. Негативно воспринял раскол социал-демократической фракции IV Государственной думы на большевиков и меньшевиков. В конце 1913 г. написал статью с осуждением данного события в «Правду», но она не была опубликована. Вскоре В.И. Ленин написал В.С. Войтинскому письмо с критикой данной статьи (Костяев, 2021. С. 168).

В ссылке В.С. Войтинский близко подружился с меньшевиком И.Г. Церетели. Общался с Н.А. Рожковым, а также с оказавшимися в Сибири за свою антивоенную, интернациональную позицию революционерами Ф.И. Даном и Б.И. Николаевским (Фельштинский, Чернявский, 2012. С. 80). Отметим, что с началом Первой мировой войны российское революционное движение (социал-демократы, эсеры, анархисты) раскололись на поддерживающих войну (оборонцев) и ее противников. Среди последних следует выделить группу интернационалистов (к которой принадлежал В.С. Войтинский), выступающих против войны за «мир без аннексий и контрибуций» и сторонников В.И. Ленина – пораженцев, идя в своих выступлениях против войны дальше и выступая за ее превращение из империалистической в гражданскую.

Выход В.С. Войтинского на поселение совпал с некоторой оттепелью в губернии в связи с недавним назначением иркутским генерал-губернатором Л.М. Князева. В связи с этим в 1915 г. в Иркутске вышла в свет совместная солидная работа В.С. Войтинского и А.Я. Горнштейна «Евреи в Иркутске» (Войтинский, Горнштейн, 2021). Кроме описания юридического и экономического положения евреев в городе, авторы уделили внимание и разоблачению антисемитских стереотипов (Майдачев-

ский, 2010а. С. 169). До сих пор это издание не потеряло ценности (Владимирски, Кротова, 2020. С. 10). Много внимания в своих статьях и выступлениях в данный период уделял вопросам оказания помощи беженцам. Являлся, по сути, неформальным лидером и руководителем Трудовой комиссии, созданной в августе 1915 г. при Иркутском комитете Всероссийского союза городов (Майдачевский, 2010а. С. 171). В.С. Войтинского волновала судьба края, в котором он оказался, как и многих ссыльных (Яковчук, 2024. С. 52). По своему он старался внести вместе с соратниками вклад в улучшение условий жизни (Петин, 2017). Тем более что порожденный политической нестабильностью общероссийский кризис всех сфер, стремительно возраставший в 1914–1917 гг., дезорганизовал, а в ряде случаев и разрушил отлаженные за годы торговые и хозяйствственные связи (Гермизеева, Петин, 2022. С. 122).

Кроме этого, в период Первой мировой войны он стал заметной и известной фигурой среди ссыльных. Вел переписку с Е.М. Ярославским (Ярославский, 1927. С. 29). Принимал участие в издании газеты «Иркутское слово» (Badcock, 2016. Р. 87). Ссыльный эсер А.Н. Кругликов так характеризовал В.С. Войтинского в письме от 28 декабря 1914 г.: «Это мой близкий друг, чрезвычайно ко мне привязанный, которому я плачу той же монетой. Это Владимир Войтинский, личность в революционных и литературных кругах довольно известная. Он – автор многих научных статей, публицистических и художественных произведений, печатавшихся в разное время в наших толстых журналах» (Квакин, Маяковская, 2013. С. 168). Известный иркутский общественно-политический деятель И.И. Серебренников хоть и характеризовал В.С. Войтинского нелестно, но признавал, что это «неистовый эсдек», литератор на все руки, пользующийся большой популярности в рядах ссылки (Майдачевский, 2008. С. 83). Ссыльный большевик П.А. Коваленко, прибывший в Иркутск весной 1915 г., в написанных в 1930-е гг. воспоминаниях хоть и называл В.С. Войтинского ренегатом, признавал, что РСДРП в городе находилась под его сильным влиянием (Коваленко, 1934. С. 195).

Вскоре после начала Великой Российской революции В.С. Войтинский в начале апреля 1917 г. пребывает в Петроград, окончательно перестает считать себя большевиком, переходит к меньшевикам и занимает позицию революционного оборончества

(Войтинский, 1999. С. 8). В течение следующих месяцев он являлся членом Бюро Исполнительного комитета Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, по спискам меньшевистской фракции был избран членом Всероссийского центрального исполнительного комитета Советов, а затем – Бюро ВЦИК (Костяев, 2021. С. 169). В середине июля 1917 г. назначен помощником комиссара Временного правительства на Северном фронте, с начала октября 1917 г. становится комиссаром фронта. После прихода большевиков к власти готовил корпус генерала П.Н. Краснова к походу на Петроград. В ноябре 1917 г. арестован в Гатчине, но вскоре при содействии М. Горького был освобожден и в январе 1918 г. уехал в Грузию (Ли, 2019. С. 64). Являлся представителем Грузии в западных странах. После вторжения Красной армии в Грузию в 1921 г. переехал в Германию, сотрудничал в журнале «Социалистический вестник». В 1922 г. написал брошюру в защиту эсеров, над которыми в Советской России проходил сфабрикованный судебный процесс (Морозов, 2005. С. 84). С 1935 г. в США. Издал ряд капитальных трудов по экономике, являлся фактическим советником президента США Ф. Рузвельта по вопросам трудовых отношений, был активным сторонником его «нового курса», государственного регулирования рыночной экономики (Костяев, 2021. С. 171).

Как сам позднее вспоминал В.С. Войтинский, начало Первой мировой войны застало его в экспедиции в тайге. В 20-х числах августа 1914 г. он прибыл в Якутск, где все кругом говорили о войне (Войтинский, 1924. С. 390). Несколько дней спустя у р. Лены ему приходилось наблюдать картины мобилизации и проводов призванных. По его замечанию, если в европейских губерниях Российской империи население восприняло новость о начале войны криками «Ура», то в Сибири ее встречали проклятьями. По возвращении в Иркутскую губернию он встретился для обсуждения положения дел со своими соратниками, включая И.Г. Церетели и Н.А. Рожкова. По замечанию Войтинского, все разговоры, как и в якутской ссылке, вращались вокруг вопроса о войне. Но особенностью иркутской ссылки в данной период явилось то, что вопросы ставились в плоскости тактических задач, встающих перед международным социалистическим движением (Войтинский, 1924. С. 391). Основная заслуга в подобной постановке вопроса принадлежала И.Г. Церетели, стре-

мившегося найти в газетах указания о позициях в отношении войны среди социалистов западных стран. Сам В.С. Войтинский признавал, что в связи с цензурой со стороны иностранных и российских властей в данный период до политических сильных Иркутской губернии не доходили никакие сведения о социалистах с антивоенной позицией. И.Г. Церетели считал, что люди с подобными взглядами существуют, выражая надежду, что они превратятся из партийной оппозиции в большинство и спасут, таким образом II-й интернационал.

Согласно воспоминаниям В.С. Войтинского, в первые месяцы войны он был ее решительным противником, возмущался манифестациям казенного патриотизма, проповедью ненависти к немцам. Основной задачей российских социалистов, по его мнению, являлась антивоенная пропаганда. В то же время он хотел попасть на фронт для ближайшего ознакомления с «ликом войны» и для агитации в пользу мира. В.С. Войтинский серьезно думал пойти для этого добровольцем на фронт, но отказался, поскольку в таком случае, как ссылнопоселенец, должен был подать обращение Николаю II (Войтинский, 1924. С. 391). С критикой И.Г. Церетели в отношении социалистов западных стран, поддерживающих войну, В.С. Войтинский не соглашался. Их ошибкам он старался дать следующее объяснение: «Все правы, так как всем кажется, что они защищаются» (Войтинский, 1924. С. 391).

Кроме этого, в указанный момент времени, В.С. Войтинский придерживался формулы, названной им «патриотический интернационализм». Социалисты должны выступить в Российской империи под флагом патриотизма, не боясь этого дискредитированного черносотенцами слова. По его мнению: «Нужно, исходя из интересов русского народа, доказывать, что война, при любом исходе, означает для него великое бедствие, и на этом основании вести агитацию за мир» (Войтинский, 1924. С. 392). Позднее В.С. Войтинский пришел к выводу, что выступая за активную антивоенную политику социалистов в каждой отдельной стране, недооценил необходимость международной подготовки условий для такой политики. Соединение В.С. Войтинским терминов «интернационализма» и «патриотизма» И.Г. Церетели со своими соратниками посчитал неудачным.

Стараясь развить свои идеи и найти поддержку В.С. Войтинский решил написать М. Горькому (с ко-

торым состоял в переписке примерно с мая – июня 1914 г.). В письме, датируемым серединой сентября 1914 г. В.С. Войтинский писал: «Я считаю, что мы обязаны высказаться, наконец, относительно войны. Молчать с нашей стороны преступление. Нашего слова ждут. Наше слово будет услышано и вольет новую струю в общественные отношения» (Примочкина, 1988. С. 917). В письме он выражал крайнее сожаление, что высказались все «кроме нас» (судя по всему, он имел в виду социал-демократов с антивоенными воззрениями). Негодовал, что случайную фразу Г.В. Плеханова превратили в проповедь крестового похода против немцев. Крайне резко В.С. Войтинский высказался в отношении меньшевика И.И. Козьмодемьянского. Бывший депутат II-й Государственной думы после ее распуска оказался в эмиграции. В 1914 г., поддержал войну, несмотря на угрозу ареста, выехал в Россию и изъявил желание вступить в ряды армии добровольцем. Владимир Савельевич сожалел, что мнение И.И. Козьмодемьянского преподносят в качестве позиции всех социал-демократов (Примочкина, 1988. С. 917).

В конце письма он подчеркивал: «Я считаю, что мы можем высказаться в рамках строгой цензурности. О чем нельзя говорить, о том будем молчать. Но выступим против заливающей мир волны одичания, против пропитавшей всю печать психологии каннибалов. Выясним свое отношение к грядущим революциям в Германии, Австрии и, может быть, в других странах. Выясним, что именно международному пролетариату предстоит спасти человечество. А главное – будем бичевать ту растленную ложь, которая увеличивает систематически одичание общества, сгущает ненависть, ослепляет разум. Чувствую, что мы обязаны это сказать, что не сказать всего этого в такое время – значит опозорить себя, опустить знамя в решительный час. Но не знаю, как (в смысле техническом) оборудовать все это» (Примочкина, 1988. С. 918). В связи с этим он делился замыслами написать памфлет «О войне», над которым уже работал в данный момент. В нем он собирался уделить внимание, в том числе, тяжелому положению печати из-за цензуры, натравливанию в прессе, тяжелых последствиях из-за войны в связи с разрушением материальной и моральной культуры. Отметим, что во многом пророчески он собирался уделить в брошюре внимание невозможности окончательного разгрома Германии и абсурдности и кошмарности идеи, что ее поражение

станет залогом прочного мира. Спасение мира виделось ему в действиях пролетариата и демократии (Примочкина, 1988. С. 918).

В своих воспоминаниях В.С. Войтинский называл упомянутую задуманную брошюру уже под названием «В дни мирового пожара». По его признанию она не удалась, поскольку не хватало научного анализа причин мирового конфликта, и отсутствовали живые краски в изображении ужасов войны. Тем не менее иркутским соратникам она понравилась, хоть И.Г. Церетели не разделял их мнения. После переработки брошюру отправили для издания в Петроград, но военная цензура задержала ее выход (Войтинский, 1924. С. 393). История с брошюрой получила продолжение в 1917 г. В Международном институте социальной истории в Амстердаме на хранении находятся рукописи черновиков воспоминаний В.С. Войтинского. В одном из не вошедших в издание фрагментов можно узнать, что в брошюре Владимир Савельевич пытался донести мысль об абсурдности утверждения скорейшего окончания войны, поскольку ни та, ни другая сторона не смогут быстро одолеть противников. Хоть и в 1914 г. она и не вышла, но уже тогда нашла одного читателя. Уже в 1917 г., будучи комиссаром, он часто общался с генералом В.Г. Болдыревым. Последний откровенно сообщил ему: «Это проклятая война не только Россию погубит, от нее и другим странам не будет пользы». В начале войны В.Г. Болдырев был военный цензором и получил от коллеги брошюру В.С. Войтинского. Цензор признался, что данную работу пропустить невозможно, но генералу она будет интересна. В.Г. Болдырев прочел ее полностью и во много согласился с автором. По его словам, содержание надолго засело в голове. На вопрос В.С. Войтинского генерал признался, что фамилия автора так и осталась неизвестной. Но название он запомнил – «В дни мирового пожара» (Международный институт социальной истории. Л. 109–110)¹.

Но уже вскоре, примерно в сентябре – октябре 1914 г. В.С. Войтинский и И.Г. Церетели пришли к выводу о необходимости издать вместе с единомышленниками сборник статей, дающий ответ на поставленные войной вопросы. Сборник решили

¹ Международный институт социальной истории (Амстердам). Бумаги Владимира Савельевича Войтинского. Бумаги. Рукописи.

выпустить в форме журнала, заранее понимая, что после выхода он будет конфискован и закрыт властями. В тот момент у них уже было готовое разрешение на выпуск еженедельного «Сибирского журнала», взятое на имя партийной работницы И.Ф. Тарадановой, выразившей готовность сесть за выход антивоенного издания в тюрьму. Параллельно В.С. Войтинский продолжал нелегально выступать, стараясь донести антивоенную позицию. В начале ноября 1914 г. в письме М. Горькому им сообщалось, что среди сибирских рабочих нет шовинистических настроений. Во время выступлений перед многочисленной смешанной аудиторией он лишь раз встретил резкое возражение, но публика оказалась на его стороне. В том же письме он просил М. Горького прислать для «Сибирского журнала» рассказ, очерк или заметку. Но, в силу различных причин, писатель не дал материал (Примочкина, 1988. С. 924–925). В редакцию «Сибирского журнала» вошли В.С. Войтинский, И.Г. Церетели, Н.А. Рожков. Но последний вскоре уехал в Читу. Ряд сибирских социал-демократов опубликовал в нем свои статьи. Также на В.С. Войтинском лежала организация издания и литературное редактирование (Войтинский, 1924. С. 396).

В эмиграции В.С. Войтинский отмечал, что среди шовинистических завываний журнал подымал знамя борьбы с войной. «Сибирский журнал» обращался к пролетариату, считая его силой, способной спасти человечество от хаоса империализма. Все авторы и сотрудники «Сибирского журнала» поддерживали II-й Интернационал, были против его распуска, хоть и признавали ошибки его членов. Программа журнала соответствовала господствовавшим среди социал-демократической ссылки антивоенным настроениям. В.С. Войтинский подчеркивал, что в журнале данные получили теоретическое обоснование. Антивоенные лозунги, интернационализм резко отделялись от «пораженчества» (Войтинский, 1924. С. 396). Вышедший 10 декабря 1914 г. журнал имел большой успех в Российской империи и среди социал-демократической эмиграции. Редактор-издательница И.Ф. Тараданова была арестована, часть тиража, который жандармам удалось найти, конфисковали. В письме от 19 декабря 1914 г. М. Горькому В.С. Войтинский сообщал об этом, хоть журнал готовили «приноровляясь к цензуре» и никто не упрекал издание в недостатке пат-

риотизма. В том же письме В.С. Войтинский отрицательно оценивал статьи меньшевика-оборонца Н.И. Иорданского (Примочкина, 1988. С. 929).

В.С. Войтинский написал для журнала передовую «Наши задачи», статью «Все против всех» под псевдонимом И. Новицкий и ещё несколько заметок. В передовой им подчеркивалось, что война внесла глубокое потрясение в хозяйственную и общественную жизнь Сибири. Военным и мирным вопросам необходимо трезвое и беспристрастное освещение, которое трудно выдержать органам печати, «выходящим в непосредственной близости от опустошаемых военной бурей областей» (Войтинский, 1914. С. 1). В передовой он призывал к взвешенному анализу событий, несмотря на страшное и жестокое время. Строго проверенные факты, освещенные не заревом военных пожаров, а «факелом научного исследования» будут соответствовать интересам демократии (Войтинский, 1914. С. 1).

В статье «Все против всех» им рассматриваются причины соперничества на международной арене стран, вовлеченных в войну. В конце он приходит к выводу, что охватить одним понятием противоположные интересы, переплетающиеся в последних войнах, просто невозможно. По его словам: «Это не борьба цивилизации с варварством, прогресса с застоем. Это не борьба рас, не борьба племен, не борьба идей. Это чудовищная мировая катастрофа, к которой привело нас нарастание и обострение противоречий десятков государств» (Новицкий, 1914. Ст. 17). Причина войны объяснялась законами капиталистического общества. В итоге: «Естественные, длительные взаимоотношения между государствами складываются здесь либо в виде эксплуатации слабого сильным, либо в виде взаимной ненависти столкнувшихся хищников» (Новицкий, 1914. Ст. 19). Внутри прежних коалиций отношения становятся все сложнее. И пророчески не исключалось, что в скромом будущем Болгария может начать воевать на стороне Германии, а Италия на стороне Антанты против прежних союзников. Будущее должно показать, приведет ли завершение нынешней войны к прочному миру. Но если нынешние политические экономические системы не смогут стать гарантией мира, человечеству придется искать иные пути (Новицкий, 1914. Ст. 20).

1 января 1915 г. В.С. Войтинский вместе с соратниками – авторами статей «Сибирского журнала»

выпустили новый журнал «Сибирское обозрение». Из новых авторов статью прислал Ф.И. Дан. По признанию В.С. Войтинского, впечатление читателей было менее ярким по сравнению с «Сибирским журналом» (Войтинский, 1924. С. 396). Власти аналогично конфисковали то, что удалось найти из тиража. Редактор-издательница Е.С. Ромас была арестована. В.С. Войтинский опубликовал в журнале довольно большую статью «Воюющая Россия». Она начиналась с описания ряда общественно-политических деятелей, занявших провоенную, казенную позицию. Далее автор критиковал германофобию, трактовку войны как освобождение России «от немецкого засилья». В одной из частей статьи им приводились слова депутата Государственной думы меньшевика В.И. Хаустова. В.С. Войтинский отмечал, что пропагандируемый тезис о полном единении в стране ложный. Но голос демократии в расчет не принимается. При этом: «И эта Россия безмолвствует... . Слева встретила она войну, как «страшное небывалое бедствие» – по словам прочитанной Хаустовым декларации. Справа она принимает войну, как навязанное ей чужое, тяжелое дело – «спокойно и безропотно», по формуле Государственного Совета, «без упрека», по словам Маркова 2-го. Буржуазия спешит закрепить свое единение с дворянскими кругами, единение, основанное на признании ею империалистических задач задачами всей России» (Новицкий, 1915. Ст. 34).

«Сибирский журнал» и «Сибирское обозрение» получили широкое распространение среди ссыльных Нижнеилимска, Рыбинска, Красноярска, Туруханска, Манзурки, Черемхова. О журналах хорошо знали в других городах и за границей. Экземпляры журнала были обнаружены при обыске у членов «Союза сибирских рабочих». В перехваченном жандармами письме из Иркутска в Одессу сообщалось: «Думаю, что со многим в журнале вы будете не согласны, но все же в такое время и это клад для читателей и рассуждающей публики. Говорят, некоторые статьи произвели впечатление в кругах» (Сосновская, 1978. С. 107–108). Положительную оценку дал журналам Я.М. Свердлов (Хазиахметов, 1978. С. 140). Ссыльная большевичка Е.Д. Стасова пересыпала в З приема в своих письмах выписки из «Сибирского обозрения» (Левин, 1922. С. 212). Историк А.П. Ненароков отмечал, что оба иркутских журнала за короткое время стали известны не только во всех

сибирских центрах политической ссылки, но и в центральных и окраинных губерниях России и за ее рубежом (Ненароков, 2017. С. 176).

Один из лидеров меньшевиков Ю.О. Мартов уже в конце февраля 1915 г. высоко оценивал статьи «Сибирского журнала», особенно выделяя работы В.С. Войтинского и И.Г. Церетели. «Мы не знаем, удалось ли издателям этого органа продолжить свое издание, первый номер которого является светлой точкой среди серой русской периодической прессы наших дней. Да и одной ли русской? В социалистической печати других, кроме России, воюющих стран мы также немного найдем изданий, с такой ясностью и решительностью, выразивших социалистическую точку зрения на войну, как это сделал орган сибирских товарищей». «Появление «Сибирского журнала» дает нам лишнее основание утверждать, что коллективное мнение российской социал-демократии, получив возможность высказаться, не присоединится к новомодному социал-патриотизму и не сделает ему ни одной существенной уступки» (Мартов Ю.О. Сибирские марксисты о войне // Наше слово (г. Париж). 1915. 26 февраля. С. 1–2). В письме Ф.И. Дану от 9 февраля 1915 г. Ю.О. Мартов сообщал, что П.Б. Аксельрод «почти прыгал от удовольствия» при чтении «Сибирского журнала». В письме Ф.И. Дану от 11 марта 1915 г. Ю.О. Мартов сообщал уже о получении «Сибирского обозрения», который понравился ему еще больше предыдущего и подчеркивал: «Это почти историческое событие, что такие журналы появились у нас в такое проклятое время» (Урилов, 2008. С. 312). В начале 1915 г. В.С. Войтинский был запечатлен с «Сибирским обозрением» на фотографии (рис. 1).

Вскоре после выхода «Сибирского обозрения» В.С. Войтинский с соратниками стал готовить выпуск третьего антивоенного сборника. И.Г. Церетели и Ф.И. Дан готовили свои статьи. К участию удалось привлечь и оказавшегося в иркутской ссылке Л.М. Карабана (на тот момент меньшевик, межрайонец). Сам Войтинский писал статью о внутренней жизни участников в войне государств. В ней он доказывал, что война, при всех условиях, означает глубокую социальную и политическую реакцию. Сборник планировали выпустить не позже февраля 1915 г., но в итоге решили отложить. По словам В.С. Войтинского, не хотелось повторять тезисы двух предыдущих сборников. Необ-

ходимо было осветить новые вопросы (Войтинский, 1924. С. 396).

Пока накапливался новый материал, В.С. Войтинский вел переговоры с типографиями, искал редактора. Но теперь все опасались сотрудничать с социал-демократами из-за угрозы ареста. Планировалось перенести издание в Читу, но это осуществить не удалось. Секретные сотрудники жандармерии аналогично сообщали о намерении социал-демократов издать третий сборник. Согласно агентурным данным, 3 июля 1915 г. состоялось собрание лидеров иркутской организации РСДРП на котором присутствовал и В.С. Войтинский (назван в документе лидером социал-демократов-литераторов, живущих в с. Усолье). На нем он рассказывал о намерении издать новый сборник и просил о финансовой поддержке для издания и для оплаты редактору за его возможное пребывание в тюрьме (Левин, 1922. С. 212). При этом, по данным исследователя А.А. Липкина, третий сборник «Сибирское слово» был подготовлен, но выпуску помешал призыв ответственного редактора в армию (Липкин, 1926. С. 96).

В конце лета сам В.С. Войтинский был арестован жандармами за литературную деятельность и находился в тюрьме с 17 августа по 25 сентября 1915 г. Н.Н. Примочкина, цитируя документы Департамента полиции, указывает, что при предшествующем аресту обыске у В.С. Войтinskого жандармы обнаружили «рукописи и брошюры явно преступного характера, восстанавливающие население против правительства и войны». В письме М. Горькому от 2 октября 1915 г. Войтинский сообщал, что его намеривались приговорить к 2 годам тюрьмы, но спасло вмешательство генерал-губернатора Л.М. Князева, и он снова оказался, хоть и снова в положении ссыльного, но вне тюрьмы (Примочкина, 1988. С. 930–931).

В итоге третий сборник так и не был издан. Но часть подготовленного материала удалось опубликовать в самарской газете социал-демократов-интернационалистов «Наш голос». В.С. Войтинский вспоминал, что туда отправлял статьи И.Г. Церетели, сам Владимир Савельевич поместил в «Нашем голосе» примерно 2 статьи. Далее Войтинский постарался перенести литературную деятельность, направленную против войны, на страницы петроградского «Современника», куда его звал меньшевик Н.Н. Суханов (Войтинский, 1924. С. 398). Но его

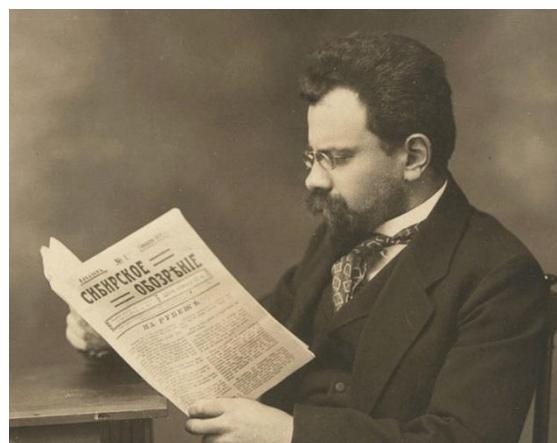

Рис. 1. В.С. Войтинский за чтением «Сибирского обозрения», 1915 г. Государственный музей истории Санкт-Петербурга. 47275833

Fig. 1. V.S. Voitinsky reads the "Siberian Review", 1915. State Museum of the History of Saint Petersburg. 47275833

довольно объемная статья «Заколдованный круг» была задержана военной цензурой. Отметим, что Н.Н. Суханов, встретивший В.С. Войтinskого в марте 1917 г. в Петрограде, описывал его как человека, некогда известного всему рабочему Питеру, образованного экономиста, хорошего митингового оратора, вскоре ставшего крупной силой революции. Кроме этого, он указывал, как до революции в переписке Войтinskого высказал очень лестные комплименты об одной антивоенной брошюре Суханова (Суханов, 1922. С. 291). Примерно в это же время Войтinskий получил письмо от В.Л. Бурцева с предложением принять участие в некой кампании по выражению патриотических чувств среди политических ссыльных и каторжан. По мнению Бурцева, проявление патриотизма среди революционеров должно было не только вдохнуть мужество в армию, но и побудить правительство объявить амнистию. Войтinskий ответил отказом, но Бурцев не отстал. Как вспоминал Войтinskий: «Пришлось в довольно решительной форме объяснить ему, насколько чуждо и враждебно мне его ура-патриотическое настроение» (Войтinskий, 1924. С. 398).

Зимой 1915–1916 гг. В.С. Войтinskий работал над серией «Писем о войне», помещаемых в газете «Забайкальское обозрение». Там же 29 февраля 1916 г. была опубликована его статья. В ней он подвергал критике депутатов Государственной думы меньшевиков-оборонцев А.Ф. Бурьянова и И.Н. Манькова за их выступление против Циммервальдской конференции. Их поступок он назвал

«ударом в спину». За публикацию статьи В.С. Войтинского газета была закрыта (Большевистская печать и ее роль..., 1984. С. 202). Вероятно, Владимир Савельевич отошел от «эзопова языка», в порыве называя вещи своими именами. Примерно об этом в письме от 3 декабря 1915 г. ему сообщал М. Горький. Писатель объяснял, что, к большому сожалению, статью Войтинского для «Летописи» не пропустят цензура. Причем неприемлемое для цензуры касается ее лучших мест. Например, об отношении сибиряков к военнопленным и критике лиц, подобных рабочему, революционеру, писателю А.П. Бибику, занявшему оборонческую позицию (Примочкина, 1988. С. 935).

В начале 1915 г. В.С. Войтинскому удалось найти еще одно место для выражения своих взглядов на войну. Еще в 1913 г. в Иркутске было открыто рабочее просветительское общество «Знание». Обычно собирались 100–150 рабочих, иногда больше. Для маскировки вечеринки открывались литературно-музыкальными программами с танцами. Далее говорили о политике, войне, Интернационале. Войтинский являлся одним из постоянных ораторов. Несколько раз ему пытались оппонировать и местные обронцы, но не имели успеха у публики. Это касалось и непримиримых большевиков, считавших мнения авторов «Сибирского журнала» и «Сибирского обозрения» недостаточно революционными. Это подтверждается и воспоминаниями меньшевика Б.И. Николаевского, указывающего, что группа сибирских циммервальдистов пользовалась большой популярностью и была одинаково «далека и от обрончества, и от ленинского пораженчества» (Костяев, 2003. С. 75). В конце 1915 г. «Знание» было закрыто полицией (Войтинский, 1924. С. 399–400).

В своих воспоминаниях В.С. Войтинским отмечалось, что в 1915–1916 гг. ссыльные социал-демократы активно, в духе интернационализма, вели работу в обществах помощи беженцам. Ими подчеркивалось, что помочь жертвам войны ничего общего не имеет с поддержкой военной политики правительства. С удовлетворением он сообщал, что ссыльному эсеру А.Р. Гоцу удалось открыть в газете «Сибирь» «кампанию против шовинистического угаря, стремясь привить читателям здравый взгляд на войну, как на великое безумие и великое бедствие» (Войтинский, 1924. С. 404). При этом в связи с войной увеличилось влияние кооперативов, в которых,

благодаря сильным, господствовали радикальные настроения с уклоном в интернационализм. В Иркутске, несмотря на усилия кадетов и других сторонников войны, не было военного воодушевления. Скорее в обывательской среде были пораженческие настроения. Известия об отступлении Русской императорской армии встречали почти со злорадством. Среди иркутских рабочих антивоенные настроения проявлялись особенно резко (Войтинский, 1924. С. 405).

В 1915 г. в иркутском музее состоялась выставка военной литературы, лубочных картинок, трофеев. Ее организовал И.И. Серебренников, просивший В.С. Войтинского оказать помощь в переводе с английского и французского языков. Владимир Савельевич предложил пополнить выставку диаграммами. И.И. Серебренников подготовил диаграммы, показывающие, что страны Антанты гораздо сильнее Германии. В.С. Войтинский подготовил антивоенные диаграммы, показывающие разорительность и бесплодность войны. Солдаты собирались именно у диаграмм Владимира Савельевича. Он подходил к ним, объяснял. Его слушали с пристальным вниманием, благодарили, после чего жаловались: «А нашего то брата кругом дурачат...» (Войтинский, 1924. С. 405).

Накануне революции, описывая настроения, Владимир Савельевич акцентировал внимание на глубокой разнице между восприятием событий в столице и в Иркутске: «Там, в Петрограде, все велось под лозунгом войны; против правительства и придворной камарильи выдвигалось обвинение в неумении и нежелании довести войну до победного конца. А мы главное преступление правительства видели в том, что оно втянуло Россию в войну, для нас основным требованием было заключение мира» (Войтинский, 1924. С. 407). В письме М. Горькому от 8 мая 1916 г. он сообщал, что в иркутской ссылке в восхищении от «Летописи», особенно от сотрудников «Темный» и «Старец». Владимир Савельевич имел ввиду 2 статьи, в которых позиция Г.В. Плеханова и меньшевиков-оборонцев подвергалась критике, но авторы делали вид, будто являются людьми правых, консервативных взглядов, поэтому цензура пропустила их в печать (Примочкина, 1988. С. 938–939). Учитывая глубокий и серьезной интерес В.С. Войтинского к войне можно поставить под сомнение слова оказавшегося в 1916 г. в ссылке в Иркутске большевика В.П. Антонова-

Саратовского. По его словам, вскоре он встретился с Владимиром Савельевичем, который просил у него в крайне требовательном тоне назвать точную дату окончания войны (Антонов-Саратовский, 1925. С. 59).

Взгляды В.С. Войтинского отразились и на его скептическом восприятии деятельности военно-промышленных комитетов (вызвавшим раскол и среди меньшевиков). В связи с арестом в конце января 1917 г. в Петрограде Рабочей группы Центрального военно-промышленного комитета Владимир Савельевич вспоминал: «Было много разговоров по поводу этой новости. Но деятельность рабочей группы не встречала сочувствия среди политических ссыльных: в нашем кругу преобладали интернационалистские (циммервальдские) настроения, идея организации рабочих в царской России под флагом «работы на оборону» представлялась нам в корне ошибочной и вредной. Поэтому в аресте группы большинство склонно было видеть, прежде всего, не лишенное комизма крушение чересчур хитроумной тактики» (Костяев, 2003. С. 75).

Таким образом, можно прийти к выводу, что с самого начала Первой мировой войны В.С. Войтинский сразу активно откликнулся на происходящие события. Изначально для него была непримлема правительственная агитация, нарастающая германофobia. С сожалением отмечал, что противники войны лишены возможности высказаться, а в официальной прессе представлена лишь точка зрения сторонников. Остро реагировал на слова соратников, оказавшихся в лагере оборонцев. При этом, на его взгляд, в сибирском регионе население была настроено к военным действиям гораздо менее восторженно, чем в европейской части страны. В.С. Войтинский

стремился использовать все возможности высказать свое мнение, включая легальные и нелегальные. Формы были довольно разнообразные, включавшие в себя как статьи для газет и журналов, так и выступления перед публикой. К его словам прислушивались, поскольку среди ссыльных Иркутской губернии он обладал достаточно весомым авторитетом. Подготовленные вместе с соратниками номера «Сибирского журнала» и «Сибирского обозрения» получили положительные отзывы в разных регионах империи и за границей. Высокая оценка была сделана и некоторыми большевиками, с которыми он уже тогда значительно расходился по ряду вопросов.

Стремительный переход в ряды революционных оборонцев с началом Великой Российской революции, по мнению некоторых исследователей, можно считать особой позицией сибирских циммервальдистов. Согласно ей, война может превратиться из империалистической в оборонительную и справедливую в случае смены правительства. В таком случае социалисты должны будут защищать, но именно демократическую Россию от агрессора (Фельштинский, Чернявский, 2012. С. 82). Подобное отмечал и сам В.С. Войтинский в марте 1917 г. в Петрограде на совещании у М. Горького. В тот момент почти все находившиеся там социал-демократы, как и Владимир Савельевич, разделяли убеждение соединить борьбу за демократический мир с политической обороны свободной России (Войтинский, 1999. С. 45). Тем не менее в дореволюционный период позиция и деятельность В.С. Войтинского и его соратников находила широкий отклик, стоя особняком от взглядов революционеров-оборонцев и сторонников В.И. Ленина.

Список источников

Антонов-Саратовский В.П. Под стягом пролетарской борьбы: Отрывки из воспоминаний о работе в Саратове за время с 1915 г. до 1918 г. М.; Л. : Гос. изд-во, 1925. 310 с.

Большевистская печать и её роль в политическом просвещении и организации пролетариата в Сибири (1895–1917 гг.) / Под ред. В.М. Самосудова. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1984. 264 с.

Владимирски И., Кротова М.В. К вопросу изучения сибирского купечества: круг социальных контактов золотопромышленника Якова Фризера // Омский научный вестник. Серия Общество. История. Современность. 2020. Т. 5. № 2. С. 9–15. DOI: 10.25206/2542-0488-2020-5-2-9-15. EDN: CPBXNG.

References

Antonov-Saratovskii (1925) V.P. Under the banner of the proletarian struggle: excerpts from the memories of work in Saratov during the time from 1915 to 1918. Moscow; Leningrad: State Publishing House. 310 p. (In Russ.).

Samosudov V.M. (1984) The Bolshevik seal and its role in political education and the organization of the proletariat in Siberia (1895-1917). Tomsk: Tomsk State University. 264 p. (In Russ.).

Vladimirski I., Krotova M.V. (2020) On the study of the Siberian merchants: the circle of social contacts of the gold miner Yakov Friser. *Omsk Scientific Bulletin. Series: Society. History. Modernity.* Vol. 5. No. 2. P. 9-15. (In Russ.). DOI: 10.25206/2542-0488-2020-5-2-9-15. EDN: CPBXNG.

Войтинский В.С. Наши задачи // Сибирский журнал (Иркутск). 1914. 10 декабря. Ст. 1–2.

Войтинский В.С. Годы побед и поражений. Кн. 2: На ущербе революции: Ч. 1: В строю (1906–1907). Ч. 2: Тюрьма и ссылка (1908–1916). Берлин: Издательство З.И. Гржебина, 1924. 411 с.

Войтинский В.С. 1917-й. Год побед и поражений. М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 1999. 318, [2] с.

Войтинский В.С., Горнштейн А.Я. Евреи в Иркутске. Иркутск: Востсибкнига, 2021. 557, [1] с.

Гермизеева В.В., Петин Д.И. Социально-экономическое развитие Степного края в 1907–1914 гг. в зеркале официальной омской периодики // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 481. С. 114–126. DOI: 10.17223/15617793/481/14. EDN: DANDJY.

Дмитриев А.Л. В.С. Войтинский и математическая школа в политической экономии: первые шаги (к 110-летию издания книги «Рынок и цены») // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2016. № 3. С. 95–108. DOI: 10.21638/11701/spbu05.2016.306. EDN: XDCDCL.

Исачкин С.П. Историография социал-демократический ссылки в Сибирь: Научная монография. Омск: Омский государственный университет путей сообщения, 2018. 168 с. EDN: YANKTB.

Квакин А.В., Маяковская Г.И. Жажда Революции. Saarbrucken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2013. 306 с.

Коваленко П.А. О Союзе сибирских рабочих // Иркутская ссылка: Сборник Иркутского землячества. М.: Изд-во политкаторжан, 1934. С. 194–198.

Колесник Э.Г., Тарасов М.Г. Деятельность партии большевиков в годы Первой мировой войны по воспоминаниям активных участников событий (июль 1914 – февраль 1917 года): монография. Красноярск: СФУ, 2016. 198 с. EDN: YGVVLB.

Костяев Э.В. Отношение социал-демократических членов группы «сибирских циммервальдистов» к Первой мировой войне // Социал-демократия: революция и эволюция. Материалы международной конференции. Омск: Изд-во Омского государственного технического университета, 2003. С. 73–77.

Костяев Э.В. Взгляды Г.В. Плеханова и меньшевиков на проблемы войны и мира в 1914 – феврале 1917 года. Саратов: КУБИК, 2011. 417 с. EDN: QVMNIT.

Костяев Э.В. Войны и революции Владимира Войтинского // Военная история России. Мат-лы XIV Междунар. воен.-истор. конф. Санкт-Петербург, 18 ноября 2021 года: сб. науч. ст. СПб.: Санкт-Петербургское государственное бюджетное учреждение «Центр патриотического воспитания молодежи «Дзержинец», 2021. С. 167–172. EDN: DHCYSD.

Курусканова Н.П. Нелегальные издания сибирских социал-демократов (1901 – февраль 1917 гг.): Монография. Омск: Изд-во ОмГАУ, 2002. 188 с. EDN: DFDFVM.

Voitinskii V.S. (1914) Our tasks. *Siberian Magazine (Irkutsk)*. December 10. P. 1-2. (In Russ.).

Voitinskii V.S. (1924) Years of victories and defeats. Book 2: On the damage of the revolution: Pt. 1: In the ranks (1906-1907). Pt. 2: Prison and Exile (1908-1916). Berlin: Publishing House of Z.I. Grzhebin. 411 p. (In Russ.).

Voitinskii V.S. (1999) 1917. A year of victories and defeats. Moscow: Terra - Book Club. 318, [2] p. (In Russ.).

Voitinskii V.S., Gornschein, A.Ya. (2021) Jews in Irkutsk. Irkutsk: Publishing House “Vostsibkniga”. 557, [1] p. (In Russ.).

Germizeeva V.V., Petin D.I. (2022) Socio-economic development of Stepnoy Krai in 1907-1914 in reviews of the official Omsk press. *Tomsk State University Journal*. No. 481. P. 114-126. (In Russ.). DOI: 10.17223/15617793/481/14. EDN: DANDJY.

Dmitriev A.L. (2016) V.S. Woytinsky and Mathematical School in Political Economy: First Steps (To the 110th Anniversary of the Publication of the Book “Market and Prices”). *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 5. Economics*. No. 3. P. 95-108. (In Russ.). DOI: 10.21638/11701/spbu05.2016.306. EDN: XDCDCL.

Isachkin S.P. (2018) Historiography of social-democratic exile in Siberia: scientific monograph. Omsk: Omsk State University of Railway Engineering. 168 p. (In Russ.).

Kvakin A.V., Mayakovskaya G.I. (2013) The thirst for revolution. Saarbrucken: LAP LAMBERT Academic Publishing. 306 p. (In Russ.).

Kovalenko P.A. (1934) On the Union of Siberian Workers. *Irkutsk Exile: A Collection of Irkutsk Community*. Moscow: Izd-vo politkatorzhan. P. 194-198. (In Russ.).

Kolesnik E.G. Tarasov M.G. (2016) The activities of the Bolshevik Party during the First World War according to the memoirs of active participants in the events (July 1914 - February 1917): Monograph. Krasnoyarsk: SFU. 198 p. (In Russ.). EDN: YGVVLB.

Kostyaev E.V. (2003) The attitude of the Social Democratic members of the Siberian Zimmervaldists group to the First World War. *Social Democracy: Revolution and Evolution. Materials of the International Conference*. Omsk: Omsk State Technical University. P. 73-77. (In Russ.).

Kostyaev E.V. (2011) The views of G.V. Plekhanov and the Mensheviks for the problems of war and peace in 1914 - February 1917. Saratov: KUBIK. 417 p. (In Russ.). EDN: QVMNIT.

Kostyaev E.V. (2021) Wars and revolutions of Vladimir Voitinsky. *Military History of Russia. Materials of the XIV International Military Historical Conference*. St. Petersburg, November 18, 2021: *Collection of Scientific Articles*. St. Petersburg: St. Petersburg State Budgetary Institution "Center for Patriotic Education of Youth "Dzerzhinets". P. 167-172. (In Russ.). EDN: DHCYSD.

Kuruskanova N.P. (2002) Illegal publications of Siberian Social Democrats (1901-February 1917): Monograph. Omsk: Omsk State Technical University. 188 p. (In Russ.). EDN: DFDFVM.

Левин Ш.М. Социалистическая печать во время империалистической войны // Красный архив. 1922. Т. 2. С. 200–225.

Ли Э. Грузинский эксперимент: забытая революция 1918–1921 гг. / Эрий Ли ; перевод с английского И.А. Рисмухамедова. М.: СПб. : Нестор-История, 2019. 249, [2] с.

Липкин А.А. Провокатор Д.С. Крут // Каторга и ссылка. 1926. № 6 (27). С. 88–114.

Майдачевский Д.Я. История одного исследовательского проекта: В.С. Войтинский, Иркутск, 1915–1917 гг. // Историко-экономические исследования. 2008. Т. 9. № 2. С. 61–84. EDN: RSHGJR.

Майдачевский Д.Я. Сибирские «университеты» В.С. Войтinskого // ЭКО. 2010а. № 11 (437). С. 167–178. EDN: MWFKKP.

Майдачевский Д.Я. Социально ответственный интеллектуал. К 125-летию со дня рождения В.С. Войтinskого // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2010б. № 2. С. 164–174. EDN: NUEZLV.

Макарчук С.В. Первая мировая война и социал-демократическое подполье в Тобольской губернии и Акмолинской области // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 1–1 (61). С. 68–71. EDN: TNKLPB.

Морозов К.Н. Судебный процесс социалистов-революционеров и тюремное противостояние (1922–1926): этика и тактика противоборства. М. : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2005. 736 с. EDN: QWOXNB.

Ненароков А.П. «Сибирские марксисты» об экзамене революцией 1905 года (Продолжение) // Россия XXI. 2017. № 3. С. 168–191. EDN: ZCSDUB.

Новицкий И. Все против всех // Сибирский журнал (Иркутск). 1914. 10 декабря. Ст. 14–20.

Новицкий Н. Воюющая Россия // Сибирское обозрение (Иркутск). 1915. 1 января. Ст. 23–36.

Очерки по истории Иркутской организации КПСС. Иркутск : Восточно-Сибирское книжное издательство, 1966. Часть I (1901–1920 гг.). 382 с.

Петин Д.И. Рецензия на монографию А.Ф. Букина «Вклад политических ссыльных в культуру Западной Сибири (1905–1917)» // Северные Архивы и Экспедиции. 2017. Т. 1. № 1. С. 84–88. EDN: YIEIWX.

Примочкина Н.Н. Переписка с В.С. Войтinskим // Литературное наследство. 1988. Т. 95. С. 907–943. EDN: WWQUBD.

Сосновская Л.П. Участие политических ссыльных в издании «Сибирского журнала» и «Сибирского обозрения» // Ссылка и общественно-политическая жизнь в Сибири, (XVIII – нач. XX в.). Новосибирск : Наука. Сибирское отделение, 1978. С. 92–109.

Станка В.Б. В.С. Войтinskий. Памяти друга // Новый журнал. 1960. Кн. 61. С. 237–251.

Стельмак М.М. «Призывал слушателей стремиться к возможно скорому прекращению войны»: арест омского социал-демократа К.А. Попова в январе 1916 г. // Омский

Levin Sh.M. (1922) Socialist seal during the imperialist war. *Red Archive*. Vol. 2. P. 200-225. (In Russ.).

Lee E. (2019) The Experiment: Georgia's Forgotten Revolution 1918–1921. L: Zed Books, 2017. (In Russ.).

Lipkin A.A. (1926) Promotor D.S. Krut. *Hard Labor and Exile*. No. 6 (27). P. 88-114. (In Russ.).

Maidachevskii D.Ya. (2008) The history of one research project: V.S. Voitinsky, Irkutsk, 1915-1917. *Historical and Economic Research*. Vol. 9. No. 2. P. 61-84. (In Russ.). EDN: RSHGJR.

Maidachevskii D.Ya. (2010a) Siberian "Universities" of V.S. Voitinsky. *EHKO*. No. 11 (437). P. 167-178. (In Russ.). EDN: MWFKKP.

Maidachevskii D.Ya. (2010b) An intellectual with social awareness. Devoted to the 125-th anniversary from the date of V.S. Voytinskii's birth. *Herald of the Irkutsk State University. Series: Political and. Religious Sciences*. No. 2. P. 164-174. (In Russ.). EDN: NUEZLV.

Makarchuk S.V. (2015) World War I and the social democratic underground in Tobolsk province and Akmola region. *Bulletin of Kemerovo State University*. No. 1-1 (61). P. 68-71. (In Russ.). EDN: TNKLPB.

Morozov K.N. (2005) The trial of socialist revolutionaries and prison confrontation (1922-1926): ethics and tactics of confrontation. Moscow: "Russian Political Encyclopedia" (Rossppen). 736 p. (In Russ.). EDN: QWOXNB.

Nevarokov A.P. (2017) "Siberian Marxists" on the examination by the 1905 revolution. *Russia XXI*. No. 3. P. 168-191. (In Russ.). EDN: ZCSDUB.

Novitskii I. (1914) All against all. *Siberian Magazine (Irkutsk)*. December 10. P. 14-20. (In Russ.).

Novitskii N. (1915) The fighting Russia. *Siberian Review (Irkutsk)*. January 1. 1915. P. 23-36. (In Russ.).

(1966) Essays on the history of the Irkutsk organization of the CPSU. Pt. I (1901-1920) (1966). Irkutsk: East Siberian Book Publishing House. 382 p. (In Russ.).

Petin D.I. (2017) Review of the monograph A.F. Bukanin "The Contribution of Political Exiles in the Culture of Western Siberia (1905-1917)". *Northern Archives and Expeditions*. Vol. 1. No. 1. P. 84-88. (In Russ.). EDN: YIEIWX.

Primochkina N.N. (1988) Correspondence from V.S. Voitinsky. *Literary Heritage*. Vol. 95. P. 907-943. (In Russ.). EDN: WWQUBD.

Sosnovskaya L.P. (1978) The participation of political exiles in the publication of the Siberian Journal and Siberian Review. *Exile and socio-political life in Siberia (XVIII - beginning of the 20th century)*. Novosibirsk: Science. Siberian branch. P. 92-109. (In Russ.).

Stanka V.B. (1960) V.S. Voitskii. Memory of a friend. *The New Review*. Book 61. P. 237-251. (In Russ.).

Stelmak M.M. (2023) «I called on the audience to strive for possible simple cessation of the war»: the arrest of Omsk social-democrat K.A. Popov in January 1916. *Omsk Scientific*

научный вестник. Серия Общество. История. Современность. 2023. Т. 8. № 2. С. 37–44. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-2-37-44. EDN: FKPISY.

Суханов Н.Н. Записки о революции. Кн. 2 : Единый фронт демократии, 3 марта – 3 апреля 1917 г. Берлин : З.И. Гржебин, 1922. 421 с.

Троицкий С.А., Троицкая А.А. Письма Надежды Войтинской-Левидовой к Владимиру Войтинскому // Обсерватория культуры. 2015. № 4. С. 76–81. EDN: UJZGXV.

Урилов И.Х. История российской социал-демократии (меньшевизма). Ч. 4: Становление партии. М. : Собрание, 2008. 367 с. EDN: QVLMEZ.

Фельштинский Ю.Г., Чернявский Г.И. Через века и страны: Б.И. Николаевский: Судьба меньшевика, историка, советолога, главного свидетеля эпохальных изменений в жизни России первой половины XX века. М. : Центрполиграф, 2012. 542, [1] с. EDN: QPWBCD.

Хазиахметов Э.Ш. Сибирская политическая ссылка 1905–1917 гг. (облик, организации и революционные связи). Томск : Изд-во Том. ун-та, 1978. 183, [6] с.

Яковчук В.А. Здравоохранение и народная медицина на Тобольском Севере: взгляд политических ссылочных конца XIX в. // Омский научный вестник. Серия Общество. История. Современность. 2024. Т. 9. № 3. С. 48–55. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-3-48-55. EDN: VKDLPI.

Ярославский Ем. Накануне Февральской революции в Якутске // В Якутской неволе. Из истории политической ссылки в Якутской области. М., 1927. С. 25–33.

Badcock S. (2016) A Prison Without Walls? Eastern Siberian Exile in the Last Years of Tsarism. Oxford: Oxford University Press. 214 p.

Информация об авторе

Стельмак Максим Максимович,
кандидат исторических наук, ведущий архивист,
Исторический архив Омской области,
644007, г. Омск, ул. Третьяковская, 1, Россия
e-mail: stelmakmm@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-1329-9481>

Вклад автора

Стельмак М.М. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 13 октября 2025 г.; одобрена после рецензирования 7 ноября 2025 г.; принята к публикации 17 ноября 2025 г.

Bulletin. Series: Society. History. Modernity. Vol. 8. No. 2. P. 37-44. (In Russ.). DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-2-37-44. EDN: FKPISY.

Sukhanov N.N. (1922) Notes about the revolution. Book 2: United Front of Democracy, March 3 – April 3, 1917. Berlin: Publishing House of Z.I. Grzhebin. 421 p. (In Russ.).

Troitskii S.A., Troitskaya A.A. (2015) Letters from Nadezhda Woytinskaya-Levidova to Vladimir Woytinsky. Observatory of Culture. No. 4. P. 76-81. (In Russ.). EDN: UJZGXV.

Urilov I.Kh. (2008) History of Russian Social Democracy (Menshevism). Pt. 4: The formation of the Party. Moscow: Meeting. 367 p. (In Russ.). EDN: QVLMEZ.

Fel'shtinskii Yu.G., Chernyavskii G.I. (2012) Through centuries and countries: B.I. Nikolaevsky: The fate of the Menshevik, historian, sovietologist, main witness of epoch-making changes in the life of Russia in the first half of the 20th century. Moscow: Center Polygraph. 542, [1] p. (In Russ.). EDN: QPWBCD.

Khaziakhmetov E.Sh. (1978) Siberian political exile 1905-1917 (appearance, organization and revolutionary ties). Tomsk: Tomsk State University. 183, [6] p. (In Russ.).

Yakovchuk V.A. (2024) Healthcare and traditional medicine in the Tobolsk North: the view of political exiles of the late 19th century. *Omsk Scientific Bulletin. Series: Society. History. Modernity. Vol. 9. No. 3. P. 48-55. (In Russ.). DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-3-48-55. EDN: VKDLPI.*

Yaroslavskii E.M. (1927) On the eve of the February Revolution in Yakutsk. In *Yakut captivity. From the history of political exile in the Yakut region*. Moscow. P. 25-33. (In Russ.).

Badcock S. (2016) A prison without walls? Eastern Siberian exile in the last years of Tsarism. Oxford: Oxford University Press. 214 p. (In English).

Information about the author

Maksim M. Stelmak,
Cand. Sci. (History), leading archivist,
Historical Archive of Omsk Region,
1, Tret'yakovskaya St., Omsk 644007, Russia,
e-mail: stelmakmm@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-1329-9481>

Contribution of the author

Stelmak M.M. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted October 13, 2025; approved after reviewing November 7, 2025; accepted for publication November 17, 2025.

История

Научная статья
УДК 94(470)
EDN: DIIUVV
DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2025-4-103-116>

О некоторых успешных аспектах действий русской радиоразведки в Первой мировой войне

А.В. Олейников^{1, 2, 3}

¹ Мелитопольский государственный университет, Мелитополь, Россия

² Астраханский государственный технический университет, Астрахань, Россия

³ Международный университет «МИТСО», Гомельский филиал, Гомель, Беларусь

Аннотация. Статья посвящена обзору некоторых достижений и побед русских радиоразведчиков в годы Первой мировой войны. Рассмотрены особенности влияния данных русской радиоразведки на обстановку Восточного фронта Первой мировой. Влияние было весьма ощутимым, имея важное значение не только для тактической, но и для оперативной и даже стратегической обстановки. Статья основана, прежде всего, на документальных материалах, извлеченных из фондов РГВИА, и впервые вводимых в научный оборот. В частности, мы проанализировали Сводки по искровой слежке по Северо-Западному и Юго-Западному фронтам за май – июль 1915 г.; и уже это во многом позволяет составить впечатление о работе радиоразведчиков Русской Императорской Армии. Именно в 1915 г. русское командование начинает уделять радиоразведке особое внимание. В этом году на фронте разворачиваются радиостанции, специально предназначенные для радиоразведки и освобождавшиеся от осуществления связи. Начали активно действовать радиокомпасные станции – определявшие местоположение радиостанций противника. Появились и полевые (в том числе смонтированные на автотранспорте) радиопеленгаторы. Результатом всех этих усилий стали Сводки по искровой слежке, издаваемые по всем фронтам Действующей армии. Эти документы очень показательны: они свидетельствуют о том, каких успехов добилась русская радиоразведка уже в 1915 г. Мы увидим вклад русских радиоразведчиков на некоторые события на Русском фронте Первой мировой войны. Отмечено влияние русской радиоразведки как представителями противника, так и своих. И эти события стали важным за-делом для последующей эпохи.

Ключевые слова: Первая мировая война, Русский фронт, радиоразведка, успехи радиоразведчиков, кампании на Русском фронте Первой мировой войны, боевые операции, Восточная Пруссия, Галиция, Сводки по искровой слежке

Для цитирования: Олейников А.В. О некоторых успешных аспектах действий русской радиоразведки в Первой мировой войне // Известия Лаборатории древних технологий. 2025. Т. 21. № 4. С. 103–116. DOI: 10.21285/2415-8739-2025-4-103-116. EDN: DIIUVV.

History

Original article

On some successful aspects of Russian radio intelligence operations in World War I

Alexey V. Oleynikov^{1, 2, 3}

¹ Melitopol State University, Melitopol, Russia

² Astrakhan State Technical University, Astrakhan, Russia

³ International University “MITSO”, Gomel branch, Gomel, Belarus

Abstract. The article is devoted to the review of some achievements and victories of Russian radio intelligence officers during the years of World War I. The features of the influence of Russian radio intelligence data on the situation on the Eastern Front of World War I are considered. The influence was quite tangible, having an important significance not only for the tactical, but also for the operational and even strategic situation. The article is based primarily on documentary materials obtained from the funds of

the Russian State Military Archives of History and introduced into scientific circulation for the first time. In particular, we analyzed the Spark Surveillance Reports for the Northwestern and Southwestern Fronts for May–July 1915, and this alone, in many ways, allows us to form an impression of the work of the radio intelligence officers of the Russian Imperial Army. It was in 1915 that the Russian command began to devote special attention to radio intelligence. That year, radio stations specifically designed for radio intelligence, freed from communications duties, were deployed at the front. Radio compass stations began to be used actively, locating enemy radio stations. Field direction finders (including those mounted on vehicles) also appeared. The result of all these efforts were the Spark Surveillance Reports, published on all fronts of the Active Army. These documents are highly revealing, demonstrating the successes of Russian radio intelligence as early as 1915. We examine the contribution of Russian radio intelligence to certain events on the Russian Front during World War I. The impact of Russian radio intelligence is explored through the eyes of both enemy and friendly forces. These events laid an important foundation for the subsequent era.

Keywords: World War I, Russian Front, Radio intelligence, successes of radio intelligence, campaigns on the Russian front of World War I, combat operations, East Prussia, Galicia, Spark Surveillance Reports

For citation: Oleynikov A.V. (2025) On some successful aspects of Russian radio intelligence operations in World War I. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 21. No. 4. P. 103-116. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2025-4-103-116. EDN: DIIUVV.

Введение

Огромный успех на результативность боевых операций Первой мировой войны в целом и ее Русского фронта, в частности, оказала радиоразведка, имевшая как свои сильные, так и слабые стороны.

И мы бросим взгляд на некоторые вехи действий русских радиоразведчиков.

Но сначала посмотрим на историографию вопроса.

Так, важны работы применительно к интересующим нас боевым операциям (Вацетис, 1923; Белой, 1929; Головин, 1940; Евсеев, 1936; Коленковский, 1940; Храмов, 1940), а также общему развитию связи, средств связи и радиосвязи русской армии в Первую мировую войну (Абаканович, 1918; Цейтлин, 1923; Ронге, 2004; Масловский, 1933; Косинский, 1928). Также важны работы авторов (Болтунов, 2011; Батюшин, 1931, История развития войск связи, 1980, и др.), в которых дается общий обзор развития радиоразведки, охарактеризовано ее значение в боевых операциях Первой мировой войны. Выходят и современные работы по интересующей нас теме, в том числе автора этой статьи¹.

Ключевое значение традиционно принадлежит источниковой базе (Российский государственный

военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2003; Ф. 2019; Ф. 2144 и др.), а среди документов особое значение имеют документы, извлеченные из фондов РГВИА. Важны и мемуары современников (Хольмсен, 1935; Чеславский, 1937; Шапошников, 1982; Гурко, 2007).

Указанные материалы помогают бросить взгляд на панораму и особенности боевого применения русской радиоразведки в годы Первой мировой войны.

Основная часть

Несмотря на то, что Восточно-Прусская операция 1914 г. в проводимой конфигурации оперативно-тактически была обречена для русских войск на провал, первого успеха русские радиоразведчики добились именно в этот период (рис. 1).

В частности, перехват радиограмм 17-го и 20-го корпусов германской 8-й армии позволил установить наличие главных германских сил на р. Ангерап, что в немалой степени позволило выиграть Гумбиненский бой 7 августа 1914 г., имевший важнейшее значение для исхода всей войны (рис. 2).

И, вследствие крупной неудачи 8-й армии в этом бою, чтобы избежать катастрофы, противнику осталось единственное решение – отступление вновь на Ангерап (Вацетис, 1923. С. 52).

Военно-политическое руководство Германии принимает роковое решение о переброске дополнительных крупных воинских контингентов с Французского фронта в Восточную Пруссию (Hanotaux, 1917. P. 182–183).

¹ Олейников А.В. Залог Победы. О связи, радиоразведке и подслушивании телефонных переговоров в Первую мировую. Ч. 5. Радиоразведка и ее оперативно-стратегическая роль // Битва Гвардии. URL: <https://btgv.ru/history/razvedka/the-key-to-victory-on-communications-radio-intelligence-and-eavesdropping-on-telephone-conversations-in-the-first-world-war-part-5-radio-intelligence-and-its-operational-and-strategic-role/> (дата обращения 03.10.2025).

Рис. 1. В штабе русского корпуса – важное донесение. Полевой телефон с одновременной передачей по телеграфу главнокомандующему. Начальник дивизии у телефона и телеграфа (Нива (Петроград). 1916. № 12. 19 марта. С. 199)
Fig. 1. An important report is being received at the Russian corps headquarters. A field telephone is being used, simultaneously transmitted by telegraph to the commander-in-chief. The division commander is at the telephone and telegraph (Niva (Petrograd). 1916. No. 12. March 19. P. 199)

Рис. 2. Телеграф штаба русской армии (Картины войны : Альбом. Пг. : Изд. Главного управления Генерального Штаба, 1917. Вып. 1. С. 16)
Fig. 2. Telegraph of the Russian Army Headquarters (Pictures of war: Album. Petrograd: Publishing House of the Main Directorate of the General Staff, 1917. Iss. 1. P. 16)

Шеф разведки и контрразведки Двуединой монархии М. Ронге в своей работе отмечал успех австро-венгерских радиоразведчиков в ходе Галицийской битвы и осенних сражений 1914 г. на Галицийском ТВД.

Вместе с тем известный русский контрразведчик генерал Н.С. Батюшин ставил под сомнение успехи австро-венгерских радиоразведчиков именно в Галицийской битве, относя их к более позднему периоду. Так, он писал в своей статье: «На расшифровку неприятельских радиограмм австрийцы обратили внимание еще в 1908 г., когда их военно-морская радиотелеграфная станция начала перехватывать иностранные депеши; богатый материал давало им также и подслушивание по кабелю. Натянутые дипломатические отношения Австро-Венгрии с Сербией, явившиеся результатом австрийского проекта 1908 г. железной дороги через Санджак в Салоники, а затем аннексия Боснии и Герцеговины, дали, по словам генерала Ронге, также богатый материал в смысле подслушивания по телеграфу и телефону и расшифровки полученных депеш.

Но особенно богатый материал для расшифровки дала австрийская военно-морская станция во время Итalo-Турецкой войны 1911–1912 гг., перехватывавшая радиограммы, коими обменивался Рим с действовавшими в Триполитании войсками и флотом. Для обработки этих радиограмм пришлось даже образовать в разведке отдельную особую дешифровальную группу во главе с капитаном резерва Фиглем.

«С глубокой благодарностью, говорит тогдашний Начальник развед. отд., а ныне фельдмаршал-лейтенант в резерве Урбанский фон Остримеч в помещенной в «Militarwissen-schaftliche Mitteilungen» за сентябрь – октябрь 1930 г. своей статье «Отчетное бюро» (Evidenzburo) ав.-венг. ген. штаба – комментарии к труду генерал-майора Ронге – «Kriegs- und Industrie Spionage», я вспоминаю еще и сегодня тот день, когда я мог с гордостью представить Начальнику Ген. Штаба первую расшифрованную капитаном Фигль депешу. После этого первого успеха немедленно же было преступлено к расшифровке русских депеш». Это однако оказалось еще не по зубам австрийцам и они смогли разгадать русский шифр лишь 19 сентября 1914 г., т. е. уже после разгрома их армии в Галиции.

Более посчастливилось им с сербскими шифрами, чему особенно способствовала Балканская война 1912–1913 гг., давшая австрийцам богатый материал и перед Великой еще войной «расшифровка сербских телеграмм не представляла уже никаких затруднений», говорит генерал Ронге. Не этим ли обстоятельством следует объяснить то упорство и несговорчивость, явившиеся, вероятно, следствием большей осведомленности, которые проявляли австрийцы в период натянутых дипломатических отношений с Сербией и Россией, предшествовавших открытию военных действий в 1914 г.

К моменту первого столкновения австро-венгерских армий с русскими Австро-Венгрия, как сказано выше, не обладала еще искусством расшифровывать их радиограммы, т. е. проникать в оперативные соображения своего противника, т. к., по словам генерала Ронге, капитан Покорный разгадал русский шифр лишь 19 сентября, решение же об отступлении австро-венгерцев было принято в Главной Квартире 11 сентября. Таким образом, с 14 августа и по 19 сентября 1914 г., т. е. в период маневренных действий, русские и австро-венгерцы были поставлены, приблизительно, в одинаковые условия ведения боя, ибо должны были основывать свои оперативные соображения на скучных данных войсковой разведки, т. е. при разгадывании боевой обстановки им надлежало проявлять тот военный глязомер, о котором так настойчиво всегда говорил фельдмаршал Суворов. В этом отношении австро-венгерцы экзамена не выдержали, т. к. ни первоначальный успех их 1-й армии у Красника и 4-й у Красностава, ни переброска с Сербского фронта в Галицию 2-й армии не смогли остановить сокрушительного удара 3-й русской армии, окончившегося занятием Львова и победоносным преследованием пятью русскими армиями разбитого противника вплоть до р. Вислоки.

Лишь после того как австро-венгерские армии оказались за этой рекой, начинается период интенсивного подслушивания и расшифровки австрийцами русских радиограмм, что дало им колоссальные преимущества в смысле заблаговременного знания оперативных предположений противника, а это превратило их дальнейшие боевые действия в борьбу в открытую...

Разгром австрийцев в августе – сентябре 1914 г. и отступление их за р. Вислоку вынудили немцев

принять непосредственное участие даже в прикрытии территории Австро-Венгрии, для чего и были переброшены их корпуса из Восточной Пруссии в Силезию, с тем, чтобы затем не дать перегруппировавшимся русским армиям перейти Вислу и спокойно приготовиться к выполнению новой операции. Потери австрийцев были настолько велики, что, например, генерал Людендорф в своих «Воспоминаниях» даже выражает удивление, каким образом могли их 4 армии поместиться на столь небольшом пространстве между Карпатами и Вислой» (Батюшин, 1931. С. 9–10).

Одерживали успехи русские радиоразведчики и на германском фронте.

Так, зимой 1914/1915 гг. был установлен факт переброски германских соединений в Карпаты, так как карпатский фронт требовал усиленной поддержки союзника Австро-Венгрии. Причем австро-германцы успешно использовали факт осведомленности русских для того, чтобы нанести поражение их 10-й армии во Второй Августовской операции – вследствие ослабления этого оперативного объединения на целый корпус, также переброшенный в Карпаты (Ронге, 2004. С. 142).

Стоит отметить и тот факт, что за 10 дней до начала Горлицкого прорыва австро-германцев русские разведчики знали о готовящемся ударе.

Переброска германских корпусов в Галицию в апреле 1915 г. была обнаружена именно радиоразведчиками, отличавшими почерк работы германских радиостанций от австро-венгерских.

В частности, когда немцами было снято 2 корпуса из состава пилицкой группировки (против русской 4-й армии) с целью переброски их к р. Дунайцу, телеграфисты 4-й армии не только обнаружили вывод с фронта этих соединений, но и отметили все пункты их ночлегов. Германцы же не удосужились прикрыть свою переброску, заменив ранее работавшие рации другими в демонстративных целях.

Именно в 1915 г. русское командование начинает уделять радиоразведке особое внимание. В этом году на фронте разворачиваются радиостанции, специально предназначенные для радиоразведки и освобождавшиеся от осуществления связи. Начали активно действовать радиокомпасные станции, определявшие местоположение радиостанций противника. Появились и полевые (в том числе

смонтированные на автотранспорте) радиопеленгаторы (рис. 3).

Результатом всех этих усилий стали Сводки по искровой слежке, издаваемые по всем фронтам действующей армии. Эти документы очень показательно свидетельствуют о том, каких успехов добилась русская радиоразведка уже в 1915 г.

Мы проанализировали сводки по искровой слежке по Северо-Западному и Юго-Западному фронтам за май – июль 1915 г. – и уже это позволяет составить впечатление о работе радиоразведчиков Русской Императорской Армии.

Так, в сводке по Северо-Западному фронту за 9/10 мая 1915 г. (РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1119. Л. 149) отмечалось: «2. Из действовавших до сего времени в районе от Вислы и до крайнего левого фланга противника 19-ти корпусных радиостанций видно только 16. Подразделение их на армии – радиогруппы, по-прежнему, неустойчивое... Здесь определилась только одна радиогруппа (армия) из 9 корпусных радиостанций, а остальные корпусные радиостанции не образуют радиогрупп. Судя по наблюдавшейся здесь ранее группировке и связи, можно предположить, что боевые условия здесь разнятся от прежних, обнаруживая, по-видимому, признаки передвижения штабов. В связи с такой странной радиосвязью обращает на себя внимание усиленный вызов четырьмя радиостанциями, из которых две мощных, одной корпусной радиостанции. Ее местонахождение возможно предположить около Немана. Ответов этой радиостанции не удалось отметить, видимо, она не отвечала... В работе всех радиостанций этого района 9 мая после 12 часов дня было затишье, а с утра 10 мая оживление. По-прежнему часть позывных заменена.

3. Против фронта 2-й и левого фланга 1-й армий замеченная с 5 мая перегруппировка радиостанций противника продолжается и еще не вылилась в определенную форму. Есть основания предполагать на этой части фронта число радиостанций больше, чем было до сего времени. По общему характеру происходящая здесь перегруппировка ничем не напоминает таковой, бывшей в начале апреля. Что касается радиогруппы РУ, действующей против фронта 5-й армии, то она вновь проявила свою деятельность в прежнем составе, хотя признаки, указывающие на начало ее распада, не исчезли.

Рис. 3. Полевая радиостанция русской армии и ее экипаж (Картины войны : Альбом. Пг. : Изд. Главного управления Генерального Штаба, 1917. Вып. 1. С. 45)

Fig. 3. Field radio station of the Russian army and its crew (Pictures of war: Album. Petrograd: Publishing House of the Main Directorate of the General Staff, 1917. Iss. 1. P. 45)

4. Радиогруппа Н3, действующая южнее Пилицы, работала в прежнем составе 4-х корпусных радиостанций, из которых одна новая... Передачи радиотелеграмм в этой группе не отмечено. Обращает на себя внимание повышение энергии передачи главной радиостанции Н3. Обычно это делается, когда расстояние главной от корпусных радиостанций увеличивается.

5. Общее заключение: А) в районе от Вислы и до левого фланга противника число корпусных радиостанций уменьшилось с 19 до 16. Возможно, что они не работали вследствие передвижений; Б) деление их на радиогруппы (армии) сохранилось только у южной группы, в северной же части такого подразделения не замечается; В) необычный вызов одной корпусной радиостанции у Немана 4-мя радиостанциями, в том числе 2-мя мощными, по-видимому, указывает на особенное ее тактическое положение; Г) против фронта 2-й и левого фланга 1-й армий продолжается перегруппировка и, по-видимому, передвижения корпусных радиостанций противника. Есть некоторые признаки – увеличение здесь их числа; Д) в числе радиостанций радиогруп-

пы (армии), оперирующей южнее Пилицы, изменений нет. Есть косвенные указания на увеличения в ней расстояния между армейской и корпусными радиостанциями».

Сводка по искровой слежке за 11/12 мая 1915 г. (РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 46. Л. 1) отмечала: «2. На фронте от нашего левого фланга и до 12-й армии работа радиоорганов противника была очень незначительной. Здесь наблюдалась только работа Н3, что южнее Пилицы. В ней не работала только одна корпусная радиостанция /первая или вторая, считая с ее правого фланга/ Работы радиогрупп с фронта 5-й, 2-й и 1-й армий не обнаружено...

3. На фронте 12-й и 10-й армий и в Занеманском районе оживленная работа и сильная связь полевых с тыловыми и мощными радиостанциями. Хотя по данным сводки 10-й армии и намечается здесь известная группировка станций по армиям.... но в ней имеется несколько противоречий, как с данными наблюдений соседних армий, так и в отношении расположения радиостанций по их слышимости из разных районов...

Общее заключение:

...Возможно допустить, что здесь происходит перегруппировка. В грубых чертах намечается: А) группировка левофланговых радиостанций противника в более мощную радиогруппу /армию/, чем наблюдалось ранее; Б) скопление действующих радиостанций против нашего правого фланга. Имеются признаки, что на нашем фронте была хорошо слышна работа судовых немецких радиостанций у побережья Балтийского моря и, возможно, на нижнем Немане. Это обстоятельство затрудняет учет».

Аналогичная сводка за 12/13 мая (РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1119. Л. 137) отмечала оживленную работу радиостанций противника против фронта 12-й и 10-й армий в Занеманском районе с перегруппировкой радиосредств германцев. Также наблюдался интересный факт: корпусные радиостанции передавали не непосредственно, а через какую-либо из соседних радиостанций. Всего в районе за сутки было зарегистрировано 15 корпусных радиостанций. Если в районе от Цеханова до Пилицы выявить в полной мере радиогруппировку противника не удалось, то южнее Пилицы радиогруппа Н3 в составе 4 корпусных радиостанций усилила свою работу (места дислокации радиосредств не изменились с середины апреля). Констатировалось, что удалось выявить в Занеманском районе передвижение штабов корпусов.

13/14 мая 1915 г. Сводка по искровой слежке (Там же. Л. 138) по Северо-Западному фронту фиксировала нормализацию работы радиостанций противника, севернее (до Немана) отмечена работа двух радиогрупп (армий) германцев – ОФ и ГП, радиогруппа Н3 действовала в прежнем составе 4 корпусных радиостанций.

А сводка 14/15 мая (Там же. Л. 139) отметила, что в Занеманском районе работали 4 корпусных радиостанции, в то время как на фронте правого фланга 1-й армии – р. Неман – 9. На части фронта 1-й и на фронте 2-й армий замечена радиогруппа (армия) в составе 4 корпусных радиостанций, тогда как на фронте 5-й армии – 2-х.

Сводкой 15/16 мая (Там же. Л. 140) было зафиксировано, что в Занеманском районе в указанные сутки работало 3 радиостанции (2 корпусных и 1 групповая, то есть армейская), тогда как в районе от 1-й армии и до Немана действовали 2 радиогруппы (одна в составе 8, а другая – 2 корпусных радиостанций), против фронта 2-й и 1-й армий – 1 радиогруппа

(4 корпусных радиостанции). Также вновь зафиксированы (после 5 дней молчания) радиостанция Торнского корпуса, радиогруппа (2 корпусные радиостанции) против 5-й армии, в то время как южнее Пилицы радиогруппировка – в прежнем составе. Фиксировались как активные переговоры с тылом, так и подготовка к передвижению на фронте от Немана до 1-й армии как минимум одной корпусной радиостанции (рис. 4).

16/17 мая (Там же. Л. 141) в Завислинском районе действовали групповая и корпусная радиостанции (остальные были в походе), в районе от Вислы до Немана – 13 и южнее Пилицы – 4 радиостанций, тогда как 17/18 мая – в Занеманском районе: 3 корпусных радиостанции, от Вислы до Немана: 3 групповых и 14 корпусных радиостанций, а южнее Пилицы – прежняя радиогруппа.

В период 18/19 мая – 31 мая/1 июня (РГВИА. Ф. 2003. Д. 1119. Л. 143–162) на участке Северо-Западного фронта сводки по искровой слежке зафиксировали: на Занеманском фронте произошел рост с 3–4 до 6–8 радиостанций при значительном оживлении радиоработы; в районе от Немана до Вислы группировка германских радиостанций изменилась с 11–12 корпусных и армейских радиостанций до меньшего количества – при существенных перегруппировках и изменениях режима работы; в Завислинском районе радиогруппа противника насчитывала от 4 до 6 радиостанций; а в районе южнее Пилицы действовала радиогруппа (армия) из нескольких корпусных радиостанций. Причем, в последнем случае определялись типологии станций – и делались соответствующие выводы. Каждая сводка заканчивалась подведением итогов радиоразведки – с указанием на возможные оперативные последствия.

Русские радиоразведчики не только отличали почерк германских и австрийских станций, но и их типологию, что позволяло уточнить действующие соединения и объединения противника (рис. 5).

В июне 1915 г. радиоразведчики Северо-Западного фронта зафиксировали тот факт (РГВИА. Ф. 2003. Д. 1119. Л. 166–216 об.), что в Занеманском районе находилось несколько корпусных радиостанций (максимально до 8), против фронта 10-й и 12-й армий радиогруппировка противника максимально включала до 7 корпусных радиостанций, против фронта 1-й армии – 4 радиогруппы (в каждой

Рис. 4. Машинная часть полевой радиостанции (Картины войны : Альбом. Пг. : Изд. Главного управления Генерального Штаба, 1917. Вып. 1. С. 45)

Fig. 4. Machine part of a field radio station (Pictures of war: Album. Petrograd: Publishing House of the Main Directorate of the General Staff, 1917. Iss. 1. P. 45)

Рис. 5. Автомобильная тяжелая радиостанция русской армии (Картины войны : Альбом. Пг. : Изд. Главного управления Генерального Штаба, 1917. Вып. 1. С. 45)

Fig. 5. A heavy-duty vehicle radio station of the Russian army (Pictures of war: Album. Petrograd: Publishing House of the Main Directorate of the General Staff, 1917. Iss. 1. P. 45)

по несколько корпусных радиостанций), против фронта 2-й армии 5 корпусных радиостанций, против фронта 4-й армии – также несколько корпусных радиостанций.

Были зафиксированы перемещения, прежде всего, на фронте 12-й и 1-й армий. Это говорило о подготовке германцами Наревской операции. Радиоразведчики выявляли и индивидуализировали радиогруппы противника, по перемещению и степени оживления которых прогнозировали боевые события. Причем противник пытался скрывать свою активность. Фиксировались перегруппировки германцев – в том числе путем выявления новых позывных.

Аналогично действовали и радиоразведчики Юго-Западного фронта, 18–30 июня 1915 г. (Там же. Л. 193–215). Так, одна из сводок по искровой слежке сообщала: «Работа группы Н3 в составе ТЛ, ГЛ, КН, РИ, ыР, ДП, ЦН и НФ наблюдалась на фронте VIII, XI и от части IX армий. Ближе к северу наблюдалась работа ВО с НФ, ШИ с НВ и НР с ПЗ; ближе к центру ЗУ с ВР с КН;

На фронте IX армии ... обращает на себя внимание обилие станций с короткими волнами и трещащей искрой и почти ежедневно ... сильно слышных на фронте 3 Конного корпуса 2-х станций с новыми позывными... Видимо, эти две станции очень часто меняют свои позывные, работая все время только между собою».

Была выявлена перегруппировка войск противника на фронте 8-й и 9-й армий. Смена позывных не вводила русских радиоразведчиков, выявлявших оперативные переброски, в заблуждение.

О том, как им удалось уже в этот период «набить руку», свидетельствует сводка по искровой слежке за 9/10 июля 1915 г. по Северо-Западному фронту: «В Занеманском районе ... наблюдалась только 4 радиогруппы...

3. На фронте между Неманом и Вислой по сравнению с предыдущей сводкой новых позывных сигналов перехвачено не было. Наиболее оживленная работа отмечается у фронтовой станции ХД и в радиогруппе ВЛ. ХД работала с главными станциями Занеманского района, в то же время развивая энергичную работу с двумя корпусными станциями ОЛ и ЛУ. Замечено, что эти две корпусные станции работают преимущественно с фронтовой и, возможно, находятся в непосредственной зависимости от нее. В радиогруппе ВЛ крайне оживленный взаимообмен

депешами. Подтверждается отсутствие налаженной проволочной связи в этой радиогруппе, следствием чего явилась необходимость в столь напряженной работе радиотелеграфа. По имеющимся данным, радиогруппа ВЛ в полном составе перемещается в северном направлении.

4. В южной радиогруппе Н3 в распределении радиостанций не замечено особых перемен. В группе появилась станция КЦ, пытавшаяся войти в связь с главной Н3. Ответа перехвачено не было.

Заключение. Подводя итог наблюдениям за работой неприятельских радиостанций в течение истекших суток, надлежит отметить неблагоприятные условия для составления настоящей сводки. С одной стороны, неполучение данных из 5-й армии и с другой –незначительное число данных прочих армий, поставило составление сводки, а вместе с тем и схемы, в затруднительное положение по определению числа и распределения действовавших неприятельских радиостанций. Выяснилось только приблизительно число корпусных радиостанций в районе между Неманом и Вислой, где отмечено 13–15 действовавших корпусных радиостанций» (РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 43. Л. 3) (рис. 6).

А в ноябре 1915 г. сводка радиослежки нам сообщала (РГВИА. Ф. 2144. Оп. 1. Д. 808. Л. 138): «Молодечно, 10 ноября... При продолжительном пребывании войск на месте деятельность радиотелеграфа нормально затихает, что наблюдалось также у противника за последнее время до 3 ноября точка На фронте армии до 3 ноября наблюдалась работа 5–8 радиостанций за сутки, но с 3-го числа деятельность радиостанций значительно увеличилась, причем 8 ноября установлена работа 25-ти радиостанций точка В частности, на фронте армии установлены 2 новых радиостанции точка Вывод: на основании радиослежки можно предположить у противника какую-то перегруппировку, сущность которой пока не выяснена точка Появление новых радиостанций указывает на возможность прибытия новых частей точка».

В ходе кампании 1916 г. наблюдалась эффективная борьба русских радиоразведчиков с австро-германскими. Так, М. Ронге отмечал, что русские применяют «радиокомпасные станции» – и австрийцы, в отличие от немцев, прекратили радиопередачи. Отмечено и наличие в г. Николаев школы радиоподслушивания (Ронге, 2004. С. 189).

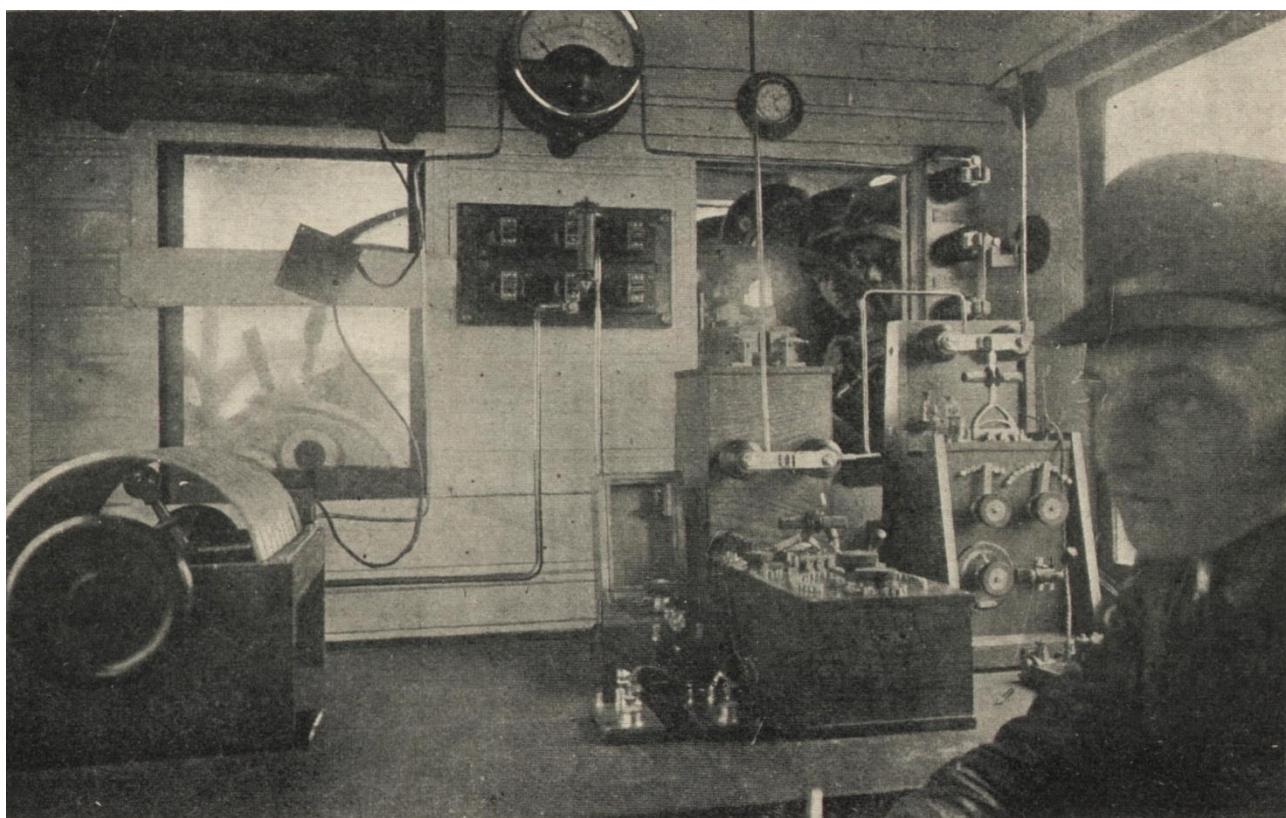

Рис. 6. «Внутренности» тяжелой автомобильной радиостанции (Картины войны : Альбом. Пг. : Изд. Главного управления Генерального Штаба, 1917. Вып. 1. С. 45)

Fig. 6. The “insides” of a heavy-duty car radio (Pictures of war: Album. Petrograd: Publishing House of the Main Directorate of the General Staff, 1917. Iss. 1. P. 45)

Русская радиоразведка в ходе Наступления Юго-Западного фронта 1916 г. также заслужила похвалу со стороны М. Ронге. Особо он отметил сохранение тайны операции со стороны русского командования (прежде всего, это касалось 7-й и 9-й армий) (Там же. С. 200).

Еще за неделю перед началом наступления Ф. Конрад Гетцендорф и Э. Фалькенгайн не предвидели никакой опасности.

Особое место занимали действия радиоразведчиков Кавказского фронта (рис. 7).

Командующий Кавказской армией Н.Н. Юденич, придавая особое значение связи и эффективной радиоразведке, усилия последней видел в качестве особой предпосылки знаковых побед на ТВД.

В ходе Сарыкамышской операции 9 декабря 1914 г. – 4 января 1915 г. была разгромлена турецкая 3-я армия, потерявшая до 90 тыс. человек (Масловский, 1933. С. 133).

Этот успех подготовил «решительные победы будущего» (Арутюнян, 1971. С. 153).

Захватив стратегическую инициативу на Кавказском ТВД уже в начале 1915 г., Россия удерживала ее всю войну.

Грамотный подход командования к радиосвязи стал важным залогом русских побед на Кавказском ТВД. В частности, за действовавшими на основных направлениях войсками были созданы радиолинии с узловыми станциями в штабах армии и ее соединений. Ретрансляционные радиостанции находились на перевалах, в высотах и ущельях. Всего от Батума до Товиза оперировало до 30 только полевых радиостанций.

При подготовке в конце 1915 г. Эрзерумской операции служба радиосвязи была объединена в подчиненную штабу фронта радиогруппу. Сохраняя тайну операции, командарм, не доверяя телеграфу, предпочитал использовать другие средства связи. А если приказы и передавались по телеграфу, то обязательно в зашифрованном виде и короткими сообщениями.

На фронтах оказались авторадиопеленгаторы (такая радиостанция размещалась на двух грузовых

Рис. 7. Связисты Кавказской армии. Первая мировая война (Нива (г. Петроград), 1915. № 45. 7 ноября. С. 832)
Fig. 7. Signalmen of the Caucasian Army. World War I (Niva (Petrograd), 1915. No. 45. November 7. P. 832)

машинах, обслуживало ее 16 человек) – образца Петроградской электротехнической школы.

В ходе Июньского наступления 1917 г. русская разведка вновь заслужила комплименты от М. Ронге.

О том, какие данные в кампании 1917 г. радиоразведка давала русскому командованию, свидетельствует очень показательный документ (РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 415. Л. 198–198 об.) – Схема расположения радиостанций противника на Западном фронте по данным радиослежки с 1 января по 15 августа 1917 г. Подробнейшим образом характеризуя расположение германских радиостанций, пояснительная записка к Схеме указывала, что полевые станции, запеленгованные из двух мест, были запеленгованы в районе Годзишки (9 июня; находилась при штабе 16-й кавалерийской бригады), в районе Свенцян (14 июня; находилась при штабе XXI армейского корпуса), в районе Вильно (27 февраля; последний раз указывалась в конце марта; находясь при штабе 10-й армии, циркулярно вызывала по 3 станции), в районе Новогрудка (4 февраля; последний раз указывалась в апреле; при штабе 25-го резервного корпуса), в районе Телехан (22 января; последний раз указывалась в апреле; при штабе 35-й резервной дивизии), в районе к западу от Пинска (13 января; по-

следний раз указывалась в апреле; при штабе Гвардейской кавалерийской дивизии; до сих пор работы полевых станций против 2-й армии не наблюдалось с мая месяца). К запеленгованным в одном направлению станциям относились: в районе Кобыльники (запеленгована в начале января; наблюдалась до сих пор; находилась при штабе 31-й пехотной дивизии и работала редко), в районе Куцки (запеленгована в начале января; наблюдалась до сих пор и работала редко), в районе Сырмеж (запеленгована в марте; наблюдалась до августа), в районе Жодишки (запеленгована 27 июня; наблюдалась до 9 июля; при штабе 226 дивизии), в районе Нестанишки (запеленгована 27 июня; наблюдалась до 9 июля; при штабе 14 ландверной дивизии), 3 станции были запеленгованы в районе Солы (2 из них – 6 июня; работают до сих пор и ежедневно регулярно; при штабе 3-го резервного корпуса и 46-й ландверной дивизии; 3-я станция наблюдалась последний раз в начале июля; при штабе 14-й ландверной дивизии), и по одной станции в районах Ошмян (запеленгована в январе; последний раз указывалась в апреле), Барановичей (запеленгована в январе; последний раз указывалась в апреле; при штабе Ландверного корпуса) и Миловиды (запеленгована в феврале; последний раз указывалась в марте; при штабе Бескидского корпуса) (рис. 8).

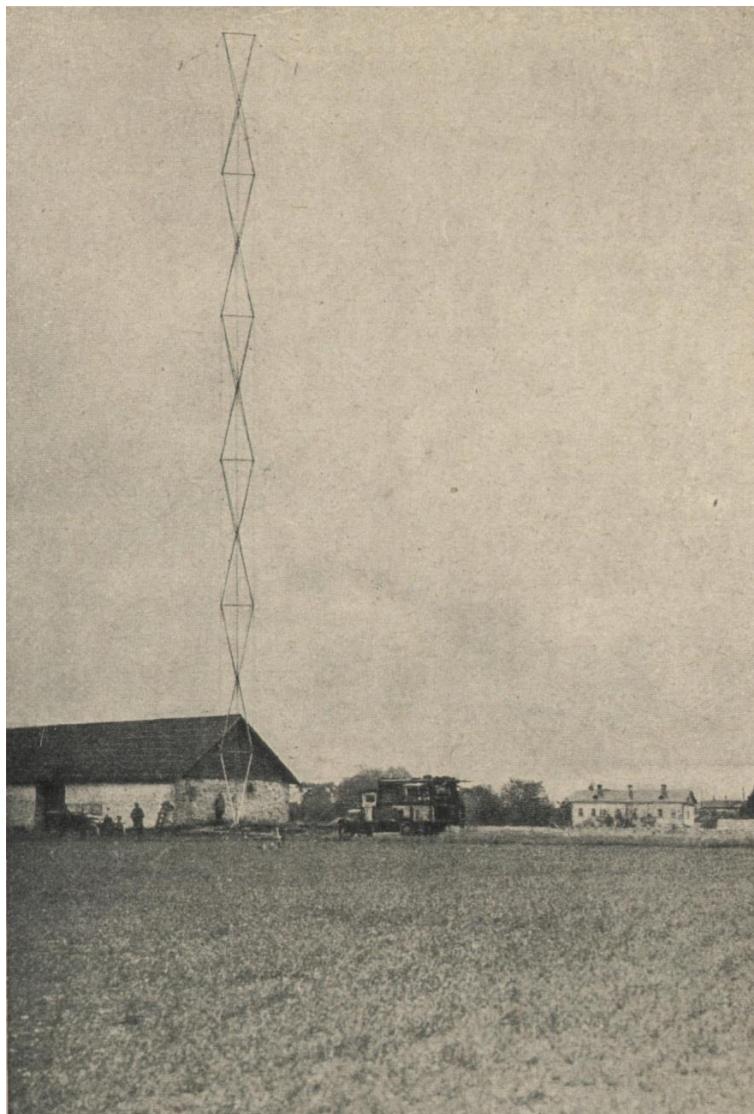

Рис. 8. Тяжелая автомобильная радиостанция при развернутой антенне (Картины войны : Альбом. Пг. : Изд. Главного управления Генерального Штаба, 1917. Вып. 1. С. 89)
Fig. 8. A heavy-duty automobile radio with its antenna deployed (Pictures of war: Album. Petrograd: Publishing House of the Main Directorate of the General Staff, 1917. Iss. 1. P. 89)

Кроме того, давалась информация о тыловых станциях (с позывными БИФ, находилась, возможно, в районе Либавы; с позывными ДГ, находилась в северо-западном направлении; с позывными НЛМ, находилась в западном направлении) противника. Делалось предположение, что 2 последние станции могли принадлежать крепостям Восточной Пруссии. Удалось проявить себя радиоразведчикам и в период Моонзундской операции (Косинский, 1928. С. 67), но... в 1917-м использовать достигнутые тех-

нические результаты, вследствие разложения основной массы русской действующей армии, уже представлялось невозможным.

Мы бросили самый общий взгляд на некоторые вехи действий русских радиоразведчиков в годы Первой мировой войны.

Последующие военные конфликты стали эпохой подлинного расцвета этого новейшего вида разведки.

Список источников

Абаканович Н.В. Исторический обзор организации и устройства проволочной связи во 2-й армии в войну 1914–1918 г. // Военно-Инженерный Сборник. Книга 1. М. : Тип. т-ва И.Д. Сытина, 1918. С. 249–336.

References

Abakanovich N.V. (1918) Historical Review of the organization and structure of wire communications in the 2nd Army during the War of 1914-1918. *Military Engineering Collection. Book 1.* Moscow: Tip. t-va I.D. Sytina. P. 249-336. (In Russ.).

- Арутюнян А.О. Кавказский фронт 1914–1917. Ереван : Айстан, 1971. 415 с.
- Батюшин Н. Радиотелеграфная разведка // Вестник военных знаний. 1931. № 1 (9). С. 8–16.
- Белой А. Галицийская битва. М.; Л. : Госиздат, 1929. 370 с.
- Болтунов М.Е. «Золотое ухо» военной разведки. М. : Вече, 2011. 364, [3] с.
- Вацетис И.И. Боевые действия в Восточной Пруссии в июле, августе и начале сентября 1914 г. : Стратегический очерк : Действия 1 и 2 русских армий и 8 германской армии. М. : Высш. воен. ред. совет, 1923. 104 с.
- Головин Н.Н. Дни перелома Галицийской битвы : (1–3 сентября нового стиля). Paris : издание Главного правления зарубежного союза русских военных инвалидов, 1940. 195, [1] с. (Из истории кампании 1914 года; Т. 4)
- Гурко В.И. Война и революция в России. Мемуары командующего Западным фронтом, 1914–1917 / [пер. с англ. М.Г. Барышникова]. Москва : Центрполиграф, 2007. 399 с.
- Евсеев Н.Ф. Августовское сражение 2-й русской армии в Восточной Пруссии (Танненберг) в 1914 г. Москва : Гос. воен. изд-во, 1936 (Л. : Тип. им. К. Ворошилова). 307 с.
- История развития войск связи / под ред. Никонова П.И. М. : Воениздат, 1980. 360 с.
- Коленковский А.К. Маневренный период Первой мировой империалистической войны 1914 г. М. : Гос. воен. изд-во, 1940. 366 с.
- Косинский А.М. Моонзундская операция Балтийского флота 1917 года. Ленинград : В.-морская акад. РККА, 1928. 164 с.
- Масловский Е.В. Мировая война на Кавказском фронте, 1914–1917 : Стратег. очерк. Paris : Возрождение, 1933. 503 с.
- Ронге М. Разведка и контрразведка. СПб. : Изд. дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2004. 325 с.
- Чеславский В.В. 67 боев 10-го гусарского Ингерманландского полка в мировую войну 1914–1917 годах. Чикаго С.Ш.А. : Russian Review, 1937. 398 с.
- Хольмсен И.А. Мировая война. Наши операции на Восточно-Прусском фронте зимою 1915 г. Воспоминания и мысли. Париж : [б. и.], 1935. 314, [3] с.
- Храмов Ф.А. Восточно-прусская операция 1914 г. Оперативно-стратегический очерк. М. : Воениздат, 1940. 112 с.
- Цейтлин В.М. Организация связи во время операции 2-й армии Самсонова в Восточной Пруссии в августе 1914 г. // Техника и снабжение Красной Армии. 1923. № 19 (50): Связь Красной Армии. № 8. С. 3–13.
- Шапошников Б.М. Воспоминания. Военно-научные труды / 2-е изд., доп. М. : Воениздат, 1982. 558 с.
- Hanotaux G. Histoire illustrée de la guerre de 1914. Tome sixième. Paris: Gounouilhou, 1917. [4], 303, [5] p.
- Arutyunyan A.O. (1971) "The Caucasian Front 1914–1917". Ереван: Aistan. 415 p. (In Russ.).
- Batyushin N. (1931) "Radiotelegraph Intelligence". Bulletin of Military Knowledge, No. 1 (9) P. 8-16 (In Russ.).
- Beloi A. (1929) "The Battle of Galicia". Moscow - Lenigrad: Gosizdat. 370 p. (In Russ.).
- Boltunov M.E. (2011) "The Golden Ear" of Military Intelligence. Moscow: Veche. 367 p. (In Russ.).
- Vatsetis I.I. (1923) "Combat Operations in East Prussia in August and Early September 1914": Strategic essay: Actions of the 1st and 2nd Russian armies and the 8th German army. Moscow: Higher military ed. advice. 104 p. (In Russ.).
- Golovin N.N. (1940) From the History of the 1914 Campaign on the Russian Front. The Turning Point of the Battle of Galicia (September 1-3, New Style). Paris: Publication of the Main Board of the Foreign Union of Russian Military Disabled Personnel. Vol. 4: From the history of the 1914 campaign). 196 p. (In Russ.).
- Gurko V.I. (2007) War and Revolution in Russia 1914–1917: Memoirs of the Western Front Commander, 1914–1917. Moscow: Tsentrpoligraf. 399. p. (In Russ.).
- Yevseyev N.F. (1936) The August Battle of the 2nd Russian Army in East Prussia (Tannenberg) in 1914. Moscow: Gos. voen. izd-vo; Leningrad: Tip. im. K. Voroshilova. 307 p. (In Russ.).
- Nikonov P.I. (1980) History of the development of signal troops. Moscow: Voenizdat. (In Russ.).
- Kolenkovskii A.K. (1940) The Maneuverable Period of the First World Imperialist War of 1914. Moscow: Gosvoenizdat. 366 p. (In Russ.).
- Kosinskii A.M. (1928) The Moonzund Operation of the Baltic Fleet in 1917. Leningrad: Naval Academy of the Red Army. 164 p. (In Russ.).
- Maslovskii E.V. (1933) The World War on the Caucasian Front 1914–1917: Strategic essay. Paris: Vozrozhdenie. 503 p. (In Russ.).
- Ronge M. (2004) Intelligence and Counterintelligence. St. Petersburg: Saint-Petersburg State University. 325 p. (In Russ.).
- Cheslavskii V.V. (1937) 67 Battles of the 10th Ingrian Hussar Regiment in the World War of 1914–1917. Chicago S.S.H.A: Russian Review. 398 p. (In Russ.).
- Khol'msen I.A. (1935) The World War. Our operations on the East Prussian Front in the winter of 1915. Memories and Thoughts. Paris. 317 p. (In Russ.).
- Khramov F.A. (1940) "East Prussian Operation of 1914: An Operational-Strategic Essay". Moscow: Voenizdat. 112 p. (In Russ.).
- Tseitlin V.M. (1923) "Communications organization during Samsonov's 2nd Army's operation in East Prussia in August 1914". Red Army Equipment and Supply. No. 19 (50): Svyaz' Krasnoi Armii. No. 8. P. 3-13. (In Russ.).
- Shaposhnikov B.M. (1982) "Memoirs. Military Scientific Works". Moscow: Voenizdat. 558 p. (In Russ.).
- Hanotaux G. (1917) Histoire illustrée de la guerre de 1914. Tome sixième. Paris: Gounouilhou. [4], 303, [5] p.

Информация об авторе

Олейников Алексей Владимирович,
доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин,
Мелитопольский государственный университет,
272312, г. Мелитополь, ул. Ленина 10, Россия;
профессор кафедры правоведения,
Астраханский государственный технический университет,
414036, г. Астрахань, ул. Татищева, 16, Россия;
профессор кафедры правоведения и социально-
гуманитарных дисциплин,
Международный университет «МИТСО», Гомельский
филиал,
246029, г. Гомель, проспект Октября, 46а, Беларусь,
e-mail: stratig00@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-7208-4715>

Вклад автора

Олейников А.В. выполнил исследовательскую рабо-
ту, на основании полученных результатов провел обоб-
щение и подготовил рукопись к печати.

Конфликт интересов

Олейников А.В. является членом редакционной кол-
ледии журнала «Известия Лаборатории древних техноло-
гий» с 2014 года, но не имеет отношения к решению
опубликовать эту статью. Статья прошла принятую в жур-
нале процедуру рецензирования. Об иных конфликтах
автор не заявлял.

**Автор прочитал и одобрил окончательный вариант
рукописи.**

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 4 октября 2025 г.;
одобрена после рецензирования 30 октября 2025 г.;
принята к публикации 5 ноября 2025 г.

Information about the author

Alexey V. Oleynikov,
Dr. Sci (History), Associate Professor,
Professor of the Department of Civil Law Disciplines,
Melitopol State University,
10, Lenin St., Melitopol 272312, Russia;
Professor of the Department of Law,
Astrakhan State Technical University,
16, Tatishcheva St., Astrakhan 414036, Russia;
International University “MITSO”, Gomel branch,
46a, Oktyabrya Avenue, Gomel 246029, Belarus,
e-mail: stratig00@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-7208-4715>

Contribution of the author

Oleynikov A.V. carried out a research work, based on
the obtained results made the generalization and prepared
the manuscript for publication.

Conflict of interests

Oleynikov A.V. has been a member of the editorial
board of the Journal “Reports of the Laboratory of Ancient
Technologies” since 2014, but he did not take part in making
decision about publishing the article under consideration. The
article was reviewed following the Journal’s review proce-
dure. The author did not report any other conflicts of interest.

**The author has read and approved the final man-
uscript.**

Article info

The article was submitted October 4, 2025; approved
after reviewing October 30, 2025; accepted for publication
November 5, 2025.

История

Научная статья
УДК 94(47)
EDN: DJZUCE
DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2025-4-117-125>

«Масштабы pragmatизма»: Военно-кадровая и коммеморационная политика большевиков (на примере Феодосия Лаврова – командира интернационального отряда 1918 г.)

П.А. Новиков^{1, 2}

¹ Иркутский национальный исследовательский технический университет, Иркутск, Россия

² Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

Аннотация. Обширна и многогранна тема участия военнопленных в Гражданской войне, включающая сюжеты предшествующего прибывания в Сибири, содержание источников личного происхождения, и отражение пережитого в Сибири в европейской художественной литературе, и проблематику участия интернационалистов в боевых действиях Гражданской войны. Однако особенно значим и хронологически обширен сюжет большевистской военно-кадровой политики и закономерно вытекающая из нее же коммеморационная политика. Особенно наглядно предстает судьба и память командира интернационального отряда и командующего Нижнеудинским фронтом Феодосия Петровича Лаврова. Рассмотрена его предшествующая биография, когда он, будучи рядовым 4-го саперного батальона был награжден Георгиевским крестом 4-й степени за мужественное и хладнокровное поведение в бою 22 сентября 1916 г. Указано, что он имел возможность наблюдать за боевым поведением по-меньшей мере трех русских генералов-кавалеров Георгиевских наград: А.С. Долханова, А.И. Калишевского, А.И. Тумского. С осени 1917 г. уже прaporщик Лавров активно участвует в установлении Советской власти в Омске. Прослежен боевой путь в Гражданской войне и командовании отрядом со значительной долей венгров – бывших военнопленных, конфликт с командующим Даурским фронтом также бывшим прaporщиком С.Г. Лазо. Рассмотрено отражение в историографии различных версий гибели Ф.П. Лаврова в Джидинском районе Западного Забайкалья и последующее отражение его образа в советской исторической памяти. Представлены сделанные непосредственно «по горячим следам» словесные обобщения темы участия иностранцев в Гражданской войне. В заключительной части статьи сделаны выводы, что большевистский режим и его военачальники были связаны: партийной практикой с опасениями бонапартизма; потребительским отношением к прошлым заслугам; деятельностью карательных органов по «профилактике» заговоров; поиском «стрелочников» в случае неудач; поддержанием информационного монополизма.

Ключевые слова: Феодосий Петрович Лавров, командный состав, кадровая политика, боевой опыт, большевики, интернационалисты, австро-венгерские военнопленные, Гражданская война, коммеморация, исторические источники

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00216, <https://rscf.ru/project/24-18-00216/>.

Для цитирования: Новиков П.А. «Масштабы pragmatизма»: Военно-кадровая и коммеморационная политика большевиков (на примере Феодосия Лаврова – командира интернационального отряда 1918 г.) // Известия Лаборатории древних технологий. 2025. Т. 21. № 4. С. 117–127. DOI: 10.21285/2415-8739-2025-4-117-125. EDN: DJZUCE.

History

Original article

“The Scale of Pragmatism”: The military personnel and commemorative policy of the Bolsheviks (Based on the Example of Feodosy Lavrov, Commander of the 1918 International Detachment)

Pavel A. Novikov^{1, 2}

¹ Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia

² Irkutsk State University, Irkutsk, Russia

Abstract. The topic of the participation of prisoners of war in the Civil War is extensive and multifaceted, including the stories of their previous stay in Siberia, the content of personal sources, the reflection of Siberia's experiences in European literature, and the participation of internationalists in the Civil War. However, the story of the Bolshevik military personnel policy and the subsequent commemoration policy is particularly significant and chronologically extensive. The fate and memory of the commander of the international detachment and the commander of the Nizhneudinsk Front, Feodosy Petrovich Lavrov, are particularly evident. His previous biography is reviewed, when, as a private in the 4th Sapper Battalion, he was awarded the Cross of St. George, 4th Class, for his courageous and cool-headed behavior in battle on September 22, 1916. It is noted that he had the opportunity to observe the combat behavior of at least three Russian generals who were recipients of the Cross of St. George: A.S. Dolkhukhanov, A.I. Kalishevsky, A.I. Tumsky. Since the autumn of 1917, Ensign Lavrov has been actively involved in establishing Soviet power in Omsk. His military career in the Civil War and his command of a unit with a significant number of Hungarian former prisoners of war have been traced, as well as his conflict with the commander of the Daurian Front, also a former ensign, S.G. Lazo. The article examines the reflection of various versions of F.P. Lavrov's death in the Dzhidinsky District of Western Transbaikalia in historiography and the subsequent reflection of his image in Soviet historical memory. The article presents verbal summaries of the topic of foreign participation in the Civil War, made immediately after the event. In the final part of the article, it is concluded that the Bolshevik regime and its military leaders were associated with: party practices that feared Bonapartism; a consumerist attitude towards past achievements; the activities of the punitive authorities to “prevent” conspiracies; the search for scapegoats in case of failures; and the maintenance of information monopolies.

Keywords: Feodosy Petrovich Lavrov, command staff, personnel policy, combat experience, Bolsheviks, internationalists, Austro-Hungarian prisoners of war, Civil War, commemoration, historical sources

Acknowledgements. The research was supported by RSF (project No. 24-18-00216), <https://rscf.ru/project/24-18-00216/>.

For citation: Novikov P.A. (2025) “The Scale of Pragmatism”: The military personnel and commemorative policy of the Bolsheviks (Based on the Example of Feodosy Lavrov, Commander of the 1918 International Detachment). *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 21. No. 4. P. 117–125. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2025-4-117-125. EDN: DJUCE.

Тема участия военнопленных в Гражданской войне беспрецедентно обширна и многогранна. Здесь и ретроспективные сюжеты предшествующего прибывания военнопленных Первой мировой войны в Сибири (Греков, 1997; Гергиева, 2007; Ануфриев, 2014; Ануфриев, Козлов, 2019), и источниковедческое содержание публикуемых источников личного происхождения (Серебренников, 2008; Ануфриев, 2009; Ланник, 2021; Гагкуев, 2022), и отражение пережитого в Сибири в европейской художественной литературе (Двингер, 2004; Вурцер, 2004). И проблема участия интернационалистов в боевых действиях Гражданской войны (Интернационалисты..., 1967; Познанский, 1973; Бернштам, 1992. С. 74–77; Новиков, 2005; Новиков, Ро-

манов, 2011; Хипхенов, 2018; Хипхенов, 2022), особенно весомая в 1918 г. и т. д. Однако из множества взаимосвязанных сюжетов есть один, который, на наш взгляд, особенно значим и хронологически обширен – это большевистская практика обращения с военно-командными кадрами и ценностно вытекающая из нее коммеморационная политика. Именно самое начало кадровой политики позволяет отчетливо увидеть ее особенности, ставшие «родовыми чертами» вплоть до конца существования Советского Союза в 1991 г. Многие судьбы командиров времен Гражданской войны в полном объеме описаны только в посоветской историографии (Пученков, 2021; Ганин, 2022). При этом особенно наглядным предстает судьба и память ко-

мандира интернационального отряда и командующего решающим Нижнеудинским фронтом в 1918 г. Феодосия Петровича Лаврова.

Биография и боевые образцы

По иронии истории, о где и месте рождения (1896 г. и г. Великие Луки – центр одного из уездов Псковской губернии) Феодосия Петровича Лаврова на сегодняшний день можно судить по единственному пока найденному документу с подобными сведениями – статистическому листку заключенного Иркутской губернской тюрьмы, впервые введенному в оборот иркутским историком Г.И. Хипхеновым (Хипхенов, 2022. С. 76). Во время Первой мировой войны Лавров – нижний чин 4-го саперного батальона (командир батальона полковник, с весны 1916 г. генерал-майор Долуханов Арсений Сергеевич, 10 апреля 1917 г. награжденный Георгиевским оружием). Этому батальону в 1906 г. в честь 50-летия героической обороны Севастополя в ходе Крымской войны было присвоено имя фортификационного организатора «генерал-адъютанта графа Тотлебена» (Эдуарда Ивановича), а в 1910–1914 гг. батальон квартировал в г. Гродно и входил в состав 2-го армейского корпуса Виленского военного округа.

Рядовой 4-го саперного батальона генерал-адъютанта графа Тотлебена Лавров был награжден Георгиевским крестом 4-й степени (№ знака 829432), за то, что «в бою 22 сентября¹ 1916 г., находясь на важном наблюдательном пункте начальника 3-й Туркестанской стрелковой дивизии, под сильным действительным ружейным, пулеметным и артиллерийским огнем противника, с явной опасностью для жизни, держал беспрерывную связь с наблюдательным пунктом командира корпуса, проявив при этом выдающееся мужество и хладнокровие» (Патрикееев, 2014. С. 272)². Считается, что за Перову мировую войну бойцам Русской армии вручено около 1 млн Георгиевских крестов 4-й степени, а все степени этой награды получили около 33000 человек. В военном деле огромную роль играет авторитет героических примеров, об-

разцов доблести и мужества, отмеченных боевыми наградами, особенно высшими. Система награждений среди прочего обеспечивает и преемственность военного опыта. Учитывая, что Лавров отличился в конце сентября 1916 г. на наблюдательном пункте начальника 3-й Туркестанской стрелковой дивизии, а этим начальником был генерал-лейтенант Тумский Адриан Иванович, который 4 месяцами ранее прославился тем, что, будучи в той же должности, но еще и в чине генерал-майора, лично самоотверженно управлял действиями дивизии с двумя (103-м Петрозаводским и 172-м Лидским) риданными пехотными полками, неоднократно подвергая свою жизнь опасности под сильнейшим неприятельским артиллерийским и ружейным огнем. Могучими ударами вверенных ему войск он захватил 24 мая 1916 г. сильнейшую укрепленную позицию австрийцев у с. Язловца, а 25 мая, развивая достигнутый успех, овладел чрезвычайно важной высотой «362» в тылу австрийцев и принудил их этим оставить позиции от Бучача до Днестра на протяжении более 20 верст. Этим было положено начало падению всей линии р. Стыры, укреплявшейся противником 9 месяцев; в боях 24 и 25 мая его войсками взято (в наградном приказе формулировка – «им взято») пленными 9700 нижних чинов при 235 офицерах и захвачены орудия, бомбометы и большая военная добыча. 12 февраля 1917 г. Государь император по удостоению Петроградской Кавалерской Думы ордена Святого Георгия пожаловал Тумскому за этот подвиг орден Святого Георгия 4-й степени. Еще раньше 9 марта 1915 г. он же был удостоен Георгиевского оружия. В мае 1917 г. Тумский вышел в отпуск, а в начале декабря уволен со службы. Как сложилась судьба уроженца Симбирской губернии 57-го летнего генерала А.И. Тумского в большевистской России данных не обнаружено.

Начальник штаба 3-й Туркестанской стрелковой дивизии генерал-майор Анатолий Иосифович Калишевский был 29 июля 1917 г. награжден Георгиевским оружием за то, что 22 августа 1916 г., прибыв в передовые окопы, лично под сильным огнем противника, произвел тщательную разведку его расположения, результатом чего был выбор наивыгоднейшего направления предстоящей атаки на участках Люза-Гура включительно – 362 к востоку от д. Гнильче. Произведенная им с явной опас-

¹ Все даты до 1917 г. включительно – по старому стилю.

² Патрикееев С.Б. Сводные списки кавалеров Георгиевского креста 1914–1922 гг. М.: Духовная нива, 2024. Т. XII: IV степень № 800 001–900 000. 889, [2] с.

ностью для жизни рекогносцировка и правильная оценка обстановки послужили главной основой к составлению плана атаки и способствовали достижению поставленной дивизии задачи и существенно повлияли на успешный исход боя 23 и 24 августа 1916 г. В сентябре 1917 г. Калишевский был командирован в Данию на Международную конференцию по вопросу военнопленных, в Сибирь прибыл в мае 1919 г., служил при Ставке А.В. Колчака, затем в эмиграции в Японии и США. Лавров же таким образом, очевидно, имел возможность наблюдать за боевым поведением по-меньшей мере трех русских генералов: А.С. Долуханова, А.И. Калишевского и А.И. Тумского, удостоенных Георгиевских наград.

С осени 1917 г. уже прапорщик Лавров встает на левоэсеровские политические позиции и в Омске активно участвует в установлении Советской власти. В декабре избирается вторым заместителем председателя Омского военно-окружного комитета, затем заместителем председателя исполнкома Омского Совета депутатов (Хипхенов, 2022. С. 77).

Начальные бои внутрироссийского противоборства

Боевые столкновения Гражданской войны в Сибири 1917–1918 гг. были либо хронологически непродолжительны, либо более или менее длительно разворачивались на ограниченной территории юго-востока Забайкалья, как действия антибольшевистского отряда Г.М. Семенова в первой половине 1918 г. На пике весной 1918 г. на Даурском фронте единовременно сражались до 13 000 красных и до 9 000 белых. Силы красных возглавил бывший прапорщик С.Г. Лазо (в конце 1917 г. выделившейся просоветской военной деятельностью в Красноярске), а подчиненные ему силы включали 6 видов бойцов по социальной, территориальной и национальной принадлежности: до 5 500 забайкальских казаков, 3 500 российских рабочих-красногвардейцев, 2 000 крестьян Забайкальской области, 900 интернационалистов из бывших военнопленных, преимущественно венгров («мадьяр»), и в меньшей степени немцев, 400 китайцев, 400 российских анархистов. До 30 имевшихся в его распоряжении орудий обслуживало еще до 500 артиллеристов, которых распределить по вышеуказанным группам не представляется возможным. Войска противников состояли главным образом из

добровольцев, хотя и были отмечены попытки мобилизации в прифронтовой местности.

Большевики стремятся задействовать в восточном Забайкалье ресурсы и относительно глубокого Западно-Сибирского тыла. Так в феврале 1918 г. в Омске был сформирован хорошо вооруженный и снаряженный отряд в 600 человек, половину которых составили добровольцы из венгерских военнопленных. Возглавил этот «1-й Омский» отряд Ф.П. Лавров. С 19 марта вверенное ему формирование перебрасывается по Транссибу на Даурский фронт на борьбу с семеновцами. Известно, что в ходе переброски отряд дополнитель но пополнился личным составом, и общая численность его бойцов выросла на треть. Прибыв на линию боевого соприкосновения, именно отряд Лаврова остановил наступающих белых у станции Адриановка.

Иркутскому историку Г.И. Хипхенову удалось вскрыть и подробно осветить возникший между С.Г. Лазо и Ф.П. Лавровым конфликт. Поводом к столкновению командирских амбиций стало лучшая дисциплина бойцов Лаврова, споры и приоритетность тылового снабжения отрядов. В итоге сначала Лавров с отрядом был отведен с линии фронта в Сретенск, получив задачу пополниться личным составом в Сретенском лагере военнопленных. А затем, по жалобе Лазо, Сибирский военный комиссариат отстранил Лаврова от командования Омским отрядом, отозвал в Иркутск, где и заключил в губернскую тюрьму. Состояние красных войск на заре их существования ярко характеризуют (к счастью для Лазо запоздавшие) попытки подчиненных Лаврова отстоять своего командира (Хипхенов, 2022. С. 77–78).

Размах боевых действий резко вырос в конце мая 1918 г. после восстания Чехословацкого корпуса. Вдоль Транссибирской магистрали начала действовать «Сибирская» группа капитана Р.И. Гайды численностью до 4500 бойцов. Одновременно на базе офицерского подполья Западной Сибири началось формирование антибольшевистской Сибирской армии, быстро пополняемой мобилизацией офицеров и набором добровольцев.

Ключевой спецификой борьбы 1918 г. можно считать два основных момента: характер противника и хроническую нехватку простейших ресурсов белых. В принципе можно говорить, что в 1918 г.

главным противником русских и чехословаков в Сибири были интернациональные части красных, причем преимущественно из военнопленных мировой войны. Вся горькая ирония ситуации заключается в том, что лучшая часть русского народа, бившаяся на фронтах Второй Отечественной войны 1914–1918 гг. и однажды приложившая кровавые усилия и пленившая врагов, была вынуждена по возвращении домой снова страдать от них, вновь биться с ними же, напущенными «революционными пораженцами» на героев-окопников.

С выступлением Чехословацкого корпуса большевики отзовали с Даурского фронта до трети сил: всех сибирских красногвардейцев, часть интернационалистов и анархистов. Западнее Иркутска был образован Нижнеудинский фронт, первым командующим которого стал именно вынужденно выпущенный большевиками из тюрьмы Лавров. 22 июня, введя в бой до 2500 бойцов при 2 бронепоездах, ему поначалу удалось на время переломить ситуацию к западу от станции Тулун и начать продвижение на запад. Утром 25 июня красные развернули наступление на Нижнеудинск. Лавров лично предводительствовал венграми у высоты 535 – Вознесенской Горы. Красные по деревянному мосту перешли р. Уда, но, не выдержав контратаки, начали отходить. Сначала отдельные бойцы, а затем и некоторые отряды стали самовольно покидать фронт. Линия Нижнеудинского фронта стремительно покатилась на восток к Иркутску. 11 июля 1918 г. красные оставили Иркутск и отошли к Байкалу. В советских войсках следовали одна реорганизация за другой, как в калейдоскопе менялось высшее командование.

Во второй половине июля – первой половине августа 1918 г. последовали бои на южном побережье Байкала. Красные пытались обороняться, неоднократно переходили в контратаки, но белые неизменно брали верх и продвигались на восток. В это время 1-й Омский отряд Лаврова «отличился» в своем тылу – насилием мобилизовав военнопленных в Березовском лагере у Верхнеудинска. Затем анархисты Каландаришивили и интернационалисты Лаврова были сосредоточены в Селенгинске, удаленном от линии фронта на 100–200 км. На самом фронте 16–18 августа красные войска у станции Посольская попали в окружение. В ночь на 20 августа красные оставили Верхнеудинск и отступили к

Чите. Высвободившиеся части Сибирской армии и чехов с сентября 1918 г. были переброшены из Забайкалья под Екатеринбург. Сибирь перестала быть ареной боевых действий регулярных войск.

Осталось рассмотреть судьбу находившихся в Селенгинске. Сначала красные отошли еще на 100 км на юг в приграничные Кяхту и Троицкосавск. Лавров и руководимые им венгры понимая, куда идет дело, начали зондировать почву у китайцев на предмет интернирования. Затем Лавров в присутствии датского консула подписал в Маймачене соглашение с китайскими властями и сдал им значительное количество оружия.

Ранее в историографии существовали четыре версии почему уже после подписания данного соглашения Лавров был расстрелян по приказу Каландаришивили: первая – Лавров не верил в прочность соглашения с китайцами, хотел с небольшой группой скрыться, но был настигнут, и расстрелян, как изменник. При нем было найдено захваченное золото. Вторая – Лавров пытался заставить Каландаришивили выполнить директиву главнокомандующего идти с отрядом на восток, а не возвращаться в Иркутскую губернию. Третья – Лавров расстрелян за отказ подчиняться. Четвертая – Лавров расстрелян по обвинению в дезертирстве (Новиков, Романов, 2011. С. 102; Хипхенов, 2022. С. 492, 562). По наиболее вероятной версии, разделяемой Г.И. Хипхеновым, расправа над Лавровым была самосудом красных бойцов «за предательство», а Каландаришивили не сумел их отговорить (Хипхенов, 2022. С. 564).

Характерно, что в 1940–1960-х гг. в произведениях советской художественной литературы, а затем и воспоминаниях настойчиво «демонизировался» образ Лаврова (Седых, 1967). Так бывшему командующему Нижнеудинского фронта Лаврову достались чужие «заслуги» – реквизиционные «подвиги» анархистов Каландаришивили, Пережогина, Караева. В карикатурном отрицательном виде (как командир матросов-анархистов) изображен Георгий Антонович Лавров (актер Георгий Штиль) в начале 2-й серии художественного фильма 1971 г. «Дауря». Такая вот предсказуемая советская коммеморация. Лишь в 1973 г. новосибирский историк В.С. Познанский опроверг эти примитивные выдумки.

Анализируя нематериальные итоги, воплощенные в коммеморационной политике, уместно

вспомнить, как выглядели словесные обобщения периода Гражданской войны.

Антибольшевистская аналитика

Нами выявлен очень характерный документ – телеграфные переговоры командиров антибольшевистских сил 11 ноября 1918 г. – «поручик Сметана у аппарата (Чехоштаб),

– У аппарата подполковник Жиряков (Начальник Разведывательного отделения Штаба Сибирской Армии), добрый день извиняюсь за беспокойство, обращаюсь к вам с просьбой сообщите мне имеющиеся, хотя бы приблизительно, у вас сведения и численности противника на каждом направлении вашего фронта по национальностям, т. е. сколько немцев, латышей, мадьяр, эстонцев, китайцев и прочая и сколько отдельных красноармейцев мне эти сведения необходимы для статистики. Можете ли мне дать эти сведения, я буду вам очень благодарен.

– Это очень трудно установить, вам сведения необходимы сейчас же или можете подождать?

– Если можете то сообщите завтра: сведения дайте хотя бы приблизительно по каждому направлению и каждой национальности отдельно у вас кажется эти сведения были, я раньше вел учет, но с появлением Ставки и распределением по фронтам мне пришлось прекратить и теперь ведаю только на Семиреченском фронте.

– Я то же имел раньше хорошие сведения, но теперь после того как почти всех пленных мадьяр и немцев поубивали я перестал вести учет, латышей в частях почти нет за исключением латышских полков, находящихся на Мензелинском направлении. Запрошу группы и завтра сообщу. Не можете ли сказать, когда будет готова мощная передаточная радиостанция, которую союзники ставят в Омске, и можно ли будет говорить с Кавказом и городом Николаевым.

– Относительно мощной радиостанции я слышал, что она будет поставлена не ранее как недели через две, об этом слышал неделю тому назад, в каком положении она сейчас вам сказать не могу. Наведу справки и вам сообщу. Относительно сведений по национальностям благоволите сообщить завтра или послезавтра. Буду вам за это очень благодарен. Пока всего наилучшего». (Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 39617. Оп. 1. Д. 176. Л. 82).

«13 ноября 1918 г. Омск. ШтабАрмия. Чехоштаба. Челяба. 13 ноября. Разведывательное –

3-я армия – 24 000 русских, 2 000 латышей, 1 500 китайцев, 2 000 мадьяр и немцев, 700 эстонцев, 50 мусульман, 30 % добровольцев и 70 % мобилизованных.

2-я армия – 14 000 русских, 7 500 мусульман, 4 000 латышей и эстонцев, 1 300 китайцев, 2 000 немцев, 100 чехо-словаков. Мобилизованных 60 %, добровольцев 40 %.

5-я армия – 20 000 русских, 3 800 латышей и эстонцев, 2 200 мадьяр и немцев, 500 китайцев, 500 украинцев, 300 поляков, 250 чехо-словаков, 250 юго-славян, 2 000 мусульман. 35 % добровольцев и 65 % мобилизованных. Большая часть мадьяр и немцев производят в тылу мобилизации и реквизиции. Чехо-словаки и юго-славяне все несут в тылу охранную службу. НР 490. Поручик Сметана.» (РГВА. Ф. 39617. Оп. 1. Д. 176. Л. 83).

«11 ноября 1918 г. Начальнику Разведывательного Отделения Сибирской Армии. Из Оренбурга. На НР 1097/ Р Сведения о национальном составе весьма скучны. Известно следующее:

Бузулукское направление – 17 000 штыков, 1 000 сабель, 200 пулеметов, 60 орудий, 1 броневик.

Уральское – 16 000 штыков, 3 200 сабель, 20 пулеметов, 60 орудий.

Ташкентское – 12 000 штыков, 1 600 сабель, 170 пулеметов, 36 орудий, 3 блиндированных поезда, 3 броневика, 1 аэроплан, 1 прожектор. На Бузулукском направлении почти исключительно русские, на Уральском ко 2 ноября было 70 % мадьяр, латышей, немцев и т. д. Новых сведений нет. Ташкентское около 3 000 мадьяр и около 600 австрийских немцев и славян, остальные русские. НР 48 / Ф. Капитан Фризель (РГВА. Ф. 39617. Оп. 1. Д. 176. Л. 84).

Таким образом, состав красных, по оценкам белых, – 3-я армия – 30 700 чел. (30 % добровольцев и 70 % мобилизованных), 2-я армия – 29 000 (соответственно 40 % и 60 %), 5-я армия – 30 000 (35 % и 65 %), 1-я армия (Бузулукское направление) – 18 000 (почти все русские), 4-я армия (Уральское направление) – 19 000 (70 % мадьяр, латышей, немцев) и Ташкентское направление – 13 600 (3 000 мадьяр и 600 австрийских немцев) (РГВА. Ф. 39617. Оп. 1. Д. 176. Л. 83).

Большевистская практика обращения с военно-командными кадрами

Военную политику российских коммунистов формировал В.И. Ленин. Базовым принципом военной политики РКП(б) он считал классовый подход к комплектованию Красной армии. В «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа», принятой большевиками 12 января 1918 г. и включенной в 1-ю советскую Конституцию подчеркивалось: «В интересах обеспечения всей полноты власти за трудящимися массами и устранения всякой возможности восстановления власти эксплуататоров, **декретируется вооружение трудящихся, образование социалистической красной армии рабочих и крестьян, и полное разоружение имущих классов**».

Большевистский режим и его военачальники, на наш взгляд, были связаны по шести направлениям: 1) Партийной практикой с опасениями бонапартизма, «партизанщины», «махновщины»; 2) Подлинно коммунистическим (строго потребительским) отношением к благодарности, наследию, прошлым заслугам; 3) Деятельностью карательных органов с их перевыполняющей планы внесудебной «профилактикой» заговоров; 4) Первой реакцией на сильнейшие кризисы в ходе боевых действий, поиском «стрелочников»; 5) Право выступало одним из инструментов (у некоторых приоритетным) самого полководца; 6) Безальтерантивным поддержанием монополизма в сфере текущих оценок и исторической памяти.

Особо выделим, что большая часть вышеперечисленных приемов показала удивительную устойчивость и полную преемственность от военных мероприятий большевиков в 1917 г. (а в ряде случаев и

Список источников

Ануфриев А.В. Австро-венгерские военнопленные в Иркутске (обзор фондов Государственного архива Иркутской области) // Сибирская ссылка. Сборник научных статей. Иркутск: Оттиск, 2009. Выпуск 5 (17). С. 19–29. EDN: UPBACY.

Ануфриев А.В. Военнопленные мировой войны в Приангарье // Иркутск и иркутяне в Первой мировой войне: исследования и материалы. Коллективная монография. Иркутск: Оттиск, 2014. С. 373–395.

Ануфриев А.В., Козлов Д.В. «Жаль этих славных парней...» (к вопросу о пребывании австро-венгерских военнопленных в Иркутске) // Известия Лаборатории древних

раньше в их нелегальной борьбе) до военно-кадровой политики коммунистического режима вплоть конца существования Советского Союза в 1991 г.

В ходе Гражданской войны множество красных военачальников погибли от рук собственной политической власти по суду или без суда: В 1918 г. это командующие Восточным фронтом М.А. Муравьев, Балтийским флотом Алексей Михайлович Щастный; армиями на Северном Кавказе: И.И. Матвеев, И.Л. Сорокин. Там же отстранен А.И. Автономов, объявлен изменником И.И. Гайчинец. Их подчиненные погибнут в январе – феврале 1919 г. при отступлении от Кизляра к Астрахани. Самой знаменитой жертвой «своих» в 1920 г. стал командир Конного корпуса Борис Мокеевич Думенко, в 1921 г. – командующий 2-й конной армией Филипп Кузьмич Миронов.

На примере этих красных командиров (в тяготевшей к сокращениям лексике периода Гражданской войны «краскомов»), включая Феодосия Петровича Лаврова, видно как парадоксальным образом сливались идеализм и pragmatism, жажда материальной наживы и стремление убивать, военный опыт и революционная демагогия, героизм и предательство. Видно как быстро перестало быть правилом «Мертвые сраму не имут», а преступления или позорные провалы одних оказались приписаны другим. Как если не на деле, то словом «наказали невиновных, наградили непричастных». Таково бесцеремонно потребительское тактически выгодное, но стратегически обреченное на закономерный крах обращение большевиков с военными героями – потенциальными авторитетами, возможными образцами для подражания масс.

References

Anufriev A.V. (2009) Austro-Hungarian prisoners of war in Irkutsk (review of the funds of the State Archive of the Irkutsk region). *Siberian Deportation. Collection of Scientific Articles*. Irkutsk: Ottisk. Iss. 5 (17). P. 19-29. (In Russ.). EDN: UPBACY.

Anufriev A.V. (2014) Prisoners of war of the World War in the Angara region. *Irkutsk and Irkutsk in the First World War: research and materials*. A collective monograph. Irkutsk: Ottisk. P. 373-395. (In Russ.).

Anufriev A.V., Kozlov D.V. (2019) “I wish these nice guys...” (the question of the stay of Austro-Hungarian prisoners of war in Irkutsk). *Reports of the Laboratory of Ancient*

технологий. 2019. Т. 15. № 4. С. 153–167.
DOI: 10.21285/2415-8739-2019-4-153-167. EDN: WGTMOE.

Бернштам М. Стороны в гражданской войне 1917–1922 (Проблематика, методология, статистика). М. : [б. и.], 1992. 95 с.

Вурцер Г. Судьба немецкого военнопленного Первой мировой войны в России: По страницам романов Эдвина Эриха Двингера // Новый часовой. 2004. № 15–16. С. 201–215.

Гагкуев Р.Г. Рапорт французского капитана Поля Пеллио о ситуации в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке зимой 1918 г. // Новейшая история России. 2022. Т. 12. № 1. С. 227–250.
DOI: 10.21638/11701/spbu24.2022.114. EDN: RWMZJK.

Ганин А.В. 50 офицеров. Герои, антигерои и жертвы на историческом переломе. 1917–1922 гг. М. : Кучково поле Музеон; Издательский центр «Воевода», 2022. 704 с.
DOI: 10.31168/907174-80-1. EDN: JOQQT.

Гергилева А.И. Военнопленные Первой мировой войны на территории Сибири. Красноярск : Сибирский гос. технологический ун-т, 2007. 124 с. EDN: QPIXGV.

Греков Н.В. Германские и австрийские пленные в Сибири (1914–1917) // Немцы. Россия. Сибирь : сборник статей. Омск : Бюджетное учреждение культуры Омской области «Омский государственный историко-краеведческий музей», 1997. С. 154–180. EDN: ZBDIBB.

Двингер Э. Армия за колючей проволокой. Дневник немецкого военнопленного в России 1915–1918 гг. / пер. с немецкого Е.Н. Захарова. М. : Центрполиграф, 2004. 349, [1] с.

Интернационалисты: Трудящиеся зарубежных стран – участники борьбы за власть Советов на юге и востоке Республики / ред. коллегия: А.Я. Манусевич (отв. ред.) и др. М. : Наука, 1967. Т. 1. 614 с.

Ланник Л.В. Начало интервенции на Дальнем Востоке в 1918 году через призму интересов Центральных держав // Известия Лаборатории древних технологий. 2021. Т. 17. № 1. С. 240–261. DOI: 10.21285/2415-8739-2021-1-240-261. EDN: GEAQHH.

Новиков П.А. Гражданская война в Восточной Сибири. М. : Центрполиграф, 2005. 414, [1] с.

Новиков П.А., Романов А.М. Заготовка жёрнова на собственную шею: Приключения борцов за советскую власть в Сибири и на Дальнем Востоке // Родина. 2011. № 2. С. 98–102. EDN: PAQGGL.

Познанский В.С. Очерки истории вооруженной борьбы Советов Сибири с контрреволюцией в 1917–1918 гг. Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1973. 307 с.

Пученков А.С. Первый год Добровольческой армии: от возникновения «Алексеевской организации» до образования Вооруженных Сил на Юге России. Ноябрь 1917 – декабрь 1918 гг. СПб.: Владимир Даль, 2021. 813 с.
EDN: WORRNQ.

Седых К.Ф. Даурия. Роман. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1967. 868 с.

Technologies. Vol. 15. No. 4. P. 153–167. (In Russ.)
DOI: 10.21285/2415-8739-2019-4-153-167. EDN: WGTMOE.

Bernshtam M. (1992) Parties in the Civil War of 1917–1922 (Problems, Methodology, Statistics). Moscow. 95 p. (In Russ.).

Wurzer G. (2004) The fate of a German prisoner of war of the First World War in Russia. Based on the pages of novels by Edwin Erich Dwinger. *New Guard*. No. 15–16. P. 201–215. (In Russ.).

Gagkuev R.G. (2022) A report by French captain Paul Pelliot on the situation in Eastern Siberia and the Far East in Russia in the winter of 1918. *Modern history of Russia*. Vol. 12. No. 1. P. 227–250. (In Russ.).
DOI: 10.21638/11701/spbu24.2022.114. EDN: RWMZJK.

Ganin A.V. (2022) 50 Officers. Heroes, Anti-Heroes, and Victims at the Turning Point of History. 1917–1922. Moscow: Kuchkovo Pole Museon; Voevoda Publishing Center. 704 p. (In Russ.). DOI: 10.31168/907174-80-1. EDN: JOQQT.

Gergileva A.I. (2007) Prisoners of war of the First World War in Siberia. Krasnoyarsk: Siberian State Technological University. 124 p. (In Russ.). EDN: QPIXGV.

Grekov N.V. (1997) German and Austrian prisoners of war in Siberia (1914–1917). Germans. Russia. Siberia: Collection of articles. Omsk: Byudzhetnoe uchrezhdenie kul'tury Omskoi oblasti “Omskii gosudarstvennyi istoriko-kraevedcheskii muzei”. P. 154–180. (In Russ.). EDN: ZBDIBB.

Dwinger E. (2004) Die Armee hinter Stacheldraht. Diary of a German prisoner of war in Russia 1915–1918. (Russ. ed.: Armiya za kolyuchei provolokoi. Dnevnik nemetskogo voennoplenennogo v Rossii 1915–1918 gg. Moscow: Tsentrpoligraf, 2004. 350 p.).

Manusevich A.Ya (1967) Internationalists: Workers of foreign countries are participants in the struggle for Soviet power in the south and east of the Republic. Moscow: Nauka. Vol. 1. 614 p. (In Russ.).

Lannik L.V. (2021) The beginning of the intervention on the Russian Far East in 1918 through a lens of the interests of the Central Powers. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 17. No. 1. P. 240–261. (In Russ.).
DOI: 10.21285/2415-8739-2021-1-240-261. EDN: GEAQHH.

Novikov P.A. (2005) The Civil War in Eastern Siberia. Moscow: Tsentrpoligraf. 414, [1] p. (In Russ.).

Novikov P.A., Romanov A.M. (2011) Harvesting a mill-stone for your own neck: The adventures of fighters for Soviet power in Siberia and the Far East. *Rodina*. No. 2. P. 98–102. (In Russ.). EDN: PAQGGL.

Poznanskii V.S. (1973) Essays on the history of the armed struggle of the Soviets of Siberia against the counterrevolution in 1917–1918. Novosibirsk: Nauka. Siberian Branch. 307 p. (In Russ.).

Puchenkov A.S. (2021) The first year of the Volunteer Army: From the emergence of the Alekseev Organization to the formation of the Armed Forces in the South of Russia. November 1917 – December 1918. St. Petersburg: Vladimir Dal. 813 p. (In Russ.). EDN: WORRNQ.

Sedykh K.F. (1967) Dauria. Novel. Irkutsk: Vost.-Sib. kn. изд-во. 868 p. (In Russ.).

Серебренников И.И. Претерпев судеб удары. Дневник 1914–1918 гг. Иркутск : Издатель Сапронов, 2008. 589, [2] с.

Хипхенов Г.И. Герой должен быть один? Ф. Лавров и Н. Каландаришвили // Известия Лаборатории древних технологий. 2018. Т. 14. № 3. С. 150–167. DOI: 10.21285/2415-8739-2018-3-150-167. EDN: YLJSTZ.

Хипхенов Г.И. Крушение Центросибири : монография. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2022. 611 с.

Serebrennikov I.I. (2008) Has suffered a lot of blows. The diary of 1914-1918. Irkutsk: Publisher Sapronov. 589, [2] p. (In Russ.).

Hiphenov G.I. (2018) A hero should be one? F. Lavrov and N. Kalandarishvili. *Journal of Ancient Technology Laboratory*. Vol. 14. No. 3. P. 150–167. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2018-3-150-167. EDN: YLJSTZ.

Hipkhenov G.I. (2022) The Collapse of the Central Siberian Railway. Irkutsk: Irkutsk State University. 611 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Новиков Павел Александрович,
доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и философии, Иркутский национальный исследовательский технический университет, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия; ведущий научный сотрудник научно-исследовательской части, Иркутский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1, Россия, e-mail: novikov710@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2968-7822>

Information about the author

Pavel A. Novikov,
Dr. Sci. (History), Professor, Head of Chair of the History and Philosophy, Irkutsk National Research Technical University, 83, Lermontov St., Irkutsk 664074, Russia; Leading Researcher of the Research Unit, Irkutsk State University, 1, K. Marx St., Irkutsk 664003, Russia, e-mail: novikov710@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2968-7822>

Вклад автора

Новиков П.А. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Contribution of the author

Novikov P.A. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Конфликт интересов

Новиков П.А. является членом редакционной коллегии журнала «Известия Лаборатории древних технологий» с 2014 года, но не имеет отношения к решению опубликовать эту статью. Статья прошла принятую в журнале процедуру рецензирования. Об иных конфликтах автор не заявлял.

Conflict of interests

Novikov P.A. has been a member of the editorial board of the Journal "Reports of the Laboratory of Ancient Technologies" since 2014, but he did not take part in making decision about publishing the article under consideration. The article was reviewed following the Journal's review procedure. The author did not report any other conflicts of interest.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 17 сентября 2025 г.; одобрена после рецензирования 14 октября 2025 г.; принята к публикации 20 октября 2025 г.

Article info

The article was submitted September 17, 2025; approved after reviewing October 14, 2025; accepted for publication October 20, 2025.

История

Научная статья
УДК 94(571.1)
EDN: JBDIOQ
DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2025-4-126-136>

Тюремная система советского Дальнего Востока в 30-е годы XX в.

Е.В. Суверов

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия

Аннотация. После октябрьской революции 1917 г. и Гражданской войны старая «царская» тюремная структура была упразднена, но именно на ее материальной базе в виде зданий в 1930-е годы стала создаться новая советская система. Изменения коснулись, прежде всего, кадрового надзирательского состава, при этом приоритет при отборе отдавался представителям пролетариата и беднейшего крестьянства. Важнейшим направлением в деятельности советской пенитенциарной системы стало трудовое использования заключенных, в том числе и находящихся в статусе подследственных в тюремных камерах. Для этого организовывалось привлечение заключенных к ловле рыбы, сбору грибов и ягод, заготовке топлива, расширялись подсобные животноводческие и полеводческие хозяйства. Полученные таким образом продукты питания потреблялись самими заключенными, а также сотрудниками ОГПУ-НКВД. Постепенно происходило деление тюрем в соответствии с определенными функциями в их деятельности, наметилась определенная специализация мест заключения. На Дальнем Востоке образовалась сеть общих тюрем, где находились лица, в отношении которых проводились следственные действия. Штатная структура тюрем не была постоянной, изменения происходили по мере необходимости. Распространенным явлением стало оборудование внутренних тюрем в зданиях Управлений НКВД, где содержались лица, обвиняемые в особо опасных, государственных преступлениях, а также внутренних камерах, располагавшихся в районных и городских отделах НКВД. Ужесточение репрессивной государственной политики в стране привело к увеличению численности в местах заключения подследственных заключенных, что усугубляло проблемы в обеспечении санитарной безопасности, снабжении их продуктами питания и одеждой, оказанием медицинской помощи. Большое значение уделялось созданию условий для надежной изоляции «спецконтингента», борьбе с агрессивными представителями «бандитско-воровского элемента», пресечению побегов и других противоправных деяний.

Ключевые слова: тюрьма, заключенные, Дальний Восток, штат, камеры, трудовая деятельность, система, 30-е годы, НКВД

Для цитирования: Суверов Е.В. Тюремная система советского Дальнего Востока в 30-е годы XX в. // Известия Лаборатории древних технологий. 2025. Т. 21. № 4. С. 126–136. DOI: [10.21285/2415-8739-2025-4-126-136](https://doi.org/10.21285/2415-8739-2025-4-126-136). EDN: JBDIOQ.

History

Original article

The prison system of the Soviet Far East in the 1930s

Evgeny V. Suverov

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia

Abstract. After the October Revolution of 1917 and the Civil War, the old “Tsarist” prison structure was destroyed and a new, Soviet system was created on its material base in the 1930s. The changes affected, first of all, the personnel and supervisory staff, with priority in selection given to representatives of the proletariat and the poorest peasantry. The most important area of activity of the socialist penitentiary system was the labor use of prisoners, including those under investigation, in prison cells. For this purpose, prisoners were organized to catch fish, collect mushrooms and berries, prepare fuel, and livestock and field farms were expanded. The food products obtained in this way were consumed by the prisoners themselves, as well as by the OGPU-NKVD employees. Gradually, prisons were divided in accordance with certain functions in their activities, a certain specialization was outlined. In the Far East, a network of general prisons was formed, where persons were being held under investigation. The staffing structure of prisons was not constant, changes occurred as needed. It became common to equip internal prisons in the buildings of

the NKVD Directorates, where persons accused of especially dangerous, state crimes were held, as well as internal cells located in district and city NKVD departments. The tightening of the repressive state policy in the country led to an increase in the number of defendants in places of detention, which created problems in ensuring sanitary safety, supplying them with food and clothing, and providing medical care. Great importance was given to creating conditions for reliable isolation of the special contingent, combatting aggressive representatives of the bandit-thieving element, preventing escapes and other illegal acts.

Keywords: prison, prisoners, Far East, state, cells, labor activity, system, 1930s, NKVD

For citation: Suverov E.V. (2025) The prison system of the Soviet Far East in the 1930s. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 21. No. 4. P. 126-136. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2025-4-126-136. EDN: JBDIOQ.

Изучение тюремной системы советского периода имело разносторонний характер. Часть научных работ избрали общесоюзные территориальные рамки (Реент, Юнусов, 2018; Иваненко, Малкова, 2019; Рассказов, Упоров, 1999; и др.). Отдельно можно выделить сборники документов (Ссылки, тюремы, лагеря..., 2023)¹. Множество исследований было направлено на изучение регионального аспекта (Суверов Е.В., Суверов С.В., 2024; Суверов, Малкова, 2012; Красилов, 2023; Красилов, 2024 и др.). Все авторы особо подчеркивали вклад пенитенциарной системы в экономику СССР (Смыкалин, 2007; Мануйлов, 2021; и др.), необходимость соблюдения режима содержания в советских тюрьмах (Сорокин, Сорокина, 2013; Сорокин, Сорокина, 2014; и др.), борьбу с преступным элементом в местах лишения свободы (Оганесян, Жаркой, 2020; и др.), соблюдение санитарно-бытовых условий (Семенов, 2018). Непосредственно исправительно-трудовая система дальневосточного региона представлена работами Е.Н. Чернолуцкой (Чернолуцкая, 1998; Чернолуцкая, 2016) и др., а также трудами Н.А. Шабельниковой и А.В. Жадан обо всей правоохранительной системе Дальнего Востока (Шабельникова, 2024; Жадан, 2023; и др.).

В 1930-е годы шел активный процесс формирования советской пенитенциарной системы. Изоляторы для лиц, находившихся под следствием, были переименованы в тюрьмы, хотя это не соответствовало действовавшему тогда законодательству – Исправительно-трудовому кодексу РСФСР 1933 г. (Ерин, Кузнецов, 2023. С. 131). Тюремная система в Советском Союзе окончательно сформировалась в конце 1930-х годов и подразделялись

на общие, специальные, пересыльные и внутренние тюрьмы НКВД.

В общих тюрьмах находились подследственные граждане, а также уже осужденные, ожидающие свои направления (этапирования) в исправительно-трудовые учреждения, а также заключенные (далее з/к), выполняющие различные хозяйствственные работы на тюремной территории. В специальных тюрьмах содержались особо опасные преступники, наказание которых заключалось в нахождении в камерах, где осуществлялась особая изоляция от общества (но в регионе таких тюрем не было, как, впрочем, и пересыльных).

Внутренние тюрьмы были во всех региональных зданиях УНКВД, размещались они в подвальных помещениях, где находились, как правило, подследственные обвиняемые в политических преступлениях. Это давало возможность следователям экономить свое время для поездки в общую тюрьму для проведения допросов, при этом, усиливая давление на обвиняемых, можно было вести допросы фактически круглосуточно, меняя друг друга. Отсутствие полноценного сна, физическое и психологическое воздействие были направлены на получение признательных показаний от з/к, которые позднее становились основанием для оглашения приговора.

Ужесточение государственной карательной политики приводило к массовым арестам в период т. н. репрессий (особый всплеск которых произошел в 1937–1938 гг.), что приводило к дефициту помещений в местах заключения. Всего жилая площадь в тюрьмах Дальневосточного края (в 1935 г.) составляла 6914 кв. метров, где находилось 3100 заключенных (Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р. 9414. Оп. 1. Д. 2740. Л. 16).

В определенной степени к тюремной системе можно относить и внутренние камеры, размещавшиеся в районных и городских отделениях НКВД,

¹ Ссылки, тюремы, лагеря 1930–1940-х годов: особенности повседневности в экстремальной ситуации. Сборник документов / сост., подгот. текста, вступит. статья, comment. О.Л. Милова. М. : Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. 2023. 304 с.

куда помещались на небольшой срок граждане, подозреваемые и обвиняемые в совершенных преступлениях, позднее направляемые в тюрьмы, для проведения дальнейших следственных действий. Однако во многих внутренних камерах отмечалась слабая изоляция и существовали проблемы в обеспечении санитарно-бытового содержания. Летом 1939 г. было принято решение о ликвидации внутренних тюремных камер при городских отделах УКНВД в городах Свободном, Куйбышевке и Охе на Сахалине, как не отвечающих требованиям тюремного режима. З/к, находящиеся во внутренней тюремной камере Куйбышевского райотдела УН-

КВД, были размещены в Благовещенской общей тюрьме; заключенные, содержащиеся во внутренней тюремной камере при Свободненском городском отделе НКВД, были направлены в Свободненскую общую тюрьму; з/к, содержащиеся во внутренней тюремной камере в городе Охе, были переведены и размещены в Охинской общей тюрьме (Архив ИЦ УМВД России по Хабаровскому краю. Ф. 40. Оп. 1. Д. 38. Л. 249).

Штатный состав тюрем УНКВД по Дальнему Востоку (ДВК) в июле 1938 г. представлен в таблице (составлено по: Архив ИЦ УМВД России по Хабаровскому краю. Ф. 40. Оп. 1. Д. 24. Л. 11–14).

Таблица. Структура дальневосточных тюрем 1938 г.
Table. The structure of the Far Eastern prisons in 1938

Наименование аппарата	Наименование должностей	Количество
Тюрьма при НКВД по ДВК. Город Хабаровск	Начальник тюрьмы Помощник начальника тюрьмы Дежурный – помощник начальника Старший надзиратель Надзиратель 1-й категории Надзиратель Врач Библиотекарь Дезинфектор Лекарский помощник (лекпом) Заведующий делопроизводством Бухгалтер Заведующий складом Повар Помощник повара Обслуживающий персонал Заведующий кладовой	1 1 4 10 24 60 1 1 1 3 1 1 1 1 1 2 4 1
Тюрьма при НКВД Еврейской автономной области. Город Биробиджан	Старший по корпусу Надзиратель 1-й категории Надзиратель Обслуживающий персонал	1 2 5 1
Тюрьма при НКВД. Город Николаев-на-Амуре	Начальник тюрьмы Надзиратель 1-й категории Надзиратель Лекпом Повар Обслуживающий персонал	1 2 6 1 1 1
Тюрьма при Сахалинском УНКВД. Город Александровск на острове Сахалин	Начальник тюрьмы Надзиратель 1-й категории Надзиратель Лекпом Повар Обслуживающий персонал	1 2 8 1 1 1

Тюрьма при Камчатском област. УНКВД город. Петропавловск на Камчатке	Начальник тюрьмы Надзиратель 1-й категории Надзиратель Лекпом Повар Обслуживающий персонал	1 2 8 1 1 1
Тюрьма при УНКВД Приморской области. Город Владивосток	Начальник тюрьмы Старший надзиратель Надзиратель 1-й категории Надзиратель Врач Повар Обслуживающий персонал Заведующий кладовой	1 2 4 10 1 1 1 1
Тюрьма при УНКВД Приморской области. Город Ворошилов	Начальник тюрьмы Старший надзиратель Надзиратель 1-й категории Надзиратель Врач Повар Обслуживающий персонал Заведующий кладовой	1 3 5 10 1 1 1 1
Тюрьма при УНКВД Приморской области. Город Благовещенск	Начальник тюрьмы Старший надзиратель Надзиратель 1-й категории Надзиратель Лекпом Повар Обслуживающий персонал Заведующий кладовой	1 3 4 11 1 1 1 1
Тюрьма при Куйбышевском РО НКВД	Старший надзиратель Надзиратель	1 6
Тюрьма при Комсомольском ГО НКВД. Город Комсомольск	Старший надзиратель Надзиратель	1 4
Тюрьма при Свободненском ГО НКВД. Город Свободный	Надзиратель	4
Тюрьма при Спасском РО НКВД. Го- род Спасск-Дальний	Надзиратель	4
Тюрьма при Кавалеровском РО НКВД. Село Кавалерово	Надзиратель	4
Тюрьма при РО НКВД. Бухта Совет- ская Гавань	Надзиратель	4
Тюрьма при Ольгинском РО НКВД. Бухта Ольга	Надзиратель	4

Для удобства и сокращения названий, все об-
щие тюрьмы получали свои номера, находясь в под-
чинении тюремных отделов Административно-
хозяйственных управлений региональных УНКВД, а
также Главного тюремного управления НКВД СССР.

Это произошло в конце 1938 г., когда всем
тюрьмам был присвоен порядковый номер и было
определенное максимальное количество спецконтин-
гента. Лимит заключенных в 1939 г. в тюрьме № 1
города Хабаровска составлял 845 з/к, в тюрьме № 3

города Благовещенск – 1500 з/к, в тюрьме № 4 города Свободный – 250 з/к, в тюрьме № 6 города Николаевска-на-Амуре – 240 з/к, в тюрьме № 7 города Александровска-на-Сахалине – 240 з/к, в тюрьме № 8 город Оха на Сахалине – 125 з/к, в тюрьме № 9 города Петропавловска-на-Камчатке – 184 з/к.

Штатное количество тюремных сотрудников изменялось в течение времени и имело тенденцию к увеличению своей численности. Численность личного состава общей тюрьмы № 1 тюремного отдела УНКВД по Хабаровскому краю города Хабаровска. 1939 г.: начальник тюрьмы, заместитель начальник по оперчасти, политрук, дежурный помощник начальника тюрьмы – 4 ед., оперуполномоченный, старший библиотекарь, библиотекарь – 2 ед., инструктор боевой подготовки, старший по корпусу – 4 ед., старший надзиратель – 12 ед., надзиратель 1-й категории – 16 ед., надзиратель – 49 ед., старший пожарный, пожарный – 3 ед., начальник канцелярии, инспектор по учету, заведующий делопроизводством, старший делопроизводитель, делопроизводитель, машинистка, фото-дактилоскоп (Архив ИЦ УМВД России по Хабаровскому краю. Ф. 40. Оп. 1. Д. 38. Л. 347–379).

Численность личного состава общей тюрьмы № 3 города Благовещенска. 1939 г.: начальник тюрьмы, заместитель начальника по оперчасти, политрук, дежурный помощник начальника тюрьмы – 4 ед., оперуполномоченный, помощник оперуполномоченного, заведующий тюремной библиотекой, библиотекарь – 3 ед., инструктор пропаганды, инструктор боевой подготовки, старший по корпусу – 8 ед., старший надзиратель – 12 ед., надзиратель 1-й категории – 14 ед., надзиратель – 47 ед., старший пожарный, пожарный – 3 ед., начальник канцелярии, инспектор по учету, заведующий делопроизводством, старший делопроизводитель, делопроизводитель – 2 ед., машинистка – 2 ед., фото-дактилоскоп, начальник финансовой части, бухгалтер, казначей-счетовод.

Количество личного состава общей тюрьмы № 4 города Свободный. 1939 г.: начальник тюрьмы, политрук, дежурный помощник начальника тюрьмы – 4 ед., помощник оперуполномоченного, библиотекарь – 1 ед., старший надзиратель – 5 ед., надзиратель 1-й категории – 7 ед., надзиратель – 29 ед., старший пожарный, пожарный – 1 ед., пожарный,

начальник канцелярии, делопроизводитель, делопроизводитель-машинистка, фото-дактилоскоп, бухгалтер, казначей-счетовод, врач, лекпом, санитар, дезинфектор.

Численность личного состава общей тюрьмы № 6 города Николаевска-на-Амуре. 1939 г.: начальник тюрьмы, политрук, дежурный помощник начальника тюрьмы – 4 ед., помощник оперуполномоченного, библиотекарь, старший надзиратель – 8 ед., надзиратель 1 категории – 9 ед., надзиратель – 32 ед., старший пожарный, пожарный, начальник канцелярии, старший делопроизводитель, делопроизводитель-машинистка, фото-дактилоскоп, начальник финчасти, бухгалтер, казначей-счетовод, врач, лекпом, санитар, дезинфектор.

Штатное расписание общей тюрьмы № 7 города Александровска-на-Сахалине. 1939 г.: начальник тюрьмы, политрук, помощник оперуполномоченного, старший по корпусу – 4 ед., старший надзиратель – 6 ед., надзиратель 1-й категории – 8 ед., надзиратель – 26 ед., старший пожарный, пожарный, заведующий делопроизводством, делопроизводитель, делопроизводитель-машинистка, фото-дактилоскоп, бухгалтер, казначей-счетовод, врач, лекпом, санитар, дезинфектор, заведующий хозяйством, сотрудник для поручений, заведующий складом, шофер.

Численность личного состава общей тюрьмы № 8 города Оха на Сахалине. 1939 г.: начальник тюрьмы, политрук, помощник оперуполномоченного, старший по корпусу – 4 ед., старший надзиратель – 4 ед., надзиратель 1-й категории – 4 ед., надзиратель – 24 ед., пожарный, заведующий делопроизводством, фото-дактилоскоп, бухгалтер, лекпом, санитар, заведующий складом, повар, старшая прачка (Архив ИЦ УМВД России по Хабаровскому краю. Ф. 40. Оп. 1. Д. 38. Л. 346, 351, 379).

Численность личного состава общей тюрьмы № 9 города Петропавловска-на-Камчатке. 1939 г.: начальник тюрьмы, политрук, дежурный помощник начальника тюрьмы – 4 ед., помощник оперуполномоченного, старший надзиратель – 6 ед., надзиратель 1-й категории – 4 ед., надзиратель – 26 ед., старший пожарный, пожарный, заведующий делопроизводством, делопроизводитель-машинистка, фото-дактилоскоп, бухгалтер, казначей-счетовод, врач, лекпом, санитар, медсестра, заведующая хозяйством, заведующий складом, рулевой катера,

моторист (Архив ИЦ УМВД России по Хабаровскому краю. Ф. 40. Оп. 1. Д. 38. Л. 379).

Комплектованию охраны уделялось большое внимание, в частности для обеспечения режима содержания и предотвращения побегов. В связи с увеличением площади тюрьмы № 1 в городе Хабаровске в конце 30-х годов были установлены дополнительно 12 круглосуточных постов из расчета 4-х младших надзирателей на пост. Были введены в тюремный штат 48 младших и 5 старших надзирателей (Архив ИЦ УМВД России по Хабаровскому краю. Ф. 40. Оп. 1. Д. 23 Л. 255). Для мероприятий охранного процесса привлекался личный состав внутренней охраны НКВД, в частности 22-го Колымского стрелкового полка (Архив ИЦ УМВД России по Хабаровскому краю. Ф. 40. Оп. 1. Д. 16. Л. 201).

Личный состав тюрем проводил плановые и внеплановые обыски, изымая вещи, запрещенные к использованию. Старший надзиратель спецкорпуса Алханов 2 июля 1938 г., произведя тщательный обыск важного государственного преступника, обнаружил у него под стелькой ботинка лезвие бритвы. После чего Алханову была объявлена благодарность с выдачей 100 рублевой премии (Архив ИЦ УМВД России по Хабаровскому краю. Ф. 40. Оп. 1. Д. 26. Л. 23).

Несмотря на предпринимаемые меры, совершались попытки побегов, некоторые из которых удачные. Например, 31 июля 1938 г. в тюрьме № 10 УНКВД в камере заключенных участников «правотроцкистского» заговора был обнаружен подкоп. Побег был пресечен благодаря сообщению другого з/к, обвиняемого за бытовое преступление (Архив ИЦ УМВД России по Хабаровскому краю. Ф. 40. Оп. 1. Д. 24. Л. 125).

В ночь на 8 мая 1938 г. содержавшиеся в корпусе тюрьмы УНКВД по ДВК № 4 (город Свободный) следственно-заключенные Семин (бандитизм), Николаев (вор-рецедивист), Ушаков (контрреволюционная деятельность) совершили побег, прорезав деревянный пол камеры. После чего произведя подкоп, они беспрепятственно пробрались с длинной доской через тюремный двор и перелезли в 50 метрах от будки привратника через забор с колючей проволокой. Побег произошел в результате царившей в тюрьме «расхлябанности и морального разложения». С 2 по 8 мая 1938 г. тюремная электростанция не работала из-за отсутствия горючего для

двигателя, не было освещения и не была выставлена усиленная охрана.

Помощник ответственного по тюрьме № 4 Сытиков вместо проверки бдительности постов спал, забравшись в будку привратника, а привратник Гальян отсиживался в другом домике, не наблюдая за своим участком двора. Начальник тюрьмы Камин систематически «пьянистовал», не выходя на работу.

Среди старшего и младшего состава тюрьмы фиксировались неоднократные коллективные злоупотребления спиртными напитками. Так, 6 апреля 1938 г. начальник охраны Кузин, комендант корпуса Савинов и надзиратель Воробьев в нетрезвом состоянии в городе Свободном упали в канаву одной из городских улиц, 2 мая 1938 г. нетрезвые надзиратели Сытиков и Гальян были арестованы и преданы суду (Архив ИЦ УМВД России по Хабаровскому краю. Ф. 40. Оп. 1. Д. 26. Л. 34, 35).

Серьезные проблемы в соблюдении режима содержания возникали в связи с активизацией в местах лишения свободы так называемого «бандитско-воровского элемента». Иерархию преступного мира в СССР возглавляли так называемые «воры». «Воровской закон» запрещал им заниматься любой трудовой деятельностью, служить в государственных структурах. «Элита» преступного мира, благодаря своей сплоченности и дерзости, занимала господствующее положение в местах лишения свободы, они легко узнавали друг друга по татуировкам, специальному жаргону, жестикуляции и походке (Суверов, Шашин, 2020. С. 80).

Все тридцатые годы наблюдалось ужесточение репрессивной политики, в том числе и в отношении уголовно-бандитствующих элементов в местах лишения свободы (Сидоркин, 2015. С. 100).

Однако плановый подход к количеству арестов порождал беззаконие, когда множество невинных советских граждан пытались привлечь к уголовной ответственности. Так, только за 9 месяцев 1933 г. на Дальнем Востоке органами ОГПУ было арестовано 10746 человек. Из них в дальнейшем было освобождено за отсутствием оснований для предания суду 3759 человек. Из направленных на рассмотрение в «тройки» часть уголовных дел были также отклонены (ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 28. Л. 1-17).

В тюремной системе была организована производственная деятельность силами заключенных: это, прежде всего, подсобное хозяйство, где разводились домашние животные, выращивались растения, функционировали небольшие мастерские по пошиву и ремонту одежды, обуви, изготовлении мебели и т. д.

Промышленность ГУЛАГА НКВД СССР (куда входила и тюремная система) охватывала 17 отраслей, где значительное место отводилось изготовлению товаров народного потребления (Министерство внутренних дел..., 2004. С. 330). Производственная деятельность строилась на строгом планировании.

Годовой план дальневосточных тюрем за 1936 г., увеличенный по распоряжению ГУЛАГа на 600 тыс. рублей, был выполнен досрочно за 10 месяцев на 122,6%. Хабаровская тюрьма перевыполнила план на 143,5%, Уссурийская тюрьма на 109,6%. Петропавловская тюрьма в денежном эквиваленте выполнила план за 10 месяцев на 737,2 тыс. руб., Александровская тюрьма – на 479,3 тыс. рублей, Свободненская тюрьма – на 320,1 тыс. рублей.

Однако отмечались факты незаконного применение труда заключенных в личных целях, в том числе на изготовление предметов хозяйственного пользования, строительства и ремонта жилых помещений, использование рядом сотрудников НКВД спецконтингента в качестве домашней obsługi.

Например, несмотря на запрет использовать на внешних работах лиц, содержащихся во внутренних камерах подразделений НКВД, начальник областного управления НКВД Еврейской автономной области старший лейтенант госбезопасности Лавтаков направил арестованных Филиппова, Волохова, Корнилова, Безъязыкова на стройку своего дома, вплоть до момента их освобождения прокурором по подписке о невыезде (Архив ИЦ УМВД России по Хабаровскому краю. Ф. 40. Оп. 1. Д. 13. Л. 86, 159).

Спецконтингент активно использовался в заготовке дров и переработке древесины и торфа (в том числе и для нужд личного состава пенитенциарных учреждений). В производственных цехах з/к занимались изготовлением предметов личного потребления, используя при этом государственные материалы и инструменты. После чего товары нелегально продавались другим заключенным и вольнонаемным работникам (Трухин, 2024. С. 59).

Серьезной проблемой для производственной деятельности тюрем был дефицит электроэнергии, сырья, их удаленность от промышленных центров, неразвитость инфраструктуры.

Особое внимание уделялось бухгалтерской отчетности тюрем, периодически пресекались хищения и нерациональное использование казенных средств.

В декабре 1936 г. в тюрьме города Владивостока была проведена проверка экономической деятельности инспекторско-ревизионным отделением финотдела НКВД. В результате чего были выявлены факты недоброкачественного оформления документации, необоснованности ряда бухгалтерских записей. Отчеты, представляемые в финансовый отдел, составлялись с грубыми нарушениями элементарных правил, фактические убытки отдельных производств показывались в отчетах с прибылью, средняя стоимость списочного человека-дня была занижена. Кредитно-кассовая дисциплина регулярно нарушалась, выручка столовой и буфета в банк не сдавалась, а расходовалась на хозяйственные нужды. Допускались случаи уплаты по счетам наличными крупными суммами. Выдавались авансы в счет зарплаты. Отпуск материалов и выполнение заказов в мастерских в кредит существовала как устойчивая система. Допускались случаи реализации продукции через комиссионеров с выплатой премий. После окончания служебной проверки начальнику тюрьмы Евдокимову был объявлен строгий выговор с предупреждением. Начальник финансовой части тюрьмы Зюбр был арестован на 20 суток, с дальнейшим использованием на менее ответственной работе (Архив ИЦ УМВД России по Хабаровскому краю. Ф. 40. Оп. 1. Д. 13. Л. 207, 208).

Переполненность тюремных камер во время массовых репрессий, нарушение санитарно-бытовых правил, приводили к заболеваниям и смертности в среде заключенных. Особенно это ярко проявлялось в жаркие летние дни, когда в помещениях камерного типа из-за высокой температуры и отсутствия свежего воздуха находились возрастные и имевшие проблемы со своим здоровьем арестованные.

За короткий промежуток времени в тюрьмах Хабаровского края отмечался большой рост больных з/к. По неполным данным только в августе 1938 г. там болело остро-желудочными болезнями 1535 человек, кожными 1477 человек, цингой 2129 человек. В этот же период в краевых тюрьмах умерло 196 чело-

век. В особо неблагополучном состоянии находились краевые тюремы № 1, 2, 3, 5, несмотря на то, что они располагались в добрых зданиях, имеющих обустроенные стационарные больницы. Был установлен порядок, чтобы всех заключенных каждую декаду направлять в баню, проводя тщательную уборку помещений. У имеющих з/к меховую одежду и обувь временно изымали, тщательно дезинфицировали и сдавали в камеру хранения. Было отмечено и множество случаев ложных вызовов врачей со стороны заключенных, с необоснованными требованиями получения ими лекарств, особенно связанных с наркозом (Архив ИЦ УМВД России по Хабаровскому краю. Ф. 40. Оп. 1. Д. 26. Л. 45, 47).

Недостатки, имеющиеся в деятельности дальневосточных тюрем, были отражены в официальной документации. В октябре 1938 г. были вскрыты факты запущенности и запутанности учета следственных заключенных. Фиксировались случаи, когда вызываемый на допрос в тюрьме разыскивался более суток. В Хабаровской тюрьме в течение продолжительного времени содержалось 66 заключенных, по неизвестным администрации основаниям. В отдельных дальневосточных тюрях на постах у следственных камер стояли так называемые «самоохранники» (из числа заключенных), у них же находились ключи от следственных камер. Обслужка из заключенных самовольно передвигалась по коридорам. Из тюремных ларьков отпускались продукты в упаковке, таким образом, в камеры попадала бумага, консервные банки, стеклянная посуда. Обыски проводились небрежно, неподготовленными сотрудниками. Некоторые начальники тюрем не участвовали лично во время обысков, объясняя это своей брезгливостью (Архив ИЦ УМВД России по Хабаровскому краю. Ф. 40. Оп. 1. Д. 24. Л. 197).

Подбор кадров в пенитенциарную систему был затруднен отсутствием существенного материального обеспечения, сложностью и опасностью службы, неразвитой системой подготовки, а также главенствовавшей идеей набора представителей беднейшего крестьянства и пролетариата.

Из-за низкой исполнительской дисциплины, слабого контроля, кадрового голода фиксировались случаи самоубийства заключенных, грубого нарушения их изоляции.

Содержавшийся во внутренней хабаровской тюрьме арестованный «М» 21 февраля 1938 г., вос-

пользовавшись недостаточным надзором надзирателей, выломал стекло из оконной форточки и его осколком пытался покончить жизнь самоубийством (Архив ИЦ УМВД России по Хабаровскому краю. Ф. 40. Оп. 1. Д. 26. Л. 8).

19 мая 1939 г. старший надзиратель общей хабаровской тюрьмы № 1 И.М. Петров отправил в суд заключенного, не произведя достаточного обыска, вследствие чего он на суд принес лезвие от безопасной бритвы и там пытался покончить с собой (Архив ИЦ УМВД России по Хабаровскому краю. Ф. 40. Оп. 1. Д. 40. Л. 132).

В хабаровской общей тюрьме в январе 1939 г. не была установлена строгая изоляция арестованных, которые путем перестукивания и переговоров были осведомлены о делах своих соучастников, ситуацией на «воле», в камерах продолжали находиться запрещенные предметы: бритвы, ножи, веерки и пр. 13 января 1939 г. освобожденные из тюрьмы арестованные вынесли ряд писем и адресов, предназначенных к передаче родственникам и знакомым, находившимся под следствием преступным элементам (Архив ИЦ УМВД России по Хабаровскому краю. Ф. 40. Оп. 1. Д. 37. Л. 121).

Отсутствие правильного, продуманного порядка распределения з/к по камерам внутренней тюрьмы и спецкорпуса в городе Хабаровске в 1938 г. тормозил ход следствия. Арестованные рассаживались по камерам без учета оперативной целесообразности и имевшейся кубатуры. Во внутренней тюрьме содержались арестованные, дела которых давно были закончены, или такие, с которыми сейчас не работали (они должны находиться в Хабаровской общей тюрьме). Для устранения этих недостатков руководством были приняты следующие решения:

1. Закрепить за каждым отделом определенное количество мест во внутренней тюрьме и спецкорпусе.

2. Установить по каждой камере (исключая одиночек) предельное количество мест.

3. Переводить арестованного в пределах внутренней тюрьмы и спецкорпуса на основании распоряжения начальника отдела или начальника внутренней тюрьмы.

4. Прежде чем направить арестованного в смешанную камеру, следовало согласовать с другими службами, согласно установленному лимиту.

5. В случае поступления заключенных из периферии размещать их первоначально в приемных камерах не более 24 часов, до окончательного решения руководством УНКВД по ДВК.

6. В тюрьме должен быть образован резерв одиночных камер и определенное количество мест, которые могут быть заняты только с разрешения руководства УНКВД по ДВК (Архив ИЦ УМВД России по Хабаровскому краю. Ф. 40. Оп. 1. Д. 24. Л. 81–84).

Таким образом, в 30-е годы XX века на Дальнем Востоке была окончательно сформирована советская тюремная система, состоящая из различных учреждений, имевших свою специализацию и географическое расположение. Штатная численность тюрем, их лимит по приему з/к менялся в зависимости от политической обстановке в стране. Большое значение уделялось при этом соблюде-

нию изоляции заключенных, поддержанию санитарно-бытовых условий содержания. Производственная деятельность в основном была представлена небольшими мастерскими, подсобными аграрными хозяйствами, сбором грибов и ягод, ловлей рыбы и т. д. Функционирование тюрем усугублялось частым перемещением спецконтингента, дефицитом электроэнергии, сырья и неразвитой инфраструктурой Дальнего Востока. Недостатки, существовавшие в тюремной системе региона, имели общесоюзный характер и выражались, прежде всего, в кадровом обеспечении, недостаточном контроле и финансировании. В целом система тюрем на Дальнем Востоке входила в единую структуру ГУЛАГа НКВД СССР, регулируемая общесоюзным, республиканским законодательством и ведомственным нормотворчеством.

Список источников

Ерин Д.А., Кузнецов О.С. Организационно-правовое регулирование деятельности тюрем НКВД СССР на Владимирской земле в 1934–1941 гг. // Вестник Владимирского юридического института. 2023. № 4 (69). С. 130–137. EDN: OPZOAW.

Жадан А.В. НКВД в борьбе с преступностью на Дальнем Востоке (1941–1945 гг.). Монография. Владивосток : Дальневосточный федеральный университет, 2023. 179 с. EDN: VIPOUE.

Иваненко А.В., Малкова Ю.А. Историко-правовой анализ формирования советской пенитенциарной системы (1937–1941 гг.) // Эпомен. 2019. № 31. С. 30–39. EDN: XEKKZJ.

Министерство внутренних дел. 1902–2002: исторический очерк / под общ. ред. Р.Г. Нургалиева. М. : Объединенная редакция МВД России, 2004. 648 с.

Красилов М.О. Изменения в деятельности пенитенциарной системы в Западной Сибири (50–60-е годы XX в.) // Известия Лаборатории древних технологий. 2023. Т. 19. № 2. С. 184–192. DOI: 10.21285/2415-8739-2023-2-184-192. EDN: THUMIG.

Красилов М.О. Система планирования и контроля в деятельности пенитенциарных учреждений Алтайского края в 60-х гг. XX в. // Известия Лаборатории древних технологий. 2024. Т. 20. № 4. С. 164–174. DOI: 10.21285/2415-8739-2024-4-164-174. EDN: MJKIWX.

Мануйлов Е.В. Использования труда заключенных в экономике Алтайского края (1953–1965 гг.) // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. 2021. № 2 (47). С. 86–90. DOI: 10.37386/2413-4481-2021-2-86-90. EDN: ZGOEDY.

Оганесян С.М., Жаркoi М.Э. Особенности борьбы с преступностью в местах лишения свободы в СССР в условиях применения репрессивного законодательства второй половины 1930-х гг. // Журнал правовых и экономических

References

Erin D.A., Kuznetsov O.S. (2023) Organizational and legal regulation of the activity of prisons of the NKVD USSR on the Vladimir land in 1934-1941. *Bulletin of the Vladimir Law Institute*. No. 4 (69). P. 130-137. (In Russ.). EDN: OPZOAW.

Zhadan A.V. (2023) NKVD in the fight against crime in the Far East (1941-1945). Monograph. Vladivostok: Far Eastern Federal University. 179 p. (In Russ.). EDN: VIPOUE.

Ivanenko A.V., Malkova Yu.A. (2019) Historical and legal analysis of formation of the Soviet penitential system (1937-1941). *Epomen*. No. 31. P. 30-39. (In Russ.). EDN: XEKKZJ.

Nurgaliev R.G. (2004) Ministry of Internal Affairs 1902-2002. Historical essay. Moscow: United Editorial Board of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 648 p. (In Russ.).

Krasilov M.O. (2023) Changes in the activity of the penitentiary system in Western Siberia (50-60s of the XX century). *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 19. No. 2. P. 184-192. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2023-2-184-192. EDN: THUMIG.

Krasilov M.O. (2024) The system of planning and control in the activities of penitentiary institutions of the Altai Territory in the 60s of the XX century. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 20. No. 4. P. 164-174. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2024-4-164-174. EDN: MJKIWX.

Manuilov E.V. (2021) The use of prisoner labor in the economy of Altai Krai (1953-1965). *Bulletin of the Altai State Pedagogical University*. No. 2 (47). P. 86-90. (In Russ.). DOI: 10.37386/2413-4481-2021-2-86-90. EDN: ZGOEDY.

Oganesyan S.M., Zharkoi M.E. (2020) Specificities of combating crime within places of detention in the USSR under repressive legislation of late 1930s. *Journal of Legal and Economic Research*. No. 4. P. 124-128. (In Russ.).

исследований. 2020. № 4. С. 124–128.
DOI: 10.26163/GIEF.2020.88.88.018. EDN: PSHUAS.

Рассказов Л.П., Упоров И.В. Лишение свободы в России: истоки, развитие, перспективы. Монография. Краснодар : Краснодарский юридический институт МВД России, 1999. 490 с. EDN: RQCPNV.

Реент Ю.А., Юнусов А.А. От тюрем к лагерям: становление исправительно-трудовой системы России (к 100-летию центрального каратального отдела) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 4 (44). С. 270–275.
DOI: 10.24411/2078-5356-2018-10443. EDN: YSZMTZ.

Семенов М.А. Заболеваемость и смертность в тюрьмах СССР в годы Великой Отечественной войны // Исторический курьер. 2018. № 2. С. 1–12. DOI: 10.31518/2618-9100-2018-2-18. EDN: BPPQQM.

Сидоркин А.И. Особенности борьбы с бандитизмом в местах лишения свободы в 1930–1950-е гг. // Lex Russica (Русский закон). 2015. Т. 102. № 5. С. 99–109.
EDN: UKBUCV.

Смыкалин А.С. ГУЛАГ как важный фактор экономического развития СССР в 30-е годы // Государство и права. 2007. № 1. С. 92–102. EDN: HYUORH.

Сорокин М.В., Сорокина О.Е. Организация режима и охраны в тюрьмах и следственных изоляторах НКВД СССР в 30–40-х годах XX века // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2013. № 5. С. 28–31.
EDN: REEEOB.

Сорокин М.В., Сорокина О.Е. Предупреждение правонарушений в тюрьмах и следственных изоляторах НКВД СССР в 40-х гг. XX в. // Вестник Самарского юридического института. 2014. № 3 (14). С. 52–56. EDN: TFLICT.

Суверов Е.В., Малкова Ю.А. Система мест заключения в Алтайском крае (1937–1953 гг.). Монография. Барнаул : Барнаульский юридический институт МВД России, 2012. 80 с. EDN: VMPCLX.

Суверов Е.В., Суверов С.Е. Исправительно-трудовые учреждения Сибири в годы Великой Отечественной войны (историко-правовой аспект). Монография. Барнаул : Барнаульский юридический институт МВД России, 2024. 220 с. EDN: AVEJPI.

Суверов Е.В., Шашин Д.Г. Детерминанты деятельности сотрудников НКВД в 1930-е годы применительно к особенностям реализации принципа законности в исправительно-трудовых учреждениях // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2020. № 1. С. 79–85.
DOI: 10.51980/2542-1735_2020_1_79. EDN: URVNAF.

Трухин М.А. Противодействие теневым экономическим отношениям сотрудниками правоохранительных органов в местах лишения свободы (на примере Западной Сибири в 30–50-е гг. XX в.). Монография. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, 2024. EDN: ATZOSQ.

Чернолукская Е.Н. Пенитенциарная система на Дальнем Востоке в 20-е гг. // Известия Российского государственного исторического архива Дальнего Востока : Сб.

DOI: 10.26163/GIEF.2020.88.88.018. EDN: PSHUAS.

Rasskazov L.P., Uporov I.V. (1999) Imprisonment in Russia: the origins, development and prospects. Monograph. Krasnodar: Krasnodar Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 490 p. (In Russ.). EDN: RQCPNV.

Reent Yu.A., Yunusov A.A. (2018) From prisons to camps: the formation of the correctional labor system of Russia (on the 100th anniversary of the central punitive department). *Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. No. 4 (44). P. 270-275. (In Russ.). DOI: 10.24411/2078-5356-2018-10443. EDN: YSZMTZ.

Semenov M.A. (2018) Morbidity and mortality in prisons of the USSR during the Great Patriotic War. *Historical Courier*. No. 2. P. 1-12. (In Russ.). DOI: 10.31518/2618-9100-2018-2-18. EDN: BPPQQM.

Sidorkin A.I. (2015) Specific features of fighting banditry in penal institutions in 1930-1950. *Lex Russica (Russian law)*. Vol. 102. No. 5. P. 99-109. (In Russ.). EDN: UKBUCV.

Smykalin A.S. (2007) GULAG as the important factor of economic development of the USSR in the thirties years. *State and Law*. No. 1. P. 92-102. (In Russ.). EDN: HYUORH.

Sorokin M.V., Sorokina O.E. (2013) The organization of the regime and in prisons and detention centers of the NKVD USSR in the 30 - 40 years of the twentieth century. *Criminal-Executive System: Law, Economics, Management*. No. 5. P. 28-31. (In Russ.). EDN: REEEOB.

Sorokin M.V., Sorokina O.E. (2014) The prevention of offences in prisons and remand centers of the people's commissariat of internal affairs (PCIA) of USSR in the 40s of the twentieth century. *Bulletin of the Samara Law Institute*. No. 3 (14). P. 52-56. (In Russ.). EDN: TFLICT.

Suverov E.V., Malkova Yu.A. (2012) The system of places of detention in the Altai Territory (1937-1953). Monograph. Barnaul: Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 80 p. (In Russ.). EDN: VMPCLX.

Suverov E.V., Suverov S.E. (2024) Correctional labor institutions of Siberia during the Great Patriotic War (historical and legal aspect). Monograph. Barnaul: Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 220 p. (In Russ.). EDN: AVEJPI.

Suverov E.V., Shashin D.G. (2020) Determinants of the activities of NKVD officers in the 1930s regarding to the specifics of implementing the principle of legality in correctional labor institutions. *Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. No. 1. P. 79-85. (In Russ.). DOI: 10.51980/2542-1735_2020_1_79. EDN: URVNAF.

Trukhin M.A. (2024) Counteraction of shadow economic relations by law enforcement officers in places of detention (on the example of Western Siberia in the 1930s-1950s). Monograph. St. Petersburg: St. Petersburg University of Management Technologies and Economics. (In Russ.). EDN: ATZOSQ.

Chernolukskaya E.N. (1998) The penitentiary system in the Far East in the 1920s. *Bulletin of the Russian State Historical Archive of the Far East*. Vol. 3. P. 95-107. (In Russ.).

науч. тр. Владивосток, 1998. Т. 3. С. 95–107.

Чернолуцкая Е.Н. Эволюция пенитенциарных форм трудообеспечения советского Дальнего Востока в конце 1950-х – первой половине 1980-х гг. // Россия и АТР. 2016. № 1 (91). С. 129–143. EDN: VVGPOH.

Шабельникова Н.А. Деятельность органов НКВД по борьбе с преступностью на Дальнем Востоке России в 1922–1930 гг. Монография / 2-е изд. М.: Проспект, 2024. 384 с. EDN: QJ0VNA.

Информация об авторе

Суверов Евгений Васильевич,
доктор исторических наук, профессор, начальник кафедры теории и истории права и государства Барнаульский юридический институт МВД России, 656038, г. Барнаул, ул. Чкалова, 49, Россия, e-mail: suverovev69@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-9988-7390>

Вклад автора

Суверов Е.В. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 3 января 2025 г.; одобрена после рецензирования 28 апреля 2025 г.; принята к публикации 19 мая 2025 г.

Chernolutskaya E.N. (2016) Evolution of penal forms of provision of Soviet Far East with a manpower at the end of the 1950s - in the first half of the 1980s. *Russia and Asia Pacific Region*. No. 1 (91). P. 129-143. (In Russ.). EDN: VVGPOH.

Shabel'nikova N.A. (2024) The activities of the NKVD bodies in combating crime in the Russian Far East in 1922–1930. Monograph. Moscow: Prospect. 384 p. (In Russ.). EDN: QJ0VNA.

Information about the author

Evgeny V. Suverov,
Dr. Sci. (History), Professor, Head of the Department of Theory and History of Law and State, Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 49, Chkalov St., Barnaul 656038, Russia, e-mail: suverovev69@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-9988-7390>

Contribution of the author

Suverov E.V. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted January 3, 2025; approved after reviewing April 28, 2025; accepted for publication May 19, 2025.

История

Научная статья
УДК 94:314(47+57)"1940/1950"
EDN: KOXXBX
DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2025-4-137-146>

К вопросу об изучении населения и территорий, присоединенных к РСФСР после окончания Второй мировой войны

Н.В. Чернышева

Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Москва, Россия

Аннотация. Статья посвящена вопросам изучения населения и территорий, присоединенных к РСФСР после окончания Второй мировой войны. Отмечается, что историография вопроса представлена исследованиями постсоветского периода, в которой можно выделить три блока научных вопросов: первый – исследования, посвященные изучению населения РСФСР; второй – историко-демографические работы ученых Дальнего Востока; третий – исследования населения Калининградской области. Автор определяет четыре направления изучения данных вопросов: административно-территориальное деление; численность и состав населения; процессы воспроизводства; миграции населения. Отмечается, что первоочередной задачей на присоединенных территориях являлся переход к советской общественно-политической и социальной-экономической модели. Изменения касались системы управления территориями по средствам внедрения характерной для СССР системы административно-территориального деления, сопровождавшейся переименованием территориальных единиц. Одновременно с депатриацией происходило заселение территорий советскими гражданами, преимущественно из областей, краев и автономных республик РСФСР. До начала 1950-х годов численность населения присоединенных территорий возрастала (в Калининградской области на протяжении 1950-х годов). В регионы прибывали представители разных народов. Характерной чертой послевоенного периода был более молодой возрастной состав населения данных территорий. Процессы воспроизводства населения во второй половине 1940-х – 1950-е годы имели свою специфику, более выраженную в первое послевоенное пятилетие и проявляющуюся главным образом в высоком уровне рождаемости и брачности, в более высоких показателях смертности. С точки зрения миграции освоение территорий происходило в двух процессах: депатриация и заселение. Реализация данных направлений позволила изменить состав населения присоединенных территорий и обеспечила их интеграцию в состав Советского Союза.

Ключевые слова: население, численность, состав, воспроизводство, миграции, послевоенный период, РСФСР, Калининградская область, Сахалинская область

Для цитирования: Чернышева Н.В. К вопросу об изучении населения и территорий, присоединенных к РСФСР после окончания Второй мировой войны // Известия Лаборатории древних технологий. 2025. Т. 21. № 4. С. 137–146. DOI: 10.21285/2415-8739-2025-4-137-146. EDN: KOXXBX.

History

Original article

On the issue of studying the population and territories annexed to the RSFSR after the end of World War II

Natalia V. Chernysheva

Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract. The article is devoted to the issues of studying the population and territories annexed to the RSFSR after the end of World War II. It is noted that the historiography of the issue is represented by studies of the post-Soviet period, in which three blocks of scientific questions can be distinguished: the first is research devoted to the study of the population of the RSFSR; the second is the historical and demographic work of scientists in the Far East; the third is research on the population of the Kaliningrad region. The author defines four areas of study of these issues: administrative-territorial division; population size and composition;

reproduction processes; population migration. It is noted that the primary task in the annexed territories was the transition to the Soviet socio-political and socio-economic model. The changes concerned the system of territorial management by means of the introduction of the administrative-territorial division system characteristic of the USSR, accompanied by the renaming of territorial units. Simultaneously with repatriation, the territories were populated by Soviet citizens, mainly from the regions, territories and autonomous republics of the RSFSR. Until the early 1950s, the population of the annexed territories increased (in the Kaliningrad region throughout the 1950s). Representatives of different nations arrived in the regions. A characteristic feature of the post-war period was the younger age structure of the population of these territories. The processes of population reproduction in the second half of the 1940s – 1950s had their own specifics, more pronounced in the first post-war five-year period and manifested mainly in the high birth and marriage rates, higher mortality rates. From the point of view of migration, the development of the territories occurred in two processes: repatriation and settlement. The implementation of these directions allowed changing the composition of the population of the annexed territories and ensured their integration into the Soviet Union.

Keywords: population, number, composition, reproduction, migration, post-war period, RSFSR, Kaliningrad region, Sakhalin region

For citation: Chernysheva N.V. (2025) On the issue of studying the population and territories annexed to the RSFSR after the end of World War II. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 21. No. 4. P. 137-146. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2025-4-137-146. EDN: KOXXBX.

По результатам Второй мировой войны СССР существенно расширил свою территорию. Часть данных территорий после распада Советского Союза в 1991 г. осталась в составе Российской Федерации.

Переговоры между главами СССР, США и Великобритании во время Второй мировой войны о послевоенном устройстве мира напрямую касались территориальных вопросов. На Ялтинской конференции (4–11 февр. 1945 г.) было подписано соглашение, в котором закреплялся переход южной части о. Сахалин и Курильских островов в состав СССР, а на Потсдамской (17 июля – 2 авг. 1945 г.) была достигнута аналогичная договоренность в отношении г. Кенигсберга и прилегающих к нему районов. В 1920–1940 гг. район Печенги (Петсамо) являлся территорией интересов СССР и Финляндии. В 1944 г. район был занят Советской армией, затем передан в состав РСФСР (Мурманской области). Его принадлежность к СССР закреплена Советско-финским договором 1947 г. В данной публикации речь пойдет об указанных территориях, без Печенги.

Цель – определить основные направления демографического изучения присоединенных к РСФСР территорий в середине 1940-х – 1950-е годы и дать характеристику каждого из них.

Методологической основой работы является теория демографического перехода с характерными для РСФСР чертами и региональной спецификой. В работе применялись общенаучные, исторические и статистические методы.

Историография вопроса представлена исследованиями постсоветского периода, когда появились возможности для проведения историко-

демографических исследований. Их можно разделить на три блока. Первый – исследования, посвященные изучению населения РСФСР (Е.М. Андреев, Л.Е. Дарский, Т.Л. Харькова, Ю.А. Поляков, В.Б. Жиромская) (Андреев, Дарский, Харькова, 1998; Население России в XX веке, 2001; Жиромская, 2012). В них определены важнейшие тенденции демографического развития страны в послевоенные годы, ее отдельных регионов, а также представлены демографические сведения. Второй – работы, затрагивающие историко-демографическую проблематику Дальнего Востока в целом и Сахалинской области, в частности (Г.А. Ткачева, И.П. Ким, В.Л. Ларин, Е.Н. Чернолуцкая, В.В. Щеглов и другие) (Ткачева, 2007; Ким, 2009; История Дальнего Востока России, 2009; Чернолуцкая, 2011; Щеглов, 2019). Третье – исследования, затрагивающие проблемы изучения населения Калининградской области (Ю.В. Костяшов, В.Н. Маслов, Д.В. Манкевич) (Костяшов, 1996; Костяшов, 2001; Манкевич, 2008; Манкевич, 2013; Манкевич, 2019; Манкевич, 2020¹; Маслов, 2014). Второй и третий блоки исследований позволяют определить особенности демографического развития присоединенных территорий, однако ряд вопросов затронуты поверхностно (например, воспроизводство населения Сахалинской области, численность и состав населения регионов и иные).

¹ Манкевич Д.В. Население Калининградской области во второй половине 1940-х – 1950-х гг.: формирование и демографические процессы : дис. ... канд. ист. наук. Калининград, 2020. 217 с. EDN: AIYZYW.

В качестве источников базы исследователь использовал справочники и статистические сборники, содержащие сведения о населении и территории², а также материалы об естественном движении населения РСФСР и ее регионов электронного ресурса Демоскоп Weekly Института демографии НИУ ВШЭ А.Г. Вишневского³. Архивные материалы представлены фондами Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) (Ф. А-374. Государственный комитет РСФСР по статистике) и Российского государственного архива экономики (РГАЭ) (Ф. 1562. Центральное управление при Совете Министров СССР; Ф. 5675. Учреждения по руководству переселением в СССР).

В апреле 1945 г. был завершен разгром восточно-прусской группировки войск и взят г. Кенигсберг. Южную часть Сахалина советские войска заняли в конце августа 1945 г., а в первых числах сентября – все острова Курильской гряды. ТERRиториальные приобретения СССР на Дальнем Востоке составляли около 50 тыс. кв. км, вместе с Северной частью о. Сахалин – 91,6 тыс. кв. км (Щеглов, 2019. С. 122). ТERRитория Восточной Пруссии была поделена между СССР (РСФСР и Литва) и Польшей. ТERRитория Кенигсбергской области составляла 15,8 тыс. кв. км. Оба региона были значительно удалены от центра страны и имели огромный потенциал для развития.

В течение 1945 – начала 1947 гг. на присоединенных территориях была полностью ликвидирована прежняя политическая система и структура власти. Осуществлен переход управления от военных органов к гражданским. На территории южной части Сахалина до конца 1945 г. осуществлялось взаимодействие с аппаратом чиновников губернаторства Карафуто.

Во второй половине 1940-х годов на территориях Калининградской и Сахалинской областей произошла замена немецкой и японской моделей эко-

номики на советскую систему хозяйствования. И в Южно-Сахалинской, и в Кенигсбергской областях одними из самых важных отраслей промышленности были рыбная и лесная. Кроме того, на Сахалине восстанавливалась и развивалась угольная промышленность, а в Калининградской области – машиностроительная и добыча янтаря.

Можно выделить четыре вектора изучения осваиваемых территорий и населения в середине 1940-х – 1950-е годы.

1. Административно-территориальное деление присоединенных областей.

В 1945 г. вместо японской и немецкой систем административно-территориального деления вводится советская. В 1946 г. присоединенные территории становятся областями: южная часть Сахалина и Курильские острова были объединены в Южно-Сахалинскую область в составе Хабаровского края, а г. Кенигсберг и прилегающие к нему районы вошли в состав Кенигсбергской области (7 апреля 1946 г., с 4 июля 1946 г. – Калининградская).

В это время начинают проводиться первые изменения топонимов, но преимущественно крупных и значимых. На карте появляется г. Южно-Сахалинск (он же Владимировка, Тоехара), а в июле 1946 г. – Калининградская область и г. Калининград. Необходимо отметить, что вопрос о переименовании области решился далеко не сразу. Рассматривались разные варианты: Прибалтийская область (Балтийск), Славгородская область, Королевец. Преобладала точка зрения на территориальную принадлежность, как и на о. Сахалин. В июне 1946 г. умер М.И. Калинин и было принято решение назвать область в честь него (Маслов, 2014. С. 107).

В 1947 г. стал переломным моментом в административно-территориальном развитии Сахалина и Курил. Южно-Сахалинская область была объединена с Сахалинской и под общим названием «Сахалинская область» была выделена из состава Хабаровского края в самостоятельный регион в составе РСФСР.

В том же году в обеих областях были проведены крупномасштабные топонимические изменения. Бывшая японская провинция представляла собой сравнительно развитые в экономическом отношении и довольно обжитые земли. Губернаторство Карафуто делилось на четыре окружных префектуры, префектуры на городские и сельские волости.

² РСФСР. Административно-территориальное деление на 1 января 1948 г.: [справочник] / Информ.-стат. отд. при Секретариате Президиума Верховного Совета РСФСР. М.: Изд-во «Известия Советов депутатов трудящихся СССР», 1947. 496 с.; Население России за 100 лет (1897–1997 гг.). Стат. Сборник / редкол.: Ю. А. Юрков-пред. и др. М.: Моск. изд. дом, 1998. 222 с.

³ Демоскоп Weekly Институт демографии НИУ ВШЭ А.Г. Вишневского. URL: <https://www.demoscope.ru> (дата обращения: 01.06.2025).

Курильские острова в административном отношении были включены в губернаторство Хоккайдо и делились на уезды в составе округа.

В итоге к 1 января 1948 г. административно-территориальное деление было следующим (табл. 1).

Таблица 1. Административно-территориальное деление Калининградской и Сахалинской областей на 1 января 1948 г. (РСФСР. Административно-территориальное деление на 1 января 1948 г.: [справочник] / Информ.-стат. отд. при Секретариате Президиума Верховного Совета РСФСР. М. : Изд-во «Известия Советов депутатов трудящихся СССР», 1947. VIII, 496 с. С. 5–6)

Table 1. Administrative-territorial division of the Kaliningrad and Sakhalin regions as of January 1, 1948
(RSFSR. Administrative-territorial division as of January 1, 1948: [reference] / Information and statistics department under the Secretariat of the Presidium of the Supreme Soviet of the RSFSR. Moscow: Publishing house "Izvestiya of the Soviets of Deputies of Workers of the USSR", 1947. VIII, 496 p. pp. 5–6)

Тер. ед.	Сельские районы	Городские районы	Города	В том числе областного подчинения	Р. п. и курортные пос.	Сельсоветы
Калининградская область	17	4	19	7	5	129
Сахалинская область	19	-	19	8	24	108

2. Численность и состав населения. Сведения о численности населения Калининградской области в первые послевоенные годы приблизительны. В 1946 г. в Калининградской области проживало 170 тыс. чел. (из них, примерно, 53 тыс. чел. русское население), в 1954 г. уже 566,9 тыс. чел. (Манкевич, 2013. С. 234).

По данным Хабаровского краевого статистического управления, численность населения Северного Сахалина по состоянию на 1 января 1946 г. сократилась до 94,1 тыс. чел., что составило 17,9 % от чис-

ленности населения острова на 1 января 1941 г. (Ткачева, 2007. С. 63).

Население Южного Сахалина в 1945 г. исчислялось в количестве 391 тыс. чел. На 1 июля 1946 года на юге острова еще оставалось 305,8 тыс. японских подданных. Помимо японцев, здесь находились 27 тыс. корейцев и другие народы (Щеглов, 2019. С. 123).

В июле 1946 г. в 11 районах Южно-Сахалинской области насчитывалось 66,5 тыс. советских граждан. На Курильских островах – 9,8 тыс. В декабре 1946 г. в области находилось уже 89,0 тыс. советских граждан (Щеглов, 2019. С. 227). Территории заселялись мигрантами из Центральной России и Западных районов СССР.

Наиболее подробно изучено изменение демографических структур Калининградской области. Половозрастная структура эволюционировала в сторону большего баланса, однако к концу 1950-х гг. соотношение полов в наиболее пострадавших от войны возрастных группах оставалось неблагоприятным. Старение населения, ставшее заметной тенденцией демографического развития России в постсоветский период, но на территории Калининградской области было выражено слабо (Манкевич, 2013. С. 244).

Важнейшим аспектом изучения является национальный состав осваиваемых территорий, которые «впитали» народы, прибывшие в результате миграции.

По данным Всесоюзной переписи населения 1959 г., в Калининградской области насчитывалось 610885 чел., из них 77,6 % составляли русские, 9,4 % белорусы, 5,8 % украинцы, 3,5 % литовцы. В регионе проживали также малочисленные народы (от 2 до 4 тыс. чел.): евреи, мордва, чуваши, поляки, а также менее 1 тыс. представители других народов СССР⁴. В Сахалинской области национальный состав был еще более разнообразным. Русские составляли этническое большинство – 77,7 %. Украинцев насчитывалось 7,4 %, корейцев 6,5 %, белорусов 2,1 %. Татары и мордва – 1,8 % и 1,7 % соответственно. Среди ма-

⁴ Всесоюзная перепись населения 1959 года. Национальный состав населения по регионам России. Калининградская область. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_59.php?reg=29 (дата обращения: 01.06.2025).

лочисленных народов в области проживали чуваши, евреи, народы Севера (2–3 тыс. чел.)⁵.

3. Процессы воспроизведения населения на осваиваемых территориях во второй половине 1940–1950-е гг. нуждаются в дальнейшем изучении.

Более детально демографические процессы и их специфика изучены в Калининградской области. В середине 1950-х гг. естественный прирост становится основным компонентом увеличения численности населения Калининградской области. До начала 1950-х гг. для Калининградской области была характерна сверхвысокая брачная активность населения, чему способствовал более молодой, чем в среднем по РСФСР, состав населения. В 1946–1948 гг. общие коэффициенты брачности были вдвое выше средних по РСФСР, городского населения – почти на 60 % (до 1951 г.). В 1950-е гг. показатели брачности существенно сократились, произошли изменения в ее структуре, заметной тенденцией стало увеличение количества разводов (Манкевич, 2019. С. 403).

В послевоенные годы в РСФСР ситуация с рождаемостью была не устойчивой. Даже в короткий компенсаторный период она не поднялась на доведенный уровень (Жиромская, 2012. С. 153–154). Серьезные изменения в 1950-е годы произошли в сфере рождаемости. В Калининградской области в первый пятилетний послевоенный период показатели рождаемости также не отличались устойчивостью (39,1–47,6 %), но были значительно выше, общероссийских (25,8–30,8 %) (Манкевич, 2020. С. 33–34)⁶. Если во второй половине 1940-х годов ее показатели в регионе были сверхвысокими (45–47 %), то уже с 1951 г. началось их быстрое сокращение до 32 % в 1955 г. до 22–23 %. Снижение рождаемости в Калининградской области протекало значительно быстрее, чем в среднем по РСФСР. В качестве возможной причины быстрого снижения рождаемости также могут рассматриваться особенности половозрастной структуры калининградского социума. Доля вне-

брачной рождаемости в Калининградской области была существенно выше среднероссийской (высокая степень подвижности («текучести») населения, присутствие на территории региона многочисленного военного контингента, а также повышенная доля молодежи в составе как городского, так и сельского населения) (Манкевич, 2019. С. 404).

После 1947 г. в стране в целом, и в РСФСР в частности, началось быстрое снижение уровня смертности. Как отмечают демографы Е.М. Андреев, Л.Е. Дарский, Т.Л. Харькова, «характер данных изменений типичен для фазы эпидемиологического перехода» (Андреев, Дарский, Харькова, 1998. С. 141). В динамике смертности населения Калининградской области второй половины 1940-х – 1950-х гг. выделяются два этапа: первый (1946–1949 гг.), характеризуется относительно стабильным уровнем смертности, за исключением 1947 г. В 1946–1949 гг. уровень смертности колебался в пределах 9,3–10,1 % (1947 г. – 20,1 %). В 1950-е гг. фиксируется постепенное снижение смертности (от 9,0 % до 4,9 %) (Манкевич, 2019. С. 406).

По Сахалинской области в федеральных архивах не выявлены погодовые сведения о численности населения за весь период, что не позволяет вычислить коэффициенты воспроизведения населения (кроме 1949 г., 1950 г.). По области увеличиваются количественные показатели рождаемости, которая с 1946 г. по 1949 г. возрастает в 2 раза, а к 1952–1953 гг. достигает наибольшей величины. Растут абсолютные показатели смертности, но темпы ее роста были несколько ниже. В результате к 1949–1950 гг. естественный прирост по сравнению с 1946 г. по 1949 г. увеличился в 2 раза (табл. 2).

Таблица 2. Сведения о воспроизведстве населения Сахалинской области в 1947–1953 гг. (человек)
(Естественное движение населения регионов РСФСР, 1937–1990 гг. 1947 г. URL:

https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_ed_1935.php?year=1947 (дата обращения: 01.06.2025); Естественное движение населения регионов РСФСР, 1937–1990 гг. 1948 г. URL:

https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_ed_1935.php?year=1948 (дата обращения: 01.06.2025); Естественное движение населения регионов РСФСР, 1937–1990 гг. 1949 г. URL:

https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_ed_1935.

⁵ Всесоюзная перепись населения 1959 года. Национальный состав населения по регионам России. Сахалинская область. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_59.php?reg=60 (дата обращения: 01.06.2025).

⁶ Манкевич Д.В. Население Калининградской области во второй половине 1940-х – 1950-х гг.: формирование и демографические процессы: дис. ... канд. ист. наук. Калининград, 2020. 217 с. EDN: AIYZYW.

php?year=1949 (дата обращения: 01.06.2025); Естественное движение населения регионов РСФСР, 1937–1990 гг. 1950 г. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_ed_1935.php?year=1950 (дата обращения: 01.06.2025); Естественное движение населения регионов РСФСР, 1937–1990 гг. 1951 г. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_ed_1935.php?year=1951 (дата обращения: 01.06.2025); Естественное движение населения регионов РСФСР, 1937–1990 гг. 1952 г. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_ed_1935.php?year=1952 (дата обращения: 01.06.2025); Естественное движение населения регионов РСФСР, 1937–1990 гг. 1953 г. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_ed_1935.php?year=1953 (дата обращения: 01.06.2025))

Table 2. Information on the reproduction of the population of the Sakhalin Region in 1947–1953 (people)
(Natural population change in the regions of the RSFSR, 1937–1990, 1947. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_ed_1935.php?year=1947 (accessed on 01.06.2025); Natural population change in the regions of the RSFSR, 1937–1990, 1948. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_ed_1935.php?year=1948 (accessed on 01.06.2025); Natural population change in the regions of the RSFSR, 1937–1990, 1949. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_ed_1935.php?year=1949 (accessed on 01.06.2025); Natural population change in the regions of the RSFSR, 1937–1990, 1950. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_ed_1935.php?year=1950 (date of access: 01.06.2025); Natural population movement of the regions of the RSFSR, 1937–1990, 1951. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_ed_1935.php?year=1951 (date of access: 01.06.2025); Natural population movement of the regions of the RSFSR, 1937–1990, 1952. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_ed_1935.php?year=1952 (date of access: 01.06.2025); Natural population movement of the regions of the RSFSR, 1937–1990, 1953. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_ed_1935.php?year=1953 (date of access: 01.06.2025))

Год	Родившихся (без мертворожденных)	Умерших	Естественный прирост (убыль)
1947	22219	6088	+16131
1948	22358	6553	+15805
1949	28274	7329	+20945
1950	28687	8238	+20449
1951	30320	7380	+22940
1952	30504	7006	+23498
1953	26672	5857	+20815

В 1949–1950 гг. на территории Сахалинской области рождаемость была сверхвысокой (53,3 % и 51,7 %) (ГАРФ. Ф. А. 374. Оп. 11. Д. 757. Л. 78; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 684. Л. 2–3; Естественное движение населения регионов РСФСР, 1937–1990 гг. 1949 г. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_ed_1935.php?year=1949 (дата обращения: 01.06.2025); Естественное движение населения регионов РСФСР, 1937–1990 гг. 1950 г. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_ed_1935.php?year=1950 (дата обращения: 01.06.2025)) и значительно превышала показатель по РСФСР (1950 г. – 26,9 %)⁷. Однако и уровень смертности превышал общероссийский показатель (10,1 %)⁸, на Сахалине сказывались тяжелые условия жизни мигрантов, отсутствие необходимой инфраструктуры (13,8 % и 14,9 %) (ГАРФ. Ф. А. 374. Оп. 11. Д. 757. Л. 78; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 684. Л. 2–3; Естественное движение населения регионов РСФСР, 1937–1990 гг. 1949 г. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_ed_1935.php?year=1949 (дата обращения: 01.06.2025); Естественное движение населения регионов РСФСР, 1937–1990 гг. 1950 г. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_ed_1935.php?year=1950 (дата обращения: 01.06.2025)).

В связи с более молодым составом населения региона показатели брачности в Сахалинской области (1949 г. – 19,7 %, 1950 г. – 23,3 %) значительно превышали общероссийские (1950 г. – 12,0 %), а разводимость была незначительно, но ниже (1950 г. 0,5 % – РСФСР, 0,4 % – Сахалинская область) (ГАРФ. Ф. А. 374. Оп. 11. Д. 757. Л. 78; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20.

⁷ Население России за 100 лет (1897–1997 гг.). Стат. Сборник / редкол.: Ю. А. Юрков-пред. и др. М. : Моск. изд. дом, 1998. 222 с. С. 84.

⁸ Там же.

Д. 684. Л. 2–3; Естественное движение населения регионов РСФСР, 1937–1990 гг. 1949 г. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_ed_1935.php?year=1949 (дата обращения: 01.06.2025); Естественное движение населения регионов РСФСР, 1937–1990 гг. 1950 г. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_ed_1935.php?year=1950 (дата обращения: 01.06.2025)).

4. С точки зрения миграции освоение территорий происходило в двух процессах: репатриация и заселения.

Репатриация (выселение) предполагала отправку в Японию и в советскую зону оккупации Германии сотен тысяч человек, оставшихся в присоединенных областях после окончания Второй мировой войны. Политика заселения была связана с массовым сельскохозяйственным переселением, оргнабором советских граждан на новые земли. Реализация обоих направлений позволила изменить состав населения Калининградской и Сахалинской областей и обеспечила их интеграцию в составе Советского Союза.

В 1947 г. было положено начало массовой репатриации немецкого населения из Калининградской области в Советскую зону оккупации в Германии. В этом же году начался процесс переселения японцев с Южного Сахалина и Курильских островов на Хоккайдо. Из островной области японцев отправляли морским путем, а немцы из Калининградской области выезжали железнодорожным транспортом. Разным был и отправляемый в первую очередь контингент – с Сахалина первыми выезжали предприниматели, чиновники, а также служащие, а из Калининградской области – жители г. Балтийска и районов вдоль балтийского побережья, неработающее население, обитатели детских домов и домов инвалидов. В 1948 г. репатриация японского и немецкого населения должна была завершиться, но завершилась она только в Калининградской области. Основная волна переселения с Сахалина завершилась к середине 1949 г. Часть немцев и японцев, по различным причинам оставшихся в Советском Союзе, была репатриирована позже. В 1944–1946 гг. территорию будущей Калининградской области покинуло более 1 млн 157 тыс. немцев, за 1947–1948 гг. еще 102 тыс. Ежемесячно через репатриационный лагерь в Японию отправлялось около 30 тыс. чел. Всего репатриировано около 270–280 тыс. чел. (Население

России в XX веке, 2001. С. 137–138; Ким, 2009. С. 27, 29) (табл. 3).

Таблица 3. Репатриация населения с присоединенных к СССР территорий (Население России в XX веке: Исторические очерки. В 3-х т. / отв. ред. Ю.А. Поляков. М. : РОССПЭН, 2001. Т. 2. 1940–1959 гг. 414, [1] с. С. 137–138)

Table 3. Repatriation of the population from the territories annexed to the USSR (Population of Russia in the 20th century: historical essays: in 3 volumes. / executive editor Yu.A. Polyakov. M., 2001. Vol. 2. 1940–1959. 414, [1] p. P. 137–138)

Тер. ед.	Калининградская область	Сахалинская область
Период	1947–1948 гг.*	1947–1949 гг. (основная волна)
Способ перевозки	Железнодорожный транспорт	Морской транспорт
Контингент	Около 102 тыс. чел.	Около 270–280 тыс. чел.

* в 1944–1946 гг. Восточную Пруссию покинуло 1157 тыс. чел.

После завершения боевых действий на присоединенных территориях осталась жить и работать часть военнослужащих. Основной поток граждан прибывал как в городскую, так и в сельскую местность регионов в рамках плановых перемещений (сельскохозяйственное переселение и организованный набор рабочей силы на предприятия и стройки).

Планы набора рабочих не позволяют точно определить их территориальное распределение. Они содержат общие сведения о распределении рабочих по министерствам и лишь в некоторых из них указываются предприятия, стройки и прочие объекты.

На Дальнем Востоке можно выделить 2 этапа послевоенных миграций: середина 1940-х – середина 1950-х годов – массовый приток мигрантов; вторая половина 1950-х годов – противоположные тенденции (отток населения стал преобладать, численность населения – снижается) (История Дальнего Востока России, 2009. С. 127). При этом миграционные потоки в регионе распределялись крайне неравномерно. В первые послевоенные годы на Дальнем Востоке Камчатская область, Магаданская область и Сахалинская область были областями массового вселения.

Для Сахалинской области характерна сезонная миграция. По сведениям В.В. Щеглова, на предприятия Сахалинской области в 1947–1951 гг. прибыло 264,7 тыс. чел. (Сахрыбпром, Сахуголь, Сахлесбумпром и др.) (Щеглов, 2019. С. 135). На Южный Сахалин и Курильские острова также направлялись специалисты из разных сфер, командированные на продолжительные сроки общим числом 14064 чел. (Щеглов, 2019. С. 134).

В 1946 г. началась переселенческая кампания на Сахалин. При этом переселение выполняло замещающие функции. В основном это были сельскохозяйственные переселенцы и прибывшие в создаваемые рыболовецкие колхозы. Первые переселенцы для работы в сельскохозяйственных и рыболовецких колхозах прибыли в июне 1946 г. в количестве 17364 чел. – 4009 семей. Из них 1009 семей было направлено для работы в 24 переселенческих колхозах. 3000 семей рыбаков были трудоустроены в Восточно-Сахалинском рыбтресте, Западно-Сахалинском и Углегорском рыбокомбинатах, а также в стройтресте Сахалинрыбпрома (Щеглов, 2019. С. 133).

По данным Переселенческого управления при Совете Министров РСФСР, в 1947 г. план переселения на Сахалин включал 4400 семей, было переселено 3952 или 17826 чел. (РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 804. Л. 6, 9), в 1948 г. план – 3892 семей, переселено 4000 семей и 330 семей плановых переселенцев еще с 1947 г. (РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 805. Л. 2, 21). В 1947–1948 гг. из прибывших переселенцев организовано 79 рыболовецких колхозов, организовано 37 переселенческих сельхозартелей (РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 805. Л. 29). В 1949 г. в Сахалинскую область переселено 3661 семей (РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 455. Л. 8).

В качестве источников пополнения области населением необходимо также назвать демобилизованных воинов (2635 чел.), заключенных (в 1948–1950 гг. находилось 16744 чел.), репатриированных (в 1946 г. – 957 чел., в 1948 г. – 1180 чел.) и иной спецконтингент (немцы и калмыки), завоз иностранных граждан (24 тыс. чел. из Северной Кореи) (Щеглов, 2019. С. 134–135; Чернолуцкая, 2011. С. 108–109).

Для Сахалинской области была характерна интенсивная внутренняя миграция (преимущественно из сельской местности в городскую) и значительный по своим масштабам выезд. В 1946–1951 гг. в об-

ласть было переселено 314,5 тыс. рабочих, служащих и колхозников, вывезено за этот же период 172 тыс. работников (не считая членов семей) (Щеглов, 2019. С. 146).

Начало заселению российской части бывшей Восточной Пруссии положили «вынужденные» и стихийные мигранты – военнослужащие, члены их семей и репатрианты. Весной 1945 г. для восстановления предприятий местной промышленности стали прибывать рабочие и специалисты. Общая численность советского гражданского населения к 1 ноября 1945 г. достигла 7 тыс. чел., а к моменту учреждения Кенигсбергской области в составе РСФСР (7 апреля 1946 г.) выросла до 54 тыс. чел. Со второй половины 1946 г. заселение региона приобретает упорядоченный характер (Манкевич, 2008. С. 57).

Пик переселения в Калининградскую область пришелся на вторую половину 1946 г., а основная волна переселения прошла до 1950 г. включительно. С августа 1946 г. до конца года в сельские районы области переехало 58,7 тыс. чел. (Костяшов, 1996. С. 83–85). В 1947 г. количество прибывших в область переселенцев составило 146,8 тыс. чел., в 1948 г. – 153,6 тыс., в 1949 г. – 112,7 тыс., в 1950 г. – 108,7 тыс. (Манкевич, 2008. С. 58). Процесс заселения области продолжится в 1950-е годы, однако масштабы переселений снижается. Также как для Сахалинской области, для региона будет характерная интенсивная миграция: переселенцы, имея на руках паспорта, уезжали в города, а также отток населения или «обратничество». Всего за 1946–1950 гг. Калининградскую область покинули 215587 чел. (Костяшов, 2001. С. 230; Манкевич, 2008. С. 58).

Таким образом, можно выделить четыре направления изучения населения и территорий, присоединенных к РСФСР после окончания Второй мировой войны: административно-территориальное деление; численность и состав населения; процессы воспроизводства; миграции населения.

На данных территориях постепенно происходила смена общественно-политической и социальной-экономической модели. Изменения касались системы управления территориями по средствам внедрения советской системы административно-территориального деления. Разноплановые миграции влияли на демографическую ситуацию на новых территориях. До начала 1950-х годов численность населения Сахалинской области увеличивалась, в

Калининградской области она увеличивалась и на протяжении 1950-х годов. В регионы прибывали представители разных народов. Характерной чертой послевоенного периода был более молодой возрастной состав населения данных территорий.

В первое послевоенное пятилетие процессы воспроизведения населения в присоединенных территориях имели выраженную специфику (высокий уровень рождаемости и брачности, повышенная смертность). С точки зрения миграции освоение

территорий происходило в двух процессах: депатриация и заселение. Репатриация в Восточной Пруссии была проведена в 1944–1946 гг. и завершилась в 1947–1948 гг. На Дальнем Востоке основная волна депатриации пришлась на 1947–1949 гг. В то же время в качестве замещающих видов миграции государство осуществляло вселение по средствам плановых сельскохозяйственных переселений колхозников, организованного набора рабочих, обеспечивающих основной поток мигрантов.

Список источников

Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л. Демографическая история России: 1927–1959. М. : Информатика, 1998. 187 с.

Жиромская В.Б. Основные тенденции демографического развития России в XX веке. М. : Кучково поле, 2012. 320 с. EDN: RVBGRH.

История Дальнего Востока России: / под общ. ред. д.и.н. В.Л. Ларина. Владивосток : Дальнаука, 2009. Т. 3. Кн. 4. Мир после войны: дальневосточное общество в 1945–1950-е гг. 694, [1] с.

Ким И.П. Репатриация японцев с Южного Сахалина в послевоенные годы // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2009. Вып. 12. С. 26–30. EDN: JXKRVR.

Костяшов Ю.В. Заселение Калининградской области после Второй мировой войны // Гуманитарные науки в России: Соросовские лауреаты: Материалы Всероссийского конкурса научно-исследовательских проектов в области гуманитарных наук 1994 г., Москва, 1996. М. : Международный Научный фонд, 1996. С. 82–88. EDN: WYGDYZ.

Костяшов Ю.В. О формировании сельского населения Калининградской области в 1946–1951 гг. // Калининградские архивы. 2001. Вып. 3. С. 227–236. EDN: RCFVB.

Манкевич Д.В. Миграции населения СССР в первые послевоенные годы и заселение Калининградской области (1945–1950 гг.) // Ретроспектива: Всемирная история глазами молодых исследователей: Сборник научных статей. Калининград : Изд-во РГУ им. И. Канта, 2008. Вып. 3. С. 54–68. EDN: ONTSNR.

Манкевич Д.В. О численности и половозрастной структуре населения Калининградской области во второй половине 1940-х – 1950-х годах // Калининградские архивы. 2013. № 10. С. 233–247. EDN: RSHRJV.

Манкевич Д.В. 1950-е годы в демографической истории Калининградской области // Известия Смоленского государственного университета. 2019. № 1. С. 398–413. EDN: IAPEYM.

Маслов В.Н. Создание Кенигсбергской области и ее переименование в 1946 г. // Калининградские архивы. 2014. № 11. С. 99–109. EDN: SXHNNF.

Население России в XX веке: Исторические очерки. В 3-х т. / отв. ред. Ю.А. Поляков. М. : РОССПЭН, 2001. Т. 2. 1940–1959 гг. 414, [1] с.

References

Andreev E.M., Darskii L.E., Khar'kova T.L. (1998) Demographic history of Russia: 1927–1959. Moscow: Informatika. 187 p. (In Russ.).

Zhiromskaya V.B. (2012) Main trends of demographic development of Russia in the 20th century. Moscow: Kuchkovo pole. 320 p. (In Russ.). EDN: RVBGRH.

Larina V.L. (2009) History of the Russian Far East. Vladivostok: Dalnauka. Vol. 3. Book 4. The world after the war: Far Eastern society in the 1945–1950s. 694, [1] p. (In Russ.).

Kim I.P. (2009) Post-war repatriation of the Japanese from Southern Sakhalin. *Bulletin of the Immanuel Kant State University of Russia*. Iss. 12. P. 26–30. (In Russ.). EDN: JXKRVR.

Kostyashov Yu.V. (1996) Settlement of the Kaliningrad Region after World War II. *Humanities in Russia. Soros Laureates: Proceedings of the All-Russian Competition of Scientific Research Projects in the Domain of Humanities 1994*. Moscow: International Science Foundation. P. 82–88. (In Russ.). EDN: WYGDYZ.

Kostyashov Yu.V. (2001) On the Formation of the Rural Population of the Kaliningrad Region in 1946–1951. *Kaliningrad Archives*. Iss. 3. P. 227–236. (In Russ.). EDN: RCFVB.

Mankevich D.V. (2008) Population migration in the USSR in the First Post-War years and settlement of the Kaliningrad region (1945–1950). *Retrospective: World History Through the Eyes of Young Researchers*. Iss. 3. P. 54–68. (In Russ.). EDN: ONTSNR.

Mankevich D.V. (2013) On the size and age and sex structure of the population of the Kaliningrad region in the second half of the 1940s – 1950s. *Kaliningrad Archives*. No. 10. P. 233–247. (In Russ.). EDN: RSHRJV.

Mankevich D.V. (2019) The 1950s in the demographic history of the Kaliningrad region. *Bulletin of the Smolensk State University*. No. 1. P. 398–413. (In Russ.). EDN: IAPEYM.

Maslov V.N. (2014) Creation of the Königsberg Region and its renaming in 1946. *Kaliningrad Archives*. No. 11. P. 99–109. (In Russ.). EDN: SXHNNF.

Polyakov Yu.A. (2001) Population of Russia in the 20th Century: Historical Essays. In 3 vol. Vol. 2. 1940–1959. Moscow: ROSSPEN. 414, [1] p. (In Russ.).

Ткачева Г.А. Динамика численности и состава населения Дальнего Востока в 1941–1945 гг. // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2007. Выпуск I. С. 60–74. EDN: UPLIWC.

Чернолуцкая Е.Н. Спецпоселенцы «власовцы» на Советском Дальнем Востоке (1945–1955 гг.) // Вестник северо-восточного научного центра ДВО РАН. 2011. № 2. С. 106–113. EDN: NUKFEH.

Щеглов В.В. Опыт сахалинских переселений (1853–2002 гг.). Южно-Сахалинск : Сахалинская обл. тип., 2019. 254 с.

Информация об авторе

Чернышева Наталья Викторовна,
доктор исторических наук, доцент, главный научный
сотрудник, руководитель отдела истории, теории и
методологии демографии Института демографических
исследований,
Федеральный научно-исследовательский
социологический центр РАН,
119333, г. Москва, ул. Фотиевой, 6, корп. 1, Россия,
e-mail: natiche84@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-1492-5368>

Вклад автора

Чернышева Н.В. выполнила исследовательскую ра-
боту, на основании полученных результатов провела
обобщение и подготовила рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

**Автор прочитал и одобрил окончательный вариант
рукописи.**

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 27 июня 2025 г.;
одобрена после рецензирования 6 октября 2025 г.;
принята к публикации 20 октября 2025 г.

Tkacheva G.A. (2007) Dynamics of number and composition of the population of Soviet Far East in 1941-1945. *Oikumena. Regional studies*. Iss. I. P. 60–74. (In Russ.). EDN: UPLIWC.

Chernolutskaya E.N. (2011) "Vlasovtsy" post-War prisoners deported to the Soviet Far East (1945-1955). *The bulletin of the North-East Scientific Center*. No. 2. P. 106–113. (In Russ.). EDN: NUKFEH.

Shcheglov V.V. (2019) Experience of Sakhalin resettlement (1853–2002). Yuzhno-Sakhalinsk: Sakhalin region. typ. 254 p. (In Russ.).

Information about the author

Natalia V. Chernysheva,
Dr. Sci. (History), Associate Professor, Chief Researcher, Head
of the Department of History, Theory and Methodology of
Demography of the Institute for Demographic Research,
Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the
Russian Academy of Sciences,
Building 1, 6, Fotieva St., Moscow 119333, Russia,
e-mail: natiche84@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-1492-5368>

Contribution of the author

Chernysheva N.V. carried out a research work, based on
the obtained results made the generalization and prepared
the manuscript for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted June 27, 2025; approved
after reviewing October 6, 2025; accepted for publication
October 20, 2025.

История

Научная статья
УДК 94(47).081.4
EDN: LETXOU
DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2025-4-147-156>

Теоретические подходы к проблеме трансформации исторической памяти об участии бывших военнопленных в Гражданской войне в Прибайкалье (на примере памятников и мемориалов)

А.В. Ануфриев, И.Д. Белков, Д.В. Козлов

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

Аннотация. Статья, основанная на широком круге источников, рассказывает о проблемах выявления, сохранения и интерпретации памятников Гражданской войны на территории Иркутской губернии, связанных с участием бывших военнопленных Четвертого Союза в Гражданской войне на востоке России. В статье рассмотрены различные теоретические аспекты трансформации исторической памяти об участии бывших военнопленных в Гражданской войне. Показано, что можно говорить о разнообразных текстах и образах, связанных с Гражданской войной. Важной отличительной чертой исторической памяти об этих событиях является изначальный конфликт разных интерпретаций войны и действий ее участников, представляющих различные стороны, а также значительная динамика, связанная с изменениями исторической памяти в разные исторические периоды. Доказано, что различные памятники и мемориалы, связанные с участием бывших военнопленных Четвертого союза в Гражданской войне представляют интересный объект для исследования трансформации исторической памяти о Гражданской войне в российском обществе. Проанализирована возможность выделения разнообразных акторов, участвующих в развитии этой исторической памяти, различные стратегии и практики, которые применяются в этом процессе. Намечена возможность анализа изменения государственной политики в этом вопросе, что во многом обусловлено изменением идеологических позиций. Также указано на сложное взаимодействие исторической памяти, развивающейся на уровне регионального сообщества и меняющейся политики памяти государства. Важной особенностью представляется процесс локализации исторической памяти, часто связанный с региональной идентичностью. При этом региональная специфика не исключает процесс влияния политики памяти, развивающейся на национальном уровне. Интересным представляется взаимодействие различных национальных политик памяти, которое может принимать конфликтный характер.

Ключевые слова: австро-венгерские военнопленные, Октябрьская революция, мемориал, ритуал, история, Гражданская война, красные, белые, историческая память, памятники Прибайкалья, кладбище, сохранение

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00216, <https://rscf.ru/project/24-18-00216/>.

Для цитирования: Ануфриев А.В., Белков И.Д., Козлов Д.В. Теоретические подходы к проблеме трансформации исторической памяти об участии бывших военнопленных в Гражданской войне в Прибайкалье (на примере памятников и мемориалов) // Известия Лаборатории древних технологий. 2025. Т. 21. № 4. С. 147–156. DOI: 10.21285/2415-8739-2025-4-147-156. EDN: LETXOU.

History

Original article

Theoretical approaches to the problem of the transformation of historical memory about the participation of former prisoners of war in the Civil War in the Baikal Region (based on the monument and memorials' case)

Alexander V. Anufriev, Ivan D. Belkov, Dmitrii V. Kozlov

Irkutsk State University, Irkutsk, Russia

© Ануфриев А.В., Белков И.Д., Козлов Д.В., 2025

Abstract. Based on a wide range of sources, this article examines the challenges of identifying, preserving, and interpreting Civil War monuments in the Irkutsk Governorate related to the participation of former prisoners of war of the Quadruple Alliance in the Civil War in eastern Russia. The article examines various theoretical aspects of the transformation of historical memory regarding the participation of former prisoners of war in the Civil War. It demonstrates the diversity of texts and images associated with the Civil War. A key distinguishing feature of the historical memory of these events is the inherent conflict between different interpretations of the war and the actions of its participants representing different sides, as well as the significant dynamics associated with changes in historical memory across different historical periods. It is demonstrated that various monuments and memorials associated with the participation of former prisoners of war of the Quadruple Alliance in the Civil War represent an interesting object of study for the transformation of historical memory of the Civil War in Russian society. The possibility of identifying the various actors involved in the development of this historical memory, as well as the various strategies and practices employed in this process is analyzed. The potential for analyzing changes in state policy on this issue is outlined, which is largely due to shifting ideological positions. The complex interaction between historical memory, developing at the regional community level, and the evolving memory policy of the state is also highlighted. The process of localization of historical memory, often linked to regional identity, appears to be an important feature. At the same time, regional specificity does not preclude the influence of memory policies developing at the national level. The interaction of various national memory policies, which can become conflicting, is also of interest.

Keywords: Austro-Hungarian prisoners of war, the October Revolution, memorial, ritual, history, Civil War, the Reds, the Whites, historical memory, monuments of the Baikal region, cemetery, preservation

Acknowledgements. The research was supported by RSF (project No. 24-18-00216), <https://rscf.ru/project/24-18-00216/>.

For citation: Anufriev A.V., Belkov I.D., Kozlov D.V. (2025) Theoretical approaches to the problem of the transformation of historical memory about the participation of former prisoners of war in the Civil War in the Baikal Region (based on the monuments' and memorials' case). *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 21. No. 4. P. 147-156. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2025-4-147-156. EDN: LETXOU.

В данной статье рассматриваются различные практики сохранения исторической памяти о Гражданской войне в Сибири и участии в этом конфликте военнопленных Первой мировой войны, оказавшихся в сибирском плену. Сами практики очень разнообразны и включают в себя архивы, музеи, памятники, захоронения, здания. Мы также можем говорить и о разнообразных текстах и образах, связанных с Гражданской войной. Важной отличительной чертой исторической памяти об этих событиях является изначальный конфликт разных интерпретаций войны и действий ее участников, представляющих различные стороны, а также значительная динамика, связанная с изменениями исторической памяти в разные исторические периоды. В нашем исследовании мы хотели продемонстрировать на различных примерах разнообразие акторов, участвующих в процессе воспроизведения исторической памяти, а также их различные мотивы и цели в создании тех или иных мест памяти, связанных с Гражданской войной в Восточной Сибири. Мы рассмотрим только наиболее значимые памятники, посвященные участию в этом конфликте на стороне «красных», бывших военнопленных Четверного Союза и их антагонистов, поддержавших Белое движение. Каждый, кто берется за изучение этой области, должен иметь представление

о некоторых ключевых понятиях и лингвистических терминах, которые доминируют в целом в дискуссиях об исторической памяти. Сначала о спорном термине «память». Известный историк и исследователь Первой мировой войны Дж. Уинтер предлагает использовать вместо термина «память» термин «припоминание» («remembrance») в качестве стратегии, позволяющей избежать тривиализации и излишнего расширения значения термина «память» путем включения исследования любых аспектов нашего контакта с прошлым, личным или коллективным. По его мнению, отдавать предпочтение «воспоминанию» – значит настаивать на конкретизации деятельности, связанной с конкретными вопросами: кто помнит, когда, где и как? Необходимо также всегда осознавать быстротечность памяти, столь зависящей от слабостей и обязательств мужчин и женщин, которые находят время и стараются заниматься этой деятельностью (Winter, 2006. P. 3–4).

Наша память не фотографична и не создает моментальных снимков прошлого. Вместо этого «мы воссоздаем или реконструируем наши переживания, а не изготавливаем копии происходящего». Иногда в процессе реконструкции добавляются чувства, убеждения или даже знания, которые были получены после пережитого. Другими словами,

мы искажаем наши воспоминания о прошлом, приписывая им эмоции или знания, которые мы приобрели после самого события. Такой подход к представлению о памяти как нестабильной, пластичной, синтетической и многократно изменяемой является важной предпосылкой, которая используется в исследовании. История – это профессия, в которой действуют определенные правила, касающиеся доказательств, публикаций, экспертной оценки. Память – это процесс, отличный от истории, но и не изолированный от нее. Все историки оставляют в своей работе следы своего собственного прошлого, свои воспоминания. В свою очередь, многие обычные люди, участвующие в тех или иных практиках памяти, читают те или иные исторические тексты и заботятся о сохранении истории. Иногда они даже меняют свои собственные воспоминания в соответствии с историей. В других случаях они уверены, что излагают историю правильно, а историки, которые утверждают обратное, какими бы доказательствами они при этом ни располагали, ошибаются.

Несмотря на то, что со временем Гражданской войны прошло более ста лет, она до сих пор вызывает множество споров и разногласий как в научной среде, так и в российском обществе в целом. Отображается это и на объектах культурного наследия с ней связанных и в частности в памятниках и мемориалах. Еще в ходе Гражданской войны появлялись братские захоронения, на месте которых позднее создавались мемориалы. При переходе населенных пунктов от одной стороны к другой, памятники на могилах зачастую уничтожались, а некоторые захоронения переносились. Соответственно после завершения Гражданской войны, многие мемориалы белой стороны и ее союзников были уничтожены. В то же время в советский период было установлено множество мемориалов и памятников, связанных с красными. Большая часть мемориалов создавалась сразу же после войны, в том числе по плану монументальной пропаганды, иногда они имели интересные художественные решения, но создавались из недолговечных материалов, поэтому большинство из них до нас не дошло. Многие же обелиски на этих мемориалах были изготовлены из дерева и пять выполнены в виде простых форм. Ряд монументов появился в сталинский период и был выполнен по классическим ка-

номам соцреализма того периода. Затем большое количество новых памятников и обновленных мемориалов появляется в 1960-е гг., в основном к 50-летию Октябрьской революции. В последующие десятилетия в основном реконструировались имеющиеся мемориалы. Уже после крушения СССР тенденция изменилась. По всей стране стали появляться различные памятные знаки, связанные с белым движением. Они создавались на средства отдельных людей или общественных организаций. Вместе с этим многие памятники советской эпохи не получали должного ухода и значительно обветшали, а некоторые даже были снесены. В дальнейшем были попытки установки памятников примирительного характера, однако большого распространения они не получили. Остаются незаполненными и некоторые ниши памяти о Гражданской войне, практически отсутствуют памятники гражданским лицам, погибшим в результате боев, красного и белого террора, голода, болезней. Тема войны доминировала в памяти людей по целому ряду причин. Не только травмы, причиненные войной, но и ее драматизм, ее характер, похожий на землетрясение, вызвали бум воспоминаний. История войны рассказывается множеством учреждений и средств массовой информации, аудитория которых никогда не была такой большой и разнообразной как сейчас (Красильникова, Громова, 2019; Шиловский, 2019).

Ученые подчеркивают: что историческая память накладывается на личную или семейную память, с одной стороны, и на религиозную память, которая занимает столь важное место в священных практиках, с другой (Хальбвакс, 2007. С. 185–218, 219–264). Но это совпадение лишь частичное. Последнее, конечно, в меньшей степени характерно для нашей страны. Особенно, если речь идет о советском периоде отечественной истории, отличавшемся развитием идеологии официального атеизма. При этом надо отметить, что в современной России церковь в отличие от советского периода начала играть очень активную роль как один из основных акторов развития исторической памяти о Гражданской войне (Козлов, Сосновский, 2023). Историческая память – это способ интерпретации прошлого, который опирается как на историю, так и на память, на документальные свидетельства о прошлом и на высказывания тех, кто пережил их.

Многие люди активно работают в этой области. Историки при этом отнюдь не составляют большинства (Уинтер, Николаи, 2016; Winter, 2006).

Историческая память – это дискурсивное поле, простирающееся от ритуала до культурной деятельности самых разных видов (Франция – память, 1999). Она отличается от семейной памяти своей способностью объединять людей, которых ничто иное не связывает. Оно отличается от литургического поминования тем, что освобождено от предопределенного религиозного календаря и освященных ритуальных форм. Но при этом историческое поминование несет в себе что-то семейное и священное. Иногда эти элементы соединены воедино, как в некоторых известных военных мемориалах (Winter, 2006). В случае развития исторической памяти о Гражданской войне в нашей стране основным актором часто выступало и выступает государство независимо от политического режима, который существует в тот или иной период. При этом, конечно, мы не должны забывать и о небольших группах людей, которые выступают как медиаторы между памятными местами и коллективной памятью. Их деятельность, связанная с различными практиками исторической памяти, часто не связана напрямую с высокой политикой или развитием памяти в национальном и государственном масштабе, но оказывает на национальную традицию памяти важное влияние. Часто их вклад тягается при применении исторической оптики, направленной «сверху вниз», от элит к обычным людям (Winter, 2006). При этом пропадают важные моменты культурного самовыражения и увековечивания памяти на низовом уровне. Исследователи называют таких людей «активистами памяти» или «мнемоническими воинами» (Малинова, 2019; Миллер, 2012; Малинова, Миллер, 2021). Часто они объединены в сплоченные группы, связанные не кровными узами, а опытом. Они разделяют общий исторический опыт и ведут себя как родственники в разных жизненных ситуациях. Они вместе терпят, поддерживают друг друга, ссорятся и действуют сообща. Порой их связи оказываются настолько прочными, что один из исследователей предложил называть их «вымышенными родственниками». Именно следы деятельности этих групп мы находим в деятельности, связанной с сохранением памяти и во многих военных мемориалах. «Вымыш-

ленные родственные группы» иногда могут являться ключевыми агентами сохранения памяти (Winter, 2006). Что мы знаем о них? Многое: это целеустремленные люди, у которых есть программа, проект, следы которых можно найти в региональных и национальных архивах. Но если мы имеем дело с массовыми движениями или развитием наций, мы переходим от осозаемой реальности к абстрактной или воображаемой. Как только мы переступаем определенный порог, семьи становятся не действующими лицами, а метафорами, но метафоры не создают памятники в отличие от людей. Но возникает вопрос о том, как и почему они это делали в двадцатом веке, и как мы можем делать это сегодня. Мы часто становимся свидетелями дискуссий о правомерности сохранения тех или иных памятных мест, связанных в том числе и с событиями Гражданской войны. Но в данном случае, помимо чрезвычайной важности анализа аргументов сторонников той или иной точки зрения, можно отметить, что, увы, все военные мемориалы вписаны в определенный, ограниченный период времени, в течение которого их значение связано с интересами определенной социальной группы, которая работает над их созданием или присвоением того или иного церемониального или отражающего память статуса этим местам. Но изначально задаваемый набор значений и смыслов никогда не бывает постоянным, и он часто не поддается тем или иным спущенным «свыше» указаниям. Социальный подход к теме «культурной памяти» предполагает, что настало время рассматривать памятники не только как отражение текущей политической власти или общего консенсуса, хотя некоторые из них явно относятся к тому или иному, но скорее как набор глубоких и в то же время не-постоянных проявлений силы гражданского общества, это пространство, которое существует в тени и в диалоге с семьями, с одной стороны, и государством – с другой (Уинтер, 2023; Winter, 2006). Те, кто инициировал создание военных мемориалов, почти всегда были лично связаны с самими событиями. В этом смысле они были свидетелями. Конечно, у них были самые разные мотивы. Многие из них были глубоко личными. Они действовали, чтобы справиться с горем, заполнить тишину, предложить своего рода символический дар умершим по политическим причинам. В большинстве

своих насущных проблем они, как правило, терпели неудачу. Мертвые всегда забывались; мир был недостижим; сами мемориалы исчезали с лица земли. Это, по меньшей мере, спорный вопрос, следовало ли за этим исцеление на личном уровне. По большому счету, только локальные практики могут сохранить первоначальный заряд, эмоции, убежденность, которые были заложены в работе над военными мемориалами. Как только мы переносим наш анализ на уровень страны, мы сталкиваемся с политикой иного рода. Монументальность никогда не была языком небольшой социальной солидарности, о которой в данном случае идет речь. Описываемые военные мемориалы и памятники могут рассматриваться как места средоточия ритуалов, различной риторики и церемоний, подчеркивающих момент утраты. Но часто они описываются в контексте выражения тех или иных политических идей, связанных с большевизмом, национализмом или оправданием принесенных жертв (Уинтер, 2023; Winter, 2006). Интересен также анализ с точки зрения их функциональности как публичных произведений, связанных с определенным архитектурным решением, выраженным в той или иной форме.

Помимо тех или иных подходов к исторической памяти, нельзя забывать, что мы анализируем различные объекты материальной культуры, направленные на установление связи живых и мертвых и на сохранение памяти об ушедших. В таком контексте исследуемые памятники можно рассматривать как часть российской традиции, связанной с тем или иным отношением к миру мертвых. За сто лет, прошедших с 1905 года, российские кладбища пережили две, если не три, революции (Merridale, 2003). Самой впечатляющей была революция 1917 года, в ходе которой был свергнут царь и, после непродолжительного эксперимента с демократией, установлен единый государственный режим. Большевистский режим, среди прочего, посвятил себя искоренению религии. Самым последним событием этих ста лет было свержение того же режима в течение десятилетия после 1986 года (Merridale, 2003).

Важной особенностью изменений XX века помимо политических трансформаций было развитие промышленности и рост городской культуры – процесс, начавшийся во второй половине девятнадцатого века, но набравший силу после 1921 года и ускорившийся до революционных темпов после 1929 года. Во всех развитых индустриальных обществах наблюдался переход от крестьянского к городскому миру, который менял ландшафт мертвых (Merridale, 2003). Однако в случае с Советской Россией чисто экономический и социальный переход был осложнен целенаправленным политическим вмешательством. Кладбища были проблематичны для революционеров, потому что они были местами памяти, местами для размышлений и явным напоминанием о трансцендентном мире. Обряды, связанные со смертью, относятся к числу наиболее устойчивых к изменениям человеческих практик. Однако последующие поколения можно научить забывать. Их можно заставить говорить на новых языках, даже о смерти. Переходный период облегчается разрушением привычных погребальных памятников и стиранием времени. Изменения, которые стремились внести революционеры, включали в себя вызов традиционному отношению к смерти и погребению, существовавшему в конце девятнадцатого века. До 1914 года более 90% населения России были выходцами из православных семей, даже если они по разным причинам перестали посещать церковь. Почти все, включая умерших верующих, были склонны следовать тому, что они считали православной традицией, когда дело касалось погребения. Центральное место в таком случае занимала вера в общность живых и мертвых, возможность бесед у могилы, важность родной земли для души умершего и желательность посещения могилы. (Митрофан (монах), 1991). Каждый год на Пасху, на Троицу и по другим поводам, включая Дни поминовения предков (родительские субботы), родственники усопших собирались, чтобы почтить их память. Люди очищали «свои» могилы от сорняков, чистили и украшали их; они приносили еду и питье на кладбища; они молились, если были набожны; и они разговаривали, делясь историями из прошлого (Зеленин, 1991). Деревенские кладбища были простыми, огороженными, чтобы не пускать скот (хотя скот все равно часто отбивался от стада), могилы отмечались деревянными крестами или крытыми сооружениями, под которыми души умерших (которые, как считали, напоминали птиц) могли укрыться во время своих частых визитов домой. На могилах устанавливались деревянные

для погребения. Кладбища были проблематичны для революционеров, потому что они были местами памяти, местами для размышлений и явным напоминанием о трансцендентном мире. Обряды, связанные со смертью, относятся к числу наиболее устойчивых к изменениям человеческих практик. Однако последующие поколения можно научить забывать. Их можно заставить говорить на новых языках, даже о смерти. Переходный период облегчается разрушением привычных погребальных памятников и стиранием времени. Изменения, которые стремились внести революционеры, включали в себя вызов традиционному отношению к смерти и погребению, существовавшему в конце девятнадцатого века. До 1914 года более 90% населения России были выходцами из православных семей, даже если они по разным причинам перестали посещать церковь. Почти все, включая умерших верующих, были склонны следовать тому, что они считали православной традицией, когда дело касалось погребения. Центральное место в таком случае занимала вера в общность живых и мертвых, возможность бесед у могилы, важность родной земли для души умершего и желательность посещения могилы. (Митрофан (монах), 1991). Каждый год на Пасху, на Троицу и по другим поводам, включая Дни поминовения предков (родительские субботы), родственники усопших собирались, чтобы почтить их память. Люди очищали «свои» могилы от сорняков, чистили и украшали их; они приносили еду и питье на кладбища; они молились, если были набожны; и они разговаривали, делясь историями из прошлого (Зеленин, 1991). Деревенские кладбища были простыми, огороженными, чтобы не пускать скот (хотя скот все равно часто отбивался от стада), могилы отмечались деревянными крестами или крытыми сооружениями, под которыми души умерших (которые, как считали, напоминали птиц) могли укрыться во время своих частых визитов домой. На могилах устанавливались деревянные

ные кресты (Merridale, 2003). Традиция изготовления деревянных крестов была связана не только с экономией. Верующие объясняли, что медленное гниение надгробия, как и гниение трупа под ним, соответствует постепенному освобождению души от земных забот, ее переходу на небеса. Важно, чтобы тело разлагалось в родной земле (Канатчиков, 1932). Сыновья крестьян, которые переезжали в город, в поисках работы и которых становилось все больше с 1890-х годов, как правило, представляли, что они вернутся в сельскую местность, чтобы умереть. По крайней мере, они надеялись, что их тела будут отправлены домой для захоронения. Сами кладбища были освященной церковью землей и обычно защищались стенами и мощными воротами. Но, несмотря на это, они были идеальным местом для общественных собраний. Похороны крупных литературных, художественных и, все чаще, политических деятелей собирали большие людские толпы и иногда превращались в митинги под открытым небом. Среди других менее уважительных способов использования кладбищенских площадей были рынки и ярмарки, некоторые из них, особенно в провинциальных городах, проводились с одобрения церковных властей, которые использовали их для сбора наличных денег. После революции 1917 г. иногда можно было встретить достаточно экзотические предложения, связанные с новыми подходами к погребению. Известный народоволец, большевик М.С. Ольминский высказывался по этому поводу следующим образом: «Я давно поддерживаю похоронный ритуал, который пропагандирует Партия. Я считаю, что все пережитки религиозной практики (гробы, похороны, прощание с телом или кремация и всё такое) – это чепуха. Мне приятнее думать, что моё тело будет использовано более рационально. Его следует отправить на завод без каких-либо ритуалов, а на заводе жир использовать в технических целях, а остальное – в качестве удобрения». Но просьбы Ольминского не были услышаны (Merridale, 1999). Новый режим нашел другое применение телам умерших. Некоторые из них, особенно те, кто погиб насилиственной смертью в революционные годы, были превращены в коммунистических мучеников. Другие, лидеры и выдающиеся архитекторы социализма, стали объектами священного паломничества. Самое известное погребение из них – это то,

когда тело лидера большевиков Ленина было охлаждено, а затем забальзамировано и навечно сохранено в гранитном Мавзолее у стен Московского Кремля. Кампания большевиков по установлению своей власти над мертвыми включала в себя ряд изменений. Первым из них было введение так называемых «красных» похорон, церемонии, которая не имела отношения к официальной религии, но которая прославляла революционное мученичество и обязывала скорбящих продолжать свою борьбу. Традиция «красных» похорон началась в России еще до революции 1917 года. Места захоронений политических деятелей – светские, центральные и имеющие революционное значение – со временем были обозначены камнем. Первые памятники были спроектированы и построены в разгар Гражданской войны. Одним из самых дорогих был комплекс в Шлиссельбургской крепости, бывшей царской тюрьме, расположенной недалеко от Петрограда. Официальной целью мемориала было увековечить память о революционерах, которые умерли в безвестности, но его ценность заключалась в том, что мемориал создавал большевикам родословную. Русские общественные деятели девятнадцатого века стали частью списка мучеников в большевистской редакции в двадцатом веке (Мерридейл, 2019). При этом на сооружение символических гранитных надгробий ушли месяцы. Несколько известных традиционных кладбищ находились на территории монастырей, и они были особенно уязвимы в новых политических условиях. Могильные памятники перемещались, подвергались порче или перегруппировке. Когда в XX веке некоторые кладбища были закрыты якобы для того, чтобы освободить общественные парки или земли под застройку, памятники умершим (хотя и не сами кости) были перенесены на новые места. Таким образом, освобождались места для умерших художников или писателей, памятники которым превращались в причудливый музей, в назидание новым поколениям. В соответствии с главными целями режима, в качестве памятников выбирались, как правило, более или менее светские памятники, а идеологически нежелательные удалялись. Революционных мучеников можно было хоронить у дворцовых стен, для обычных граждан оставалось место в пригородах или сельской местности, но жертвы политических репрессий грозили

стать помехой, центром контрреволюции и даже угрозой здоровью. Часто погибшие не были похоронены вообще или не были похоронены по отдельности. Некоторых сбрасывали в канавы, других заставляли рыть себе могилы, прежде чем преклонить колени перед казнью. Во время Гражданской войны иногда практиковалось «сваливание» груды трупов у входа на городские кладбища. По мере стабилизации режима буржуазные вкусы вернулись, по крайней мере, на время, после начала НЭПа в 1921 году. Мощь рынка свидетельствовала о реальном спросе на индивидуальное обслуживание. Как отмечали известные советские писатели в 1928 г. в своем знаменитом произведении «Двенадцать стульев»: «В городе Н. было так много патрикмахерских и похоронных бюро, что жители, казалось, родились только для того, чтобы побриться, подстричься, освежить голову туалетной водой, а затем умереть» (Ильф, Петров, 1999). Как большевики относились к смерти? Официально их идеология была атеистической. Но это не могло решить проблему смерти. До революции для отдельных героев устраивались «красные» похороны с шествиями рабочих, красными знаменами и напутственными речами вместо религиозных изображений (Полищук, 1991). Однако это было исключением. Создание государственного ритуала было делом послереволюционного руководства (Абрамов, 1974). Оно решило его в течение нескольких часов после захвата власти. Одной из первых задач нового правительства было похоронить 238 героев, погибших в борьбе за Москву. Возможно, именно здесь кроется причина официальной амнезии в отношении памяти о Первой мировой войне. Большевистский церемониал присвоил себе военную символику, лишил ее имперских и религиозных атрибутов и поставил на службу павшим во время народной революции (Petrone, 2011; Jorgic, 2014). На Красной площади, где всего четыре года назад праздновалось 300-летие династии Романовых, теперь состоялся первый массовый митинг в честь погибших героев революции. Выбор церемониала, даже музыки и присутствие очаровательных женщин сочетали в себе старое и привычное с элементами коммунистического государственного театра. Появление военной охраны и политических лозунгов, аккуратно заменивших атрибуты традиционной религии, на этом этапе было задумано как

дань уважения тому факту, что революционные герои погибли, сражаясь. Эта война, революционная борьба, должна была символически заменить жертвы, принесенные во имя царизма с 1914 года. Отбор и цензура начались сразу же. Похороны героев получили затем большое распространение. Официальная цель была достигнута. Похороны Ленина в этой новой традиции рассматривались как момент, когда можно было подтвердить свою преданность новому режиму; из преждевременной смерти героя вытекала новая жизнь в форме нового мирового порядка. Тело вождя, подобно телу дореволюционного святого, не должно было подвергнуться разложению. Более того, хранящийся в своем прозрачном гробу, мертвый герой наблюдал – хотя и пассивно – за созданным им режимом. Его смерть, как и смерть других героев, прославляла коллективные действия, связанные со строительством социализма. Такое обоснование цели смягчало скорбь, которая, не подкрепленная представлениями о загробной жизни, могла бы в противном случае только оплакивать бессмысленное уничтожение жизни и даже стремиться отомстить за гибель. Гражданская война дала много ярких образов новому государству, и упоминания об ее героях спустя десятилетие нашли отражение в милитаризованном языке сталинской индустриализации. Однако, хотя военные метафоры и язык чрезвычайной ситуации и героизма были сохранены, враг предстал в экстремальном, почти сказочном виде бурлеска. Стремление отрицать даже элементарную человечность предполагаемых преступников и врагов народа находило отражение в их изображении в прессе в виде пауков, крыс, свиней, стервятников, собак, гиен. Официальные изображения подвергались тщательной цензуре. Известно, что бывших участников Гражданской войны мучили кошмары, связанные с массовыми репрессиями иувечьями, их нервы были расшатаны, а тела отказывались работать. Но в то время как медицинские и партийные журналы обсуждали проблему с клинической точки зрения, мало кто публично признавался в участии в событиях, которые довели их до такого состояния.

Таким образом, мы видим, что различные памятники и мемориалы, связанные с участием бывших военнопленных Четвертого союза в Гражданской войне представляют очень интересный объект

для исследования трансформации исторической памяти о Гражданской войне в российском обществе. Можно выделить самых разнообразных акторов, участвующих в развитии этой исторической памяти, различные стратегии и практики, которые применяются в этом процессе. Интересным представляется анализ изменения государственной политики в этом вопросе, которое во многом обусловлено изменением идеологических позиций. Также мы видим сложное взаимодействие исторической памяти, развивающейся на уровне регионального сообщества и меняющейся политики памяти государства. Важной особенностью представляется процесс локализации исторической памяти, часто связанный с региональной идентичностью. При этом, конечно, региональная специфика не исключает процесс влияния политики памяти, развивающейся на национальном уровне. Интересным представляется и взаимодействие различных национальных политик памяти, которое может принимать конфликтный характер.

Список источников

Абрамов А.С. У кремлевской стены. М. : Политиздат, 1974. 331 с.

Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография / пер. с нем. К.Д. Цивиной. Москва : Наука, 1991. 507, [4] с.

Ильф И.А., Петров Е.П. Двенадцать стульев. М. : Вагриус. 1999. 544 с.

Канатчиков С.И. Из истории моего бытия. Москва : Старый большевик, 1932. 262 с.

Козлов Д.В., Сосновский М.Н. Историческая память о Гражданской войне в современном российском обществе: новые акторы и старые темы // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2023. Т. 45. С. 112–117. DOI: 10.26516/2222-9124.2023.45.112. EDN: YCZYFY.

Красильникова Е.И., Громова О.А. Политика и память: Гражданская война в Сибири в отражении монументов разных эпох // Дневник Алтайской школы политических исследований. 2019. № 35. С. 134–139. EDN: SQMKGF.

Малинова О.Ю. Кто и как формирует официальный исторический нарратив? Анализ российских практик // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2019. № 3 (94). С. 103–126. DOI: 10.30570/2078-5089-2019-94-3-103-126. EDN: GIXZGM.

Малинова О.Ю., Миллер А.И. Введение. Символическая политика и политика памяти // Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе : сборник статей / под ред. В.В. Лапина и А.И. Миллера. СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2021. С. 7–37. EDN: XAYYMC.

Миллер А.И. Историческая политика в России: новый поворот? // Историческая политика в XXI веке. М. : Новое литературное обозрение, 2012. С. 328–367. EDN: RJNTZB.

Мерридейл К. Каменная ночь. Смерть и память в России XX века / пер. с англ. К. Полуэктовой-Кример. М. : ACT : Corpus, 2019. 512 с.

Митрофан (монах). Загробная жизнь : Как живут наши умершие и как будем жить и мы после смерти – по

нального сообщества и меняющейся политики памяти государства. Важной особенностью представляется процесс локализации исторической памяти, часто связанный с региональной идентичностью. При этом, конечно, региональная специфика не исключает процесс влияния политики памяти, развивающейся на национальном уровне. Интересным представляется и взаимодействие различных национальных политик памяти, которое может принимать конфликтный характер.

References

Abramov A.S. (1974) Near Kremlin wall. Moscow: Politizdat. 331 p. (In Russ.).

Zelenin D.K. (1927) East Slavic ethnography. 424 p. (Russ. ed.: Vostochnoslavyanskaya ehtnografiya. Moscow: Nauka. 1991. 507, [4] p.)

Il'f I.A., Petrov E.P. (1999) The Twelve Chairs. Moscow: Vagrius. 544 p. (In Russ.).

Kanatchikov S.N. (1932) From the history of my existence. Moscow: Staryi bol'shevik, 262 p. (In Russ.).

Kozlov D.V., Sosnovskii M.N. (2023) Historical Memory on the Civil War in Modern Russian Society: New Actors and Old Themes. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series History*. Vol. 45. P. 112-117. (In Russ.). DOI: 10.26516/2222-9124.2023.45.112. EDN: YCZYFY.

Krasil'nikova E.I., Gromova O.A. (2019) Politics and memory: The Civil War in Siberia reflected in monuments from different epochs. *The Diary of Altai' School of Political Studies*. No. 35. P. 134-139. (In Russ.). EDN: SQMKGF.

Malinova O.Yu. (2019) Who Forms Official Historical Narratives and How? (Analysis of Russian Practices). *The Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics Politeia*. No. 3 (94). P. 103-126. (In Russ.). DOI: 10.30570/2078-5089-2019-94-3-103-126. EDN: GIXZGM.

Malinova O.Yu., Miller A.I. (2021) Introduction: Symbolic politics and the politics of memory. Contemporary aspects of memory in Russia and Eastern Europe. St. Petersburg: Publishing House of the European University at St. Petersburg. P. 7-37. (In Russ.). EDN: XAYYMC.

Miller A.I. (2012) Historical politics in Russia: a new turn? Historical Politics in the XXI Century. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. P. 328-367. (In Russ.). EDN: RJNTZB.

Merridale C. (2019) Night of Stone. Death and Memory. In Twentieth-Century Russia. (Russ. ed.: Death and Memory. In Twentieth-Century Russia. Moscow: AST : Corpus. 512 p.)

Mitrofan (monk) (1991) Afterlife: How our dead live and how we will live after death - according to the teachings

учению православной Церкви, по предчувствию общечеловеческого духа и выводам науки: Труд монаха Митрофана. Киев : МП «Радуга», 1991. 330 с.

Полищук Н.С. Обряд как социальное явление (на примере «красных похорон») // Советская этнография. 1991. № 6. С. 25–39.

Уинтер Дж. Места памяти, места скорби. Первая мировая война в культурной истории Европы / пер. с англ. А.В. Глебовской, науч. ред. Б.И. Колоницкий. СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2023. 392 с.

Уинтер Дж., Николаи Ф.В. Места памяти и тени войны // Вестник Мининского университета. 2016. № 1–2 (14). С. 9. EDN: VURQSH.

Франция – память / Пьер Нора, Мона Озуп, Жерар де Пюимеж, Мишель Винок; пер. с фр. Д. Хапаевой. СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1999. 325, [2] с.

Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вступ. ст. Сергей Н. Зенкин. М. : Новое издательство, 2007. 346 с.

Шиловский М.В. Война с памятниками или за памятники: мемориализация памяти о гражданской войне в Сибири // Гуманитарные проблемы военного дела. 2019. № 1 (18). С. 133–138. EDN: PZKYLW.

Merridale C. (2003) Revolution among the dead: cemeteries in twentieth-century Russia. *Mortality*. Vol. 8. Iss. 2. P. 176–188. DOI: 10.1080/1357627031000087415.

Merridale C. (1999) 'War, death, and remembrance in Soviet Russia', in J. Winter and E. Sivan (eds.) *War and Remembrance in the Twentieth Century*. Cambridge: Cambridge University Press (Studies in the Social and Cultural History of Modern Warfare), pp. 61–83. DOI: 10.1017/CBO9780511599644.005.

Jorgic K. (2014) The Great War in Russian Memory. *SENTENTIA. European Journal of Humanities and Social Sciences*. № 1. С. 34–36. DOI: 10.7256/1339-3057.2014.1.64156. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=64156.

Petrone K. (2011) The Great War in Russian Memory. Bloomington: Indiana University Press. 385 p.

Winter J. (2006) Remembering war: the Great War between memory and history in the twentieth century. Yale University Press. 352 p.

of the Orthodox Church, according to the premonition of the universal human spirit and the conclusions of science: The work of the monk Mitrofan. Kiev: MP "RadugA". 330 p. (In Russ.).

Polishchuk N.S. (1991) Ritual as a social phenomenon (the example of "red funerals"). *Soviet Ethnography*. No. 6. P. 25–39. (In Russ.).

Winter J. (2023) *Sites of memory, sites of mourning: the Great War in European cultural history*, Cambridge: Cambridge University Press, 2014. (Russ. ed.: *Places of Memory, Places of Sorrow. The First World War in the Cultural History of Europe*. St. Petersburg: Press of the European University at St. Petersburg. 392 p.)

Winter J., Nikolai F.V. (2016) Places of memory and the shadow of war. *Bulletin of Minin` University*. No 1-2. P. 9. (In Russ.). EDN: VURQSH.

P'er Nora, Mona Ozuf, Zherar de Pyuimezh, Mishel' Vinok (1999) France – memory. (Russ. ed.: France – Memory. St. Petersburg: Saint-Petersburg State University. 328 p.).

Halbwachs M. (2007) *Les cadres sociaux de la memoire*. Paris, 1994. (Russ.ed.: Social Frameworks of Memory. Moscow: New Publishing House. 346 p.)

Shilovskii M.V. (2019) War against or for the monuments: Memoirialisation of Civil War in Siberia. *Humanitarian Problems of Military Affairs*. No. 1 (18). P. 133-138. (In Russ.). EDN: PZKYLW.

Merridale C. (2003) Revolution among the dead: cemeteries in twentieth-century Russia. *Mortality*. Vol. 8. Iss. 2. P. 176–188. DOI: 10.1080/1357627031000087415.

Merridale C. (1999) 'War, death, and remembrance in Soviet Russia', in J. Winter and E. Sivan (eds.) *War and Remembrance in the Twentieth Century*. Cambridge: Cambridge University Press (Studies in the Social and Cultural History of Modern Warfare). P. 61–83. DOI: 10.1017/CBO9780511599644.005.

Jorgic K. (2014) The Great War in Russian Memory. *SENTENTIA. European Journal of Humanities and Social Sciences*. № 1. P. 34–36. DOI: 10.7256/1339-3057.2014.1.64156. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=64156.

Petrone K. (2011) The Great War in Russian Memory. Bloomington: Indiana University Press. 385 p.

Winter J. (2006) Remembering war: the Great War between memory and history in the twentieth century. Yale University Press. 352 p.

Information about the authors

Анufриев Александр Валерьевич,
старший научный сотрудник НИЧ ИГУ, старший преподаватель кафедры истории России, Иркутский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1, Россия, e-mail: nnnadezhda@mail.ru

Белков Иван Дмитриевич,
стажер-исследователь НИЧ ИГУ, магистрант исторического факультета,

Alexander V. Anufriev,
Senior Researcher at the Irkutsk State University Research Department, Lecturer of the Department of the History of Russia, Irkutsk State University, 1, K. Marx St., Irkutsk 664003, Russia, e-mail: nnnadezhda@mail.ru

Ivan D. Belkov,
Research Intern at the Irkutsk State University Research Department, Master of Historical Department,

Иркутский государственный университет,
664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1, Россия,
e-mail: belkovivan057@gmail.com

Козлов Дмитрий Викторович,
ведущий научный сотрудник НИЧ ИГУ, кандидат
исторических наук, доцент, директор Межрегионального
института общественных наук при ИГУ,
Иркутский государственный университет,
664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1, Россия,
e-mail: mimo@hist.isu.ru
<https://orcid.org/0000-0001-9170-5644>

Irkutsk State University,
1, K. Marx St., Irkutsk 664003, Russia,
e-mail: belkovivan057@gmail.com

Dmitrii V. Kozlov,
Leading Researcher at the Irkutsk State University Research
Department, Cand. Sci. (History), Associate Professor,
Director of the Interregional Institute of Social Sciences at
ISU,
Irkutsk State University,
1, K. Marx St., Irkutsk 664003, Russia,
e-mail: mimo@hist.isu.ru
<https://orcid.org/0000-0001-9170-5644>

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

**Все авторы прочитали и одобрили окончательный
вариант рукописи.**

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 6 октября 2025 г.;
одобрена после рецензирования 25 ноября 2025 г.;
принята к публикации 1 декабря 2025 г.

Contribution of the authors

The authors contributed equally to this article.

Conflict of interests

The authors declare no conflict of interests.

The authors have read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted October 6, 2025; approved
after reviewing November 25, 2025; accepted for publication
December 1, 2025.

История

Научная статья
УДК 908(470+571)
EDN: OCAAUK
DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2025-4-157-167>

Сохранение историко-архитектурного наследия на примере Московских триумфальных ворот в Иркутске

М.В. Чирикова

Иркутский национальный исследовательский технический университет, Иркутск, Россия

Аннотация. Статья посвящена проблеме сохранения архитектурного наследия в российских городах в дореволюционный период на примере Московских триумфальных ворот в Иркутске. Автором рассмотрены предпосылки и общие вехи формирования законодательной базы в Российской империи, посвященной государственному регулированию вопросов поиска и охраны исторических ценностей. Подчеркнута роль передовой столичной и провинциальной общественности, проделавшей огромную работу по привлечению внимания к проблемам историко-этнографического направления, по координации действий общественно-просветительских организаций и органов власти для обеспечения сохранности памятников архитектуры, архивных материалов, археологических находок. В конце XIX – начале XX в. эту миссию в регионах проводили отделы Русского географического общества, а также губернские учёные архивные комиссии, деятельность последних, несмотря на название, была гораздо шире поиска и сбережения архивных материалов. Подобная организация была создана и в Иркутской губернии, которая привлекла местную интеллигенцию и неравнодушных местных меценатов к сбору исторического наследия и защите архитектурных сооружений, имеющих ценность для общества и государства. Приведенные данные позволяют утверждать, что для оптимизации работы учреждений, занимающихся подобного рода деятельностью на современном этапе, следует учитывать опыт прошлых поколений. В статье представлены выводы о необходимости совершенствования системы организаций, обеспечивающих сохранность историко-культурного наследия, наделения их более широкими полномочиями; о приоритете целей, поставленных перед современным обществом, среди которых большое внимание должно уделяться не только комфорту населения и доходности строительных компаний, но и стремлению к сохранению уникальности городов.

Ключевые слова: триумфальные ворота, архитектурное наследие, Восточно-Сибирский отдел Императорского Русского географического общества (ВСОИРГО), Императорское общество архитекторов-художников (ИОАХ), Иркутская губернская учёная архивная комиссия (ИГУАК), Строительный устав, ампир (Александровский классицизм), дом купцов Сибиряковых («Белый дом»), комплексное развитие территорий (КРТ)

Для цитирования: Чирикова М.В. Сохранение историко-архитектурного наследия на примере Московских триумфальных ворот в Иркутске // Известия Лаборатории древних технологий. 2025. Т. 21. № 4. С. 157–167. DOI: 10.21285/2415-8739-2025-4-157-167. EDN: OCAAUK.

History

Original article

Preserving historical and architectural heritage (an example of the Moscow Triumphal Gate in Irkutsk)

Marina V. Chirikova

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia

Abstract. The article deals with the problem of preserving the architectural heritage in Russian cities in the pre-revolutionary period on the example of the Moscow Triumphal Gate in Irkutsk. The article examines prerequisites and milestones in the development of laws of the Russian Empire regulating the issues of protection of historical values. At the turn of the 19th and 20th centuries, this mission was carried out in the regions by departments of the Russian Geographical Society, as well as by provincial scientific archival commissions, whose activities, despite their name, were much broader than the search and preservation of archival

materials. A similar organization was established in the Irkutsk Province, where it attracted local intellectuals and concerned local patrons to collect historical heritage and protect architectural structures of value to society and the state. The article describes the role of the metropolitan and provincial public that drew attention to the historical and ethnographic problems and coordinated activities of public educational institutions and authorities aimed to preserve architectural sites, archival materials, and archaeological finds. The data presented allow us to assert that in order to improve the work of institutions engaged in this activity, the experience of past generations should be taken into account. The article draws conclusions about the need to improve the system of institutions that preserve historical and cultural heritage, to endow them with broader powers. The conclusion about priority goals set for modern society (to create comfortable living conditions for the population, to preserve the uniqueness of cities) is also drawn.

Keywords: triumphal gates, architectural heritage, the East Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society (VSOIRGO), the Imperial Society of Architects and Artists (IOAH), the Irkutsk Provincial Scientific Archival Commission (IGUAUK), the Building Regulations, Empire style (Alexandrine Classicism), the Sibiryakov Merchants' House (the "White House"), and the Comprehensive Development of Territories (KRT)

For citation: Chirikova M.V. (2025) Preserving historical and architectural heritage (an example of the Moscow Triumphal Gate in Irkutsk). *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 21. No. 4. P. 157-167. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2025-4-157-167. EDN: OCAAUK.

В современной России одной из базовых проблем в области сохранения культурного наследия является необходимость решения вопросов изменения облика столичных и провинциальных городов, т. к. многие ценные архитектурные шедевры находятся в крайне плачевном состоянии. Нередко способы реализации этих задач приводят не только к утрате важных для нации сооружений, но и к обезличиванию населенных пунктов, а порой и к уродованию их облика.

Совсем недавно (в конце 2020 г.) Государственная Дума РФ приняла закон о комплексном развитии территорий (КРТ), способном, как предполагают его авторы, решить сразу несколько актуальных сегодня задач: переселения жителей из аварийных и ветхих домов; создание необходимой социальной инфраструктуры для комфортного проживания горожан¹. Еще одно важное следствие данного правового акта – отход от так называемой точечной застройки, которая стала своеобразным символом нашего времени. Однако вопросы, касающиеся так называемой «архитектурной идентичности» в данном федеральном законе не отражены. Роль соответствующих государственных и муниципальных структур, в компетенцию которых входит охрана исторического и культурного наследия, в подготовке проектов комплексного развития территорий (КРТ) тоже не освещена, видимо, оставлена на откуп региональной власти.

В связи с этим, стоит отметить, что трудности в области архитектурно-жилищной политики городов России сохраняются, и работа по их преодолению ещё предстоит серьёзная. Среди них, например, такие которые уже явно проявились в Иркутске, по-нёсшем колоссальные потери в архитектурном отношении, лишившись многих исторических объектов деревянного наследия в центральной части. Некогда хорошо известная своими деревянными усадьбами столица Прибайкалья, сегодня «разгребает» их обгорелые останки или «любуется» типовыми безликими многоэтажками, которые уже успели возвести на их месте.

Исторический опыт решения вопросов сохранения архитектурных зданий, которые имеют колоссальную культурную ценность для регионов и страны, может помочь в разрешении современных проблем, а также в совершенствовании уже реализуемой урбанистической политики государства. Только комплексный анализ нынешней ситуации в состоянии кардинально переломить уже сложившуюся схему, а для этого стоит обратить внимание на опыт известных архитекторов, сумевших предложить действующие способы и методы адаптации, возрождению, реставрации памятников зодчества.

Фундаментальных комплексных исследований в области сохранения недвижимого исторического наследия, имеющих ретроспективный характер, практически нет. Как правило, авторы проводят свои изыскания в какой-то одной плоскости: архитектурно-инженерной или исторической. Гораздо реже встречаются публикации, объединяющие оба этих взгляда на одну проблему. В исторических исследо-

¹ Федеральный закон от 30.12.2020 № 494-ФЗ «О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях обеспечения комплексного развития территорий».

ваниях ученые акцентируют внимание на проблеме защиты историко-культурных ценностей. В диссертационных работах, периодике, монографиях, связанных с проектированием и процессом возведения различных зданий, больше внимания уделено инженерно-технической составляющей, решению конкретных задач по реконструкции, реставрации или приспособления исторических зданий к современным условиям.

Из множества диссертационных работ последних лет наиболее интересны для данной статьи оказались два исследования: Е.В. Косыгина «Основы инженерной реставрации и сохранения зданий и сооружений – памятников истории и культуры – на базе экосистемного метода»² и А.А. Яковлева «Архитектурная адаптация индустриального наследия к новой функции»³. Несмотря на то, что докторская диссертация Косыгина выполнена в 2004 г., многие её положения позволили автору глубже понять специфику работы архитектора-реставратора, точнее обозначить факторы, влияющие на деятельность специалистов в процессе восстановления исторических строений, на примере таких шедевров как: собор Рождества Богородицы в г. Суздале, Дмитриевский собор в г. Владимире, Успенский собор в г. Владимире, Покровская церковь Спасо-Преображенского монастыря в г. Муроме и др. Большинство из них находится в списке Всемирного наследия ЮНЕСКО, а автор диссертации принимал активное участие в разработке и апробации новых методик их возрождения.

Исследования Яковлева позволило расширить представление о работе профессионального сообщества в области архитектуры и строительства, о современных способах композиционной адаптации старых промышленных зданий с учётом новых социокультурных приоритетов.

Полезными также были статьи Н.А. Скориковой, посвященные реконструкции Военного городка № 19 в Иркутске (Skorikova, 2020), а также работа В.В. Постникова, посвященная соору-

жению триумфальных арок в провинции, в ней автор проанализировал национальный и geopolитический фактор строительства данных сооружений в России (Постников, 2007; Постников, 2012) и Н.И. Бондаревой, рассмотревшей Триумфальную арку как способ сохранения исторической памяти (Бондарева, 2025). Об идеологическом аспекте строительства триумфальных арок более подробно рассуждали И.Н. Слюнькова (Слюнькова, 2013) и В.В. Постников (Постников, 2010; Постников, 2016).

Любопытны с точки зрения истории развития государственного контроля за сохранением историко-культурного наследия были труды А.А. Формозова (Формозов, 1961), А.В. Шаманаева (Шаманаев, 2017).

Познавательны и информативны в профессионально-архитектурном плане оказались и статьи М.В. Золотаревой (Золотарева, 2020; Золотарева, Глижинская, 2022), Н.М. Глебовой и А.Г. Большакова (Глебова, Большаков, 2019), Г.С. Козловой, Л.В. Козловой, В. Фогт (Козлова, Козлова, Фогт, 2017).

Основная часть данного исследования строится на основе архивных материалов Государственного архива Иркутской области (ГАИО) (ГАИО. Ф. 310. Оп. 1), дореволюционных изданий Трудов ВСОРГО, летописей города Иркутска. Для анализа положения дел в области сохранения архитектурного наследия в начале XX в. были использованы материалы статей в Трудах ИГУАК. Отдельные аспекты деятельности иркутских краеведов в различных просветительских учреждениях города по поиску и спасению исторического наследия рассмотрены в предыдущих работах автора.

В Российской империи вплоть до начала XX в. одной из ключевых причин небрежного отношения к архитектурному историческому наследию было в первую очередь отсутствие четкой законодательной системы, регулирующей данные вопросы. На государственном уровне проблемы сохранения архитектурных памятников старины впервые в своих постановлениях обозначил император Пётр Алексеевич, когда ознакомился с древним поселением Булгар недалеко от Казани (Формозов, 1961. С. 27–28). Но приказ местному губернатору подлатать старый город, а в дальнейшем отслеживать его судьбу, носил скорее рекомендательный локальный характер и на остальные регионы империи распространен не был.

Предемчики Петра I особого внимания вопросам сохранения исторических объектов деревянной и

² Косыгин Е.В. Основы инженерной реставрации и сохранения зданий и сооружений – памятников истории и культуры – на базе экосистемного метода : автореф. дис. ... д-ра техн. наук. Владимир, 2004. 48 с.

³ Яковлев А.А. Архитектурная адаптация индустриального наследия к новой функции : автореф. дис. ... канд. архитектуры. Нижний Новгород, 2014. 24 с.

каменной застройки не уделяли. В XVIII столетии, да и позже, обычным делом был снос или перестройка уникальных построек, касалось это не только малоизвестных провинциальных строений, но и столичных древних зданий. Известно, например, что архитектор В.И. Баженов, автор проекта Михайловского замка и дома Пашкова, готов был снести большинство старинных строений Московского Кремля, когда занимался его реконструкцией. Спасло эти архитектурные сооружения только то, что императрица Екатерина II не одобрила его проект, сохранив таким образом исторический облик кремля. Из описанного выше видно, что печальная судьба в те времена ждала большинство памятников российского зодчества, многие из них «замазывались, истреблялись без всякой пощады, ... старые окна расширялись, старые двери проламывались...»⁴.

Естественно предположить, что если описанное выше отношение к древним строениям было нормой для известных архитекторов в столичных регионах, то в более отдаленных частях империи ситуация носила просто катастрофический характер. Отсутствие специалистов, способных оценить ценность тех или иных зданий, а также финансовых возможностей для поддержания этих сооружений в более-менее сносном состоянии, приводило либо к их буквально физическому уничтожению, либо к масштабной перестройке.

Подобное отношение к историческому наследию перекочевало и в XIX в., робкие попытки изменить положение связаны с активизацией деятельности в этом направлении российской общественности и в центре, и на местах. После разгрома наполеоновских войск в 1812 г. заметно возрос интерес у передовой части интеллигенции к национальной культуре и её наследию. По всей империи стали создаваться различные общественно-просветительские организации, многие из которых активно ратовали за сохранение и исследование исторического прошлого. Среди них наиболее известны Русское археологическое общество, Императорское Русское географическое общество, губернские учёные архивные комиссии (в 39 губерниях), архитектурные общества и другие. Несмотря на то,

что большинство из них не специализировалось на указанных выше задачах, однако многое сделали для спасения древних памятников в разных частях страны, в том числе и архитектурных.

В Иркутске подобного рода просветительские организации получили широкое распространение, т. к. именно в столичном губернском городе концентрировались многие представители передовой интеллигенции из среды чиновничества, купечества, учительства и даже ссыльнопоселенцев, которые проявляли интерес к научным изысканиям и готовы были на безвозмездной основе осуществлять их. Так, в Иркутске Отделение Императорского Русского географического общества было открыто в 1851 г. (Иркутская летопись..., 2003. С. 54), вслед за Петербургским. Восточно-Сибирский отдел стал одной из первых просветительских организаций такого рода в России и, абсолютно точно, первым за Уралом. За время своего существования члены Отделения провели множество экспедиций, связанных со сбором естественно-научного материала, а также этнографических и исторических исследований, способствовавших выявлению проблем сохранения культурного наследия Сибири.

Именно из среды представителей Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества (ВСОИРГО) выделилась группа энтузиастов, интересы которых были связаны с историческими изысканиями и стремлениями обеспечить поиски наиболее ценных памятников старины, включая и архитектурное наследие. Усилиями И.Н. Дроздова, Н.Н. Козьмина, А.М. Станиловского, Я.А. Корейши, М.П. Овчинникова в Иркутске была открыта губернская ученая архивная комиссия (ИГУАК) в 1911 г. (ГАИО. Ф. 310. Оп. 1. Д. 4. Л. 7–7 об.). Создана местная архивная комиссия была на основании «Инструкции о порядке и способах уничтожения решенных дел по губернским правлениям и учреждениям министерства внутренних дел, подведомственным сим правлениям» от 19 июня 1909 года (ГАИО. Ф. 310. Оп. 1. Д. 2. Л. 16).

Первое заседание иркутской комиссии состоялось 6 июня 1911 г., на нём были определены основные направления её деятельности. Среди них особо стоит отметить работу по поиску, описанию и охране памятников старины, в число которых входили и архитектурные сооружения. Таким образом, архивная комиссия стала своеобразным прообразом совре-

⁴ Шаманаев А.В., Зырянова С.Ю. Охрана культурного наследия в Российской империи. Екатеринбург : Издательство Уральского университета. 2018. С. 27.

менных государственной и муниципальной служб по сохранению историко-культурного наследия. Доподлинно известно, что именно благодаря деятельности членов Иркутской губернской ученои архивной комиссии была сохранена башня Илимского деревянного острога, которая сегодня находится в этнографическом музее «Тальцы» (Чирикова, Корчевина, 2018).

Привлечение внимание широкой общественности к историческому прошлому способствовало активизации деятельности и официальных органов в вопросах сохранения древних реликвий. Попытки властей регламентировать данные моменты предпринимались на протяжении всего XIX в., но более-менее серьёзных результатов смогли добиться только к началу XX в., когда был составлен Строительный устав. На сайте Национальной электронной библиотеки этот документ представлен в редакции 1900 г., в нём впервые в нормативно-правовой практике были сформулированы «Особые правила о сохранении и починке древних зданий», наиболее интересные для нашего исследования. Объём этих правил невелик, поэтому вполне уместно привести их полностью:

«76. Строжайше воспрещается разрушать остатки древних замков, крепостей, памятников и других зданий древности, под ответственностью за нарушение сего губернаторов и местной полиции.

77. Из зданий сего рода исправляются и починяются только те, в коих есть какие-либо помещения; в прочих же починиваются и поддерживаются только ворота. В случае необходимости сих исправлений делается представление Министерству внутренних дел, с описанием повреждений и ветхости и с изъяснением, для чего именно исправление нужно.

78. Реставрация монументальных памятников древности производится по предварительному соглашению с Императорской археологическою комиссию и по сношению ея с Императорскою академией художеств.

79. Содержание лежащих на отчете городского поселения памятников относится на городские средства»⁵.

Прогрессивное начинание, как видно из приведенных выше правил, закономерно «забуксовало» в силу, во-первых, отсутствия самостоятельности местных властей в решении вопросов сохранения

архитектурных памятников, а, во-вторых, перманентного дефицитного бюджета, в котором просто не было финансовых средств на достойное содержание ценных сооружений. В связи с указанными обстоятельствами многие значимые исторические здания не дожили до наших дней. Такая участь постигла и Московские триумфальные ворота, закладка которых произошла в июле 1811 г. (Иркутская летопись..., 2003. С. 40; Иркутская летопись..., 1911. С. 211), а открытие 15 сентября 1813 г. (Дроздов, 1913. С. 140–141; Иркутская летопись..., 1911. С. 213) (рис. 1).

Их судьба во многом олицетворяет собой положение всех достойных сохранения памятников. В «Трудах губернской учёной архивной комиссии» сохранились крайне любопытные материалы обследований этого сооружения, предпринятых членами комиссии – священнослужителем И. Дроздовым (рис. 2) и архитектором Г. Бархиним (рис. 3).

Собранные членами архивной комиссии материалы были представлены на первых же её заседаниях, а также легли в основу обращения данной организации к местному отделению ИРГО и администрации с просьбой реконструировать Московские триумфальные ворота (Чирикова, 2011).

Однако осуществить задуманное мешало не только отсутствие средств, но и специалиста в области архитектуры, способного провести профессиональный осмотр и дать объективное заключение. Только в декабре 1911 г. с назначением на должность городского архитектора Г. Бархина, эта проблема была решена (Иркутская летопись..., 2003. С. 246). По мнению, Т.М. Бархиной (приехал в Иркутск он в начале 1912 г.), за время службы основной его задачей стало «приведение в порядок обширного, разбросанного по территории городского строительного хозяйства» (Бархина, 2018. С. 106). В тот период архитектор особое внимание уделял изучению так называемого «русского стиля».

В качестве специалиста, обладающего соответствующей компетенцией, он должен был подтвердить или опровергнуть архитектурную ценность сооружения. В ходе обследования Московских ворот, им был подготовлен доклад для Восточно-Сибирского отдела Географического общества «О реставрации художественно-архитектурных памятников в связи с сохранением Московских ворот» (Бархин, 1913. С. 146).

⁵ Устав строительный // Свод законов Российской империи. СПб., б. г. Кн. 4. Т. 11, ч. 1–12. С. 218–219.

Рис. 1. Московские триумфальные ворота, 1811 г.
Fig. 1. Moscow Triumphal Gate, 1811

Рис. 2. Священник Иоанн Дроздов
Fig. 2. The priest John Drozdrov

Рис. 3. Архитектор Григорий Бархин
Fig. 3. Architect Grigory Barkhin

По мнению иркутского архитектора-художника, проект Триумфальной арки на московском тракте вероятно был создан в Петербурге и представлял собой работу столичных специалистов, занимавшихся проектированием казенных и общественных зданий. Особое внимание он обратил на художественную ценность ворот и в своих докладах называл их «одним из интереснейших архитектурных сооружений города» (Бархин, 1913. С. 146).

Специфические детали сооружения, такие как безукоизненные пропорции, классические колонны, лепные карнизы, позволили Бархину определить его стиль как ампир или Александровский классицизм (Бархин, 1913. С. 146).

В Иркутске в этом стиле сохранилось несколько сооружений, но, пожалуй, самым известным историческим зданием является дом купцов Сибиряко-

вых (известный как «Белый дом») на бульваре Гагарина. Существует гипотеза, что автором проекта был известный итальянский архитектор Джакомо Кваренги, творец многих потрясающих петербургских зданий. Однако сведений, способных подтвердить участие столь прославленного зодчего в проектировании будущего генерал-губернаторского дома, до наших дней не сохранилось. Не менее совершенным произведением в стиле ампир были, с точки зрения Г. Бархина, Московские ворота. Но из-за небрежного отношения к 1911 г. их состояние было близко к полному разрушению (рис. 4).

Попытки реставрации иркутских триумфальных ворот некомпетентными лицами, нередко не имевшими никакого отношения к искусству и даже просто безграмотными в архитектурном отношении, привели к тому, что замысел первоначального проекта был практически полностью искажен. По инициативе губернской администрации было предпринято несколько попыток определения степени сохранности Московских ворот, для чего были созданы комиссии из местных инженеров. После изучения ими основания арки стало ясно, что фундамент практически полностью разрушен и возможности его укрепить члены комиссий не видели. Иные специалисты, приглашенные городским головой И. Исцеленовым, предлагали способ спасти строение: подвести новый фундамент, а расслоившиеся части арки стянуть железными обручами, но он был слишком сложен и не гарантировал успеха. Видимо, поэтому от реализации задуманного, в конечном счёте, отказались (Бархин, 1913. С. 154).

Известно, что Иркутская городская дума в 1909 г. на основании выводов экспертных комиссий приняла постановление о сносе Московских ворот, остановило этот акт вандализма вмешательство местной администрации, вызванное обращением одной из столичных научно-просветительских организаций. Дело в том, что в Иркутскую городскую управу с извещением обратился граф П.Ю. Сюзор (рис. 5), бывший в тот момент председателем Общества архитекторов-художников. В своём обращении он высказал авторитетное мнение общества об огромном художественном значении этой постройки и необходимости сохранения данного ценного сооружения. Одновременно организация архитекторов-художников обратилась в Императорскую академию художеств с ходатайством о принятии

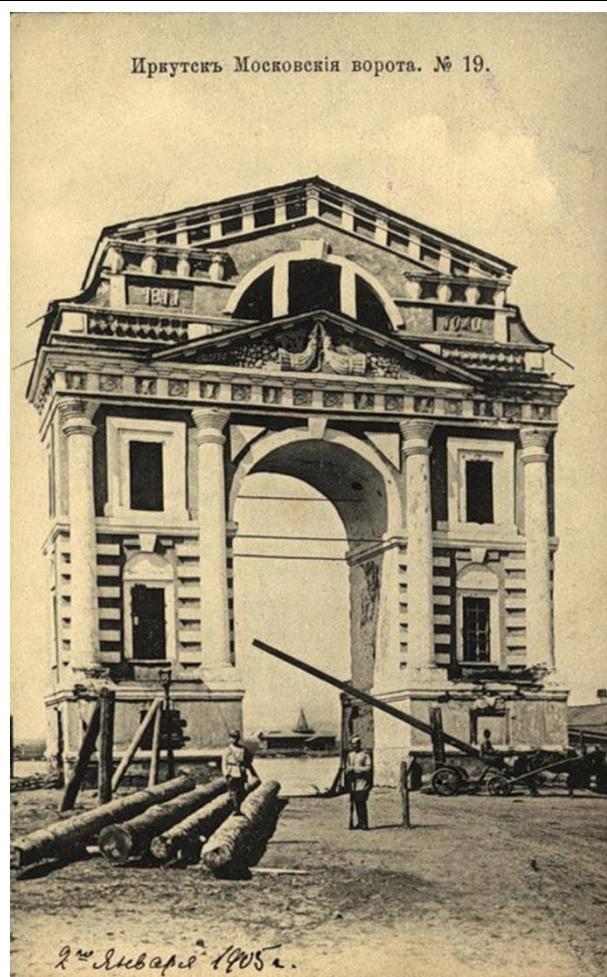

Рис. 4. Московские триумфальные ворота, 1905 г.
Fig. 4. Moscow Triumphal Gate, 1905

Рис. 5. Председатель общества архитекторов-художников в Санкт-Петербурге П.Ю. Сюзор
Fig. 5. Chairman of the Society of Architectural Artists in St. Petersburg, P.Yu. Syuzor

мер, которые не допустят уничтожения такого редкого для Сибири архитектурного сооружения (Бархин, 1913. С. 153).

Вмешательство столь высоких лиц позволило привлечь внимание местных энтузиастов. С этого момента Московскую арку стали иначе оценивать, видя в ней не просто аварийное помещение, а художественно-архитектурный памятник. Местные просветительские организации предпринимали неоднократные попытки изыскать средства на реставрацию уникального здания, но для этого необходимо было определить сумму предстоящих расходов и в целом целесообразность таких работ, что являлось возможным лишь после проведения тщательного анализа реального состояния ворот.

Являясь членом губернской учёной архивной комиссии (ГАИО. Ф. 310. Оп. 1. Д. 2, 4), Г.Б. Бархин осуществил серьёзную работу, подготовив документы о степени сохранности Триумфальной арки. Именно отчёт городского архитектора даёт полное представление о реальном состоянии Московских триумфальных ворот и возможности их реставрации, основные положения которого можно свести к следующим моментам:

1. фундамент ..., сложенный из крупного речного булыжника, лишен связующего раствора, ..., лишившись защитной внешней обкладки, разрушается от малейшего прикосновения, т. е. не может являться серьёзной опорой для самой конструкции;
2. кладка стен пилонов и свод покрыты глубокими трещинами, часть из которых угрожают разрушением и пилонов, и сооружения в целом;
3. раствор между кирпичами, из которых возведены сами ворота, «выветрился» аналогично раствору фундамента;
4. своды помещений, расположенных внутри пилонов, сильно разрушены;
5. само здание ворот имеет серьезные отклонение на правую сторону с лицевого фасада и назад к реке Ангаре;
6. наружная часть отделки ворот наиболее существенно повреждена на заднем фасаде со стороны реки (выкрошился даже лицевой кирпич);
7. скульптурные композиции, украшавшие арку, разрушились в силу времени и сезонных перепадов температур;
8. крыша строения во многих местах сорвана (Бархин, 1913. С. 155–157).

В результате специалист пришёл к неутешительному заключению: реставрировать Московские триумфальные ворота невозможно, любая попытка укрепить фундамент, грозит обрушением всего здания. Таким образом, единственным способом сохранения этого сооружения для потомков является их полная реконструкция. Особенно Бархин настаивал на воссоздании ворот в их первоначальном замысле, без уродливых деталей, которые были дополнены при их строительстве в начале XIX в., а также на необходимости проведения конкурса среди архитектурных обществ на проект реконструкции этого здания.

Как показало время, заключение городского архитектора подтвердилось, ворота восстановить не удалось, и после прихода к власти в Иркутске большевиков они были разобраны в 1920-е гг. Однако идея о реконструкции Московских ворот вновь была озвучена накануне 300-летнего юбилея города в 1984 г., но проект так и не был реализован. Следующая попытка, предпринятая в 2009 г., оказалась удачной. Созданием проекта реконструкции сооружения и его финансированием занимался благотворительный фонд «Семьи Девочкиных», в дальнейшем передавший их в дар Музею истории города Иркутска (рис. 6).

На основе проведённого исследования можно сформулировать следующие выводы:

В отличие от Европы, в России вплоть до конца XIX в. не существовало законодательной основы охраны ценных экспонатов культурно-исторического наследия (первым и единственным нормативно-правовым актом долгое время был Строительный устав), а соответственно не было и специальных учреждений, осуществлявших данную деятельность. Централизованный характер защиты материального наследия приобретает только в советский период.

В XIX в. активизируется их взаимодействие с органами властных структур. Благодаря работе этих организаций часть исторических зданий удалось сберечь или реконструировать.

Несмотря на осознание проблемы обеспечения сохранности культурных памятников, многие из них были утрачены в силу недостаточного количества средств в бюджетах регионов, либо по причине отсутствия грамотных специалистов (архитекторов, строителей, проектировщиков и др.), способных выявить их

Рис. 6. Современные Московские триумфальные ворота
Fig. 6 Modern Moscow Triumphal Gates

的独特性和重要性，以便为未来的世代进行高质量的维修或修复。

并非总能修复具有历史和建筑价值的物体，因此必须寻找其他方法来保存它们。例如，莫斯科城门的修复在伊尔库茨克展示了修复历史建筑的可能，而重建历史街区的经验也证明了完全可能在某些情况下修复真正的建筑。

另一种解决办法是将历史建筑适应现代需求，从而赋予它们新的生命。今天，将莫斯科和圣彼得堡的工业广场改造为居住空间或创意空间，是完全可能的。改变其内部功能，使其成为创作空间，从而保留其历史外貌。虽然这种方法在某些情况下可能不可行，但可以作为历史建筑保护的手段。

特别值得注意的是，应向建筑师和修复师提供历史研究，帮助他们更好地理解建筑的历史背景，从而更好地进行修复。

在决策过程中，必须考虑到各种专业意见：建筑和设计、工程、科学和历史。只有综合考虑所有因素，才能选择最合适的修复方案。

国家和公众对文化遗产的关心需要重新诠释，通过深入研究法律基础，提高相关部门的职责，确保历史建筑得到妥善保护。一个重要的任务是协调城市居民的实用利益与历史建筑的唯一性。

Список источников

Бархин Г.Б. По вопросу о реставрации Московских ворот // Труды Иркутской учёной архивной комиссии.

References

Barkhin G.B. (1913) On the restoration of the Moscow Gate. *Proceedings of the Irkutsk Scientific Archival Commis-*

Иркутск: Электро-тип. Т-ва «М.П. Окунев и Ко», 1913. Вып. 1. С. 146–161.

Бархина Т.М. Архитектор Григорий Бархин. М.: Близнецы, 2018. 355 с.

Бондарева Н.И. Триумфальная арка Астрахани и её представительные возможности в сохранении исторической памяти // Культура и искусство. 2025. № 6. С. 143–162. DOI: 10.7256/2454-0625.2025.6.74882. EDN: GULUTY.

Глебова Н.М., Большаков А.Г. Принципы сохранения и формирования архитектурной идентичности в уличной застройке исторической части г. Иркутска // Известия вузов. Инвестиции. Строительство. Недвижимость. 2019. Т. 9. № 3 (30). С. 606–619. DOI: 10.21285/2227-2917-2019-3-606-619. EDN: GKNFOF.

Дроздов И. Московские триумфальные ворота // Труды Иркутской учёной архивной комиссии. Иркутск: Электро-тип. Т-ва «М.П. Окунев и Ко», 1913. Вып. 1. С. 137–145.

Золотарева М.В. Деятельность городского общественного управления в области регулирования хозяйства, строительства и благоустройства (вторая половина XIX в.) // Известия вузов. Инвестиции. Строительство. Недвижимость. 2020. Т. 10. № 1 (32). С. 152–161. DOI: 10.21285/2227-2917-2020-1-152-161. EDN: FZCPWT.

Золотарева М.В., Глижинская А.А. Сохранение памяти места как процесс адаптации объектов // Техническая эстетика и дизайн-исследования. 2022. Т. 4. № 4. С. 22–28. DOI: 10.34031/2687-0878-2022-4-4-22-28. EDN: RQNRCP.

Иркутская летопись 1661–1940 гг. / сост., автор предисловия и примечаний Ю.П. Колмаков. Иркутск: Оттиск, 2003. 848 с.

Иркутская летопись (Летописи П.Н. Пежемского и В.А. Кротова) // Труды Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества. Иркутск: Паровая типография И.П. Казанцева, 1911. № 6. 418 с.

Козлова Г.С., Козлова Л.В., Фогт В. Особенности композиционной организации общественных пространств в историческом центре Иркутска // Известия вузов. Инвестиции. Строительство. Недвижимость. 2017. Т. 7. № 3 (22). С. 145–155. DOI: 10.21285/2227-2917-2017-3-145-155. EDN: ZHZEDZ.

Постников В.В. Николаевские ворота Владивостока (символика и идеология) // Россия и АТР. 2007. № 4. С. 154–163. EDN: JJWZCH.

Постников В.В. Монархический церемониал и триумфальные арки на Дальнем Востоке России (конец XIX века) // История и культура Приамурья. 2010. № 2 (8). С. 85–93. EDN: VRNRBZ.

Постников В.В. К истории «русского» стиля: триумфальные арки в российской провинции (конец XIX века) // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2012. № 3. С. 33–38. EDN: PZZJTV.

Постников В.В. «Триумфальная арка» и монархические церемонии в Никольске-Уссурийском: к истории образа старого города // Известия восточного института. 2016. № 3 (31). С. 26–34. EDN: WZQZLF.

sion. Irkutsk: Ehlektro-tip. T-va "M.P. Okunev i KO". Iss. I. P. 146-161. (In Russ.).

Barkhina T.M. (2018) Architect Grigory Barkhin. Moscow: Bliznitsy. 355 p. (In Russ.).

Bondareva N.I. (2025) The Triumph Arch of Astrakhan and its Representative Potential in Preserving Historical Memory. *Culture and Art*. No. 6. P. 143-162. (In Russ.). DOI: 10.7256/2454-0625.2025.6.74882. EDN: GULUTY.

Glebova N.M., Bolshakov A.G. (2019) Principles of the preservation and formation of the architectural identity in street construction in the historical part of Irkutsk. *Proceedings of Universities. Investment. Construction. Real estate*. Vol. 9. No. 3 (30). P. 606–619. (In Russ.). DOI: 10.21285/2227-2917-2019-3-606-619. EDN: GKNFOF.

Drozdov I. (1913) The Moscow Triumphal Gates. *Proceedings of the Irkutsk Scientific Archival Commission*. Irkutsk: Ehlektro-tip. T-va "M.P. Okunev i KO". Iss. 1. P. 137-145. (In Russ.).

Zolotareva M.V. (2020) Activities of the urban public administration in regulating construction activity and urban improvement during the second half of the 19th century. *Proceedings of Universities. Investment. Construction. Real estate*. Vol. 10. No. 1 (32). P. 152–161. (In Russ.). DOI: 10.21285/2227-2917-2020-1-152-161. EDN: FZCPWT.

Zolotareva M.V., Glishchinskaya A.A. (2022) Saving the memory of a place as a process of adaptation of objects. *Technical Aesthetics and Design Research*. Vol. 4. No. 4. P. 22–28. (In Russ.). DOI: 10.34031/2687-0878-2022-4-4-22-28. EDN: RQNRCP.

Kolmakov Yu.P. (2003) The Chronicle of Irkutsk, 1661–1940. Irkutsk: Ottisk. 848 p. (In Russ.).

Pezhemskii P.N., Krotov V.A. (1911) The Chronicle of Irkutsk. *Proceedings of the East Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society*. Irkutsk. No. 6. 418 p. (In Russ.).

Kozlova G.S., Kozlova L.V., Vogt V. (2017) Features of the compositional organization of public spaces in the historical center of Irkutsk. *Izvestiya Vuzov. Investments. Construction. Real Estate*. Vol. 7. No. 3. P. 145–155. (In Russ.). DOI: 10.21285/2227-2917-2017-3-145-155. EDN: ZHZEDZ.

Postnikov V.V. (2007) Nikolas's Gates in Vladivostok (Symbol and Ideology). *Russia and the Pacific*. No. 4. P. 154–163. (In Russ.). EDN: JJWZCH.

Postnikov V.V. (2010) Monarchical Ceremonial and Triumphal Arches in the Russian Far East (Late 19th Century). *History and Culture of the Amur Region*. No. 2 (8). P. 85–93. (In Russ.). EDN: VRNRBZ.

Postnikov V.V. (2012) To the history of Russian style: triumphal arches in the Russian provinces (the end of XIX century). *Humanitarian Research in Eastern Siberia and the Far East*. No. 3. P. 33–38. (In Russ.). EDN: PZZJTV.

Postnikov V.V. (2016) "Triumphal Arch" and Monarchical Ceremonies in Nikol'sk-Ussuriysk: the History of the Old City Image. *Oriental Institute Journal*. No. 3 (31). P. 26–34. (In Russ.). EDN: WZQZLF.

Слюнькова И.Н. Проекты оформления коронационных торжеств в России XIX века // Вестник российского гуманитарного научного фонда. 2013. № 1. С. 112–123. EDN: UDLBAJ.

Формозов А.А. Очерки по истории русской археологии. Москва : Изд-во Академии наук, 1961. 128 с.

Чирикова М.В. Особенности и результаты деятельности Иркутской губернской ученой архивной комиссии // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2011. № 3. С. 270–274. EDN: NPNRNNN.

Чирикова М.В., Корчевина Л.В. Активизация архивной и историко-краеведческой деятельности в Восточной Сибири в XIX – начале XX в. // Известия Лаборатории древних технологий. 2018. Т. 14. № 2. С. 149–157. DOI: 10.21285/2415-8739-2018-2-149-157. EDN: XRGCFJ.

Шаманаев А.В. Вопросы охраны культурного наследия на Всероссийских археологических съездах (вторая половина XIX – начало XX в.). Екатеринбург : Изд-во Урал. Ун-та, 2017. 199 с. EDN: ZQVDA.

Skorikova N.A. (2020) Plan of reorganization of the architectural space of military campus No. 19 for the needs of the Suvorov Military School. *IOP Conference series: Materials science and engineering: 3rd International scientific and practical conference on investments. Construction. Real estate: New technologies and targeted development priorities 2020, ICRE 2020, Irkutsk, April 23-24, 2020*. Vol. 880. P.012071. DOI: 10.1088/1757-899X/880/1/012071. EDN: ZPSIIH.

Информация об авторе

Чирикова Марина Владимировна,
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и
философии,
Иркутский национальный исследовательский технический
университет,
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия,
e-mail: chirikovamv@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8507-4858>

Вклад автора

Чирикова М.В. выполнила исследовательскую работу, на основании полученных результатов провела обобщение и подготовила рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 10 ноября 2025 г.; одобрена после рецензирования 3 декабря 2025 г.; принята к публикации 15 декабря 2025 г.

Slyun'kova I.N. (2013) Coronation Ceremony Project Design in Russia in the XIX Century. *Bulletin Russian Foundation for the Humanities*. No. 1. P. 112-123. (In Russ.). EDN: UDLBAJ.

Formozov A.A. (1961) Essays on the History of Russian Archaeology. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences. 128 p. (In Russ.).

Chirikova M.V. (2011) Features and Results of Activities of Irkutsk Provincial Scientific Archive Commission. *Proceedings of Irkutsk State Technical University*. No. 3. P. 270-274. (In Russ.). EDN: NPNRNNN.

Chirikova M.V., Korchevina L.V. (2018) Activation of archive and local history research activities in Eastern Siberia in the 19th – the beginning of the 20th centuries. *Journal of Ancient Technology Laboratory*. Vol. 14. No. 2. P. 149-157. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2018-2-149-157. EDN: XRGCFJ.

Shamanayev A.V. (2017) Issues of cultural heritage protection at the All-Russian Archaeological Congresses (Second Half of the 19th – Early 20th Centuries). Yekaterinburg: Ural Federal University. 199 p. (In Russ.). EDN: ZQVDA.

Skorikova N.A. (2020) Plan of reorganization of the architectural space of military campus No. 19 for the needs of the Suvorov Military School. *IOP Conference series: Materials science and engineering: 3rd International scientific and practical conference on investments. Construction. Real estate: New technologies and targeted development priorities 2020, ICRE 2020, Irkutsk, April 23-24, 2020*. Vol. 880. P.012071. DOI: 10.1088/1757-899X/880/1/012071. EDN: ZPSIIH.

Information about the author

Marina V. Chirikova,
Cand. Sci. (History), Associate Professor, Associate Professor
of the Department of History and Philosophy,
Irkutsk National Research Technical University,
83, Lermontov St., Irkutsk 664074, Russia,
e-mail: chirikovamv@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8507-4858>

Contribution of the author

Chirikova M.V. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted November 10, 2025; approved after reviewing December 3, 2025; accepted for publication December 15, 2025.

Уважаемые коллеги!

Мы приглашаем Вас к сотрудничеству в качестве авторов, рекламодателей и читателей и сообщаем требования к статьям, принимаемым к публикации

Правила оформления научных статей

1. Общие положения

Журнал «Известия Лаборатории древних технологий» – научное периодическое издание (выходит 4 раза в год), продолжает серию ежегодных изданий, посвященных изучению истории Байкальской Сибири. В нем представлены научные статьи как российских, так и зарубежных коллег.

Тематика выпусков охватывает различные аспекты археологических, этнологических и исторических исследований. Издание предназначено археологам, этнологам, историкам и всем, интересующимся прошлым. Издание реферируется и рецензируется.

ISSN 2415-8739

Журнал основан в 2003 г.

Учредитель – Иркутский национальный исследовательский технический университет

Рубрики журнала:

- археология
- этнология
- история
- персоналия (мемориальные заметки о коллегах)

2. Правила оформления

Рекомендуемый объем статьи – 20000–40000 знаков, включая пробелы.

Рукопись должна быть построена следующим образом:

2.1. **Индекс УДК** в верхнем левом углу.

2.2. **Заголовок**, включающий: название статьи, должен быть информативным и, по возможности, кратким. Первое слово заглавия статьи, как правило, приводят с прописной буквы, остальные слова – со строчной (кроме собственных имён, общепринятых аббревиатур и т. п.). В конце заглавия статьи точку не ставят. Набирается полужирным шрифтом, выравнивается по центру.

2.3. **Имена, отчества и фамилии авторов:** располагаются на один интервал ниже заголовка, набираются полужирным шрифтом, выравнивание по левому краю. Если авторов несколько, то после фамилии первого автора ставится запятая и пишется имя, отчество и фамилия второго автора и т. д.

2.4. **Организация и ее адрес:** располагается под фамилией автора, первое слово набирается с заглавной буквы, выравнивание по левому краю, после названия организации запятая. Далее указывается адрес организации (город, страна). После этого – адрес электронной почты и ORCID автора (если есть).

Если авторы из разных организаций, то после их фамилий ставятся соответствующие арабские цифры (верхний индекс). Такие же цифры ставятся перед названием и адресом организаций, в которых работают эти авторы.

2.5. **Аннотация:** должна быть информативной, содержать 200–250 слов, с указанием ключевых слов (словосочетаний) (9–12).

2.6. **Благодарности.** После ключевых слов приводят слова благодарности организациям (учреждениям), научным руководителям и другим лицам, оказавшим помочь в подготовке статьи, сведения о грантах, финансировании подготовки и публикации статьи, проектах, научно-исследовательских работах, в рамках или по результатам которых опубликована статья.

2.7. **Английский перевод** названия статьи, имен, отчеств и фамилий авторов, названия и адреса организаций, аннотации, ключевых слов, благодарностей оформляется так же, как и на русском языке.

2.8. **Раздел «Список источников».** Составляется в алфавитном порядке (по фамилии автора и году издания), оформляется по ГОСТ Р 7.0.5. Например,

статья в журнале:

Ветров В. М., Шергин Д. Е., Тетенькин А. В. Стоянка-могильник Старый Витим II в Муйско-Куандинской котловине (Республика Бурятия) // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 4. С. 9–34.;

статья в научном сборнике:

Лапшина З. С. Личины петроглифов Амуро-Уссурийского комплекса: структура рисунка и художественный образ // Наскальное искусство в современном обществе. К 290-летию научного открытия Томской писаницы : материалы. Международной научной конференции 22–26 августа 2011 г. Кемерово. Кемерово : Кузбассвузиздат, 2011а. Т. 2. С. 64–68.; монография:

Сидоров А. П. Неолит Забайкалья. Улан-Удэ : Изд-во Забайкальского гос. ун-та, 2006. 315 с.

2.9. *Раздел «References»* составляется в Harvard Style в порядке списка источников, для этого ФИО авторов работы на русском языке нужно транслитерировать по BSI (<https://translit.net/ru/bsi/>), все остальные данные перевести на английский. Работы на других языках: если в основе языка латиница – запись копируется без изменений; работы на арабском, китайском, монгольском, греческом и др. языках – запись переводится на английский. Везде указывается в скобках язык работы.

2.10. *Раздел «Информация об авторах»* оформляется в конце статьи в следующем виде:

Информация об авторах

И. О. Фамилия –

Степень, звание, должность, подразделение,

Организация,

Почтовый адрес организации (индекс, город, улица, здание, страна).

Эта же информация представляется и на английском языке

Information about the authors

(англ.) И. О. Фамилия –

(англ.) Степень, звание, должность, подразделение,

(англ.) Организация,

(англ.) Почтовый адрес организации (здание, улица, город индекс, страна).

2.11. *Раздел «Вклад авторов».* После фамилии и инициалов автора в краткой форме описывается его личный вклад в написание статьи (идея, сбор материала, обработка материала, написание статьи, научное редактирование текста и т. д.). Возможны формулировки: «*Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации*»; «Козлов В. С. выполнил исследовательскую работу, на основе полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати».

2.12. *Раздел «Конфликт интересов».* Указывается, что: «Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов».

2.13. При наличии в статье рисунков в конце статьи приводятся подрисуночные подписи.

3. Рекомендации по набору и оформлению текста

Параметры страницы и абзаца: все отступы по 2 см, ориентация книжная, табуляция 2 см.

Параметры текста: редактор MS Word, стиль обычный, размер 12 пунктов, гарнитура Times New Roman, межстрочный интервал полуторный, выравнивание по ширине. Не использовать более одного пробела между словами.

Сокращения терминов и названий должны быть сведены к минимуму и осуществляться в соответствии с ГОСТ 7.12-93.

Числовой материал приводится в виде таблиц.

При создании **таблиц** рекомендуется использовать возможности MS Word (Таблица – Добавить таблицу). Таблицы должны иметь порядковые номера, название и ссылку в тексте: (табл. 1). Таблицу следует располагать в тексте после первого упоминания о ней.

Библиографические ссылки в тексте должны быть оформлены по образцу: (фамилия, год публикации, номер страницы) в круглых скобках. Например: (Иванов, 2002. С. 12. Рис. 14; Петров, 2014). После фамилии год издания – через запятую; ссылка на страницу, рисунок и т. п. через точку с прописной буквы.

Ссылки на архивные материалы должны быть расположены в тексте и содержать полное описание источника в круглых скобках. Например: (ГАИО. Ф. Р-102с. Оп. 5. Д. 37. Л. 89 об.).

4. Требования к рисункам

Рисунки (иллюстрации, графики, диаграммы, схемы) должны иметь сквозную нумерацию, название и ссылку в тексте: (рис. 1), которую следует располагать в тексте после первого упоминания о рисунке.

Рисунки, помимо текста рукописи, должны быть предоставлены **отдельными файлами**: иллюстрации в разрешении не менее 300 dpi с расширениями *.JPEG, *.TIFF.

Редакция оставляет за собой право отклонять статьи, не отвечающие указанным требованиям.

По вопросам публикации статей обращаться: 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Иркутский национальный исследовательский технический университет, кафедра истории и философии, К-211.

Главный редактор журнала – Павел Александрович Новиков

Тел.: +7(3952)405186, e-mail: ildt@yandex.ru

Dear colleagues!

We invite you to participate in our magazine as authors, advertisers and readers and report requirements to articles accepted for publication

Article submission guidelines

1. General Provisions

The scholarly journal "Reports of the Laboratory of Ancient Technologies" is a scientific periodical magazine (published 4 times a year), continues and develops a series of annual publications devoted to the study of the history of Baikal Siberia. There are several included articles of the researchers of different institutions of Russia and also articles of our foreign colleagues.

Themes of this number cover the different aspects of archaeological, ethnoarchaeological and historical research.

The edition is intended to archaeologists, ethnologists, historians and everybody who have an interest to Antiquity. The publication is abstracted and reviewed.

ISSN 2415-8739

The Journal was founded in 2003

Founder: Irkutsk National Research Technical University

Journal's headings are as follows:

- archaeology
- ethnology
- history
- personalia (memorial notes about a colleague)

2. Manuscript Structure

The article (review) should consist of 20000–40000 symbols including spaces.

The manuscript should have the following order.

2.1. **UDC code** should be placed in the left upper corner.

2.2. **The title**, which includes: the title of the article (should be informative and, if possible, brief). The first word of the title of the article, as a rule, is given with a capital letter, the rest of the words - with a lowercase letter (except for their own names, common abbreviations, etc.). There is no full stop at the end of the title of the article. The title should be typed in bold, centered.

2.3. **Names, patronymics and surnames of authors**: they are arranged in one interval below the title, they are typed in bold letters, aligned to the left. If there are several authors, then after the first author's name a comma is put and the first, patronymic and surname of the second author are written, etc.

2.4. **The organization and its address**: are located under the author's surname, typed in capital letters, aligned to the left, after the organization's name should be a comma. Below the name of the organization is given the address of the organization (country, index, city, street, building number).

located under the author's surname, the first word is typed with a capital letter, aligned to the left, after the organization's name should be a comma. Next, the address of the organization is indicated (city, country). After that - the email address and ORCID of the author (if any).

If the authors are from different organizations, then the corresponding Arabic numerals (superscript) are placed after their names. The same numbers are placed before the name and address of the organizations in which these authors work.

2.5. **Abstract** should be informative and consist of 200–2500 words, include 9–12 key words or word combinations.

2.6. **Acknowledgments**. After the keywords, words of gratitude are given to organizations (institutions), supervisors and other persons who assisted in the preparation of the article, information about grants, funding for the preparation and publication of the article, projects, research works, within the framework of or as a result of which the article was published.

2.7. **The English translation** of the title of the article, the names and initials of the authors, the name and address of the organization, annotations, key words should be made in the same way as in Russian.

Titles, abstracts and key words translated into English cannot contain any transliterations from Russian except for transliterations of personal names, untranslatable names of devices and any other objects.

2.8. Section "**Список источников (List of sources)**". It is issued in accordance with GOST R 7.0.5. For example, a journal article:

Петров В. М., Шергин Д. Е., Тетенъкин А. В. Стоянка-могильник Старый Витим II в Муйско-Куандинской котловине (Республика Бурятия) // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 4. С. 9–34.;
article in a scientific collection:

Лапшина З. С. Личины петроглифов Амуро-Уссурийского комплекса: структура рисунка и художественный образ // Наскальное искусство в современном обществе. К 290-летию научного открытия Томской писаницы : материалы. Международной научной конференции 22–26 августа 2011 г. Кемерово. Кемерово : Кузбассвузиздат, 2011а. Т. 2. С. 64–68.; monograph:

Сидоров А. П. Неолит Забайкалья. Улан-Удэ : Изд-во Забайкальского гос. ун-та, 2006. 315 с.

2.9. Section «**References**» is compiled in Harvard Style in the order of the list of sources, for this the names of the authors of the work in Russian must be transliterated according to BSI (<https://translit.net/ru/bsi/>), all other data must be translated into English. Works in other languages: if the language is based on Latin - the record is copied without changes; works in Arabic, Chinese, Mongolian, Greek and other languages - the record is translated into English. The language of the work is indicated everywhere in brackets.

2.10. **Information about authors** should be placed at the end of the article as follow:

Information about the author

Name N. Family name,

Academic degree, academic title, position,

Organization,

Postal address (building, street, city, postal-index, country)

e-mail

2.11. **Section "Criteria of authorship".** After the surname and initials of the author, his personal contribution to the writing of the article is briefly described (idea, collection of material, processing of material, writing of the article, scientific editing of the text, etc.). Possible formulations: "All authors made an equivalent contribution to the preparation of the publication"; "V. S. Kozlov carried out research work, based on the results obtained, he generalized and prepared the manuscript for publication."

2.12. **Section "Conflict of interest".** It should be stated that: "The authors state that there is no conflict of interest".

2.13. If there are figures in the article, their captions are shown at the end of the article.

3. Manuscript Format Guidelines

Page and paragraph settings: all margins 2 cm, portrait layout, tab 2 cm.

Text settings: MS Word editor, regular font, size 12 points, typeface Times New Roman, line spacing one and a half, justified alignment. Please avoid using more than one word space.

Abbreviations of terms and names should be minimized and carried out in accordance with GOST 7.12-93.

Numbers should be typewritten in tables.

All **tables** should be in MS Word (Table - Add Table). Tables should be numbered, titled and referred to in the text (Table 1). Place tables into the body of the text after their first mention in the most suitable way.

Bibliographic references in the text should be modeled after: (surname, year of publication, page number) in parentheses. For example: (Ivanov, 2002. P. 12. Fig. 14; Petrov, 2014). After the surname, the year of publication is separated by a comma; A link to a page, a drawing, etc., through a dot with a capital letter.

References to **archival** materials should be located in the text and contain a full description of the source in parentheses. For example: (GAIO, F. P-102s, Op. 5. D. 37. L. 89 vol.).

4. Artwork and Illustrations

Figures (illustrations, diagrams, schemes) are numbered, titled and referred to in the text: (Fig. 1). Place graphs, pictures and diagrams into the body of the text after their first mention in the most suitable way.

Figures should be submitted as separate files: illustrations - with at a resolution at least 300 dpi - as *.JPEG, *.TIFF.

The editors reserve the right to reject articles that do not meet the specified requirements.

For the publication of articles, please contact: 664074, Irkutsk, ul. Lermontova, 83, Irkutsk National Research Technical University, Department of History and Philosophy, K-211.

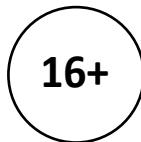
The editor-in-chief is Pavel Aleksandrovich Novikov

Tel.: +7 (3952) 405186, e-mail: ildt@yandex.ru

ИЗВЕСТИЯ ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Научный журнал

№ 4 (57) 2025

Редактор Н.Е. Мелихова
Ответственный за выпуск О.Н. Валериус
Перевод на английский язык А.В. Тетенькина
Верстка О.Н. Валериус

Дата выхода в свет 29.12.25. Формат 60 x 90 / 8.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Усл. печ. л. 22,0.
Тираж 500 экз. Заказ 118. Поз. плана 7н.

Издание распространяется бесплатно

Отпечатано в типографии Издательства
ФГБОУ ВО «Иркутский национальный
исследовательский технический университет»
Адрес типографии: 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83А